

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)

Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

Редакционный совет:

академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Окрепилов** (Санкт-Петербург, Россия)

академик РАН **А.И. Татаркин** (Екатеринбург, Россия)

академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)

академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)

член-корреспондент РАН **В.Н. Лажнецов** (Сыктывкар, Россия)

проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)

д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)

д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)

д.э.н., проф. **А.Е. Дайнеко** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)

проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)

д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (Санкт-Петербург, Россия)

д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)

д.э.н., проф. **И.А. Максимцев** (Санкт-Петербург, Россия)

д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)

д.т.н. **Ю.Я. Чукарев** (Сыктывкар, Россия)

д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)

доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)

проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

к.соц.н., доц. **Д.В. Афанасьев** (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова

д.э.н., проф. А.Г. Воробьев, д.э.н., проф. Е.С. Губанова

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора)

к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора)

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь)

к.э.н. С.В. Терехова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

2 (32) 2014

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

Editorial Council:

RAS Academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)
RAS Academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)
RAS Academician **V.V. Okrepilov** (St. Petersburg, Russia)
RAS Academician **A.I. Tatarkin** (Yekaterinburg, Russia)
Belarus NAS Academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)
Belarus NAS Academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)
RAS Corresponding Member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)
Professor **J. Sapir** (Paris, France)
Doctor of Economics, Professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)
Doctor of Economics, Professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)
Doctor of Economics, Professor **A.E. Dayneko** (Minsk, Belarus)
Doctor of Economics, Professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)
Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)
Doctor of Sociology, Professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)
Doctor of Economics, Professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Economics, Professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)
Doctor of Economics, Professor **I.A. Maksimtsev** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Technics, Professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)
Doctor of Technical Sciences **Yu.Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)
Doctor of Technics, Professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)
Doctor, Professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)
Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)
Ph.D. in Sociology, Associate Professor **D.V. Afanasyev** (Cherepovets, Russia)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor **L.A. Anosova**
Doctor of Economics, Professor **A.G. Vorobyov**, Doctor of Economics, Professor **E.S. Gubanova**
Doctor of Economics **K.A. Gulin** (Deputy Chief Editor)
Ph.D. in Economics **K.A. Zadumkin**, Ph.D. in Economics **G.V. Leonidova**
Ph.D. in Economics **M.F. Sychev** (Deputy Chief Editor)
Ph.D. in Philology **O.V. Tretyakova** (Deputy Chief Editor, Executive Editor)
Ph.D. in Economics **S.V. Terebova**
Doctor of Economics **T.V. Uskova**, Doctor of Economics **A.A. Shabunova**

*Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i>	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	12
<i>Ильин В.А., Шабунова А.А.</i> Социологическое измерение эффективности государственного управления	18

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

<i>Балацкий Е.В.</i> Предпосылки глобальной геополитической инверсии	36
<i>Романова О.А., Бухвалов Н.Ю.</i> Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации	53

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Ротенберг Р.Б.</i> Стратегическое регулирование процессов структурных преобразований в экономике моногорода	67
<i>Дедков С.М., Щербин В.К.</i> Перспективы экономического сотрудничества Евразийского и Европейского союзов	79

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Иванов В.А.</i> Аграрный сектор Печоро-Уральского Севера	96
<i>Гузакова О.Л.</i> Влияние факторов внешней среды на деятельность высших учебных заведений Российской Федерации	112

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Калашников К.Н., Калачикова О.Н.</i> Доступность и качество медицинской помощи в контексте модернизации здравоохранения	130
<i>Мажитова А.Р.</i> Основные факторы формирования социокультурной идентичности в условиях незавершенной модернизации (на примере Республики Башкортостан)	143

<i>Чегодаев А.В.</i> Мониторинговое исследование качества работы с одаренными школьниками в регионах РФ	156
---	-----

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Никитенко П.Г., Ильянок А.М.</i> Сингулярные технологии – научное направление устойчивого ноосферного развития Беларуси, России и других стран СНГ	169
<i>Антипина Н.И.</i> Организационно-экономическое обеспечение инновационной деятельности в регионе: сравнительная оценка	186
<i>Лютаурас Лабанаускас.</i> Наукоемкий труд и транснациональные сети в государственном секторе Литвы	198

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

<i>Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т.</i> Оценка взаимовлияния экономических и экологических процессов	213
---	-----

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Галухин А.В.</i> Устойчивость как базовый принцип ответственной бюджетной политики	225
<i>Величкина А.В.</i> Оценка развития туристской инфраструктуры региона	239
Требования к оформлению статей	251
Информация о подписке	256

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i>	9
Public opinion monitoring of the state of the Russian society	12
<i>Ilyin V.A., Shabunova A.A.</i> Sociological assessment of public administration efficiency	18

THEORETICAL ISSUES

<i>Balatsky E.V.</i> Prerequisites for global geopolitical inversion	36
<i>Romanova O.A., Bukhvalov N.Yu.</i> Development of the theoretical platform as a system foundation for industrial policy in the context of new industrialization	53

DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Rotenberg R.B.</i> Strategic regulation of structural transformations in the economy of the single-industry town	67
<i>Dedkov S.M., Shcherbin V.K.</i> Prospects for economic cooperation between the Eurasian and European Unions.....	79

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Ivanov V.A.</i> The agricultural sector of the Pechora-Ural North	96
<i>Gusakova O.L.</i> The influence of external environment factors on the activity of higher educational establishments in the Russian Federation	112

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Kalashnikov K.N., Kalachikova O.N.</i> Accessibility and quality of medical service in the context of health care modernization	130
<i>Mazhitova A.R.</i> Main factors in the formation of socio-cultural identity under the conditions of incomplete modernization (case study of the Republic of Bashkortostan)	143

<i>ChegodaeV A.V.</i> Monitoring study of the quality of work with gifted schoolchildren in the Russian Federation regions	156
---	-----

INNOVATION DEVELOPMENT

<i>Nikitenko P.G., Ilyanok A.M.</i> Singular technology – the research area promoting sustainable noosphere development in Belarus, Russia and other CIS nations	169
<i>Antipina N.I.</i> Organizational-economic maintenance of innovation activity in the region: comparative assessment	186
<i>Liutauras Labanauskas.</i> Knowledge work and transnational networks in Lithuanian public sector	198

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

<i>Druzhinin P.V., Shkiperova G.T.</i> Assessment of mutual influence of economic and ecological processes	213
---	-----

YOUNG RESEARCHERS

<i>Galukhin A.V.</i> Sustainability as the basic principle of responsible budgetary policy	225
<i>Velichkina A.V.</i> The assessment of the regional tourism infrastructure development	239
Requirements to manuscripts	251
Subscription information	256

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Александрович ИЛЬИН

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Vladimir Aleksandrovich ILYIN

Doctor of Economics,
Professor, Honoured
Scientist of the Russian
Federation,
ISEDТ RAS Director
ilin@vscc.ac.ru

7 мая 2014 года заканчивается первая треть президентского срока В.В. Путина. Промежуточный финиш после первых двух лет президентства получился ярким, эффективным, а главное, эффективным.

Стратегия реализации задач, выдвинутых В.В. Путиным в предвыборных статьях, была достаточно четко, с цифровыми индикаторами, сформирована в задачи Правительства РФ до 2020 года по социально-экономическому развитию страны. Выполнение этих задач позволит экономике России перейти на новый этап развития с устойчивыми темпами роста, чтобы достигнуть следующего уровня жизнеспособности страны, обеспечивающего конкурентоспособность российского государства в глобальном мире.

Достаточно быстро Президент обнаружил, что сформированный Д.А. Медведевым финансово-экономический блок Правительства не собирается выполнять обозначенные в указах от 7 мая 2012 г. индикаторы социально-экономического развития страны. Президент был вынужден уже через четыре месяца, в сентябре 2012 года, объявить выговор трем министрам в связи с неисполнением поручений по президентским указам¹.

Правительство Д.А. Медведева только 31 января 2013 года, через девять месяцев после выхода указов, выпустило постановление «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г.», в котором из тридцати цифровых показателей, закрепленных в указах Президента, 19 показателей отсутствуют; по 8 параметрам отсутствуют либо промежуточные, либо конечные значения показателей; по двум параметрам произведена замена плановых показателей.

¹ В. Путин объявил дисциплинарные взыскания в виде выговора министру образования Д. Ливанову, министру регионального развития РФ О. Говоруну и министру труда и соцзащиты М. Топилину в связи с неисполнением поручений по президентским указам. 19 сентября 2012 г., Указ Президента РФ (по итогам совещания по проекту бюджета на 2013–2015 гг.).

Далее Президентом была устроена встряска Правительству Д.А. Медведева 16 апреля 2013 года в Элисте².

Президент методично, почти каждый месяц, публично, точечными критическими оценками показывал свою неудовлетворенность деятельностью Правительства РФ, возглавляемого Д.А. Медведевым, по реализации стратегических задач социально-экономического развития страны, определенных в предвыборных статьях и закреплённых в указах от 7 мая 2012 года. Позиция Президента и логика его действий понятна, т.к. только выполнение предвыборных программ, значительное улучшение качества жизни основных социальных слоев населения, обеспечение безопасности граждан в самом широком смысле, стабильность в социально-экономической сфере позволят В.В. Путину баллотироваться на следующий президентский срок в 2018 году.

Сегодня большинство незашоренных международных экспертов, подавляющая часть общественности, научное сообщество, эксперты отмечают:

— серьезность достижений России за последние 2 года в международной сфере, в первую очередь — её роль в стабилизации кризиса в Сирии;

² В.В. Путин: «Как мы работаем?! Качество работы ничтожное. Все поверхностно делаем. Если будем работать так, то ни хрена не сделаем! А если будем работать более настойчиво и профессионально, то сделаем. Давайте повысим качество нашей работы. Это нужно сделать! Если мы этого не сделаем, надо будет признать, что либо я работаю неэффективно, либо вы все плохо работаете и вам нужно уйти! Обращаю ваше внимание на то, что на сегодняшний день я склоняюсь ко второму варианту! Думаю, что это понятно. Чтобы не было никаких иллюзий». 16 апреля 2013 г., совещание в г. Элисте (Калмыкия) по вопросам переселения граждан из аварийного жилищного фонда.

— сохранение и укрепление вертикали власти во всех регионах при явных проблемах в финансово-экономическом блоке Правительства РФ;

— отлично подготовленный и реализованный крупнейший за последние 30 лет общенациональный проект Сочинской Олимпиады.

Блестящее проведение Олимпиады с точки зрения организации, безопасности и впечатляющие спортивные результаты наполнили большую часть населения гордостью за то, что Россия смогла показать всему миру свои возможности в организации, подготовке и проведении лучших Олимпийских Игр практически по всем критериям.

Эйфория от итогов Олимпиады, Паралимпийских Игр сменилась нарастающей тревогой из-за рукотворного кризиса на Украине.

Необходимо отметить, что хладнокровие и выдержка Президента позволили России практически бескровно присоединить исконно русские земли — Крым и Севастополь, за 6 дней были проведены все необходимые процедуры:

16 марта — Референдум о присоединении Крыма и Севастополя;

18 марта — Обращение Президента РФ к Федеральному Собранию с просьбой подписать закон о двух новых субъектах в составе РФ;

21 марта — закон был подписан.

Этим стремительным «аккордом» В.В. Путин зафиксировал Российскую Федерацию в новом мировом качестве — как страну, у которой есть свои национальные интересы и которая не только хочет, но и может их отстаивать.

Такая активная позиция Президента и такие результаты последних месяцев вызвали массовый патриотический подъем у большей части населения России.

По данным всех социологических опросов в марте более 80% респондентов активно одобряют действия главы государства³, что выше, чем в феврале, на 17 пунктов.

Международная ситуация вокруг восточных областей Украины остаётся очень сложной. Женевские соглашения дают надежду, но явно это только начало трудного пути по их реализации.

Будем надеяться, что хладнокровие и выдержка Президента РФ и в этот раз не подведут.

Если же говорить о следующем промежуточном этапе, то представляется, что у В.В. Путина он мог бы быть 7 мая 2016 года, когда пройдет две трети срока президентства, и к этому сроку Президенту крайне важно обновить политическую элиту, устранив влияние «квазипатриотической» её части⁴, серьезно обновить правительственную команду за счет идеологически совместимых профессионалов, работающих на общий конечный результат – выполнение поставленных Президентом РФ В.В. Путиным стратегических задач развития страны к 2018 году, и в то же время отладить социально-экономические механизмы таким образом, чтобы избирателю было не только видно движение государства в сторону социальной справедливости, верховенства закона для всех слоев населения, но и чтобы избиратель чувствовал постепенное улучшение качества жизни в своей семье, в своем городе, в своей стране.

³ См., например, данные ВЦИОМ.

⁴ Путин В.В.: «Кроме того, отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались». Из речи на заседании международного клуба «Валдай» 19.09.13 г.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в среднем за последние 6 опросов, проведенных за период с июня 2013 г. по апрель 2014 г., дается сопоставление их с данными за 2012 г., а также за 2011 год, когда шёл к окончанию срок пребывания в должности Президента РФ Д.А. Медведева, и за 2007 год, когда завершился второй срок президентской деятельности В.В. Путина.

Оценка деятельности власти

В начале 2014 г. на мировой политической арене произошли серьезные изменения, оказавшие значительное влияние на внутреннюю политику Президента РФ и характер общественного мнения во всех социально-демографических слоях общества. Притеснение русскоязычного населения на Украине, референдум в Крыму и Севастополе и последовавшее за этим их присоединение к Российской Федерации в качестве её субъектов стали катализатором процесса объединения всех слоев населения страны вокруг внешней политики Президента Российской Федерации, отстаивающего национальные интересы страны не только на словах, но и на деле.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

В феврале – апреле 2014 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ населением Вологодской области увеличился с 56 до 63%. Ключевые изменения, произошедшие в последние два месяца, отразились на оценке деятельности федеральных органов государственной власти, но практически не проявились на региональном уровне. Уровень одобрения деятельности губернатора Вологодской области за февраль – апрель 2014 г. не изменился и составил 42–43%, доля негативных оценок – 37–39%.

Таблица 1. Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?, в % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
												2012	2011	2007
Президент РФ														
Одобрю	75,3	58,7	51,7	55,3	54,3	55,1	54,3	57,3	56,1	62,8	56,7	+5	-2	-19
Не одобряю	11,5	25,6	32,6	29,4	29,3	28,9	28,7	28,9	29,3	25,4	28,4	-4	+3	+17
Председатель Правительства РФ*														
Одобрю	-	59,3	49,6	48,9	46,2	50,4	49,0	51,1	49,3	52,5	49,8	0	-10	-
Не одобряю	-	24,7	33,3	32,8	33,2	30,4	30,6	32,5	32,9	30,9	31,8	-2	+7	-
Губернатор														
Одобрю	55,8	45,7	41,9	44,4	44,3	44,8	45,9	44,1	42,8	41,6	43,9	+2	-2	-12
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	33,2	31,9	31,1	32,4	35,3	36,9	39,0	34,4	+1	+4	+12
* Вопрос задается с 2008 г.														

Более 70% жителей Вологодской области положительно оценивают политику России по отношению к Украине (71%) и поддерживают присоединение Крыма в качестве субъекта Российской Федерации (78%).

Таблица 2. Как Вы оцениваете политику России по отношению к Украине?

Вариант ответа	Апрель 2014
Полностью и скорее одобряю	71,3
Полностью и скорее не одобряю	12,0
Затрудняюсь ответить	16,7

Таблица 3. Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма к нашей стране в качестве субъекта Российской Федерации?

Вариант ответа	Апрель 2014
Да, согласен	78,0
Нет, не согласен	10,4
Затрудняюсь ответить	11,6

За тот же период уровень одобрения деятельности главы государства увеличился во всех социально-демографических группах населения. Особенно среди женщин (с 57 до 66%), людей в возрасте до 30 лет (с 53 до 61%) и 30–55 лет (с 55 до 62%), с высшим и незаконченным высшим образованием (с 59 до 69%).

Таблица 4. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в различных социальных группах населения, в % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+ / -) за последние 6 опросов по отношению к		
												2012	2011	2007
<i>Пол</i>														
Мужской	73,6	55,6	48,9	52,4	53,5	53,1	48,1	52,5	55,4	58,7	53,6	+5	-2	-20
Женский	76,7	61,2	53,9	57,7	54,9	56,8	59,3	61,1	56,6	66,1	59,1	+5	-2	-18
<i>Возраст</i>														
до 30 лет	76,6	58,3	49,7	52,9	48,1	50,9	53,4	52,7	53,0	61,1	53,2	+4	-5	-23
30-55 лет	75,1	57,6	50,9	55,4	57,7	57,3	54,1	56,5	54,9	62,4	57,2	+6	0	-18
старше 55 лет	74,6	60,7	54,6	57,1	53,6	55,1	55,1	61,6	59,8	64,7	58,3	+4	-2	-16
<i>Образование</i>														
Среднее и н/среднее	70,3	54,9	46,0	51,4	51,6	51,1	47,5	55,8	51,9	58,1	52,7	+7	-2	-18
Среднее специальное	76,4	59,8	51,8	55,8	55,2	54,2	54,3	58,1	58,0	62,1	57,0	+5	-3	-19
Высшее и н/высшее	80,1	61,3	56,6	59,1	56,3	60,1	61,4	58,2	58,8	69,2	60,7	+4	-1	-19
<i>Доходные группы</i>														
20% наименее обеспеченных	65,1	45,7	40,9	49,6	52,8	47,0	50,7	62,7	46,1	48,9	51,4	+11	+6	-14
60% средне- обеспеченных	78,0	60,4	53,8	56,1	53,9	54,3	54,4	56,4	57,9	64,4	56,9	+3	-4	-21
20% наиболее обеспеченных	82,6	68,9	59,4	63,6	60,8	66,7	60,8	64,6	69,4	72,6	65,8	+6	-3	-17
<i>Территории</i>														
Вологда	74,1	58,3	51,6	53,2	51,1	54,1	52,7	55,2	53,1	61,0	54,5	+3	-4	-20
Череповец	82,8	68,5	62,3	63,7	65,3	62,8	63,8	65,0	66,8	73,2	66,2	+4	-2	-17
Районы	72,2	53,9	46,3	51,9	49,9	51,5	49,8	54,1	51,8	58,1	52,5	+6	-1	-20
Область	75,3	58,7	51,7	55,3	54,3	55,1	54,3	57,3	56,1	62,8	56,7	+5	-2	-19

За два последних месяца увеличилась доля жителей области, считающих успешной деятельность Президента РФ по решению ключевых проблем в стране (на 3–4 п.п.).

Таблица 5. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*, в % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
												2012	2011	2007
Укрепление международных позиций России														
Успешно	58,4	46,2	43,1	45,7	41,7	45,3	47,7	47,5	45,9	48,6	46,1	+3	0	-12
Не успешно	24,9	33,7	37,9	36,2	37,1	36,4	33,7	35,8	35,7	35,5	35,7	-2	+2	+11
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	105,2	109,5	104,6	108,9	114,0	111,7	110,2	113,1	110,4	+5	-2	-23
Наведение порядка в стране														
Успешно	53,2	36,6	35,4	39,4	35,1	39,9	41,7	44,5	42,7	46,7	41,8	+6	+5	-11
Не успешно	34,0	50,0	50,7	47,5	49,9	46,7	46,7	45,5	43,7	40,9	45,6	-5	-4	+12
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	84,7	91,9	85,2	93,2	95,0	99,0	99,0	105,8	96,2	+12	+10	-23
Защита демократии и укрепление свобод граждан														
Успешно	44,4	32,4	28,8	31,8	29,1	34,7	33,5	32,8	32,3	36,3	33,1	+4	+1	-11
Не успешно	37,0	48,3	52,3	51,0	50,0	48,5	50,9	51,6	50,1	48,7	50,0	-2	+2	+13
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	76,5	80,8	79,1	86,2	82,6	81,2	82,2	87,6	83,2	+7	-1	-24
Подъём экономики, рост благосостояния граждан														
Успешно	47,2	30,7	28,5	31,3	28,2	32,6	31,9	32,6	31,5	34,9	32,0	+4	+1	-15
Не успешно	39,1	56,1	57,9	56,8	56,7	53,4	57,7	59,7	57,1	54,3	56,5	-1	0	+17
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	70,6	74,5	71,5	79,2	74,2	72,9	74,4	80,6	75,5	+5	+1	-33
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.														

С февраля по апрель 2014 г. увеличилась доля жителей области, позитивно характеризующих свое настроение (с 65 до 69%). Запас терпения увеличился с 77 до 81%.

Таблица 6. Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Показатель	2007	2011	2012	2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
												2012	2011	2007
Настроение														
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	68,6	66,4	68,7	71,5	69,6	65,1	69,3	68,4	+1	+5	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	25,9	26,3	24,0	26,2	27,1	24,9	25,7	-1	-3	-2
Запас терпения														
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	79,3	77,8	79,7	81,6	83,1	79,8	81,3	80,6	+4	+6	+7
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	14,2	13,7	14,7	12,3	12,0	12,3	11,1	12,7	-3	-3	-1
Социальная самоидентификация														
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	43,9	41,9	44,9	45,7	43,7	44,2	43,1	43,9	-1	+1	-4
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	46,9	48,3	46,8	45,4	46,7	46,9	49,1	47,2	+3	+3	+5
Индекс потребительских настроений														
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	90,3	89,8	91,0	90,4	87,9	91,5	90,3	90,2	-1	+1	-16

В партийно-политических предпочтениях населения ведущую роль сохраняет партия «Единая Россия». Уровень её поддержки в феврале – апреле 2014 г. составил 28–30%, в среднем за последние 6 опросов – 29%, что примерно соответствует уровню 2007–2013 гг. Стабильны также позиции КПРФ и ЛДПР, которых поддерживают соответственно 11 и 8% жителей области. Менее популярной, чем в 2007–2012 гг., стала «Справедливая Россия»: в феврале – апреле 2014 г. – 3%; в среднем за последние 6 опросов – 4%; в 2007–2012 гг. – 6–8 %.

На уровне 35% стабилизировался удельный вес тех, кто полагает, что действующие в настоящее время партии не выражают их интересы. Это выше, чем в 2007 и 2012 гг. (18 и 31% соответственно).

Таблица 7. Какая партия выражает Ваши интересы?, в % от числа опрошенных

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
														2012	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,1	29,4	31,3	29,6	26,9	29,5	28,3	29,5	29,2	0	-2	-1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	10,6	11,3	11,3	12,0	11,9	11,8	10,9	10,7	11,4	+1	+1	+4
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,8	7,2	6,6	6,8	8,4	8,1	8,9	8,3	7,9	0	0	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	6,6	4,6	4,7	4,3	4,0	4,4	3,5	3,3	4,0	-3	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	2,1	0,6	2,0	3,4	1,0	0,8	0,4	0,2	1,3	-1	-1	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	31,3	34,9	31,7	33,4	37,3	34,4	35,2	34,8	34,5	+3	+5	+17
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	11,7	10,2	12,3	10,5	10,5	10,9	12,7	13,1	11,7	0	-2	-10

От редколлегии. 13–15 ноября 2014 г. в г. Вологде состоится Всероссийская научно-практическая конференция «Общество и социология в современной России», посвященная 20-летию установления Дня социолога в Российской Федерации. Организаторами конференции выступают Институт социологии РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Институт социально-экономического развития территорий РАН, Правительство Вологодской области. Создана рабочая группа по подготовке к форуму. Учитывая то, что ИСЭРТ РАН давно уделяет социологическим исследованиям значительное внимание, принято решение провести мероприятие именно в Вологде.

Нижеследующая публикация открывает серию предваряющих конференцию статей о роли социологического знания и практике его использования в развитии российского общества.

УДК 316.334.2, ББК 60.561.2

© Ильин В.А., Шабунова А.А.

Социологическое измерение эффективности государственного управления

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, зам. директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

Аннотация. В статье представляется эволюция становления социологии в России и обосновывается растущая значимость социологической науки в обеспечении перехода страны на инновационный путь развития. Особое внимание уделено методическим и практическим аспектам организации региональных социологических измерений, проводимых в течение почти двадцати лет ИСЭРТ РАН в Вологодской области. Авторы доказывают, что социологический инструмента-

рий позволяет давать системную оценку эффективности государственного управления, определять главные направления экономического и социального развития страны и её регионов. В статье обозначаются узловые проблемы, от решения которых зависит повышение роли социологических знаний в развитии российского общества.

Ключевые слова: социологические измерения, оценка состояния общества, эффективность государственного управления, совершенствование социологического инструментария.

1. Актуальность социологического знания в XXI веке.

В развитии отечественной социологии принято выделять три периода (досоветский, советский и постсоветский), сменяющих друг друга по принципу преемственности и обеспечивающих таким образом эволюционное становление науки. Советский период многими рассматривается как этап, когда наука превратилась в «институт идеологического обслуживания тоталитарного режима» [1]. Однако в этот же период было и немало важных достижений, благодаря которым социология в России накопила значительный потенциал, позволяющий ей сейчас играть весомую роль «в социальном обновлении страны, трансформации научного знания в экономику, политику и культуру, адекватную глобальным тенденциям развития цивилизации». При всех сложностях и ограничениях социология в СССР формировалась как наука, отвечающая насущной необходимости решать внутренние потребности общества, как наука, способная обосновать формы и методы преодоления назревших социальных, социально-экономических и социально-политических противоречий, порожденных господствовавшей тогда идеологией [2].

Именно в советский период в Петроградском университете был открыт первый в России факультет общественных наук с кафедрой социологии во главе с П. Сорокиным (1919–1920 гг.); в дальнейшем были заложены основы прикладной социологии (А.К. Гастев, Ф.Р. Дунаевский, Н.А. Витке, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев); в

1960-е годы активную работу в этой области начала Т.И. Заславская, в Институте философии АН СССР был создан отдел социологии (Г.В. Осипов), на философских факультетах Ленинградского и Московского университетов открылись лаборатории социологических исследований (В.А. Ядов, Ю.В. Арутюнян). В 1989 г. учреждено Российское общество социологов.

Одновременно с этими и многими другими достижениями советского периода накапливались и проблемы: недостаточное качество фундаментальных и прикладных исследований, слабость материально-технической базы, сокращение притока научной молодежи в фундаментальную науку, разобщенность самого социологического сообщества.

После распада СССР и взятия курса на демократический способ организации государственной и общественной жизни ключевой из проблем отечественной социологии стала незаинтересованность органов власти в серьезных исследованиях, касающихся наиболее сложных социальных проблем страны.

В перестроечный период фундаментальные исследования фактически остановились. С одной стороны, потому что многие ученые непосредственно окунулись в политическую деятельность, а с другой — стали сказываться экономические проявления кризиса науки, недостаток финансирования. И парадигма исследований ломалась полностью, нельзя было двигаться в тех направлениях, которые по инерции развивались, а для ответов на актуальные вопросы не хватало методологической базы.

Не менее актуальной являлась и проблема разрозненности самого социологического сообщества, обусловленная огромным количеством организаций и агентств, занимающихся опросами общественного мнения. Общественная и политическая ситуации сформировали в конце 1980-х – начале 1990-х годов запрос на недорогие прикладные исследования, имеющие своей целью конкретные рецепты для решения той или иной задачи. Фирмы, центры, проводившие такого рода исследования, призваны были, тиражируя свои методики, превращать свою продукцию в товар. Преследуя коммерческие цели, подобные центры пренебрегали и качеством своих исследований, и целями: их цели отвечали запросам рынка, а не государства. Уже в начале 1990-х годов только в Москве существовало около 300 таких центров. И качество их исследований было «не всегда безупречно» [3].

Отсутствие системного подхода к решению ключевых задач развития страны, нескоординированность социологических исследований на региональном уровне, прагматичное отношение к ним, заключающееся в финансировании лишь тех исследований, результаты которых могут быть использованы сию минуту, – все эти проблемы актуальны и на сегодняшний день. Изучением общественного мнения занимаются многие организации. Но очень часто одни и те же данные по-разному интерпретируются.

Вместе с тем вектор развития современного российского общества диктует необходимость обращения всё большего внимания на мнение населения при осуществлении государственного управления. Требуется поиск новых форм оценки его эффективности, так как происходящие более двадцати лет рыночные трансфор-

мации не дают желаемых результатов [4]. Взаимодействие общества и государства, в котором социологическая наука играет роль посредника, в настоящее время является одним из главных ресурсов повышения эффективности государственного управления – задачи, от решения которой зависит развитие и регионального сообщества, и Российской Федерации в целом.

В обществе возник запрос на социологию как на несущий каркас современного мировоззрения, фактор формирования самосознания российского общества, российской идентичности. Отечественная социология заявляет о приверженности ценностям гражданского общества и готовности участвовать в его формировании и развитии в нашей стране. Она может и должна влиять на общественные дискуссии, артикулируя интересы различных социальных групп, но сохраняя при этом объективность и приверженность идее независимости научного знания [5].

Однако проводимый правительством курс крайнего либерализма, масштабного ухода государства из сфер экономической и социальной политики не формирует необходимого запроса со стороны государства, прежде всего к Российской академии наук, на проведение исследований социальной среды и объективного анализа изменений в обществе на страновом и региональном уровнях.

2. Современное российское общество в зеркале социологии.

Актуальность повышения значимости социологической науки связана с двумя особенностями развития российского общества в XXI веке.

Во-первых, это нерешенность ключевых проблем страны, которые уже приняли затяжной характер (зависимость российской экономики от сырьевых ресурсов,

крайне невысокая конкурентоспособность производимой в стране продукции, неокрепшая демократия и слабость гражданского общества, негативные демографические тенденции и проблемы развития социальной сферы, наличие коррупции, порождающей произвол, несвобода и несправедливость [6]). Главный тормоз успешного сближения России с высокоразвитыми странами Запада — ее государственное устройство, в первую очередь — выстроенная в 2000-х гг. олигархически-коррупционная властная «вертикаль». Результатом ее функционирования стало перераспределение важнейших ресурсов от групп, ориентированных на модернизацию общества, к верхушке, стремящейся к безграничному личному обогащению. В этих условиях модернизация российского общества предполагает не только и не столько освоение новых технологий, сколько формирование сильной, компетентной правовой и легитимной власти, способной к радикальной демократизации и укреплению основных общественных институтов [3].

Во-вторых, ключевые изменения, происходящие в период третьего президентского срока В.В. Путина, позволяют говорить о новых трендах общественного развития. Речь идет о концептуальных, глобальных по своему содержанию, изменениях, которые в последнее время озвучиваются в выступлениях Президента РФ, отражаются в работах авторитетных общественных деятелей, экспертов, научных работников (С.С. Сулакшин, М.К. Горшков, В.К. Левашов, Ж.Т. Тощенко, А.Г. Дугин, С.Ю. Глазьев и др. [8, 9, 10, 11, 14, 15]). Это идеи формирования национальной идентичности, сохранения и развития государственного суверенитета, повышения роли общества в механизме государствен-

ного управления, преодоления «кризиса доверия» государственным и общественным институтам, отказа от прозападной идеологии «общества потребления» и возвращения к исконно русским корням развития, основанным на духовно-нравственных ценностях, перехода от социального государства к государству нравственному, который является «неизбежным неслучайным эволюционным этапом современных типов государств» [8].

В пореформенной России сконцентрировался огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором остро нуждается сегодня российский социум [6]. Стремление Президента РФ «качественно изменить Россию, почувствовать народное настроение и поддержку народа, быть на одной волне с этими настроениями, объединить их и осуществить прорывы, которые от него ожидают в обществе» [13] являлось одним из мотивов и предпосылок институционального оформления Общероссийского народного фронта. Опора на массы способствует оказанию эффективного воздействия и на бюрократию, и на олигархов, и на всех остальных, поэтому массовая поддержка и есть то, что дает легитимность власти Президента, делает возможными решительные действия и прорывы.

Консолидационный потенциал главы государства и личности В.В. Путина отмечают члены Изборского клуба, акцентируя внимание на противопоставлении российской и западной цивилизации и ключевой роли Президента РФ в процессе «евразийской интеграции» [14]. Он выступает «в защиту консервативных ценностей, благодаря которым Россия сможет противостоять идущему с Запада размыванию норм морали» [15]. Россия

вместе с Путиным и после Путина имеет прекрасное и многообещающее будущее, если сможет продолжить линию «функции Путина», сможет продолжить движение в сторону самой себя, своей независимости, сохранения своей цивилизационной особенности [16].

В преддверии своего третьего президентского срока в статье «Россия сосредотачивается» В.В. Путин пишет, что в постсоветский период российским обществом была решена задача «возрождения авторитета и силы государства как такового... восстановление реального единства страны, иными словами, установление на всей ее территории суверенитета российского народа, а не господства отдельных лиц или групп... Период восстановления пройден. Постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан. Созданы все предпосылки для движения вперед – на новой базе и в новом качестве» [17].

В 2013 г. на совещании о ходе исполнения указов от 7 мая 2012 года Президент РФ В.В. Путин обозначил стратегию преобразований и целевые ориентиры государственной политики, которых необходимо достигнуть к 2018 г. Они заключаются в том, чтобы «обеспечить новый, более высокий уровень жизни граждан Российской Федерации, прежде всего, за счёт кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора» [18]. В последующих своих выступлениях в 2012–2013 гг. глава государства показал твердые намерения осуществлять намеченную стратегию, несмотря ни на какие препятствия, возникающие внутри страны и за её пределами.

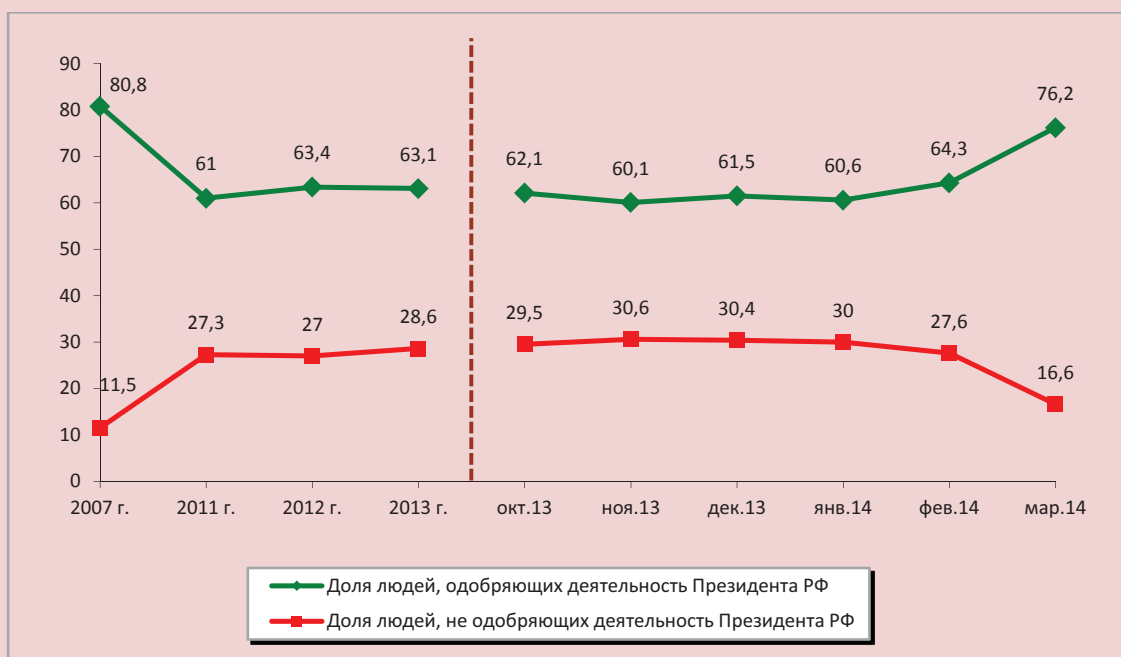
В полной мере позиция главы государства прозвучала в сентябре 2013 г. на за-

седании международного дискуссионного клуба «Валдай» [19]. Речь В.В. Путина стала «первой масштабной попыткой властей РФ сформулировать новую политическую идеологию для России после распада Советского Союза, а также рассмотреть в критическом ключе вопрос о ценностях, которые должны лечь в основание новой российской идентичности, Евразийского мира и международных отношений» [20]. Сам Президент показал себя как «наследник русской консервативной политической традиции» [21] и «критик всей современной модели развития западной цивилизации» [22].

Показательными в этом контексте стали события, связанные с ситуацией в Украине, – референдум в Крыму, вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Они продемонстрировали консолидационный потенциал российского общества (не случайно в последние месяцы ВЦИОМ фиксирует максимальный за последние 5 лет уровень одобрения деятельности Президента (76%; *рис. 1*).

Позиция В.В. Путина и россиян в целом нашла своё отражение в его выступлении в Кремле 18 марта 2014 г.: «Мы понимаем, что происходит, понимаем, что эти действия были направлены и против Украины и России, и против интеграции на евразийском пространстве. Сегодня необходимо прекратить истерику, отказаться от риторики «холодной войны» и признать очевидную вещь: Россия – самостоятельный, активный участник международной жизни, у неё, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать. Твёрдость внешнеполитической позиции России основывалась на воле миллионов людей, на общенациональном единении, на поддержке ведущих политических и общественных сил. Мы явно стол-

Рисунок 1. Оценка деятельности Президента РФ по данным ВЦИОМ
(в % от числа опрошенных)*

* За точку отсчета взят 2007 год – последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки деятельности главы государства. Для сравнения приведены данные за 2011 год – последний год президентства Д.А. Медведева.

Источник: база данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wciom.ru

кнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда» [23].

Таким образом, возросший рейтинг В.В. Путина связан не только со всплеском патриотических настроений в обществе в связи с присоединением Крыма. Он является результатом длительного периода назревания потребности российского населения в консолидации на основе духовно-нравственных идей.

Но процесс консолидации социума, а также общества и государства не может быть эффективным без преодоления «кризиса доверия» органам власти.

В нашей стране эта проблема особенно актуальна, поскольку «стабилизация» уровня жизни после кризисных 1990-х гг. уже перестала соответствовать потребностям большинства населения. По данным международного исследования Edelman Trust Barometer¹, лишь 27% россиян доверяют органам власти (в 2013 г. – 29%). По этому показателю Россия находится на 22 месте среди 27 стран, принявших участие в исследовании (в 2013 г. – на 24 месте среди 26 стран). В среднем по всем странам – участницам опроса – уровень доверия власти составлял в 2014 г. 44%, в 2013 г. – 48%.

¹ 2014 Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edelman.com>

Люди всё чаще стали ощущать, что не могут влиять на решения органов власти, на изменение своей жизни. По данным исследований ИСЭРТ РАН, за период с 2011 по 2014 г. увеличился удельный вес жителей Вологодской области, считающих, что они не могут повлиять на состояние дел в организации, где работают, на 8 п.п. (с 30% в 2011 г. до 38% в 2014 г.); в населенном пункте, в котором проживают, — на 7 п.п. (с 62 до 69% соответственно); в регионе — 6 п.п. (с 67 до 73%); в стране — на 7 п.п. (с 67% в 2011 г. до 74% в 2014 г.)².

Цивилизованным и демократическим выходом из сложившейся ситуации является повышение роли общества в управленческом процессе и укрепление власти на местах. Поскольку именно местная власть наиболее близка к реальным потребностям жителей, к специфике социально-экономического развития территории, находящейся в ее ведении, и именно муниципальный уровень представляется той площадкой, на которой может проявиться еще не окрепший потенциал гражданской активности.

Таким образом, от эффективности государственного управления не только на федеральном, но и на региональном, муниципальном уровнях сегодня прежде всего зависит возможность реализации консолидационного потенциала российского общества. А это, в свою очередь, является одним из главных (если не главным) факторов, определяющих дальнейший вектор общественного развития, конкурентоспособность и жизнеспособность российского государства.

² Данные мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН.

Для того чтобы социологическая наука могла реализовать накопленный потенциал и в полной мере стать связующим звеном между государством и обществом, необходимы два условия: во-первых, власть должна ставить перед научным сообществом задачи по разработке единого методологического подхода к оценке эффективности государственного управления. Во-вторых, эта работа должна быть скоординирована на федеральном уровне, при этом ключевая роль должна быть отведена Российской академии наук. Однако в настоящее время Правительство не ставит такой задачи. Соответственно решение наиболее важных проблем российской социологии не находит своего отражения и на законодательном уровне (по-прежнему отсутствует проект закона о стратегическом планировании, который, на наш взгляд, должен закрепить значение социологических показателей как индикаторов эффективности государственного управления). Макроэкономические показатели постоянно отслеживаются и изучаются, а макросоциальные — нет, хотя знание того, как развивается общество, крайне важно. Не менее важны и прогнозные оценки социального развития, наряду с прогнозами развития экономического [14].

3. Региональный опыт социологических исследований как инструмент оценки эффективности государственного управления.

Сегодня всё более актуализируется опыт независимых подходов, методологических разработок отдельных регионов по оценке эффективности государственного управления. Институт социально-экономического развития территорий РАН является одной из тех научных организаций, которые имеют практический опыт социологиче-

ских измерений общественного мнения на региональном уровне в мониторинговом режиме³.

Важность именно мониторингового характера исследований Т.И. Заславская подчёркивала еще в период становления системы социологических исследований ВЦИОМ, который ныне является главным социологическим центром страны. «Мы поняли, — писала она, — что необходимо повторять одни и те же вопросы, чтобы отслеживать динамику. В итоге возникло много частичных «авторских» мониторингов. Есть мониторинги уровня жизни, рынка труда, целый ряд других» [3].

На этой базе ВЦИОМ создал единый, целостный *социологический мониторинг экономической реформы*. Он позволяет решить ряд новых задач. Прежде всего, это возможность устранить (или хотя бы смягчить) важные недостатки в информационно-социологическом обеспечении экономической реформы — уйти от случайности во времени, в предмете, в пространстве. Во-вторых, это придание исследованиям регулярного характера. И главное — комплексный подход к вопросу не «от заказчика», а «от ученого».

Реализация данной идеи на региональном уровне (именно таким, по сути, и является мониторинг общественного мнения, проводимый Институтом социально-экономического развития территорий РАН на

³ Опросы проводятся с 1996 г. 6 раз в год. Опрашивается 1500 респондентов в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекнинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов.

территории Вологодской области с 1996 г.) позволяет нам представить свою методологию оценки эффективности государственного управления.

Мониторинг ИСЭРТ РАН имеет не только долговременный и регулярный, но и комплексный характер, важность которого подчёркивала Т.И. Заславская. Многогранные социологические исследования затрагивают сферу политики и экономических отношений, а также раскрывают проблематику здоровья населения, территориальных особенностей условий жизни, возможностей и механизмов реализации трудового потенциала, перспектив развития гражданского общества и многое другое (табл. 1).

Для оценки эффективности деятельности власти мы используем в том числе и индексный метод⁴. Его преимущество состоит в выявлении соотношения позитивных и негативных настроений в обществе, что позволяет «зафиксировать некие “критические точки” в общественном мнении, а главное — в реальном положении дел» [24]. При этом интерпретируется не столько само по себе числовое значение индекса, сколько его колебания и изменения во времени, сопоставленные с другими происходящими в обществе — социально-политическими и экономическими — событиями [25]. В российской практике существуют различные методики применения индексного метода.

⁴ Величина индекса рассчитывается в пунктах. По каждому вопросу рассчитывается свой индекс: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные — 200, равновесие первых и вторых — индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой. Каждый из четырех частных индексов рассчитывается как средний из суммы трех индексов по каждому из вопросов.

Таблица 1. Краткая характеристика социологических исследований, проводимых ИСЭРТ РАН

Тематика исследований и основные исследовательские проекты	Год начала исследования	Наличие авторского патента
Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения		
Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области	1995	База данных мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2013620087. База данных мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа, свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012621290.
Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа	2005	
Воспроизводство населения территории: тенденции и резервы		
Условия формирования здорового поколения	1995	База данных мониторинга изучения условий формирования здорового поколения Вологодской области, 2012 г., свидетельство о государственной регистрации № 2012620788.
Мониторинг состояния здоровья населения	1999	
Мониторинг социально-психологического климата и психического здоровья населения	2000	
Репродуктивное здоровье и репродуктивный потенциал населения	2004	
Суицидальное поведение населения	2004	
Социальное здоровье населения	2010	
Качественные демографические изменения в населении как важнейшая характеристика демографического кризиса	2013	
Управление человеческим капиталом и инновационное развитие территории		
Мониторинг качества трудового потенциала	1996	База данных мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, 2012 г., свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012620757, №2011614700.
Трудовое поведение как форма реализации индивидуального трудового потенциала	2011	
Формирование научно-образовательного пространства	2009	
Формирование человеческого капитала территорий	2010	
Институциональный анализ регионального рынка труда	2010	
Человеческий потенциал сельских территорий	2013	
Социокультурная модернизация в России, ее состояние в регионах страны		
Экономическое поведение населения (сберегательное, финансовое, инвестиционное и т.д.)	2001	Информационно-аналитическая система мониторинга уровней модернизации регионов России, свидетельство о государственной регистрации № 2012661285.
Социально-экономическое неравенство населения региона	2006	
Социокультурный портрет Вологодской области	2008	
Мониторинг условий проживания населения г. Вологды	2003	–
Мониторинг формирования малого и среднего бизнеса в современных условиях	2002	База данных опросов малого и среднего бизнеса Вологодской области № 2012620336 (04.01.2012).

Например, ВЦИОМ проводит ежегодные построения индексов социального самочувствия; Левада-Центр рассчитывает индекс социальных настроений (ИСН) и т.д. [26].

Разработанный в ИСЭРТ РАН индекс общественного настроения региона (ИОНР) позволяет обобщить данные об отношении жителей муниципальных об-

разований к работе федеральных и местных органов исполнительной власти, а также об оценке населением своего материального благополучия и социального настроения. Кроме того, он дает возможность сгруппировать районы в зависимости от сочетания разных индикаторов (субиндексов) и отследить изменения ситуации в регионе.

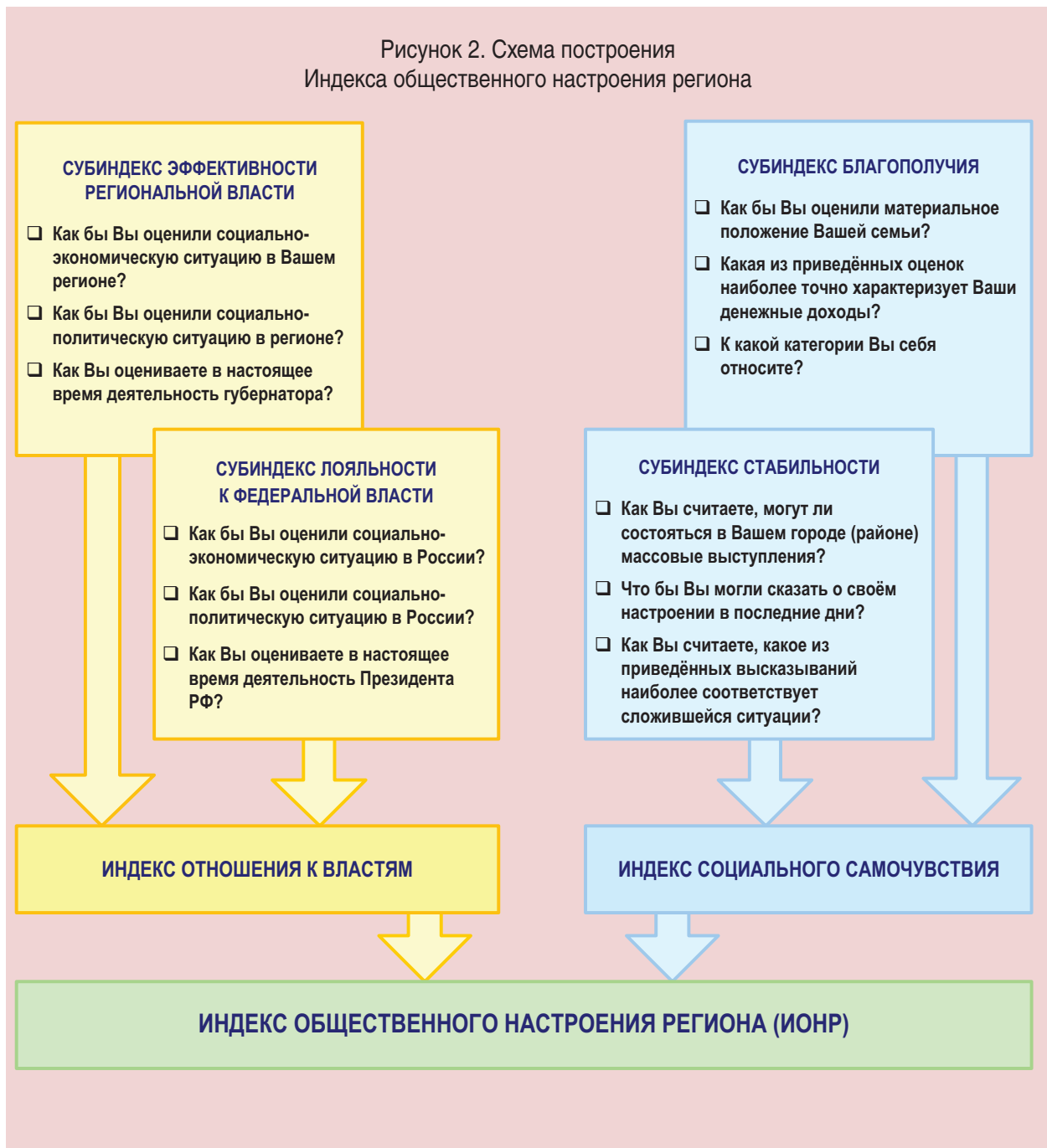
Расчет ИОНР осуществляется в три этапа (рис. 2):

1. На основе первичных социологических данных строятся четыре субиндекса: Субиндекс стабильности, Субиндекс благополучия, Субиндекс эффективности региональной власти, Субиндекс лояльности к политике федеральной власти.

2. Первый и второй индексы объединяются в *Индекс социального самочувствия*, третий и четвёртый – в *Индекс отношения к властям*.

3. На основании полученных двух индексов выстраивается интегральный показатель – *Индекс общественного настроения региона*.

Рисунок 2. Схема построения Индекса общественного настроения региона

Измерение *Индекса социального самочувствия* в городских и сельских территориях Вологодской области позволило идентифицировать две проблемы:

1. *Отсутствие позитивных изменений в самооценке населением региона своего материального положения.* Несмотря на рост позитивных настроений в обществе (о чем свидетельствует динамика *Субиндекса стабильности*, увеличившегося со 139 пунктов в 2007 г. до 147,5 пункта в 2013 г.), материальное благополучие жителей области остается более низким, чем в 2007 г. В районах и особенно в районных центрах самооценка населением своего материального положения в 2013 г. по сравнению с 2011 г. заметно ухудшилась, о чем свиде-

тельствует динамика *Субиндекса благополучия*. Его значение по области сократилось с 93 пунктов в 2007 г. до 88 пунктов в 2013 г. (табл. 2).

2. *В целом положительные изменения, отмечаемые в динамике Индекса социального самочувствия и его составляющих, формируются за счет общественного мнения в городских территориях.* В сельской местности фиксируется снижение индекса со 114 пунктов в 2007 г. до 110 пунктов в 2013 г. Ситуация в районах остается напряженной, на что неоднократно обращал внимание Губернатор Вологодской области О.А. Кувшинников, отмечая ключевую роль муниципальных районов в развитии всей области [28].

Таблица 2. Индекс социального самочувствия

Территория	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к		
					2012	2011	2007
Субиндекс стабильности							
Область	139,1	142,3	145,8	147,5	+2	+5	+8
Крупные города	138,9	144,3	150,4	153,1	+3	+9	+14
г. Вологда	141,5	142,3	148,2	154,5	+6	+12	+13
г. Череповец	136,6	146,2	152,5	151,8	-1	+6	+15
Районы, в т.ч.	139,2	140,3	141,3	141,5	0	+1	+2
Городская местность	140,6	143,6	148,4	145,5	-3	+2	+5
Сельская местность	137,6	137,0	134,4	137,4	+3	0	0
Субиндекс благополучия							
Область	93,3	88,0	89,0	87,9	-1	0	-5
Крупные города	101,9	94,0	95,4	95,1	0	+1	-7
г. Вологда	98,8	87,4	90,3	88,7	-2	+1	-10
г. Череповец	104,7	99,9	100,1	101,3	+1	+1	-3
Районы, в т.ч.	85,3	82,3	82,8	80,5	-2	-2	-5
Городская местность	80,5	80,0	82,3	78,1	-4	-2	-2
Сельская местность	90,6	84,6	83,3	82,7	-1	-2	-8
Индекс социального самочувствия							
Область	116,2	115,2	117,4	117,7	0	+3	+2
Крупные города	120,4	119,2	122,9	124,1	+1	+5	+4
г. Вологда	120,2	114,9	119,3	121,6	+2	+7	+1
г. Череповец	120,7	123,1	126,3	126,5	0	+3	+6
Районы, в т.ч.	112,2	111,3	112,1	111,0	-1	0	-1
Городская местность	110,5	111,8	115,3	111,8	-4	0	+1
Сельская местность	114,1	110,8	108,8	110,0	1	-1	-4

Таблица 3. Индекс отношения к деятельности власти

Территория	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к		
					2012 г.	2011 г.	2007 г.
Субиндекс лояльности по отношению к федеральной власти							
Область	128,0	107,0	100,3	102,6	+2	-4	-25
Крупные города	127,1	110,9	104,7	107,3	+3	-4	-20
г. Вологда	117,8	109,6	102,7	104,4	+2	-5	-13
г. Череповец	135,5	112,1	106,5	110,1	+4	-2	-25
Районы, в т.ч.	128,9	103,2	96,0	97,6	+2	-6	-31
Городская местность	131,6	100,1	92,4	93,4	+1	-7	-38
Сельская местность	125,9	106,4	99,6	101,9	+2	-5	-24
Субиндекс эффективности региональной власти							
Область	125,8	108,4	103,0	100,6	-2	-8	-25
Крупные города	122,5	114,5	109,5	108,2	-1	-6	-14
г. Вологда	113,3	110,0	103,0	100,2	-3	-10	-13
г. Череповец	131,0	118,5	115,5	115,8	0	-3	-15
Районы, в т.ч.	128,9	102,6	96,7	92,5	-4	-10	-36
Городская местность	129,6	101,9	96,7	95,3	-1	-7	-34
Сельская местность	127,9	103,2	96,6	89,6	-7	-14	-38
Индекс отношения к деятельности власти							
Область	126,9	107,7	101,7	101,6	0	-6	-25
Крупные города	124,8	112,7	107,1	107,7	+1	-5	-17
г. Вологда	115,6	109,8	102,9	102,3	-1	-8	-13
г. Череповец	133,3	115,3	111,0	112,9	+2	-2	-20
Районы, в т.ч.	128,9	102,9	96,4	95,1	-1	-8	-34
Городская местность	130,6	101,0	94,6	94,4	0	-7	-36
Сельская местность	126,9	104,8	98,1	95,8	-2	-9	-31

Отсутствие позитивных изменений в динамике материального положения населения отражается на оценке деятельности органов власти. Лишь в последний год зафиксировано незначительное улучшение общественного мнения в отношении государственного управления на федеральном уровне (рост *Субиндекса лояльности к политике федеральной власти* со 100 пунктов в 2012 г. до 102 – в 2013; табл. 3). Получается, что призывы и обещания, данные Президентом РФ, находят широкую поддержку населения, однако их реализация на муниципальном уровне остается недостаточной. *Индекс отношения к деятельности власти* в 2012-м и в 2013 гг. составил 102 п., что несколько

ниже, чем в 2011 г. (108 п.), и заметно уступает уровню 2007 г. (126 п.).

Анализ публичных докладов исполнительных органов власти о результатах деятельности за 2013 год⁵ показал, что в них представлено только выполнение плановых показателей, освоение средств и т.д., но не нашли отражения проблемы, которые в первую очередь волнуют население, – ни в плане доступности и качества услуг, ни в отношении уровня жизни и т.п. Хотя сама инициатива об отчетности органов власти перед широкими слоями общественности (по крайней мере, перед теми, у кого есть

⁵ Доклады были размещены в январе 2014 г. на официальном портале Правительства Вологодской области. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/>

Интернет) соответствует задачам, поставленным на сегодняшний день перед государственным управлением.

Таким образом, *Индекс общественного настроения региона* позволяет дать комплексную оценку эффективности государственного управления, одновременно отражая динамику общественного мнения о деятельности органов власти, социальное настроение и самооценку материального положения.

Применительно к Вологодской области динамика ИОНР свидетельствует о необходимости повышения эффективности государственного управления (значение показателя за 2012–2013 гг. не изменилось – 110 пунктов, а на уровне районов даже снизилось – со 104 до 103 пунктов; *табл. 4*).

Актуальность проблем материального характера в районных центрах остается более высокой, чем в сельских поселениях, жители которых, по-видимому, покрывают часть своих финансовых проблем ведением натурального хозяйства (*Субиндекс благополучия* в районных городах в 2013 г. составил 78 пунктов, а в сельской местности – 83).

4. Задачи социологической науки на новом этапе развития российского общества.

События последних месяцев, произошедшие как на международной арене, так и внутри страны, показали, что сегодняшнее российское общество готово стать

опорой для проведения курса Президента на обновление страны. Но для этого требуется четкая организация двустороннего взаимодействия между представителями государственной власти и населением на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном). Научную основу такого взаимодействия может обеспечить отечественная социология, накопившая значительный потенциал в ходе своего развития, с учётом специфики ментальности российского общества. Для высвобождения потенциала социологической науки необходимо преодолеть ключевые проблемы, которые препятствуют развитию научного сообщества в XXI веке: недостаточная потребность органов власти в информации, получаемой с помощью социологических исследований; разрозненность внутри самого социологического сообщества; нескоординированность опыта независимых исследований.

Методика построения Индекса общественного настроения региона всего лишь одна из попыток комплексного подхода к оценке эффективности государственного управления. Опыт применения социологических методов есть и в других субъектах Российской Федерации (Липецкая, Ростовская, Владимирская области и т.д.), однако до тех пор, пока органы власти на всех уровнях не будут заинтересованы в подоб-

Таблица 4. Индекс общественного настроения региона

Территория	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г.		
					к 2012 г.	к 2011 г.	к 2007 г.
Область	121,6	111,4	109,5	109,6	0	-2	-12
Крупные города	122,6	115,9	115,0	115,9	+1	0	-7
г. Вологда	117,9	112,4	111,1	111,9	+1	-1	-6
г. Череповец	127,0	119,2	118,7	119,7	+1	+1	-7
Районы, в т.ч.	120,6	107,1	104,2	103,0	-1	-4	-18
Городская местность	120,6	106,4	104,9	103,1	-2	-3	-18
Сельская местность	120,5	107,8	103,5	102,9	-1	-5	-18

ных исследованиях, говорить о системном характере социологии государственного управления крайне затруднительно.

У власти должна выработаться потребность в получении объективных, точных сведений о восприятии населением социально-экономической и политической ситуации в стране; власть должна формулировать перед наукой запрос на данные о динамике общественного мнения. Причем необходимо помнить, что компетентное, устойчивое, надежное общественное мнение вырабатывается, прежде всего, в процессе открытых дискуссий.

Должна быть усилена роль Российской академии наук как независимого института, осуществляющего координацию социологических исследований, речь также идет об усилении поддержки перспективных региональных научных школ и молодых ученых, поиске новых форм

включения результатов российской социологии в мировую науку. Свою функцию социология сможет в полной мере выполнять только тогда, когда системная основа исследований будет закреплена на законодательном уровне и будут отработаны единые механизмы мониторинга общественного мнения и анализа получаемых с его помощью данных.

По мере усложнения жизни и общественных отношений будет расширяться тематическое поле для социологической науки, будут появляться всё новые и новые направления, требующие социологических подходов к своему измерению. Однако всегда следует помнить, что те вопросы, которые являются ключевыми для общественного развития, определяют жизнеспособность страны, не должны оставаться без внимания, контроля и комплексной поддержки со стороны государства.

Литература

1. Жуков, В.И. Социология в современной России (доклад на Учредительном съезде Союза социологов России) / В.И. Жуков // Социс. — 2007. — № 12. — С. 8-13.
2. Осипов, Г.В. Возрождение социологии в России (доклад на Юбилейной научной сессии РАН 26 марта 2008 г.) / Г.В. Осипов // Официальный сайт Института социологии Российской академии наук. — Режим доступа: http://www.isras.ru/?page_id=699
3. Заславская, Т.И. Вперегонки со временем / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. — 1993. — № 3. — С. 9-15.
4. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления... / В.А. Ильин, А.И. Поварова. — Вологда: ИСЭР РАН, 2014. — С. 5, 144.
5. Меморандум III Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» (Москва, 21–24 октября 2008 г.) // Журнал Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Демоскоп Weekly №467–468 от 23 мая – 5 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0467/nauka02.php>
6. Горшков, М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник. — 2010. — Выпуск 9. — М.: Новый Хронограф, 2010. — С. 3-18.
7. Заславская, Т.И. О социальных акторах модернизации России / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2011. — № 3. — С. 14.
8. Сулакшин, С.С. На пороге нравственного государства / С.С. Сулакшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2011. — Вып. 4. — Том 4. — С. 98-103.
9. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 3-11.

10. Левашов, В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 12-22.
11. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики / Ж.Т. Тощенко // Социс. – 1998. – № 1. – С. 21-34.
12. Горшков, М.К. Центр тяжести / М.К. Горшков // Литературная газета. – 2014. – № 15. – 16 апреля.
13. Мигранян, А.М. Народ и лидер нашли друг друга [Электронный ресурс] / А.М. Мигранян // Известия. – 2013. – 12 июня. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551898>
14. Глазьев, С.Ю. Добровольное содружество народов Евразийская интеграция – ключевое направление современной политики РФ / С.Ю. Глазьев // Цикл статей «Путин в зеркале Изборского клуба» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dynacon.ru/content/articles/2794/?sphrase_id=813269
15. Дугин, А.Г. Новая формула Путина: предстоит выбор между прагматизмом и полноценным консерватизмом / А.Г. Дугин // Цикл статей «Путин в зеркале Изборского клуба» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dynacon.ru/content/articles/2802/>
16. Стариков, Н.В. Это Россия, детка! За 15 лет проделан огромный путь: от полной разрухи к началу возрождения / Н.В. Стариков // Цикл статей «Путин в зеркале Изборского клуба» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dynacon.ru/content/articles/2815/>
17. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Известия. – 2012. – 16 января. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>
18. Путин, В.В. Речь на совещании о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/18039/print>
19. Путин, В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/19243>
20. Махмудов, Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ / Р. Махмудов // Информационный портал. – Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>
21. Степанов, А.Д. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое... / А.Д. Степанов // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina
22. Акопов, П.Э. Валдай после Мюнхена [Электронный ресурс] / П.Э. Акопов // Взгляд. – 2013. – 20 сентября. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>
23. Обращение Президента Российской Федерации к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20603>
24. База данных ВЦИОМ: индексы социального самочувствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/178/>
25. Индекс общественных настроений // Проект Санкт-Петербургского национального исследовательского университета (НИУ ИТМО) «Социодинамика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socio.escience.ifmo.ru/wiki/index.php/Индексы_общественных_настроений
26. Методика измерения индекса социальных настроений // Сайт Левада-Центра. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-isn>
27. Гулин, К.А. Экономическое положение и социальное самочувствие населения регионов Северо-Запада России в условиях кризиса / К.А. Гулин, И.Н. Деметьева // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 4. – С. 20.
28. Кувшинников, О.А. В области будут созданы муниципальные залоговые фонды. Материалы выступления О.А. Кувшинникова на заседании Координационного Совета по развитию инвестиционного потенциала муниципальных образований области / О.А. Кувшинников // Официальный сайт Правительства Вологодской области. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/special/novosti/glavnoe/oleg_kuvshinnikov_v_oblasti_budut_sozdany_munitsipalnye_zalogovye_fondy/

Ilyin V.A., Shabunova A.A.

Sociological assessment of public administration efficiency

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, ISEDT RAS Director, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, ilin@vscc.ac.ru)

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Deputy Director for Science, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, aas@vscc.ac.ru)

Abstract. The article presents the evolution of sociology in Russia and substantiates the increasing importance of sociological science in the country's transition to innovation development. Special attention is paid to the methodological and practical aspects of regional sociological assessments that has been carried out by ISEDT RAS in the Vologda Oblast for almost twenty years. The authors prove that sociological tools allow them to make a system assessment of the effectiveness of state management, to define the main directions of economic and social development in the country and its regions. The article points out key problems, the solution of which will enhance the role of sociological knowledge in the development of the Russian society.

Key words: Sociological measurement, assessment of the state of society, efficiency of public administration, improvement of sociological tools.

References

1. Zhukov V.I. Sotsiologiya v sovremennoi Rossii (doklad na Uchreditel'nom s"ezde Soyuzsotsiologov Rossii) [Sociology in Modern Russia (The Report on the Constituent Congress of the Union of Russian Sociologists)]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2007, no.12, pp. 8-13.
2. Osipov G.V. Vozrozhdenie sotsiologii v Rossii (doklad na Yubileinoi nauchnoi sessii RAN 26 marta 2008 g.) [Revival of Sociology in Russia (the Report on the Anniversary Academic Session of RAS on March 26, 2008)]. *Ofitsial'nyi sait Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk* [Official Website of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Available at: http://www.isras.ru/?page_id=699
3. Zaslavskaya T.I. Vperegionki so vremenem [Racing against Time]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1993, no.3, pp. 9-15.
4. Ilyin V.A., Povarova A.I. Problemy effektivnosti gosudarstvenno upravleniya... [Issues of Public Administration Efficiency]. Vologda: ISER RAN, 2014. Pp. 5, 144.
5. Memorandum III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa "Sotsiologiya i obshchestvo: problemy i puti vzaimodeistviya" (Moskva, 21–24 oktyabrya 2008 g.) [Memorandum of the Third All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Problems and Ways of Cooperation" (Moscow, October 21–24, 2008)]. *Zhurnal Instituta demografii Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki"; Demoskop Weekly №467–468 ot 23 maya – 5 iyunya 2011 g.* [Journal of the Institute of Demography of the National Research University Higher School of Economics; Demoscope Weekly no.467–468 of May 23 – June 5, 2011]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0467/nauka02.php>
6. Gorshkov M.K. Rossiiskaya sotsiologiya i vyzovy sovremennogo obshche-stva: vmesto predisloviya [Russian Sociology and Challenges of Modern Society: in lieu of a Preface]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Russia under Reforms: the Yearbook], 2010, issue 9, pp. 3-18.
7. Zaslavskaya T.I. O sotsial'nykh aktorakh modernizatsii Rossii [On the Social Actors of Russia's Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2011, no.3, p. 14.

8. Sulakshin S.S. Na poroge npravstvennogo gosudarstva [At the Threshold of a Moral State]. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2011, issue 4, volume 4, pp. 98-103.
9. Gorshkov M.K. "Russkaya mechta": opyt sotsiologicheskogo izmereniya ["Russian Dream": the Experience of Sociological Assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no.12, pp. 3-11.
10. Levashov V.K. Novaya real'nost': ekonomicheskii krizis i vybor obshchestva [New Reality: Economic Crisis and Public Choice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no.12, pp. 12-22.
11. Toshchenko Zh.T. Sotsial'noe nastroyenie – fenomen sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social Sentiment – a Phenomenon of Sociological Theory and Practice]. *Sotsis* [Sociological Studies], 1998, no.1, pp. 21-34.
12. Gorshkov M.K. Tsentr tyazhesti [The Center of Gravity]. *Literaturnaya gazeta* [Literature Newspaper], 2014, no.15, April 16.
13. Migranyan A.M. Narod i lider nashli drug druga [The People and the Leader Have Found Each Other]. *Izvestiya* [News], 2013, June 12. Available at: <http://izvestia.ru/news/551898>
14. Glazyev S.Yu. Dobrovol'noe sodruzhestvo narodov Evraziiskaya integratsiya – klyuchevoe napravlenie sovremennoi politiki RF [Voluntary Cooperation of the Nations the Eurasian Integration – a Key Direction of the Modern Policy of the Russian Federation]. *Tsikl statei "Putin v zerkale Izborskogo kluba"* [The Series of Articles "Putin in the Mirror of Izborsk Club"]. Available at: http://www.dynacon.ru/content/articles/2794/?sphrase_id=813269
15. Dugin A.G. Novaya formula Putina: predstoit vybor mezhdru pragma-tizmom i polnotsennym konservatizmom [Putin's New Formula: There Will Be the Choice between Pragmatism and Full Conservatism]. *Tsikl statei "Putin v zerkale Izborskogo kluba"* [The Series of Articles "Putin in the Mirror of Izborsk Club"]. Available at: <http://dynacon.ru/content/articles/2802/>
16. Starikov N.V. Eto Rossiya, detka! Za 15 let prodelan ogromnyi put': ot polnoi razrukhi k nachalu vrozozhdeniya [This Is Russia, Baby! Over 15 Years We Have Gone a Long Way from Complete Devastation to the Onset of the Renaissance]. *Tsikl statei "Putin v zerkale Izborskogo kluba"* [The Series of Articles "Putin in the Mirror of Izborsk Club"]. Available at: <http://dynacon.ru/content/articles/2815/>
17. Putin V.V. Rossiya sosredotachivaetsya – vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit' [Russia is Concentrating – the Challenges We Must Meet]. *Izvestiya* [News], 2012, January 16. Available at: <http://izvestia.ru/news/511884>
18. Putin V.V. Rech' na soveshchanii o khode ispolneniya ukazov Prezidenta ot 7 maya 2012 goda [Speech at the Meeting on Implementation of Presidential Executive Orders of May 7, 2012]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official Website of the RF President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/18039/print>
19. Putin V.V. Rech' na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" 19 sentyabrya 2013 g. [The Speech at the Meeting of the Valdai International Discussion Club on September 19, 2013]. Available at: <http://news.kremlin.ru/news/19243>
20. Makhmudov R. Valdaiskaya rech' Vladimira Putina: kriticheskii analiz [Vladimir Putin's Valdai Speech: a critical analysis]. *Informatsionnyi portal* [Information Portal]. Available at: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/valdaiskaya-rech'-vladimira-putina-kri/>
21. Stepanov A.D. Rossiya i mir vstupayut v novuyu epokhu, v kotoroi ot nashei strany budet zaviset' mnogoe... [Russia and the World Are Entering a New Age in Which a Lot Will Depend on Our Country...]. *Informatsionno-analitiicheskaya sluzhba "Russkaya narodnaya liniya"* [Information-analytical service "Russian Folk Line"]. Available at: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina
22. Akopov P.E. Valdai posle Myunkhena [Valdai after Munich]. *Vzglyad* [Insight], 2013, September 20. Available at: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>
23. Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii k deputatam Gosudarstvennoi Dumy, chlenam Soveta Federatsii, rukovoditelyam regionov Rossii i predstavitelyam grazhdanskogo obshchestva [Address by the President of the Russian Federation to State Duma Deputies, Federation Council Members, Heads of Russian Regions and Civil Society Representatives]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official Website of the RF President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/20603>

24. *Baza dannykh VTsIOM: indeksy sotsial'nogo samochuvstviya* [WCIOM Database: Indices of Social Well-Being]. Available at: <http://wciom.ru/178/>
25. Indeks obshchestvennykh nastroyenii [Social Sentiment Index]. *Proekt Sankt-Peterburgskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta (NIU ITMO) "Sotsiodinamika"* ["Sociodynamics" Project of St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics]. Available at: http://socio.escience.ifmo.ru/wiki/index.php/Indeksy_obshchestvennykh_nastroyenii
26. Metodika izmereniya indeksa sotsial'nykh nastroyenii [Methodology for Assessing the Index of Social Sentiment]. *Levada Center Website*. Available at: <http://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroyenii-isn>
27. Gulin K.A., Dement'eva I.N. Ekonomicheskoe polozhenie i sotsial'noe samochuvstvie naseleniya regionov Severo-Zapada Rossii v usloviyakh krizisa [Economic Condition and Social Well-Being of the Population in the North-Western Regions of Russia during the Crisis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes in the Region: Facts, Trends, Forecast], 2009, no.4, p. 20.
28. Kuvshinnikov O.A. V oblasti budut sozdany munitsipal'nye zalogovye fondy. Materialy vystupleniya O.A. Kuvshinnikova na zasedanii Koordinatsionnogo Soveta po razvitiyu investitsionnogo potentsiala munitsipal'nykh obrazovaniy oblasti [Municipal Pledge Funds Will Be Created in the Oblast. The Materials of the Presentation of O.A. Kuvshinnikov at the Session of the Coordination Council for the Development of Investment Potential of the Region's Municipal Entities]. *Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva Vologodskoi oblasti* [Official Website of the Vologda Oblast Government]. Available at: http://vologda-oblast.ru/special/novosti/glavnoe/oleg_kuvshinnikov_v_oblasti_budut_sozdany_munitsipalnye_zalogovye_fondy/

Предпосылки глобальной геополитической инверсии*

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой,
Государственный университет управления; главный научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт РАН (eбалатский@inbox.ru)

Аннотация. В статье рассматривается возможность смены нынешнего глобального лидера мировой экономики – США. Для этого вводится понятие геополитической инверсии, под которым понимается смена мирового экономического центра. Раскрывается общий глобализационный тренд в формировании мировых центров капитала, даются количественные характеристики этого процесса – индексы территориального и демографического доминирования. На примере Великобритании и США показаны пять этапов геополитической инверсии, дана их хронология. Обсуждается вопрос о том, какая страна может стать новым глобальным лидером вместо США.

Ключевые слова: глобализация, геополитическая инверсия, мировой экономический центр, тренды JEL F60, F63, D02.

1. Введение: мировой гегемон или глобальный лидер? В настоящее время широко обсуждается вопрос о лидерстве США и грядущем закате господства этого государства. Данная тема носит во многом спекулятивный характер – участники её обсуждения оперируют противоречивыми и порой ненадежными данными. Тем не менее даже З. Бжезинский придерживается мнения, что эпоха неограниченной гегемонии для США в основном закончилась; сверхдержава, получившая почти на 25 лет статус первой глобальной империи, начала

стремительно сдавать позиции (Бжезинский, 2007). Однако Соединенные Штаты могут еще долгое время существовать в качестве глобального лидера, под которым З. Бжезинский понимает державу, обладающую потенциалом, достаточным для того, чтобы направлять развитие мирового сообщества в нужном для нее направлении (Бжезинский, 2007). Дж. Арриги предпочитает иной фразеологический оборот в отношении взаимодействия Америки с остальным миром – «господство без гегемонии» (Арриги, 2009). В связи с этим

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №14-06-00262а).

возникает сакраментальный вопрос о том, какая страна займет место США в качестве следующего мирового экономического центра (МЭЦ)¹. При ответе на этот вопрос, разумеется, все взгляды устремлены на Китай, который в последние годы претендует на роль центра силы, альтернативного США. Насколько оправданны такие ожидания? Сможет ли КНР действительно стать новым МЭЦ? Что для этого нужно и сколько времени это займет?

В данной статье попытаемся ответить на поставленные вопросы, опираясь на имеющиеся исторические аналогии.

2. Геополитическая инверсия и закономерности ее протекания. Для принципиального ответа на вопрос о самой возможности перехватывания Китаем лидерства у США необходимо понять, были в мировой истории подобные прецеденты или нет. Как оказывается, ближайший исторический пример такой *геополитической инверсии* (ГПИ) дает конкуренция Великобритании и США. Под ГПИ здесь и далее будем понимать процесс смены МЭЦ и перехватывание деловой инициативы одним государством у другого. В связи с этим любая ГПИ характеризуется парой сменяющих друг друга МЭЦ: например, ГПИ «США—Великобритания». Однако помимо Британии и США в качестве МЭЦ в более ранний период фигурировали и другие государства.

Наиболее тщательно последовательность ГПИ была проанализирована Дж. Арриги, который выделял четыре МЭЦ: Генуэзская республика, Нидерланды, Великобритания и США (Арриги, 2009). Однако в некоторых местах Дж. Арриги вслед за К. Марксом выделяет еще и

Венецианскую республику, которая исторически на относительно короткое время «вклинилась» между Генуей и Голландией (Арриги, 2009). Рассмотрим кратко круговорот капитала между этими историческими МЭЦ.

С XI века Генуя вела активную торговлю в Средиземном море. Благодаря участию в крестовых походах город превратился в могущественную Генуэзскую республику с многочисленными колониями. К началу XII века она становится независимым городом-государством. Во времена крестовых походов по своему богатству и влиянию Генуя превосходила многие королевства Европы, имея в своем арсенале развитую торговлю, судостроительную промышленность и банковскую систему. Считается, что XIII век стал периодом генуэзского господства во всем Средиземноморье.

Однако в качестве первого МЭЦ Генуя просуществовала недолго и к концу XIV века уже утратила свои позиции мирового лидера. Однако еще довольно долго после этого, вплоть до середины XVII века, генуэзские банкиры управляли европейскими финансами настолько осторожно и тонко, что, по выражению Ф. Броделя, историки в течение долгого времени не в состоянии были этого заметить (Арриги, 2009).

Так, генуэзский банковский консорциум финансировал многие предприятия испанской короны и, перехватив инициативу у немецких банковских домов, обеспечивал кредитами династию Габсбургов.

С начала XIII века начинает набирать обороты новый МЭЦ в лице Венецианской республики, которая к концу XIV века становится гегемоном торговли на Востоке, а по сути всей международной торговли той эпохи. Именно в этот период произошла первая ГПИ — Венеция сменила Геную в качестве новоявленного МЭЦ. В конце XV столетия Венецианская республика была чрезвычайно богата и могущественна,

¹ Здесь и далее мы будем говорить о МЭЦ как синониме мирового центра капитала, под которым будем понимать государство-лидера мировой экономики. Такой центр обладает самым большим производственным, технологическим и финансовым потенциалом среди всех стран мира.

торговля и промышленность процветали, а ее научное и художественное образование было популярно во всех европейских государствах. Даже простое население Венеции неслыханно богатело, так как налоги были умеренными, а государственное правление – достаточно мягким. Венецианские материковые владения постоянно расширялись, превращая город-государство в очередную колониальную державу. Однако уже в конце XVII века Венецианская республика сдала свои позиции и почти перестала принимать участие в мировой торговле. Тем не менее, как справедливо отмечал К. Маркс, пришедшая в упадок, Венеция еще довольно долго ссужала крупные денежные суммы нарождающемуся новому МЭЦ – Голландии (Арриги, 2009).

Нидерланды стали третьим МЭЦ, добившись своей независимости в 1581 году и завершив Восьмидесятилетнюю войну (1568–1648), во время которой начался так называемый «Золотой век» страны – период экономического и культурного процветания, занявший всё XVII столетие. Однако экономический триумф был недолгим, и уже в начале XVIII века Голландия перестала быть господствующей торговой и промышленной нацией. Зато в период 1701–1776 гг. одним из главных видов бизнеса голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов Великобритании, которая сменила ее в качестве очередного МЭЦ (Арриги, 2009).

Британия, ставшая четвертым центром мирового капитала, начала экономическое восхождение в конце XVII века и достигла своего апогея к середине XIX столетия, после чего теряет позиции и начинает массированное кредитование США, которые с 1830-х годов неудержимо двигаются к статусу пятого МЭЦ. Став лидером мировой экономики уже к 1880-м годам, Соединенные Штаты в 1970-х переходят

к перемещению своих капиталов в Китай, что знаменует собой новый виток развития мировой рыночной системы. С этого момента начинается восхождение Поднебесной, и многие аналитики начинают ее воспринимать в качестве претендента на роль шестого МЭЦ.

Схематично процесс смены МЭЦ можно представить на *рисунке 1*, на котором в очень упрощенном и стилизованном виде показана география ГПИ и масштаб мировых центров капитала.

Многие важные свойства исторической схемы ГПИ раскрыты Дж. Арриги, однако некоторые из них в литературе либо вообще не упоминаются, либо предполагаются по умолчанию, но в явной форме не артикулируются. На наш взгляд, им следует уделить особое внимание.

Прежде всего, отметим, что вся приведенная нами хронология является весьма условной и не может считаться общепринятой. Например, сам Дж. Арриги иногда переставляет местами последовательность двух МЭЦ – Генуи и Венеции (Арриги, 2009). В любом случае искать строгие временные (циклические) закономерности в чередовании национальных режимов накопления капитала не следует. Между тем при незначительном усилии можно проследить весьма интересный и характерный тренд к глобализации МЭЦ.

3. Глобализация мировых центров капитала. Если выстроить известные пять МЭЦ с их ключевыми экономическими характеристиками – площадью территории и численностью населения, то легко увидеть важные закономерности ГПИ (*табл. 1*).

Во-первых, все МЭЦ развивались в сторону *территориальной глобализации*. Каждый последующий МЭЦ по площади территории был больше предшествующего. Эта закономерность распространяется даже на средневековые города-государства, хотя применительно к ним

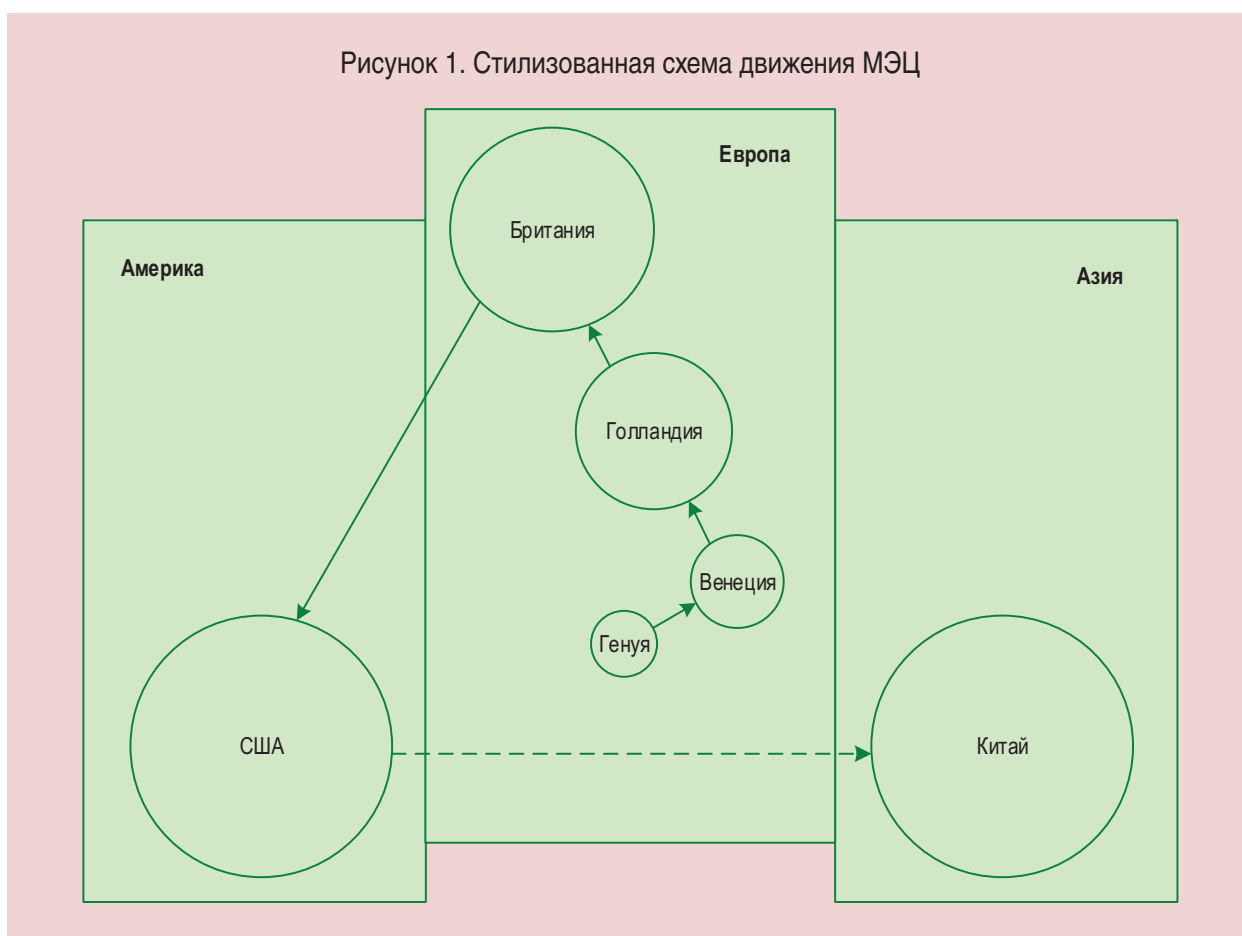

Таблица 1. Основные характеристики мировых центров капитала

Мировой экономический центр	Площадь территории, кв. км	Численность населения, чел.
Генуя	243	≈100000*
Венеция	412	≈200000*
Нидерланды	41526	16805037
Великобритания	244101	63395574
США	9372610	320194478

* Для Генуи и Венеции приведены данные на момент апогея их исторического развития, являющиеся очень приблизительными.

она просматривается не так выпукло. Для оцифровки данного тренда мы взяли современные границы МЭЦ; исторические границы были немного иными и часто менялись по мере роста и развития соответствующего государства. Однако эти незначительные статистические искажения не влияют на главный вывод — укрупнение каждого нового МЭЦ всегда было очень заметным и безальтернативным.

Во-вторых, по мере территориального укрупнения все МЭЦ демонстрировали

демографическую глобализацию, т.е. все они тяготели к увеличению населения. Как и в предыдущем случае, каждый последующий МЭЦ численно превосходил предшествующий.

Этому тренду подчинялись даже средневековые города-государства, хотя и с некоторыми оговорками. Например, для Генуэзской и Венецианской республик приведены данные на момент, когда они достигли своего исторического максимума (Генуя, 2013; Венецианская

Таблица 2. Индексы геополитических инверсий

Геополитическая инверсия	Индекс территориального преимущества	Индекс демографического преимущества
Венеция–Генуя	1,7	2,0
Голландия–Венеция	100,8	84,0
Великобритания–Голландия	5,9	3,8
США–Великобритания	38,4	5,1

республика, 2013). Будучи порядковыми (сильно округленными), данные цифры демонстрируют превосходство более позднего МЭЦ.

В настоящее время между этими двумя городами произошла демографическая рокировка – население Генуи выросло до 604 тыс. чел., а Венеции – только до 270 тыс. Тем не менее, с учетом сделанной исторической поправки, даже эти ранние МЭЦ вписываются в общий глобализационный тренд.

В-третьих, при смене МЭЦ *территориальная глобализация проявлялась гораздо ярче демографической глобализации*. Для иллюстрации данного эффекта рассмотрим индексы территориального и демографического преимущества, которые исчисляются как отношение площади территории и численности населения более позднего МЭЦ к более раннему. Значения данных индексов для четырех ГПИ приведены в *таблице 2*, откуда видно, что индексы территориального преимущества почти всех ГПИ (за исключением ГПИ «Венеция–Генуя») больше индексов демографического преимущества².

Таким образом, формирование нового МЭЦ требовало гораздо более обширного экономического пространства, которое в процессе освоения постепенно «заполнялось» людьми. В этом смысле пространственный фактор выступал в качестве *ведущего* (первичного), тогда как

² ГПИ «Венеция–Генуя» не вписывается в это правило, по всей видимости, из-за малых масштабов городов-государств и низкой точности используемых данных.

демографический играл роль *вспомогательного* (вторичного) фактора. Численность населения как бы подтягивалась к масштабу той экономической зоны, которая «выделялась» под новый центр капитала.

Более того, имеет место строгая последовательность глобализационных шагов: сначала осуществляется переход к более обширной экономической территории, которая, как правило, слабо заселена; лишь после этого начинается демографическая глобализация.

Можно сказать, что эффект территориальной глобализации срабатывает еще до начала (априори) построения нового МЭЦ, тогда как эффект демографической глобализации наступает после (апостериори) становления МЭЦ; обратная последовательность событий невозможна. Этот факт является чрезвычайно важным, и в дальнейшем он будет использован нами для интерпретации современных событий.

В среднем индекс территориального преимущества для всех ГПИ составляет 36,7, тогда как индекс демографического преимущества – только 23,7. Следовательно, пространственная глобализация протекала примерно в полтора раза быстрее, чем демографическая.

Судя по всему, описанный *эффект глобализации МЭЦ* продуцируется другим фундаментальным экономическим феноменом – *эффектом масштаба*. В соответствии с ним рост масштаба экономической деятельности приводит к росту ее экономической эффективности. Именно этот факт и

определяет мотив поиска и формирования нового МЭЦ; в противном случае это не имело бы смысла.

Прямым следствием процесса глобализации является *ускорение* развития нового МЭЦ, что проявляется, прежде всего, в более высоких темпах экономического роста. Более того, эффект ускорения распространяется почти на всю мировую экономику. Например, душевой доход стран, которые начали свой рост позже, растет гораздо быстрее, чем у тех стран, которые начали свой рост раньше (Лукас, 2013).

Понимание глобализационного тренда в формировании новых МЭЦ является исходным пунктом в анализе реалистичности получения какой-либо страной этого статуса.

4. Стадии геополитической инверсии.

Помимо общего тренда к глобализации МЭЦ существует еще и строгая последовательность в реализации этапов их формирования. Детальную хронологию этих этапов можно идентифицировать при рассмотрении ГПИ «США–Британия». Для этого достаточно провести сравнительные расчеты для ВВП и душевого ВВП по двум странам в долларах по текущему валютному курсу «фунт/доллар»; период анализа – 1830–2011 гг. (What Was the U.S. GDP Then, 2013).

В общем случае формирование нового МЭЦ предполагает пять этапов, последовательность которых является довольно строгой.

Первый этап – фиксация территориальной целостности страны, которая значительно превосходит по площади предыдущий МЭЦ. Для США этот этап состоялся уже в момент своего официального образования в 1776 году при объединении тринадцати британских колоний, объявивших о своей независимости (История США, 2013). Согласно нашим расчетам, эти 13 штатов в 3,6 раза превосходили территорию Великобритании. Масштаб террито-

риальной глобализации ярко проявляется уже в том факте, что площадь только двух штатов – Пенсильвании и Северной Каролины – на 6% превосходила площадь всей Британии.

Второй этап – превосходство нового МЭЦ по показателю численности населения. Наши расчеты показывают, что это событие произошло в 1856 г. Начиная с этого момента США стали больше Британии не только территориально, но и по числу населяющих их жителей.

Третий этап – производственное доминирование, которое воплощается в том, что объем ВВП нового МЭЦ превосходит величину аналогичного показателя старого МЭЦ. Это событие впервые произошло в 1852 г., когда ВВП США стал больше ВВП Великобритании; в следующий год Британия взяла реванш, но в 1854 г. Соединенные Штаты окончательно победили в производственной гонке. На *рисунке 2* показана «борьба» ВВП двух стран на протяжении 1930–1870 гг.; в более поздний период доминирование США только укреплялось.

Четвертый этап – превосходство экономики нового МЭЦ в эффективности производства. Данный факт фиксируется путем превосходства душевого ВВП США над аналогичным показателем Великобритании. Это событие впервые произошло в 1842 г., после чего Британия отыграла свои позиции на несколько лет; второй раз США «заявили» о своем превосходстве в 1847–1848 гг., после чего снова на год уступили свои позиции; на протяжении 1850–1863 гг. Штаты опять фигурировали в качестве лидера, «упав» в следующем году; в 1865–1867 гг. США опять отыграли свои позиции, уступив первенство в следующие два года; еще раз Штаты заявили о себе в 1870 г., после чего Британия снова возобладала; последний аккорд был поставлен в 1878 году, начиная с которого США больше не уступали позиции своему конкуренту.

Рисунок 2. Траектории ВВП США и Великобритании, млн. долл.

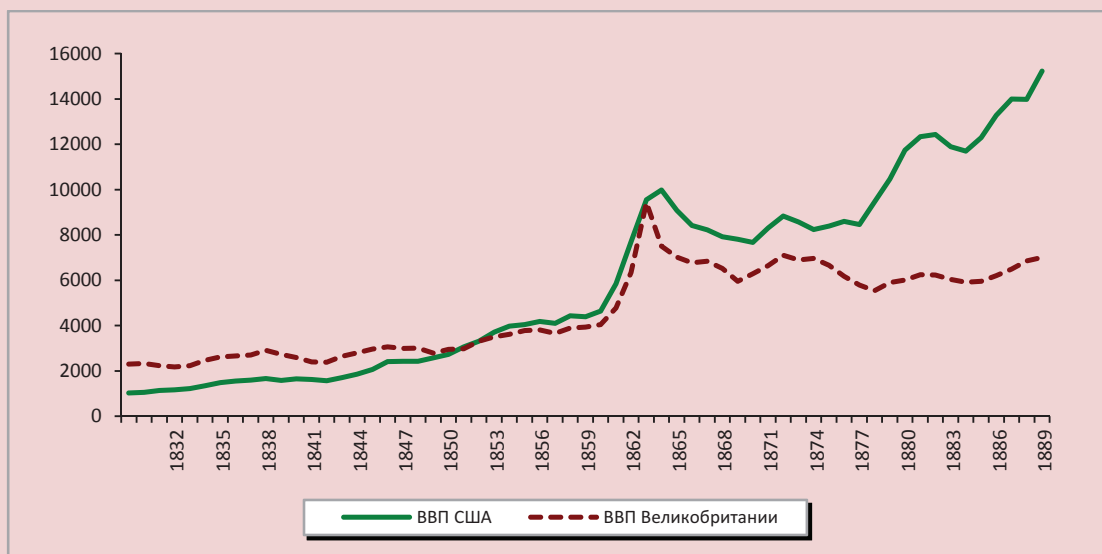
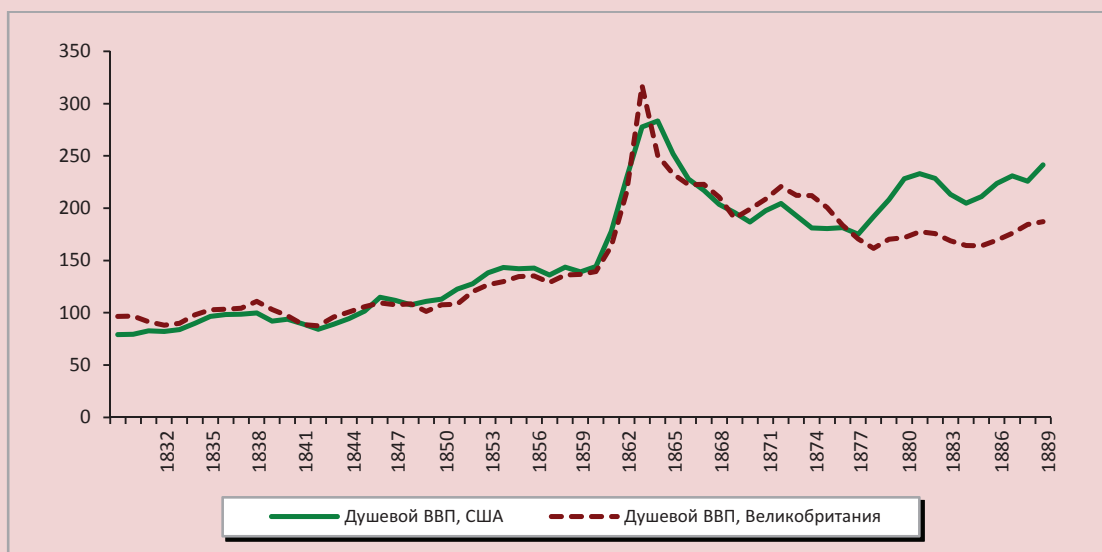

Рисунок 3. Траектории душевого ВВП США и Великобритании, долл.

На рисунке 3 показана «борьба» душевого ВВП двух стран на протяжении 1830–1870 гг.; в более поздний период доминирование США сохранялось. Приведенные данные демонстрируют тот факт, что борьба за позицию самого богатого государства приобрела весьма драматичные формы и велась с переменным успехом на протяжении 36 лет. Если учесть, что показатель душевого ВВП органично связан с производительностью труда, то можно

констатировать, что четвертый этап ГПИ «США–Британия» представлял собой битву за *технологическое превосходство*.

Пятый этап – валютное доминирование нового МЭЦ, проявляющееся в построении им мировой финансовой системы на основе своей валюты. Это событие произошло в 1944 г. при внедрении Бреттон-Вудской системы, в соответствии с которой в международных торговых расчетах цена золота была закреплена в

Таблица 3. Хронология этапов ГПИ «США–Британия»

Событие	Тип доминирования				
	территориальное	демографическое	производственное	технологическое	валютное
Дата наступления	1776	1856	1852–1854	1842–1878	1944

Таблица 4. Основные характеристики стран-претендентов на роль МЭЦ

Страна	Площадь территории		Численность населения	
	кв. км	% (США=100)	чел.	% (США=100)
США	9372610	100,0	320194478	100,0
Япония	377944	4,0	127253075	39,7
Китай	9596960	102,4	1349585838	421,5
Канада	9984670	106,5	34568211	10,8
Россия	17075400	182,2	143548980	44,8

долларах США. С этого момента американский доллар стал одним из видов мировых денег (Бреттон-Вудская система, 2013).

В *таблице 3* систематизированы все этапы ГПИ «США–Британия».

Наиболее важными в рассмотренной хронологии являются периоды становления между разными фазами ГПИ. Например, технологическое доминирование последовало только спустя 24 года после достижения производственного доминирования, а валютное доминирование – лишь через 66 лет после состоявшейся технологической гегемонии. Только эти два интервала образуют исторический отрезок в 90 лет. Тем самым переход от старого МЭЦ к новому предполагает преодоление определенных ступеней развития и требует довольно длительного времени. Полученные данные могут использоваться для проведения различных современных аналогий.

5. Кто станет новым лидером? Теперь попытаемся разобраться с тем, какая страна сможет заменить США в статусе МЭЦ. Для этого оттолкнемся от установленного факта территориальной и демографической глобализации ГПИ. Это означает, что государство-претендент должно по территории превосходить США. Формально Китай соответствует этому требованию, однако более пристальный анализ показывает, что

по этому критерию он, строго говоря, не проходит тест на пригодность. Дело в том, что, как нами уже отмечалось, в прошлом индекс территориального преимущества в среднем для всех ГПИ составлял 36,7, а его минимальное зафиксированное значение – 1,7. Для предполагаемой ГПИ «Китай–США» этот индекс оказывается исчезающе малым – 1,02 (*табл. 4*).

Таким образом, новый МЭЦ в лице Китая не даст миру практически никакой территориальной глобализации, что ставит большой вопрос о самой возможности Китая стать новым мировым центром капитала. Можно сказать, что КНР не может обеспечить мировому капиталу тот эффект масштаба, который инициировал бы его окончательное перемещение в новую юрисдикцию.

Стоит напомнить интересный, но уже хорошо забытый эпизод из истории мировой экономики, когда некоторое время на роль нового МЭЦ активно претендовала Япония. После Второй мировой войны она переняла западные институты и получала капитал из США, вследствие чего за полвека поднялась до такого состояния, что почти догнала Соединенные Штаты по объему ВВП, а по душевому ВВП и производительности труда даже опережала их. Однако к началу XXI века стало

окончательно ясно, что Япония в качестве нового МЭЦ не состоялась — динамичность развития страны резко упала и она безвозвратно отстала от своего американского конкурента.

Драматизм противостояния Японии и США можно проиллюстрировать следующими данными. Так, в 1995 г., когда Япония находилась в зените своего экономического развития, ее ВВП составлял почти 70% от ВВП США (по текущему валютному курсу на основе данных Мирового банка (GDP (current US\$), 2013)). Для сравнения: в 2012 г. ВВП Китая составлял только 50% от аналогичного показателя США. Тем самым в 1995 г. Япония была гораздо ближе к мировому лидеру, чем Китай в настоящее время. Согласно нашим грубым расчетам, еще в 1884 г. душевой ВВП (соответственно и производительность труда) Японии был на 23% ниже, чем в США, а в 1989 г. он уже стал на 34% выше.

Превосходство Японии достигло своего апогея в 1995 г. и составило поистине беспрецедентные 70%, но в 2001 г. душевой ВВП страны снова стал меньше, чем в США. В этот период Страна Восходящего Солнца окончательно уступила первенство США и фактически вышла из игры за глобальное лидерство. По нашим оценкам, Япония опережала США по душевому ВВП на протяжении 14 лет подряд — с 1987 по 2000 г. включительно.

На первый взгляд кажется почти невероятным, чтобы такое длительное победоносное «ралли» закончилось столь бесславно. Однако напомним, что в XIX веке похожее технологическое противостояние между США и Великобританией длилось 36 лет; только преодолев этот долгий путь, Штаты смогли закрепить свое превосходство.

Случай с Японией можно считать хрестоматийным. Дело в том, что эта страна не имела никаких «глобализационных»

оснований на роль МЭЦ — ее население было меньше, чем в США, в 2,5 раза, а территория — в 25 раз. С такими экономическими параметрами было просто невозможно долго удерживать лидерство даже по некоторым направлениям. Можно констатировать, что Япония не смогла закрепить свой успех прежде всего из-за отсутствия эффекта масштаба. Ее крошечная по территории и скромная по населению экономика не могла надолго стать эффективнее гигантской экономики США. Тем самым невыполнение двух «глобализационных» критериев привело к историческому провалу Японии в ее попытке стать новым МЭЦ. Этот пример убеждает нас в том, что «перешагнуть» глобализационный тренд невозможно.

Возвращаясь к Китаю, мы видим, что по большому счету он удовлетворяет только одному «глобализационному» критерию — росту населения. Однако и здесь у него имеются определенные проблемы. Как мы показали выше, при смене МЭЦ территориальный выигрыш гораздо больше демографического, а в самом начале ГПИ новый МЭЦ вообще должен иметь население меньше, чем старый. Между тем Китай не вписывается в эту закономерность. Сегодня он способен дать мировому капиталу территориальный прирост по сравнению с США лишь на 2% на фоне демографического выигрыша на 320%.

Такая диспозиция двух факторов глобализации является нетипичной, а имеющиеся диспропорции следует признать чрезмерными. Можно сказать, что КНР опередила естественный ход истории, нарастив человеческую биомассу страны еще до того, как начала притягивать мировой капитал. Эти факты говорят о том, что Китай, строго говоря, плохо подходит на роль нового МЭЦ. По крайней мере, в мировой истории подобные прецеденты пока не имели места.

Теперь попытаемся посмотреть, какие еще имеются гипотетические МЭЦ. Как оказывается, их только два — Канада и Россия. При этом обе страны являются антиподами Китая в том смысле, что их население намного меньше, чем в США.

Причем Канаду можно смело отбросить в качестве серьезного претендента, ибо у нее слишком незначительно преимущество по территории (лишние 6,5% не могут устроить мировой капитал) на фоне слишком большого «провала» по демографическому признаку³.

Учитывая данное обстоятельство, единственным потенциальным претендентом на роль нового МЭЦ, как это ни парадоксально, может восприниматься только Россия. Это связано с двумя моментами. Первое — только Россия способна обеспечить по-настоящему заметное расширение экономического пространства. Второе — провальный демографический параметр России не является фатальным и предоставляет большие перспективы в смысле международной миграции. Здесь речь идет о том, что территориальный фактор не подлежит серьезной корректировке, тогда как демографический может «накачиваться» довольно сильно и быстро.

Вспомним некоторые перипетии ГПИ «США—Британия»: первую «заявку» на роль мирового лидера США сделали в 1852 г., когда их ВВП превысил британский, а доминирование по численности населения состоялось только в 1856 г. Более того, указанная рокировка произошла довольно быстро: в 1840 г. население США было на 30% меньше, чем у Британии, тогда как в 1870 г. оно стало почти на 30% больше.

Таким образом, при определенных обстоятельствах Россия вполне способна

³ Большим плюсом Канады является ее общая граница с США, а также близкая культура двух стран. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно, чтобы перевесить ее минусы.

преодолеть свое демографическое отставание от Соединенных Штатов. Оговоримся сразу, что речь идет исключительно о соответствии глобальным трендам. В реальности Россия пока институционально совершенно не готова даже включиться в борьбу за право стать новым МЭЦ, не говоря о том, чтобы реально стать им.

На фоне неспособности России вести борьбу за мировое лидерство все аналитики упорно рассматривают в этом качестве Китай. В соответствии с исследованием социологического центра «Pew Research», эта страна даже в сознании самих американцев заняла первое место среди всех стран: 47% респондентов считают Поднебесную ведущей экономической державой мира, тогда как саму Америку таковой считает лишь 31% граждан, Японию — 9%, а Евросоюз — 6% (Дзись-Войнаровский, 2011а).

Здесь же уместно упомянуть и имевший место курьезный, хотя и весьма показательный факт: британский журнал «The Economist» на своем сайте опубликовал экономическую игру: задавая инфляцию и рост ВВП в США и КНР, можно на графике видеть год, когда китайская экономика обгонит американскую. При правдоподобных параметрах это должно случиться в 2018–2020 году (Дзись-Войнаровский, 2011б; The dating game, 2011). Тем самым широкая общественность психологически готовится к смене глобального лидера. Однако подобного рода расчеты нуждаются в некоторых уточнениях.

Как нами было показано выше, смена МЭЦ происходит в пять этапов. Если отталкиваться от того, что первые две стадии Китаем пройдены, то остаются еще три. Первая — надо превзойти ВВП США. Вторая — надо превзойти душевой ВВП США. Третья — надо обеспечить валютное главенство юаня. Оценим грубо время, которое потребуется Китаю для прохождения второй (Т) и третьей (τ) стадии.

Таблица 5. Сравнительные параметры роста экономик США и Китая

Сценарий	Исходные параметры		Расчетные параметры	
	Темпы роста США, %	Темпы роста Китая, %	Время выравнивания ВВП (Т), лет	Время выравнивания душевого ВВП (τ), лет
Оптимистичный	3,1	14,2	7	21
Пессимистичный	1,9	7,8	13	38
Депрессивный	1,0	5,0	18	55

Для этого рассмотрим три сценария: *оптимистичный* (темпы роста ВВП Китая и США соответствуют максимальным зафиксированным за последние 15 лет – 2007 и 2005 гг. соответственно), *пессимистичный* (темпы роста ВВП Китая и США соответствуют минимальным зафиксированным – 2012 и 2013 гг. соответственно) и *депрессивный* (темпы роста обеих стран выбраны самими скромными и соответствуют сильно «охлажденной» экономике). Расчеты проводятся упрощенно без учета возможных сдвигов в численности населения стран. При этом начальное значение ВВП Китая составляет на 2013 г. 50,6% от уровня США, а душевой ВВП Китая – 12,0% от соответствующего показателя США. Результаты расчетов приведены в *таблице 5*.

О чем говорят полученные цифры?

Прежде всего, существующие представления о скором доминировании Китая сильно переоценены. Даже при самом благоприятном для Китая развитии событий он догонит США по объему ВВП лишь в 2020 году, а по душевому ВВП – в 2034 году.

Если же события пойдут не в пользу Китая, что вполне вероятно, то соответствующие достижения отодвигаются на весьма отдаленный период – 2031 и 2068 гг. соответственно. Если усреднить крайние оценки, то прохождение Китаем четвертого этапа может состояться в 2051 году.

Кроме того, необходима реализация пятой фазы – превращение юаня в доминирующую мировую валюту. У США на

это ушло более 60 лет. Даже если учесть ускорение всех процессов и предположить, что КНР потребует на это всего лишь 15 лет, то формирование нового МЭЦ будет завершено только в 2066 году. Даже если все этапы будут реализованы, то на это потребуются более 50 лет.

Таким образом, Китай в качестве глобального лидера в обозримой перспективе вряд ли сможет себя реализовать. В этом смысле перспективы построения нового МЭЦ на территории КНР представляются во многом утопичными.

К сказанному следует добавить следующее. Все проделанные экстраполяции не учитывают главного – физических ограничений на экономический рост. Не исключено, что превращение Китая в глобального лидера сопряжено с полным разрушением экологии страны и чрезмерным потреблением всех видов экономических ресурсов. Это самостоятельная тема для обсуждения, однако она сама по себе вносит дополнительные корректировки в излишне оптимистичные прогнозы.

6. Многополярный мир. Все предыдущие рассуждения подводят нас к пониманию того, что фактор глобализации практически исчерпан. Три потенциальных центра мировых капиталов – Китай, Канада и Россия – плохо соответствуют «глобализационным» критериям. Не означает ли это, что сама схема ГПИ прекращает действовать? Можно ли говорить, что потоки мирового капитала перестают подчиняться разумным детерминированным закономерностям, теряют вектор

своего направления и входят в турбулентный режим? Как в этом случае будет выглядеть ландшафт мировой экономики? Чтобы ответить на поставленные вопросы, следует немного по-новому посмотреть на мировую историю последних десятилетий.

Как было показано выше, «жизнь» мирового капитала подчиняется своим законам, требующим некоего географического центра, в котором вся экономическая деятельность будет максимально эффективной. Эти центры формируются стихийно в соответствии с *логикой капитала*.

Как полагает С. Жижек, подлинная цель капиталистической системы состоит в самовоспроизводстве капитала путем его непрерывного кругообращения; главное в капитализме — приводящая сама себя в движение *циркуляция капитала* (Жижек, 2012). Капитал должен возрастать путем получения с него процента (нормы прибыли) — в этом и состоит логика капитала.

При этом самой логике капитала присущи свойства *анонимности, системности, абстрактности и объективности* (Балацкий, 2013).

Весь механизм круговорота капитала в современном мире, по выражению Д. Норту, является *обезличенным*. Именно система обезличенного обмена, по Норту, стала апофеозом социально-экономического развития Западного Мира (Норт, 2010). Отсюда вытекает тот факт, что бессмысленно искать в периодическом реформировании капиталистической системы конкретных людей; при наличии логики капитала все теории заговора просто напросто теряют свое персонифицированное звучание.

В контексте сказанного послевоенная мировая история представляется следующим образом. МЭЦ в лице Соединенных Штатов постепенно нащупывал новый территориальный плацдарм для накопленного мирового капитала.

При этом единственным и абсолютно реальным новым МЭЦ по всем признакам являлся СССР. Площадь его территории в 1991 г. была в 2,4 раза больше, чем у США, а численность населения — примерно на 15%. С такими экономическими характеристиками эта страна просто обязана была стать новым МЭЦ.

Однако это было невозможно по идеологическим причинам. Советская система официально отрицала капитал и не могла предоставить для него комфортных условий.

На наш взгляд, это был самый драматичный момент мировой истории: единственная страна, которая могла позволить мировому капиталу сделать следующий шаг в своем развитии, «отказывалась» от этого. Это было первое препятствие на пути глобализации мирового капитала; не исключено, что оно и послужило главной причиной двух мировых войн. Данное препятствие было устранено лишь в 1991 г., когда Советский Союз прекратил свое существование и распался на множество более мелких и слабых государств.

В этот момент сложилась патовая ситуация, когда ни одно из существующих государств до конца не удовлетворяло территориальному глобализационному критерию и не могло служить мировому капиталу надежной гаванью. Через 10 лет стало ясно, что Япония окончательно провалилась в своих попытках занять место нового МЭЦ.

Однако параллельно США «выстраивали» два новых центра капитала. Один — традиционный (суверенный Китай), другой — нетрадиционный (Объединенная Европа). Фактически уже в 1991 г. стало ясно, что новый МЭЦ следует искусственно сконструировать, объединив культурно близкие друг другу государства.

Действия США по интеграции европейских держав хорошо проанализированы З. Бжезинским, который полагает, что американская политика была продиктована не абстрактным альтруизмом, а

Таблица 6. Основные характеристики европейских стран

Страна	Площадь территории		Численность населения	
	тыс. км ²	% (США=100)	млн. чел.	% (США=100)
США	9372,6	100,0	320,2	100,0
Европа	≈10000,0	106,7	≈730,0*	228,0
Украина	603,7	6,4	46,3	14,5
Беларусь	207,6	2,2	10,3	3,2
Казахстан	2717,3	30,0	17,2	5,4

*С учетом 110 млн. человек, проживающих в европейской части территории России. Справочно: население Евросоюза – 530 млн. чел.

желанием администрации США получить стратегического партнера, с которым можно было бы решать все ключевые геополитические и экономические проблемы (Бжезинский, 2007).

Однако к этому можно добавить, что подспудно крупный капитал Америки надеялся увидеть в лице Европейского Союза (ЕС) новый и более привлекательный МЭЦ. Хотя уже сейчас ясно, что эта политическая линия также потерпела поражение – ЕС не может взять на себя миссию нового МЭЦ.

На наш взгляд, неудача с ЕС та же, что и с Китаем. Дело в том, что даже в объединенном виде Европа образует территорию, которая лишь незначительно больше США (табл. 6). В этом смысле она эквивалентна Канаде. Тем самым пространственный критерий глобализации выполнен лишь формально; ЕС не дает ощутимого выигрыша в организации экономического пространства.

При этом демографический фактор в Европе мощнее, чем в США, хотя и не столь гипертрофирован, как в Китае. Более того, пространственный фактор ЕС очень ненадежен. Дело в том, что без Беларуси и Украины Европа теряет ощутимую часть своего экономического пространства и становится меньше США, составляя 98,1% от их территории. Следовательно, по пространственному критерию глобализации ЕС никак не проходит на роль нового МЭЦ.

Если резюмировать все послевоенные попытки построения нового МЭЦ, то их можно насчитать четыре: СССР, Япония, Европа и Китай⁴. Что это означает?

По всем признакам видно, что *фактор глобализации мирового капитала исчерпан* – ни одна страна и ни один регион не могут претендовать на роль полноценного МЭЦ. В такой ситуации традиционная схема циркуляции мирового капитала по МЭЦ нарушается. Вместо этого должна будет сформироваться новая схема *эффективного сосуществования* нескольких региональных экономических центров (РЭЦ). Сегодня такие уже существуют – США, Китай, ЕС, Япония, Россия.

Такая система представляет собой реализацию *модели многополярного мира*.

⁴ Заметим, что, за исключением СССР, все центры были «апробированы» в качестве новых МЭЦ при самом непосредственном участии США. Так, Япония не только вобрала в себя американские рыночные институты вплоть до антимонопольного регулирования, но и полностью зависима от США в военном отношении; фактически Япония до сих пор является военным доминионом США. Китай «вырос» благодаря открытию Соединенными Штатами своего внутреннего рынка для китайских товаров и вливанию в китайскую экономику американских инвестиций; апофеозом этой «дружбы» стало вступление в 2001 г. Китая в ВТО. Европейский Союз в своем нынешнем виде стал возможен благодаря продвижению американского военного блока НАТО на Восток и вхождению в этот блок стран Восточной Европы. Только на основе единого военного союза европейских стран удалось создать единую европейскую экономическую зону. При возникновении политических проблем в Югославии миротворческие акции на ее территории осуществлялись вооруженными силами США.

Дать характеристику этой системы пока нельзя из-за короткого времени ее существования.

Скорее всего, РЭЦ будут постоянно образовывать временные союзы и тем самым стабилизировать мировую экономику.

Между тем можно предположить, что попытки создать новый МЭЦ будут продолжены. В настоящее время разыгрывается карта Таможенного Союза (ТС) и еще более амбициозного Евразийского Союза (ЕАС). Даже ТС таит в себе большие возможности. Продолжая опыт Объединенной Европы, он имеет гораздо более привлекательные характеристики.

Например, интеграция России, Казахстана, Украины и Беларуси позволит создать единое экономическое пространство, которое по территории будет в 2,2 раза больше США. По численности населения ТС будет составлять 70% населения США (см. табл. 6), а возможности дальнейшего роста демографического фактора объединенных территорий почти неограниченны. Такие параметры для современного мира следует признать уникальными и очень перспективными.

Сказанное по-новому высвечивает развернувшуюся борьбу между Россией и Европой за Украину. Геополитическое положение этой страны таково, что способно если и не сдвинуть чашу весов в пользу одного из конкурирующих центров силы, то, по крайней мере, ослабить позиции ТС в качестве нового МЭЦ.

7. Культура vs экономика. Выше мы проанализировали чисто экономические факторы формирования глобального мирового центра. Однако это само по себе еще не дает ответа на вопрос о том, чего следует ожидать в будущем. Вполне определенно можно сказать лишь следующее. Ни ЕС, ни Китай, ни Россия в своем нынешнем виде не могут взять на себя миссию нового МЭЦ. По многим признакам США также

близки к потере этой миссии. Мир оказался в состоянии институционального вакуума — не ясно, какая политическая юрисдикция будет определять потоки мирового капитала. Похоже, что в лице Соединенных Штатов мир завершил процесс глобализации мирового капитала. Что дальше?

Все РЭЦ сегодня опутаны очень серьезными экономическими проблемами. Однако ни одна из этих проблем не является нерешаемой. Вопрос лишь в том, с какой скоростью и с какими жертвами они будут ликвидированы. Такое положение дел выдвигает на первое место фактор культуры. Насколько гибкими, креативными и мудрыми будут страны при решении назревших проблем?

Уже сейчас видно, что главная проблема США не в экономике, а в культурной среде, которая там сформировалась. Распад общества, отсутствие объединяющей его идеи, нехватка адекватных институтов — вот главные угрозы для любой страны, в том числе для США. Таким образом, рокировка центров силы в мировой системе будет зависеть не столько от экономического, сколько от культурного фактора.

Как это ни парадоксально, но Россия в силу наличия у нее огромной территории всегда будет центром притяжения мировых капиталов. Сегодня этого не происходит в основном из-за того, что она не стала адептом современного капитализма. Фактически она, наоборот, старается его ограничить и взять под контроль.

Такой примат государства над капиталом отбивает интерес мировых деловых кругов к России. Если же в стране будет радикально изменено отношение к капиталу, то и сама Россия сможет выступить в качестве нового МЭЦ⁵. При этом мировой

⁵ Заметим, что любая северная страна, претендующая на роль нового МЭЦ, должна одновременно быть современной энергетической сверхдержавой. Это качество у России присутствует.

капитал, как он уже это показал за предыдущие века, не будет проявлять излишнюю эмоциональность в отношении новой юрисдикции. История показывает, что капитал не привязан к территории своего происхождения и временного пребывания. В этом смысле у России есть реальные шансы превратиться в оплот мирового капитала. Что же ей мешает сделать это?

Прежде всего, культурные традиции, которые принято называть общинными в противовес западным индивидуалистическим моделям поведения. Принять на себя роль МЭЦ — это значит отказаться от всех исторических традиций, отвергнуть старые культурные форматы поведения и государственного управления.

Какие социальные последствия могут иметь такого рода реформы? Насколько они реалистичны? Целесообразны ли они для российского народа и национальной капиталистической элиты? Стоит ли пожертвовать локальными интересами ради обретения глобальных достижений?

Ответы на поставленные вопросы являются неоднозначными. И это уже отдельная тема для обсуждения.

В данной статье рассмотрены некие объективные экономические предпосылки возникновения нового МЭЦ. И здесь, как оказывается, у России имеются огромные перспективы. При этом мы сознательно оставили в стороне целый ряд факторов, которые могут перенаправить ход истории в неожиданном направлении.

Например, мы оставили в стороне возможность военно-политических акций. Так, Китай проводит довольно агрессивную геополитику. Помимо захвата в 1951 г. Тибета, Китай буквально держит в страхе всех своих соседей — Вьетнам, Мьянму, Лаос, Тайвань; на форуме в Давосе—2014 выплыло наружу обострившееся военное противостояние Китая и Японии. Многие

из этих стран полагают, что Китай претендует на их территорию и может в любой момент осуществить военное вторжение. Разворачивание военных действий может изменить геополитический вес Китая, в том числе площадь его территории. В этом случае дрейф МЭЦ в сторону России будет проблематичен или, по крайней мере, заторможен.

Мы также абстрагировались от экологического фактора. Например, возможность роста душевого ВВП Китая до американского уровня, скорее всего, приведет к такой антропогенной нагрузке на окружающую среду, что это будет несовместимо с нормальной жизнью населения.

Есть опасность и сильного пролонгирования Соединенными Штатами своего существования в качестве МЭЦ. Отчасти этот процесс уже проявляется в активном использовании сланцевых технологий добычи нефти и газа на территории США; наличие обширных неосвоенных территорий страны создает серьезный временной резерв в переходе к новому МЭЦ.

В этом же направлении действуют планы американского бизнеса по переносу высокотехнологичного производства из Азии в США. Такая мера может надолго продлить жизнь Соединенных Штатов в качестве МЭЦ.

Есть опасность распада России, а также разделения Украины. Такое дробление территории потенциального нового МЭЦ может привести к радикальной рокировке интересов крупного капитала. Подобные территориальные «куски» поставят крест на перспективах России.

Существует опасность враждебной культурной интеграции представителей мирового капитала и российского населения. Как в свое время англо-саксонский капитал эффективно внедрился в США, жестко нейтрализовав местное индейское

население, так и в России он может занять достойное место, загнав при этом россиян в своеобразные экономические резервации. Разумеется, такое «недружественное поглощение» со стороны мирового капитала будет вызывать ожесточенное сопротивление и может закончиться отказом мировой бизнес-элиты от России в качестве МЭЦ.

Все эти обстоятельства могут нарушить естественную логику дрейфа мирового капитала к новому МЭЦ. Однако в любом случае все эти факторы выступают лишь в качестве возмущающих воздействий относительно главного эволюционного тренда — глобализации МЭЦ и поиска нового плацдарма для мирового капитала.

От редакции. Ряд концептуальных положений, содержащихся в статье профессора Е.В. Балацкого, носит весьма дискуссионный характер или требует дополнительной аргументации. Автор статьи, в частности, полагает, что смена глобальных лидеров — процесс, характерный для развития капиталистических отношений в мировом масштабе. Но есть ли границы капиталистического развития? Когда процесс геополитической инверсии капитализма затухнет? Вечен ли капитализм? Есть ли ему альтернатива?

Статья Е.В. Балацкого дает «хорошую пищу» для обсуждения проблем глобального развития. Редакция предлагает уважаемым читателям включиться в это обсуждение на страницах нашего журнала.

Ссылки на источники

1. Арриги, Дж. (2009). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» / Дж. Арриги // Прогнозис. — №1(17).
2. Балацкий, Е.В. (2013). Новые характеристики глобального капитализма / Е.В. Балацкий // Общество и экономика. — №3.
3. Бжезинский, З. (2007). Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / З. Бжезинский. — М.: Международные отношения.
4. Бреттон-Вудская система (2013) [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%F0%E5%F2%F2%EE%ED-%C2%F3%E4%F1%EA%E0%FF_%F1%E8%F1%F2%E5%EC%E0.
5. Венецианская республика (2013) [Электронный ресурс] // Полная энциклопедия. — Режим доступа: <http://www.polnaja-jenciklopedija.ru/istoriya-chelovechestva/venetsianskaya-respublika.html>.
6. Генуя (2013) [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%E5%ED%F3%FF>.
7. Дзись-Войнаровский, Н. (2011а). Китай — всему голова / Н. Дзись-Войнаровский // Сайт «Slon.ru», 14 января. — Режим доступа: http://slon.ru/world/kitay_vseму_golova-521428.xhtml.
8. Дзись-Войнаровский, Н. (2011б). ВВП Китая превзошел ВВП Америки / Н. Дзись-Войнаровский // Сайт «Slon.ru», 14 января. — Режим доступа: http://slon.ru/world/vvp_kitaya_prevzoshel_vvp_ameriki-521787.xhtml.
9. Жижек, С. (2012). Год невозможного. Искусство мечтать опасно / С. Жижек. — М.: Издательство «Европа».
10. История США (2013) [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%F2%EE%F0%E8%FF_%D1%D8%C0.
11. Лукас, Р.Э. (2013). Лекции по экономическому росту / Р.Э. Лукас. — М.: Изд-во Института Гайдара.
12. Норт, Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
13. GDP (current US\$) (2013) // Официальный сайт Мирового банка. — Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=default>.
14. What Was the U.S. GDP Then? (2013) // Сайт «Measuring Worth». — Режим доступа: <http://www.measuringworth.com/index.phphttp://www.measuringworth.com/usgdp/>.
15. The dating game (2011) [Электронный ресурс] // «The Economist online», 27 декабря. — Режим доступа: http://www.economist.com/blogs/dailychart/2010/12/save_date.

Balatsky E.V.

Prerequisites for global geopolitical inversion

Evgeniy Vsevolodovich Balatsky – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, State University of Management; Chief Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute, RAS (eбалатский@inbox.ru)

Abstract. The article considers a possibility of change of the current global world economic leader – the United States. The author introduces the concept “geopolitical inversion”, which means the change of the global economic center. The article describes a common globalizing trend in the formation of the world centers of capital, provides quantitative characteristics of this process – the indices of territorial and demographic dominance. The article uses the example of the UK and the USA to show five steps in geopolitical inversion and give their chronology. The author makes some suggestions concerning a new global leader that could succeed the USA.

Key words: globalization, geopolitical inversion, global economic center, trends.

References

1. Arrigi D. Posleslovie ko vtoromu izdaniyu “Dolgogo dvadtsatogo veka” [Afterword to the Second Edition of “The Long Twentieth Century”]. *Prognosis*, 2009, no.1(17).
2. Balatsky E.V. Novye kharakteristiki global'nogo kapitalizma [New Characteristics of Global Capitalism]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2013, no.3.
3. Brzezinski Z. *Eshche odin shans. Tri prezidenta i krizis amerikanskoi sverkhderzhavy* [Second Chance. Three Presidents and the Crisis of American Superpower]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2007.
4. Bretton Woods system. *Wikipedia*. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%F0%E5%F2%F2%EE%ED-%C2%F3%E4%F1%EA%E0%FF_%F1%E8%F1%F2%E5%EC%E0.
5. Venetsianskaya respublika [The Venetian Republic]. *Polnaya entsiklopediya* [Complete Encyclopedia]. Available at: <http://www.polnaja-jenciklopedija.ru/istoriya-chelovechestva/venetsianskaya-respublika.html>.
6. Genoa. *Wikipedia*. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%E5%ED%F3%FF>.
7. Dzis-Voinarovskiy N. Kitai – vsemu golova [China – a Head of All]. *Portal “Slon.ru”*, January 14. Available at: http://slon.ru/world/kitay_vsemu_golova-521428.xhtml.
8. Dzis-Voinarovskiy N. VVP Kitaya prevzoshel VVP Ameriki [China’s GDP Has Surpassed the U.S. GDP] *Portal “Slon.ru”*, January 14. Available at: http://slon.ru/world/vvp_kitaya_prevzoshel_vvp_ameriki-521787.xhtml.
9. Zizek S. *God nevozmozhnogo. Iskusstvo mechatat' opasno* [The Year of Dreaming Dangerously]. Moscow: Izdatel'stvo “Evropa”, 2012.
10. History of USA. *Wikipedia*. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%F2%EE%F0%E8%FF_%D1%D8%C0.
11. Lucas R.E. *Lektsii po ekonomicheskomu rostu* [Lectures on Economic Growth]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013.
12. North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change]. Moscow: Izd. dom GU-VShE, 2010.
13. GDP (Current US\$). 2013. *Official website of the World Bank*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=default>.
14. *What Was the U.S. GDP Then?* Available at: <http://www.measuringworth.com/index.phphttp://www.measuringworth.com/usgdp/>.
15. The Dating Game. *The Economist Online*, 2011, December 27. Available at: http://www.economist.com/blogs/dailychart/2010/12/save_date.

Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации*

**Ольга Александровна
РОМАНОВА**

доктор экономических наук, профессор, зав. отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, econ@uran.ru)

**Николай Ювенальевич
БУХВАЛОВ**

кандидат экономических наук, генеральный директор, ОАО «Мотовилихинские заводы» (614014, г. Пермь, ул. 1905 года, д. 35, buhvalov_nu@mz.perm.ru)

Аннотация. В статье отмечено, что промышленная политика является обязательным атрибутом государственного участия в экономическом развитии любой страны, выделены определяющие типы промышленной политики, подчеркнута разноречивое понимание промышленной политики в западных странах и в отечественной экономике. Выделены особенности реализации промышленной политики в зарубежных странах, проанализированы этапы ее формирования и реализации в России. Обосновано, что актуальным трендом развития современной отечественной экономики является новая индустриализация. Уточнен понятийный аппарат исследования: предложено авторское понятие новой индустриализации, выделен ее функционально-каталитический тип, сформулировано понятие «институциональный контур новой индустриализации». Развита теоретико-методологические основы и предложена теоретическая платформа формирования промышленной политики в условиях новой индустриализации. В качестве системной основы

* Статья подготовлена при поддержке Программы межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований, проект № 12-С-7-1003 «Исследование и прогнозирование структурной и пространственно-временной динамики региональных отраслевых рынков и разработка адаптивных моделей промышленной политики».

платформы предложен синтез положений институциональной теории, теории долгосрочного технико-экономического развития и экономической синергетики. Отмечена эволюция механизма реализации промышленной политики и выделены современные механизмы, характерные для промышленной политики XXI века.

Ключевые слова: промышленная политика, новая индустриализация, институциональный контур новой индустриализации, теоретическая платформа, механизм реализации.

Введение

Промышленная активность в XXI веке будет оставаться важнейшим фактором экономического развития. Универсальным механизмом формирования конкурентоспособной структурно-сбалансированной экономики как итога промышленной активности является промышленная политика — обязательный атрибут государственного участия в экономическом развитии любой страны. Однако формы и методы такого участия государства чрезвычайно многообразны. Они определяются не только стадией цивилизационного развития общества, уровнем социально-экономического развития страны, менталитетом населения, но и спецификой институциональной среды, структурными характеристиками экономики и т.д.

Промышленная политика, субъектом проведения которой выступало государство, сформировалась в эпоху индустриализации в XIX веке, когда технико-технологические средства рассматривались в качестве основного инструмента решения важнейших социально-политических задач [1, с. 48]. Сегодня в нашей стране проблема промышленной политики, центральным ядром которой является инновационная политика, находится в центре внимания как государственных органов власти, так и бизнес-сообщества. Такой интерес во многом определяется громадными структурными диспропорциями в отечественной экономике, что значительно осложнило последствия системного кризиса, ибо он во многом носил именно структурный характер.

Преодоление кризиса, активизация исследований в области новой индустриализации экономики России и зарубежных стран требуют проведения промышленной политики, построенной на сочетании активной роли государства и рыночных механизмов. При этом роль государства в европейских странах рассматривается не с позиции роста его присутствия в экономике, а с позиции SMART-государства, то есть государства, определяющего цели, задачи, приоритеты развития страны.

Можно отметить, что наиболее обсуждаемыми альтернативными моделями экономической политики, определяющими тип промышленной политики, являются либеральная и дирижистская модели. Для первой из них характерна свободная игра рыночных сил и минимум участия государства в экономике. В соответствии с этой моделью формируется так называемая «мягкая» или горизонтальная модель промышленной политики. Дирижистская модель предполагает активное участие государства в экономике в качестве не только реформатора, но и действующего субъекта, государственного предпринимателя и инвестора. В этом случае формируется «жесткая» или вертикальная модель промышленной политики.

В то же время до сих пор не сложилось единого мнения по поводу понимания экономического содержания промышленной политики. Термин «Industrial — policy», широко распространенный в западных странах, — это, прежде всего, политика по поддержке отдельных, важнейших на разных этапах развития секторов экономики.

В США естественно звучит «промышленная политика в АПК или в туристическом бизнесе» и т.д. В нашей стране буквальный перевод термина «Industrial – policy» как «промышленная политика» предопределил ее понимание как политики в области промышленности. Именно с этих позиций и обсуждаются сегодня проблемы законодательного обеспечения реализации промышленной политики в России.

Промышленная политика в зарубежных странах

В практике мировой экономики приоритеты поддержки в рамках промышленной политики разнообразны. Например, приоритеты поддержки в ряде стран Южной Америки включают в себя займы на основные средства или инвестиционные проекты, вложения в акционерный капитал, займы специфическим секторам и налоговые льготы для них, кредитные программы и налоговые льготы для отдельных регионов. В качестве примера одного из направлений промышленной политики Франции, страны, где ее формированию и реализации уделяется чрезвычайно большое внимание, можно привести льготы для предприятий сферы НИОКР. Особая система мер промышленной политики сформирована и постоянно меняется в странах ЕС.

Профессор Гарвардского университета Д. Родрик отмечает: «В развивающихся странах трудно найти преуспевающую индустрию, которая бы не была результатом проведения промышленной политики» [13, р. 17], так называемой «Industrial policy». Именно промышленная политика явилась одним из основных инструментов, применяемых зарубежными странами для изменения облика национальной промышленности и решения структурных проблем. В то же время «Industrial policy» означает не только секторальную политику, но и по-

литику государства по содействию выходу экономики, в том числе промышленности, из структурного кризиса.

Опыт как развитых, так и развивающихся стран свидетельствует о положительных результатах реализации промышленной политики. В частности, Д. Родрик [13, р. 26] привел интересные данные по экспорту в США 5 наиболее значимых единиц экспорта из трех стран – экономических лидеров Латинской Америки – Бразилии, Чили и Мексики. Оказалось, что каждый из этих товаров до сих пор имеет статус бенефициария специальных программ поддержки (в т.ч. авиационная промышленность, развитие которой вывело Бразилию на третье место в мире по экспорту самолетов, и сталелитейная и обувная).

Россия всегда обладала крупным заделом в аэрокосмическом комплексе, но упустила лидерство в авиастроении, дающем большой мультипликативный эффект.

Бразильская корпорация «Эмбраер», стартовавшая лишь в конце 1970-х годов, превратилась в третьего в мире производителя и экспортера авиационной техники (после «Боинга» и «Эйрбаса»). Бразилия стала мировым лидером в такой перспективной нише альтернативной энергетики, как производство биоэтанола и биодизеля [4].

Практика латиноамериканских стран, ориентировавшихся в 1990-е гг. в соответствии с рекомендациями Вашингтонского консенсуса только на «мягкую» промышленную политику, показала ненадежность такого варианта развития. В этот период роль рыночных механизмов в Латинской Америке существенно возросла при резком сокращении вмешательства государства в экономические процессы. Степень либерализации экономики, т.е. уменьшения государственного вмешательства в нее, характеризуется индексом структурных реформ. Его максимальное значение – 1. Указанный индекс по странам Латинской

Америки в начале 1970-х гг. составлял 0,47. В середине 1980-х гг. его значение приблизилось к 0,55 и возросло к концу 1990-х гг. до 0,82 [12]. Однако темпы экономического роста региона в 1990-х гг. оказались в среднем намного ниже, чем до 1980-х, когда и степень открытости стран региона, и качество существовавших там институтов уступали ведущим в этом отношении странам. Фактически только 3 латиноамериканские страны — Чили, Уругвай и Аргентина — росли в 1990-е гг. быстрее, чем в течение 1950–1980-х.

Этот опыт резко отличается от опыта таких стран, как Южная Корея и Тайвань (с начала 1960-х гг.), Китай (с конца 1970-х гг.) и Индия (с начала 1980-х гг.). В этих странах нашло достаточно широкое применение использование универсальных мер промышленной политики, здесь не были четко закреплены права собственности и применялись такие меры государственной политики, которые рассматриваются как тормоз экономического развития. Однако это не помешало отмеченным странам, а, напротив, скорее всего и являлось причиной успешного преодоления трудностей в развитии экономики и формировании здесь современных технологических укладов, соответствующих условиям экономики знаний.

Характер государственной поддержки в разных странах и в разные периоды времени меняется. Например, во Франции в 60–80-е гг. XX в. использовались инструменты, имеющие четко заданную целевую направленность — помощь предприятиям-экспортерам, развитие отдельных регионов, стимулирование научных исследований. Помощь отраслям продолжала осуществляться и во второй половине 80-х годов, но произошло смещение акцентов. В традиционные отрасли (черную металлургию, судостроение и текстильную промышленность) было направлено 50% средств,

в то время как в высокотехнологичные — только 20%. Основной объем финансирования приходился на производство, затем на производственные инвестиции, и лишь на третьем месте были инвестиции в НИОКР. Для малых и средних предприятий помощь предоставлялась в двух основных формах: субвенции (70% помощи) и ссуды. Основное финансирование идет малым и средним предприятиям и только 5,5% — непосредственно на НИОКР [6, с. 27].

В конце XX в. ситуация в финансировании НИОКР во Франции несколько изменилась. Основная помощь предоставлялась так называемой промышленной технологии¹, которая финансировалась в виде традиционных государственных кредитов на НИОКР, льготного финансирования, государственных контрактов, создания инфраструктуры для развития науки и технологии.

Промышленная политика в России

Россия имеет достаточно богатый опыт формирования и реализации промышленной политики. В 1989–1991 гг. здесь не могло быть постановки самого вопроса о промышленной политике, т.к. преобладала вера в рынок как панацею от всех бед. В 1992–1993 гг. на государственном уровне был определен круг отраслей, поддерживаемых в приоритетном порядке за счет специального бюджетного фонда поддержки приоритетных отраслей.

Затем (1994–1998 гг.) был отказ от критериев отраслевой селекции, а поддерживались коммерчески эффективные проекты (принцип финансирования 4:1). Отсутствие технологического прогресса, а также положительных структурных сдвигов привело к новому этапу, когда преобладающим стало мнение, что лучшая промышленная политика — это ее отсутствие.

¹ Термин «промышленная технология» означает комплекс различных форм промышленных инноваций и НИОКР.

Сложившаяся в результате такой политики консервация структуры промышленности предопределяла необходимость более активного проведения государственной промышленной политики, которая в период 2001–2005 гг. реализовала универсальные методы поддержки промышленности.

В период с 2006 по 2008 г. «мягкая» промышленная политика была дополнена селективными мерами поддержки приоритетных видов деятельности. В этот же период поставлен вопрос о формировании национальной промышленной политики и переходе к конкурентной промполитике. Итогом стало некоторое повышение инновационного потенциала, усиление акцента на развитии высокотехнологичных производств. Современная промышленная политика, политика XXI века, – это политика экономической реструктуризации с выявлением сфер возможного государственного вмешательства с целью смягчения структурных перемен и эффективного сотрудничества с бизнесом, институтами гражданского общества.

Промышленная политика как инструмент новой индустриализации

Неоднократные изменения вектора динамики развития отечественной экономики в первые десятилетия XXI века активизировали исследования в области проведения новой индустриализации. Обсуждение ее как актуального тренда развития современной экономики вызвало ширококомасштабную дискуссию не только по возможным путям и способам ее проведения, но и по трактовке самого понятия новой индустриализации. Анализ различных точек зрения по ее сущностному пониманию [2; 4; 10] показал, что она зачастую трактуется как создание новых секторов хозяйства и новых предприятий, формирующих в совокупности так называемую «новую экономику».

Значительно меньше внимания уделяется модернизации и инновационному развитию традиционных отраслей, составляющих экономическую основу индустриальных регионов.

Не учитывается также, что в период становления новых отраслей промышленности и соответствующей инфраструктуры возникает несоответствие между технико-экономической и социально-институциональной сферами.

Кроме того, между новыми и старыми технологиями возникают внутренние противоречия в экономической системе, процесс преодоления которых достаточно длительный, сложный, социально болезненный и может успешно осуществляться лишь посредством интерактивных социальных, политических и управленческих изменений.

Поэтому новая индустриализация, по нашему мнению, затрагивает не только управление и организацию на уровне отдельных фирм, производств и отраслей, но и всю систему социального и политического регулирования. Для ее успешного проведения неизбежны кардинальные изменения в инвестиционном поведении, в технологических решениях, в организационных моделях, позволяющих повысить эффективность, в менталитете социума и в институциональной среде, регулирующей и поддерживающей желательные экономические и социальные процессы.

Такое понимание позволяет трактовать неоиндустриализацию как синхронный процесс создания новых, высокотехнологичных секторов экономики и эффективного инновационного обновления ее традиционных секторов при согласованных между технико-экономической и социально-институциональной сферами качественных изменениях, осуществляемых посредством интерактивных технологических, социальных, политических и управленческих изменений.

В развитие данного понятия представляется целесообразным выделить функционально-каталитическую индустриализацию как особый тип новой индустриализации. Его типологическим принципом является зависимость создания новых секторов экономики и развития сопряженных производств, в том числе традиционных, от реализации потенциальных возможностей каталитических свойств инновационных технологий и продуктовых инноваций.

Характерным примером производств, составляющих основу функционально-каталитической индустриализации, являются нано-, био-, инфоиндустрия, редкоземельная промышленность, производство композитов, использование продукции которых служит основой не только для создания новых видов производств и продуктовых инноваций, но и для появления мультипликативного эффекта в базовых секторах экономики.

Институциональный контур новой индустриализации

Успешность процессов новой индустриализации во многом определяется качеством институциональной среды. Для исследования влияния институциональных факторов на развитие процессов неоиндустриализации продуктивным является, по нашему мнению, использование концепции институциональных матриц.

Первое упоминание о них встречается в работах неоинституционалистов К. Поланьи и Д. Норта, дальнейшее концептуальное развитие этого направления связано с работами исследователей ИЭ СО РАН [5]. Институциональная матрица в этих работах трактуется как форма общественных отношений, интегрированных через систему базовых институтов в основных сферах жизнедеятельности социума — экономике, политике и идеологии. Данное понятие было использовано как определяющее при исследовании институциональной среды

развития малого бизнеса на Урале [9, с. 84]. Представляется, что концепция институциональных матриц может быть сущностной основой такого нового, предлагаемого нами понятия, как институциональный контур новой индустриализации.

Институциональный контур новой индустриализации — это наиболее существенные типы экономической, политической и идеологической деятельности в сфере общественного развития, имеющие высокую технологическую и социально-экономическую значимость, обладающие высоким мультипликативным эффектом и потенциалом саморазвития, способствующие развитию процессов новой индустриализации на базе сетевых взаимодействий промышленных, инновационных и социально-экономических систем.

В условиях новой индустриализации предъявляются новые требования к проведению промышленной политики. Технологическое обновление базовых отраслей материального производства, предопределяя возможность их качественного преобразования, играет важнейшую роль в создании принципиально иной технологической базы, способствующей изменению структуры производства, ориентированной на приоритет развития человеческого потенциала. Однако до настоящего времени отсутствует единая теоретическая платформа, которая может быть системной основой проведения промышленной политики, соответствующей условиям новой индустриализации.

Теоретические основы формирования промышленной политики

Существуют различные точки зрения по поводу теоретической природы промышленной политики. (Е. Ясин считает, что государственную, в том числе промышленную, политику не следует привязывать к определенным теоретическим моделям. Более обоснованной представ-

ляется позиция Г. Колодко, по мнению которого, политика должна основываться на теории, объясняющей механизмы функционирования экономики и ее роста. Хорошая политика может быть сформулирована и реализована только на основе хорошей экономической теории.)

Наша позиция заключается в том, что наличие теоретической платформы и ее своевременная корректировка являются обязательными при формировании промышленной политики.

Необходимость формирования новой теоретической платформы промполитики определяется такими чертами современной экономики, как многоуровневость, полиструктурность, неоднородность, нестабильность, многофакторность, фрактальность. Это предполагает обязательность участия в качестве субъектов промышленной политики не только государства на разных иерархических уровнях, но и бизнеса и институтов гражданского общества. Исследования, проведенные в Институте экономики УрО РАН, позволили разработать предложения по формированию теоретической платформы современной национальной промышленной политики. Фундаментальной основой такой платформы может быть синтез положений институциональной теории, теории долгосрочного технико-экономического развития и экономической синергетики.

Институциональная классическая теория (ее наиболее видный представитель — У. Сэмюэлс) является, по нашему мнению, одной из базовых при разработке теоретических основ формирования промышленной политики в силу следующих обстоятельств. Институционалисты-классики подходят к экономике как к органичному системному эволюционирующему целому. Особенно важно с позиций промышленной политики учитывать тот акцент, который делают институционалисты в аспекте при-

менения теории к проблемам политики и экономической роли государства. Они подчеркивают, что структура власти (включая законные права) определяет, чьи интересы должны учитываться, а следовательно, оптимальные по Парето решения специфичны для каждой такой структуры.

При формировании промышленной политики возрастает актуальность учета неразрывной связи всякого действия с технологией, что подчеркивается институционалистами. Поэтому правила осуществления этого действия устанавливаются отнюдь не на основе свободного индивидуального рационального выбора, а исходя из объективных технологических параметров.

Таким образом, обязательным атрибутом институтов с точки зрения институциональной классики является предметно-деятельностное содержание, связанное в рамках промышленной политики с достижением более высокого технологического уклада, повышением конкурентоспособности экономики на базе ее новой индустриализации.

Особую роль играет понимание институционалистами института как коллективного действия, контролирующего и расширяющего индивидуальное действие. То есть в его рамках первенство отдается социальности, коллективности по отношению к индивидуальности [7]. Это положение предопределяет многосубъектность промышленной политики, когда не только государство и бизнес, но и наука, образование, институты гражданского общества принимают участие в разработке идеологии формирования промышленной политики и ее реализации.

Поскольку государство «глубоко вовлечено в качестве как зависимой, так и независимой переменной в социально-экономическую структуру власти» [8, с. 137], то основной практической проблемой при формировании промышленной политики

является непротивопоставление допустимости вмешательства государства в экономику его полному отсутствию. Наиболее значимо то, каким интересам государство окажет свою поддержку, какие приоритеты будут для него наиболее существенны. Институционалисты подчеркивают, что вектор формирования промышленной политики государства определяется системой правоотношений в конкретном обществе. Поэтому ее совершенствование во многом предопределяет действенность и эффективность промышленной политики любой страны.

Теория долгосрочного технико-экономического развития во многом объясняет закономерности геотехнологической динамики. Исследования К. Перес, С. Глазьева, В. Дементьева, Б. Кузыка, В. Маевского, Ю. Яковца показали, что в технологической структуре экономики выделяются группы технологических совокупностей, связанные однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности, что составляет основу соответствующей технико-экономической парадигмы и формирующихся технологических укладов.

Исследования в рамках вышеотмеченной научной школы позволили установить ряд закономерностей долгосрочного экономического развития, которые должны, по нашему мнению, учитываться при формировании многосубъектной функциональной промышленной политики. Среди них необходимо отметить следующие:

- чередование длинных волн экономической конъюнктуры;
- глубокие технологические сдвиги, кардинально меняющие структуру мировой экономики, как фактор периодически возникающих структурных кризисов;
- неравновесность процессов технико-экономического развития, жизненный цикл каждого из которых имеет внутреннюю логику и объективные ограничения;

- нелинейность траекторий развития, распространения и замещения технологий;

- неопределенность и альтернативность технологических траекторий в начале жизненного цикла соответствующих направлений технико-экономического развития;

- наличие разрывов между фазами жизненного цикла эволюции технологий, возможности преодоления которых зависят от состояния институтов инновационной и инвестиционной системы.

Синергетика. Перечисленные закономерности во многом перекликаются с методологическими идеями теории самоорганизации, или синергетики. Она впитала в себя и теорию систем, и теорию эволюции, акцентируя внимание на исследовании неравновесных ситуаций, на пороговых точках развития и качественных переходах. В основе синергетики лежит междисциплинарный подход, который все чаще используется для выявления и объяснения развития в координатах «пространство – время», для «проектирования будущего». Синергетику правомерно рассматривать как новую научную парадигму.

Особую роль с позиции формирования новой парадигмы играет экономическая синергетика. Экономика, в отличие от естественных наук, насыщена субъективной деятельностью. Проблема субъекта существует в экономических науках изначально, а только потом появляется проблема нелинейности, неопределенности, случайности и необходимости. Этот момент особенно важен при формировании промышленной политики, ибо особое влияние на эффективность ее реализации оказывают именно субъекты управления и хозяйствования.

Необходимо подчеркнуть, что синергетика владеет анализом взаимодействия (субъектно-субъектного отношения), что предполагает обращение к конкретным историческим субъектам.

Следовательно, современную экономику, в пространстве которой взаимодействуют государства, рыночные институты различного типа, крупные, средние и малые структуры бизнеса, финансовые фонды, банковская система, население, просто невозможно исследовать вне теории взаимодействия, а значит, вне синергетики (именно этот факт способствовал превращению государственной промышленной политики в национальную).

Таким образом, среди ряда основных свойств, позволяющих рассматривать синергетику с этих позиций, можно отметить два свойства, имеющих непосредственное отношение к формированию промышленной политики:

1. Синергетика выросла из современного нового коммуникативного этапа в развитии общества и представляет собой науку о взаимодействии как универсальном механизме функционирования и развития сложных открытых систем природы и общества.

2. Синергетика, являясь наукой о становлении, работает с необратимым временем и пространством, что касается всех уровней природы и общества, и имеет непосредственное отношение к промышленной политике, в частности, к становлению нового технологического уклада (ТУ) и его интеллектуального ядра.

При формировании промышленной политики важно учитывать принципы коэволюции, принципы нелинейного синтеза различных структур в сложные целостные структурные образования. Коэволюция — не просто процесс подгонки отдельных технологий друг к другу при образовании новейшего ТУ. Его замещение требует изменений в социальных и институциональных системах, что способствует более активному внедрению технологий нового ТУ. Коэволюция — это интерактивная связь между отдельными индивидами

внутри социальных организаций и человеческого сообщества в целом.

Синергетические принципы коэволюции, ориентированные на отдаленное будущее, которое практически невозможно конструировать на базе традиционных методов, необходимы для эффективной управленческой деятельности. Они могут использоваться для формирования стратегического видения будущего, для планирования на долгосрочную перспективу, для разработки государственной промышленной политики в глобализирующемся мире.

Общей закономерностью коэволюционного развития является то, что объединение в долгосрочной исторической перспективе выгодно не только слабым элементам, в лице устаревающих технологических укладов, но и сильным, высоко развитым элементам, то есть элементам, формирующим ядро технологического уклада. Важнейшей вытекающей из синергетики идеей является то, что для устойчивого развития процесса коэволюции необходимы определенная доля хаоса, то есть спонтанности развития и самоуправления, а также определенная доля внешнего управления. Причем эти две составляющие — самоорганизация снизу и организация сверху — должны быть сбалансированы, что и определяет специфику промышленной политики на разных этапах экономического развития страны.

Отмеченные положения институциональной теории, теории долгосрочного технико-экономического развития и синергетики могут, по нашему мнению, служить надежной теоретико-методологической основой формирования промышленной политики.

Предлагаемая теоретическая платформа формирования промышленной политики предполагает обязательность применения современной методологии выявления ее приоритетов.

Наиболее надежным и апробированным в мировой практике методом является форсайт, теоретическая основа которого во многом перекликается с вышеприведенными базовыми положениями, формирующими современный подход к промышленной политике.

Механизм реализации промышленной политики

Успешность реализации приоритетов промышленной политики во многом определяется адекватным механизмом ее реализации, под которым понимается система мер, применяемых для достижения заявленных целей. Можно отметить, что этот механизм, так же как и сама промышленная политика, претерпел значительные изменения (рис. 1). Еще в 90-е годы прошлого столетия основная модель механизма реализации как государственной, так и региональной промышленной политики представляла собой механизм развития наукоемких отраслей, механизм реструктуризации традиционных отраслей и компенсационный механизм. Последний был призван не только снизить негативные социальные последствия процесса трансформации промышленного комплекса

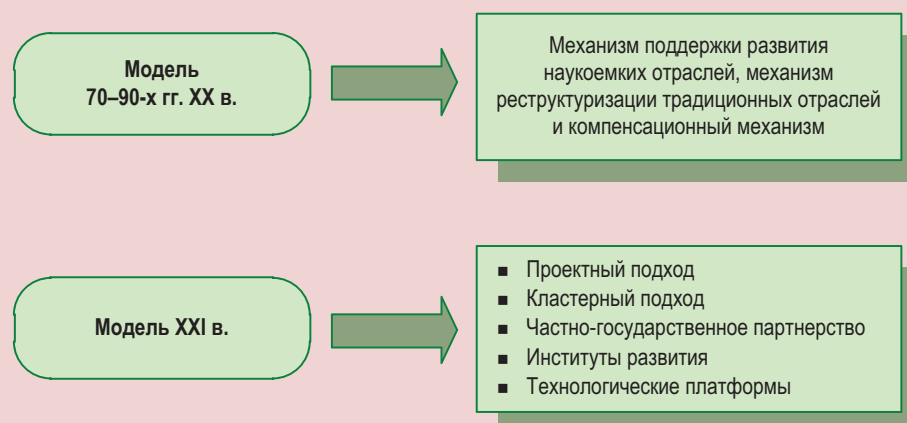
территории, но и решить проблемы, являющиеся общими и для традиционных, и для наукоемких отраслей (проблемы структурной безработицы, инфраструктурного обеспечения структурной перестройки промышленности, повышения «инновационности» промышленного комплекса и т.д.).

Изменившиеся условия и новые требования к современной промышленной политике определяют необходимость разработки новых подходов к механизму ее реализации. Как наиболее значимые могут быть выделены пять подходов:

1. Реализация *приоритетных промышленных* проектов различного масштаба. В рамках проекта как инструмента промышленной политики соединяются административные, финансовые, структурные, технологические, кадровые и рыночные ресурсы.

2. *Кластерный подход* – это не только средство достижения таких целей промышленной политики, как структурные изменения, модернизация экономики, повышение ее конкурентоспособности, усиление инновационной направленности, но и мощный инструмент регионального развития.

Рисунок 1. Механизмы реализации промышленной политики [11]

3. *Частно-государственное партнерство (ЧГП)* имеет давнюю историю, однако особое внимание его развитию уделяется в отечественной экономике в настоящее время. Развитие отношений государства и частного бизнеса характеризуется тем, что они могут успешно реализовываться не только на федеральном уровне, но и распространяться на более низкие уровни общественной системы – уровень регионов и муниципальный уровень. Это важно с позиции формирования промышленной политики, так как возрастает необходимость ее проведения на разных иерархических уровнях. Такая ситуация связана с перераспределением финансовых потоков в пользу конкретных территорий, а также, как было отмечено выше, с целесообразностью расширения круга лиц и организаций, заинтересованных в реализации промышленной политики.

4. *Институты развития*, созданные в России, достаточно условно подразделяются на административные, например особые экономические зоны, и финансовые, такие как инвестиционный фонд, Российская венчурная компания, Банк развития РФ и т.д. Кроме того, институты развития дополняются на региональном уровне комплементарными институтами развития как катализаторами инновационного роста и эффективными инструментами проведения государственной региональной промышленной политики.

5. *Технологические платформы* являются одним из важнейших инструментов формирования промышленной политики, реализующей национальные приоритеты технологического развития. Технологические платформы призваны преодолевать разрывы между наукой и бизнесом на основе четкой ориентации научных разработок на нужды промышленности. Координация исследований и возможных направлений их практического приме-

ния позволит более точно сформулировать заказ для научно-исследовательских разработок и ускорить их коммерциализацию на основе государственно-частного партнерства.

Успешная реализация промполитики в значительной степени определяется наличием и эффективностью общественных институтов, участвующих в ее проведении (рис. 2).

Представляется обязательным участие политического лидера в реализации промышленной политики и его полная ответственность за последствия ее осуществления. Возрастает значение целенаправленной работы координационно-совещательных и экспертно-аналитических органов, вырабатывающих и оценивающих стратегические приоритеты, систематизирующих информацию о возможностях новых инвестиций, поддерживающих связь между различными госучреждениями, бизнесом и общественностью, разрабатывающих предложения по изменению законодательства и регламентов. Стратегическое сотрудничество институтов гражданского общества с государством и частным сектором является той основой, которая позволит предложить способы эффективного устранения препятствий к реструктуризации отечественной экономики и достижения заявленных целей промышленной политики.

Заключение

Формирование промышленной политики на базе обоснованной выше теоретической платформы будет способствовать ее реализации не как статической системы, а как системы, которая может изменяться, самодополняться, развиваться и в конечном итоге переходить в режим самоорганизационного функционирования. При этом экономическое содержание промышленной политики будет направлено на реализацию конкурентного вектора структурных

Рисунок 2. Формирование общественных институтов проведения промышленной политики [11]

изменений, корректировку рыночных сил за счет усиления или снижения эффекта распределения ресурсов, содействие в достижении синергетического эффекта, максимального увеличения собственного потенциала экономического роста, снижения рисков производственных потерь и погони за рентой. Такая промышленная политика может быть действенным инструментом

новой индустриализации отечественной экономики. При этом достигается взаимодействие разнообразных видов деятельности, имеющих высокую технологическую и социально-экономическую значимость, что будет способствовать становлению и развитию структурно-сбалансированной, высокотехнологичной, конкурентоспособной отечественной экономики.

Литература

1. Андрианов, К.Н. Эволюция и виды государственной промышленной политики / К.Н. Андрианов // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2013. – № 7-9. – С. 48-54.
2. Губанов, С. К политике неоиндустриализации России / С. Губанов // Экономист. – 2009. – № 9. – С. 3-20.
3. Давыдов, Б. Организационные аспекты неоиндустриального развития / Б. Давыдов // Экономист. – 2012. – № 6. – С. 43-48.
4. Давыдов, В.М. Перспективы БРИК и некоторые вопросы формирования многополярного мира / В.М. Давыдов. – М.: Ин-т Латинской Америки, 2008. – С. 29.
5. Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ / С.Г. Кирдина; Ин-т экономики. – М.: Наука, 2004. – 256 с.

6. Кругликова, Т.В. Промышленная политика Франции во второй половине XX в. / Т.В. Кругликова; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. – М.: Наука, 2008.
7. Московский, А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики / А. Московский // Вопросы экономики. – 2009. – № 3.
8. Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2-х т. / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта; пер. с англ. под ред. В.С. Автономова и С.А. Афонцева. – СПб.: Экономическая школа. – 2002. – Т. 1.
9. Романова, О.А. Региональный институциональный контур развития малого предпринимательства / О.А. Романова, Н.Н. Беспамятных // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». – 2004. – № 10. – С. 81-89.
10. Рязанов, В. От рентной экономики к новой индустриализации России / В. Рязанов // Экономист. – 2011. – № 8. – С. 3-17.
11. Татаркин, А.И. Промышленная политика: теоретические основы, региональный опыт разработки и реализации / А.И. Татаркин, О.А. Романова // Промышленная политика. – 2008. – № 7.
12. Indexes of Structural Reform in Latin America / Morley, Samuel A., Roberto Machado and Stefano Pettinato. – ECLAC, Santiago, Chile (LC/L. 1166), January 1999.
13. Rodrik, D. Industrial Policy for the Twenty-First Century / D. Rodrik. – Harvard University, 2004.

Romanova O.A., Bukhvalov N.Yu.

Development of the theoretical platform as a system foundation for industrial policy in the context of new industrialization

Olga Aleksandrovna Romanova – Doctor of Economics, Professor, Department Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russia, econ@uran.ru)

Bukhvalov Nikolai Yuvenalievich – Ph.D. in Economics, Director General, JSC “Motovilikhinskiye zavody” (35, St. Named after the Year 1905, Perm, 614014, Russia, buhvalov_nu@mz.perm.ru)

Abstract. The article considers industrial policy as a compulsory attribute of the state participation in the economic development of any country, singles out types of industrial policy and emphasizes contradictory understanding of industrial policy in Western countries and domestic economy. The author describes the features of industrial policy implementation in foreign countries and analyzes the stages of its development and implementation in Russia. The article substantiates the fact that the current trend of modern national economy development is new industrialization. It clarifies the research conceptual framework, describes the author’s concept of new industrialization, reveals its functional-catalytic type and formulates the concept of “institutional contour of new industrialization”. The research develops theoretical-methodological bases and proposes the theoretical platform for industrial policy in conditions of new industrialization. The platform system base is the synthesis of the institutional theory provisions, the theory of long-term technological and economic development and economic synergy. The article reveals the evolution of the industrial policy implementation mechanism and singles out the modern mechanisms, typical for industrial policy of the 21st century.

Key words: industrial policy, new industrialization, institutional contour of new industrialization, theoretical platform, implementation mechanism.

References

1. Andrianov K.N. Evolyutsiya i vidy gosudarstvennoi promyshlennoi politiki [Evolution and Types of State Industrial Policy]. *Promyshlennaya politika v Rossiiskoi Federatsii* [Industrial Policy in the Russian Federation]. 2013, no.7–9, pp. 48-54.
2. Gubanov S. K politike neoindustrializatsii Rossii [On the Policy of Neoindustrialization in Russia]. *Ekonomist* [The Economist]. 2009, no.9, pp. 3-20.
3. Davydov B. Organizatsionnye aspekty neoindustrial'nogo razvitiya [Organizational Aspects of Neo-Industrial Development]. *Ekonomist* [The Economist], 2012, no.6, pp. 43-48.
4. Davydov V.M. *Perspektivy BRIK i nekotorye voprosy formirovaniya mnogopolyarnogo mira* [The BRIC Prospects and Some Questions of Multipolar World Formation]. Moscow: In-t Latinskoi Ameriki, 2008, p. 29.
5. Kirdina S.G. *X- i Y-ekonomiki: institutsional'nyi analiz* [X - and Y-Economies: Institutional Analysis]. Moscow: Nauka, 2004. 256 p.
6. Kruglikova T.V. *Promyshlennaya politika Frantsii vo vtoroi polovine XX v* [Industrial Policy in France in the Second Half of the 20th Century]. Moscow: Nauka, 2008.
7. Moskovskii A. Institutsionalizm: teoriya, osnova prinyatiya reshenii, metod kritiki [Institutionalism: Theory, Decision-Making Basis, Criticism Method]. *Voprosy ekonomiki* [Economics Issues], 2009, no.3.
8. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya: v 2-kh t* [View of the Economic Thought at the End of the 21st Century: in 2 Volumes]. Ed. by D. Greenaway, M. Amini, I. Stewart; translated from English under the editorship of V.S. Avtonomov and S.A. Afontsev. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2002. Vol. 1.
9. Romanova O.A., Bespamyatnykh N.N. Regional'nyi institutsional'nyi kontur razvitiya malogo predprinimatel'stva [Regional Institutional Contour of Small Business Development]. *Vestnik UrFU. Seriya "Ekonomika i upravlenie"* [Bulletin of the Ural Federal University. Economics and Management], 2004, no.10, pp. 81-89.
10. Ryazanov V. Ot rentnoi ekonomiki k novoi industrializatsii Rossii [From Rent Economy to the New Industrialization of Russia]. *Ekonomist* [The Economist], 2011, no.8, pp. 3-17.
11. Tatarkin A.I., Romanova. O.A. Promyshlennaya politika: teoreticheskie osnovy, regional'nyi opyt razrabotki i realizatsii [Industrial Policy: Theoretical Foundations, Regional Experience of Development and Implementation]. *Promyshlennaya politika* [Industrial Policy], 2008, no.7.
12. Morley, A. Samuel, R. Machado, S. Pettinato. Indexes of Structural Reform in Latin America. ECLAC, Santiago, Chile (LC/L. 1166), January 1999.
13. D. Rodrik. *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. Harvard University, 2004.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 338.242 : 353, ББК 65.050.23

© Ротенберг Р.Б.

Стратегическое регулирование процессов структурных преобразований в экономике моногорода

**Роман Борисович
РОТЕНБЕРГ**

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления экономическими и социальными процессами, СПбГУКиТ (191123, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38, info@iresras.ru, fau@gukit.ru)

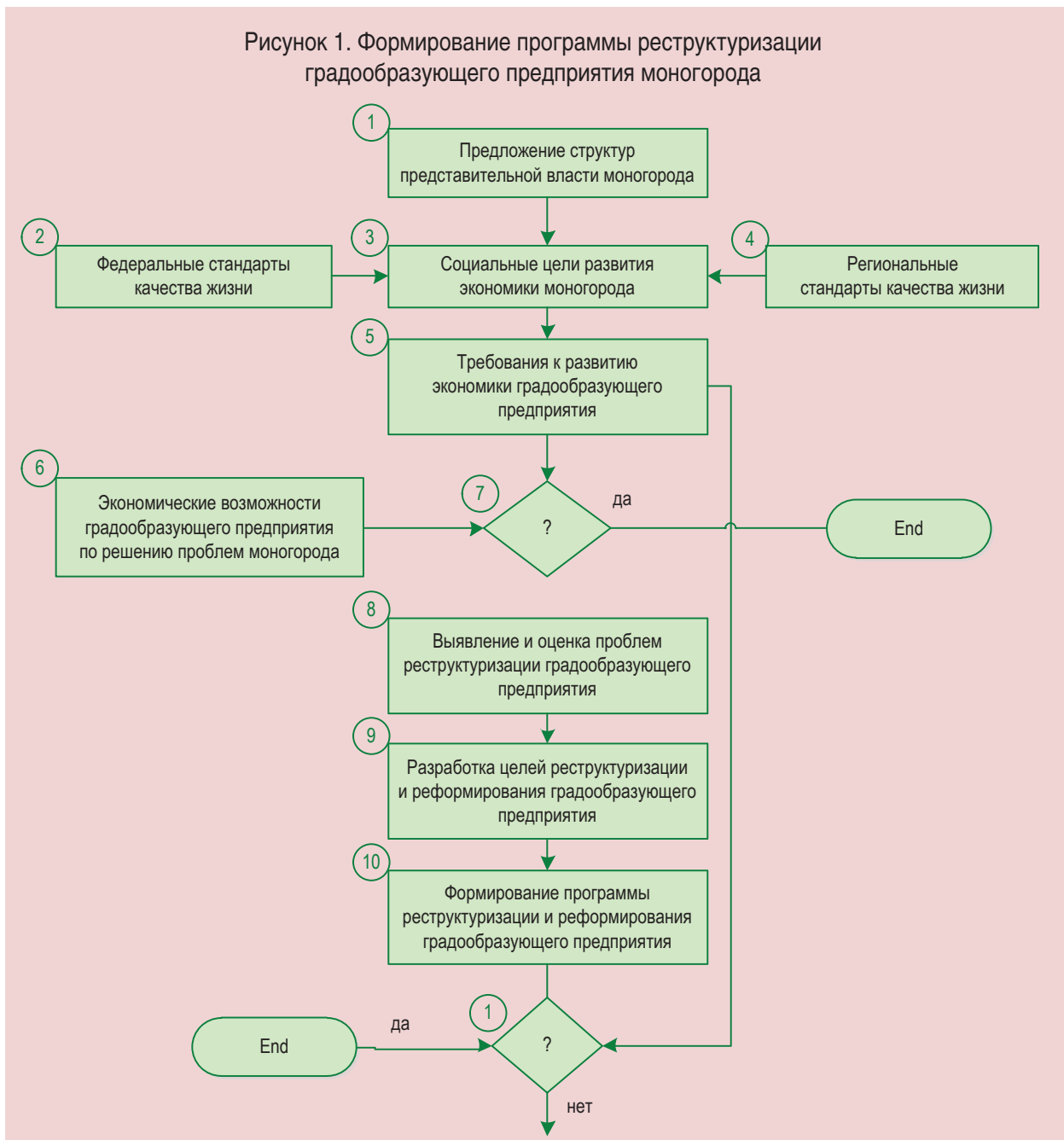
Аннотация. В статье рассмотрены проблемы стратегического регулирования процессов структурных преобразований в экономике моногорода. Обосновывается точка зрения, что перспективы его экономического развития напрямую зависят от деятельности градообразующего предприятия, и дается алгоритм формирования программы его реструктуризации. Подробно рассматривается содержание основных блоков (этапов) алгоритма. Основопологающим моментом в предлагаемом алгоритме, по мнению автора, является оценка возможностей градообразующего предприятия в обеспечении реализации социальных целей городского развития. Этому аспекту в статье уделено значительное внимание. Автор указывает, что необходимо не только сформировать программу реструктуризации градообразующего предприятия, но и определить оптимальный вариант диверсификации профильной структуры экономики города. В связи с этим предложена принципиальная схема выбора и обоснования эффективного варианта диверсификации. По мнению автора, процедура генерации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода должна опираться на результаты стратегического анализа экономического потенциала моногорода, что позволит выявить его конкурентные преимущества и возможные барьеры для процессов диверсификации. Автор отмечает, что реализация вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода потребует затрат разного вида ресурсов, и в первую очередь инвестиционных, трудовых, энергетических, земельных. В статье приводятся развернутые рекомендации по решению этого вопроса.

Ключевые слова: стратегическое регулирование, моногород, реструктуризация, целеполагание, повышение качества жизни населения, диверсификация профильной структуры экономики моногорода.

Результаты перспективного экономического развития моногорода в решающей степени зависят от результатов деятельности градообразующего предприятия (или нескольких предприятий, осуществляющих свою производственную деятельность в рамках единого производственного цикла). Важнейший принцип экономического развития моногорода состоит в обеспечении социальной направленности

изменений в экономической сфере, что непосредственно следует из конституционно закрепленного положения о строительстве в России социального государства. Поэтому начальный этап работ по определению перспектив развития экономики моногорода связан с оценкой возможностей его градообразующего предприятия по обеспечению реализации социальных целей городского развития (рис. 1).

Рисунок 1. Формирование программы реструктуризации градообразующего предприятия моногорода

Следует отметить, что целеполагание как важнейшая функция научно организованного управления пока еще не заняла соответствующее ей место в процессе стратегического управления экономическим развитием российских городов, в том числе моногородов. Причины этого принято видеть в слабости действующего менеджмента, между тем корни такого положения носят в определенной мере идеологический характер. Так, известный немецкий философ и социолог К. Манхейм отмечал: «В отличие от буржуазных исследователей, уделяющих особое внимание определению цели, К. Маркс... отказывался от точного определения цели, которую можно отделить от процесса» [5]. В обоснование этого положения он ссылаясь на принципиальное с позиции предмета рассмотрения процесса целеполагания высказывание К. Маркса: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [6].

Между тем современная философия утверждает, что цель является идеальным отражением потребностей общественного бытия, его законов [8]. В кибернетике также сложилось понимание цели как некоторого состояния, к которому стремится тот или иной объект; при этом состояние понимается не только как идеальный образ, но и как вполне определенная форма существования объекта, реализующаяся в конкретный момент времени [2]. Поэтому видно, что К. Маркс, оказавший сильнейшее влияние на становление и развитие экономической теории социализма, был, по существу, принципиальным противником целеполагания; последствия этого наша экономическая практика ощущает до сих пор.

В сложной количественно-качественной определенности, какой является цель городского развития, целевые показатели служат средством выражения целевой установки [11]. При этом целевая установка выступает в системе понятия цели элементом, который на момент целеполагания характеризует уровень научных знаний и представлений об объекте; является основанием цели, определяет характер количественных зависимостей и динамику их изменений. В отличие от целевой установки целевые показатели могут изменяться по мере сокращения (увеличения) временного периода достижения цели в зависимости от изменений внешних условий и предпосылок развития объекта целеполагания. Тогда цель развития экономики моногорода в общем случае можно трактовать как характеристику его будущего состояния на рассматриваемую перспективу.

Вернемся теперь к вопросу формирования стратегических целей повышения качества жизни населения моногорода, выступающих в качестве своеобразных «камертонов», обеспечивающих «настройку» на достижение всей экономической системы города (блок 3 принципиальной схемы, см. рис. 1). В связи с этим можно, в значительной мере условно, выделить два основных генератора формирования стратегических целей социального развития моногорода.

Один из них находится «внутри» города, результатом его действия являются предложения структур представительной власти моногорода, направленные на повышение качества жизни горожан на рассматриваемую перспективу (блок 1 рассматриваемой схемы); другой находится вне моногорода и представляет собой минимальные обязательства перед населением государства в лице его федеральных и региональных структур управления (блоки 2 и 4 соответственно).

В настоящее время не существует общепринятой системы легитимных государственных минимальных социальных стандартов, но это не означает, что их не существует вообще. В различных нормативных документах, принятых на федеральном и региональном уровнях, такие стандарты содержатся, однако не составляют целостной системы.

В специальной литературе справедливо отмечаются трудности, связанные с научным обеспечением определения государственных минимальных социальных стандартов качества жизни населения, хотя главная проблема здесь в отсутствии политической воли к решению этой проблемы. Ведь решение о необходимости разработки системы таких минимальных государственных социальных стандартов принято еще в 1996 г., разработан проект соответствующего документа; [7] но дальнейшего движения нет, что обусловлено, на наш взгляд, неясностью с местом государства и муниципальных властных структур в решении проблемы обеспечения минимальных социальных гарантий населению.

В рамках блока 5 определяются новые (повышенные) требования к развитию экономики градообразующего предприятия моногорода, определяемые как разность между текущими и прогнозными показателями городского социального развития в стоимостном виде. Эти требования сравниваются в рамках блока 7 с экономическими возможностями градообразующего предприятия по решению проблем социального развития моногорода (формирование требуемой доходной части городского баланса финансовых ресурсов, обеспечение занятости экономически активного населения, решение проблем экологического характера, возникающих вследствие деятельности

градообразующего предприятия и т.п.), формируемыми в рамках блока 6 схемы (см. рис. 1).

Если из результатов сравнения следует, что возможности градообразующего предприятия соответствуют прогнозным требованиям, то принимается решение о прекращении прогнозно-аналитических работ, в противном случае осуществляется переход к блоку 8, где производится выявление и оценка проблем реструктуризации и реформирования градообразующего предприятия.

Проблемы реструктуризации и реформирования экономики предприятия мы предлагаем трактовать как препятствие для реализации намеченных целей социального развития экономики моногорода, каждую из которых рекомендуется представить следующими данными:

- развернутая характеристика проблемной ситуации, формулировка проблемы;
- оценка негативного воздействия нерешенной проблемы на реализацию намеченных целей социального развития экономики моногорода; такое воздействие рекомендуется характеризовать с помощью показателей, динамика изменения которых показывает степень обострения проблемной ситуации во времени;
- характеристика комплексности проблемы, выражающаяся, например, в необходимости создания для ее решения соответствующего правового обеспечения, а также проведения научно-исследовательских, проектных, строительных работ, переподготовки кадров и т.п.

Чтобы сформировать целевые установки как качественную основу стратегических целей реструктуризации и реформирования градообразующего для экономики моногорода предприятия, необходимо провести операции группировки, обобщения и ранжирования.

Сущность операции группировки выявленных проблем состоит в их своде по признакам (технологические, организационные, проблемы совершенствования механизма хозяйствования, инновационные и т.п.); по видам ресурсов, необходимых для их решения (трудовые, финансовые, инвестиционные, информационные и т.п.), по другим основаниям.

Смысл операции обобщения заключается в выявлении повторяющихся или близких проблем, формирования на этой базе общих проблем, имеющих существенное значение для реализации намеченных целей социального развития моногорода. На основе результатов операции обобщения проблем осуществляется операция их ранжирования по степени важности, определяемой влиянием на реализацию намеченных социальных целей развития экономики моногорода.

Стратегические целевые установки развития экономики моногорода вытекают из сущности выявленных проблем, поэтому в блоках 9 и 10 представленной принципиальной схемы осуществляется, соответственно, разработка целей реструктуризации и реформирования градообразующего предприятия и формирование соответствующей программы.

Полное использование потенциала развития градообразующего предприятия возможно лишь при финансовой стабилизации. Для ее достижения большинству предприятий необходимо провести реструктуризацию, в т.ч. организационной и производственной структур, мощностей, имущества и занимаемых земельных участков в соответствии с объемом продукции, на который имеется платежеспособный спрос, при одновременном реформировании системы управления финансами [3]. Это значит, что необходимо проводить изменения в организационной и производственной структурах, активах,

задолженности, составе и качестве персонала и т.п. в интересах повышения эффективности работы предприятия.

В то же время реструктуризация градообразующего предприятия моногорода представляет собой лишь один из возможных инструментов повышения эффективности его функционирования. В ходе реструктуризации осуществляется оптимизация структуры предприятия и размера его производственных мощностей, в результате чего должна повыситься конкурентоспособность выпускаемой продукции. Одновременно с улучшением финансового баланса предприятия повышается его инвестиционная привлекательность, на основе чего должен быть задействован механизм привлечения финансовых ресурсов в развитие промышленного предприятия, затем сформирована система управления предприятием, адекватная сложившимся политико-экономическим условиям, организована работа по повышению квалификации рабочих кадров и экономии ресурсов (энергетических, трудовых, земельных и т.п.).

При реструктуризации градообразующего предприятия необходимо соблюдать следующие основные требования:

- сохранение сложившегося научного, технологического, производственного и кадрового потенциала;
- увеличение реальных поступлений в городской бюджет;
- максимально возможное сохранение (с тенденцией увеличения) рабочих мест;
- при принятии управленческих решений в части реструктуризации и последующего реформирования градообразующего предприятия следует стремиться к согласованию экономических интересов всех участников процесса — собственников, менеджмента, работников, властных городских структур, населения, потенциальных инвесторов и т.п.;

- обоснование системы мер государственной поддержки по реструктуризации и последующему реформированию экономики градообразующего предприятия моногорода с целью предотвращения массовой безработицы и роста социальной напряженности.

В последнем случае речь идет, в частности, о разрешении на консервацию не используемого в производственном процессе имущества с выведением его из обложения соответствующим налогом, освобождения от арендной платы (или земельного налога) за неиспользуемые участки земли и т.п.

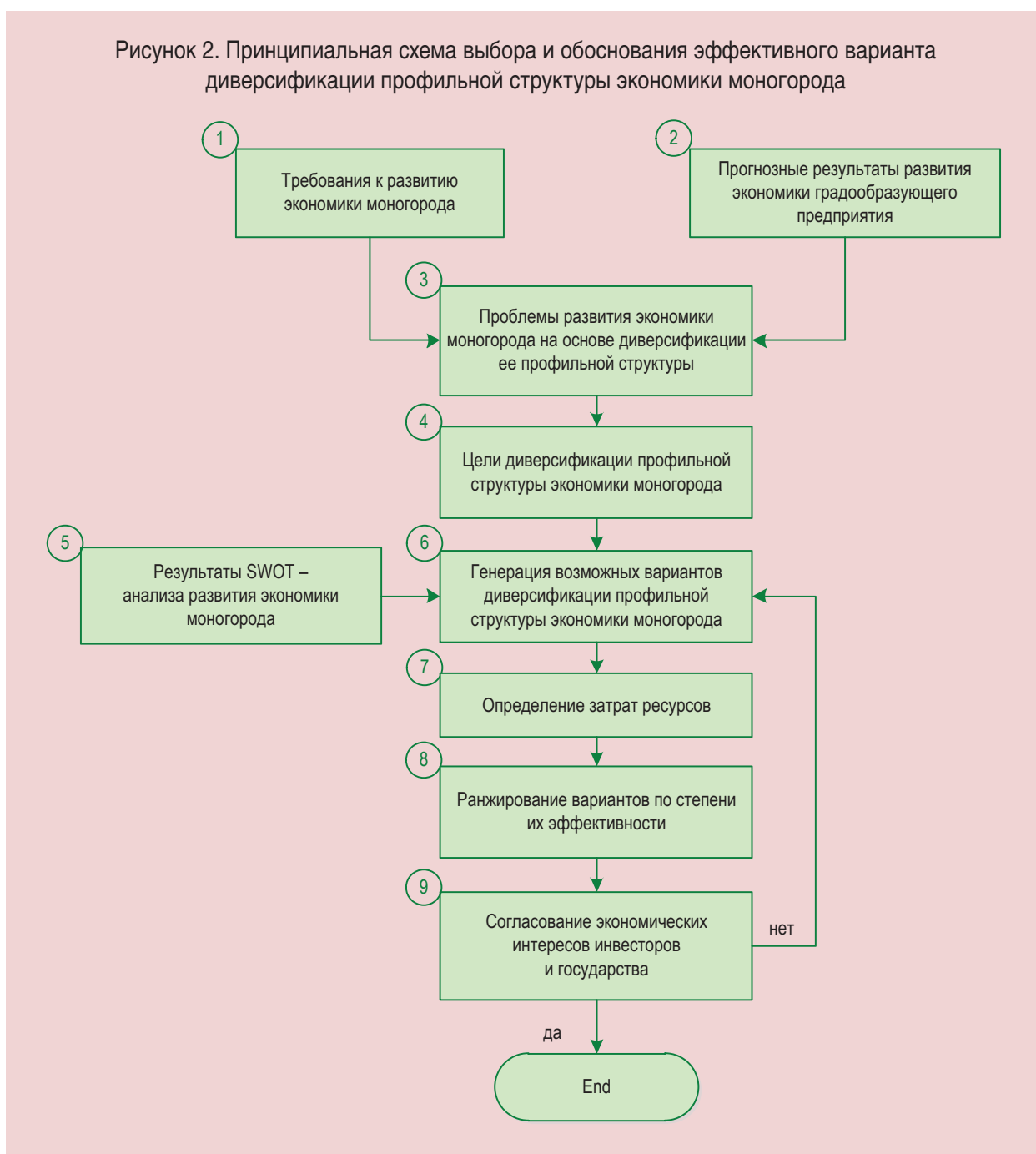
В блоке 11 принципиальной схемы осуществляется сравнение требований к развитию экономики градообразующего предприятия (блок 5) с программными результатами его реструктуризации и реформирования. Если результаты сравнения удовлетворяют требованиям, предъявляемым к развитию экономики данного предприятия, то делается вывод о наличии возможностей для реализации намеченных социальных целей развития экономики моногорода. В противном случае необходимо приступить к разработке предложений по диверсификации экономики моногорода.

В современных условиях нередкой является ситуация, когда реструктуризация и последующее реформирование структурообразующего экономику моногорода предприятия не решает полностью проблемы его успешного развития на стратегическую перспективу. Речь идет, как правило, не только о недостаточном вкладе градообразующего предприятия в городской бюджет (точнее, в городской баланс финансовых ресурсов, доходная часть которого учитывает и финансовые ресурсы бюджетов разных уровней, и средства инвесторов), но и главным образом о решении проблемы занятости экономически активного городского населения,

поскольку уровень безработицы в российских моногородах сегодня примерно в 6 раз превышает средний по стране. Именно поэтому создание рабочих мест для экономически активной части населения рассматривается в качестве одного из главных требований, предъявляемых к диверсификации профильной структуры экономики моногорода.

Вместе с тем необходимо отметить, что требуются не вообще рабочие места, а связанные с реализацией высокотехнологичных проектов, что вытекает из требований преимущественно инновационного и эффективного развития экономики моногорода в стратегической перспективе. Поэтому процессы выбора и обоснования вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода оказываются тесно увязанными с работами по их инвестиционному обеспечению. Кроме того, из требования социальной ориентации экономического развития моногорода следует необходимость привлечения к согласительным процедурам при выборе и обосновании вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода организованной городской общественности, ибо меры по перестройке муниципальной экономики могут затронуть самые широкие слои городского населения [9].

Рассмотрим теперь существо предлагаемой принципиальной схемы выбора и обоснования эффективного варианта диверсификации профильной структуры экономики моногорода (рис. 2). В блоках 1 и 2 разработаны требования к экономическому развитию моногорода, вытекающие из принятых стратегических социальных целей городского развития, и прогнозные результаты развития градообразующего предприятия соответственно. Обращаясь к принципиальной схеме на рисунке 1, видим, что речь идет о процедурах, реализуемых в блоках 5 и 12.

Тогда в рамках блока 3 рассматриваемой принципиальной схемы осуществляется выявление проблем развития экономики моногорода, решение которых связано с диверсификацией ее профильной структуры. Для формирования целевых установок в этой сфере проводятся уже упомянутые выше операции группирования, обобщения, ранжирования,

после чего в блоке 4 осуществляется определение собственно целей диверсификации профильной структуры экономики моногорода на стратегическую перспективу.

В блоке 6 принципиальной схемы реализуется процедура генерации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода.

По существу речь идет об обосновании нового стратегического выбора [4], состоящего в отходе от монопрофильной структуры экономики города за счет включения в его состав экономических субъектов (отраслей, видов деятельности), реально (или потенциально) способных:

- вносить стабильный возрастающий вклад в бюджет города;
- обеспечивать увеличение числа рабочих мест;
- способствовать позитивной трансформации структуры экономики города за счет появления и развития ее новых элементов;
- улучшать имидж города, повышать его инвестиционную привлекательность и расширять спектр источников инвестиционного финансирования проектов диверсификации городской экономики;
- завоевывать новые рынки сбыта для производимой продукции.

Процедура генерации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода опирается, в частности, на результаты стратегического анализа экономического потенциала города [12], что позволяет выявить его конкурентные преимущества и возможные барьеры для процессов диверсификации его экономики (блок 5 схемы). Кроме того, принимая во внимание возможную необходимость государственной поддержки в сфере реализации проектов диверсификации экономики моногорода, рекомендуется при выдвижении вариантов диверсификации учитывать стратегические приоритеты экономического развития, содержащиеся в соответствующих документах федерального и регионального уровня.

Выдвижение (генерация) вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода может осуществляться разными путями. Оно может происходить «снизу», то есть по инициативе

органов муниципального управления, населения, местного бизнес-сообщества, или «сверху», что предполагает инициативу со стороны государственных структур управления – региональных и федеральных структур управления. В современной ситуации с отечественными моногородами явно превалирует второй вариант, хотя, по нашему мнению, лидирующая роль в процессах генерации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода должна принадлежать органам местного самоуправления, поскольку они лучше знают конкурентные преимущества моногорода, возможные препятствия для реализации того или иного направления диверсификации профильной структуры его экономики и, наконец, в соответствии с действующим законодательством непосредственно несут всю полноту ответственности за экономическое и социальное развитие.

Представляется очевидным, что реализация выдвигаемых вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода потребует затрат разного вида ресурсов. Речь идет в первую очередь об инвестиционных, трудовых, энергетических, земельных ресурсах, поэтому в блоке 7 принципиальной схемы определяются требуемые затраты ресурсов (по видам).

Важнейшим условием успешной реализации намеченных вариантов диверсификации профильной экономической структуры моногорода выступает инвестиционное обеспечение. Поэтому конструктивным представляется предложение авторов [1] относительно целесообразности совмещения этапов инициации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода с проработкой вопросов их инвестиционного обеспечения, привлечения потенциальных инвесторов к этим работам уже на начальной стадии.

Для этого следует прежде всего выделить основные группы инвесторов, которые могут быть заинтересованы в реализации проектов, связанных со структурной перестройкой экономики промышленного моногорода. Поскольку проекты диверсификации профильной структуры экономики моногорода относятся к долгосрочным и характеризуются, как правило, высоким уровнем риска, необходимо подбирать, в частности, стратегических инвесторов, не рассчитывающих на их быструю окупаемость. В качестве таких инвесторов могут выступать государственные и городские структуры управления, использующие средства бюджетов разных уровней.

Представляется также полезным, чтобы потенциальные инвесторы участвовали уже в процессах генерации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода, оговаривая условия своего возможного участия в рассматриваемых трансформациях профильной структуры его экономики. Для этого необходимо, чтобы моногород активно позиционировал себя на инвестиционном рынке, информировал потенциальных инвесторов о своей готовности к конструктивному диалогу относительно их участия в намечаемых проектах диверсификации профильной структуры экономики.

В современных условиях при решении задач диверсификации профильной структуры экономики моногорода существенно возрастает значение их кадрового обеспечения; развивающейся экономике города нужны кадры с креативным складом мышления, способные не просто выполнять установленные регламенты, копировать ранее созданные технологические и управленческие новшества, но создавать новые, обеспечивающие

эффективное развитие городской экономики преимущественно на инновационной основе.

Поэтому, оценивая ресурсное обеспечение реализации иницилируемых вариантов диверсификации экономической структуры моногорода, необходимо выявить соответствующие потребности городской экономики в трудовых кадрах, источники их покрытия, предусмотреть, в частности, программы профессионального переобучения экономически активного населения и т.п.

Среди факторов ресурсного обеспечения вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода большое значение приобретает наличие свободных земельных и энергетических ресурсов. Представляется очевидным, что фактор обеспеченности электроэнергией может выступать как катализатором, так и значимым ограничением при инициации проектов структурной перестройки профильной структуры экономики моногорода.

Что касается фактора, связанного с наличием свободных земельных участков для развития городской экономики, то значение его также неуклонно возрастает по следующим причинам.

Во-первых, свободные земельные ресурсы необходимы для строительства новых производств в рамках проектов диверсификации профильной структуры экономики моногорода.

Во-вторых, жилищно-коммунальные комплексы российских моногородов зачастую находятся в кризисном состоянии, когда уже прошли все сроки их морального и физического износа. Последнее означает, что в системе мер по диверсификации городской экономики необходимо предусматривать строительство нового жилья, водопроводно-канализационного

хозяйства и т.п., что требует значительных земельных участков для осуществления необходимого маневра в рассматриваемой сфере городского жизнеобеспечения.

В блоке 8 принципиальной схемы осуществляется ранжирование инициируемых вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода в соответствии с их проектной экономической эффективностью.

В рамках блока 9 осуществляется согласование намеченных к реализации вариантов диверсификации профильной структуры экономики моногорода с основными субъектами, заинтересованными в его стратегическом экономическом развитии, – муниципальными и государственными властными структурами, инвесторами, бизнес-сообществами, организованной общественностью, а также представителями независимого экспертного сообщества. Предметом согласования могут выступать, например, возможности муниципальных органов управления по созданию условий для эффективной работы потенциальных инвесторов, организации государственной поддержки проектных предложений по диверсификации городской экономики и т.п. Если согласительные процедуры выявят совпадение или близость интересов основных субъектов переговорного процесса, то на этом выбор варианта (вариантов) диверсификации профильной структуры экономики моногорода завершается, в противном случае следует обратиться к блоку 6 принципиальной схемы.

Практическое воплощение реализация проектных предложений в сфере структурной перестройки экономики моногорода предполагает создание и обеспечение эффективного функционирования механизма их реализации. Однако в отношении определения сущности такого механизма высказываются различные

позиции: обеспечение перевода экономики города в качественно новое состояние, обусловленное достижением стратегических целей ее развития; целенаправленное воздействие заинтересованных структур на все субъекты хозяйствования в городе в интересах достижения намеченных целей регионального развития [10] и т.п. Мы полагаем, что разнообразие трактовок обусловлено тем принципиальным обстоятельством, что представление о таком механизме зависит от степени его познания, в связи с чем попытаемся определиться с сущностью, составом и назначением такого механизма, принципами его формирования.

По нашему мнению, сущность механизма реализации проектных предложений по перестройке структуры экономики моногорода состоит в целенаправленном воздействии муниципальных властных структур при поддержке государственных органов управления совместно с другими заинтересованными субъектами управления и хозяйствования на структурные преобразования в городской экономике для достижения намеченных целей. Тогда назначение рассматриваемого механизма состоит в обеспечении перевода структуры экономики моногорода в качественно новое состояние, характеризующееся достижением принятых стратегических социальных целей ее развития.

Дискуссионным является вопрос о составе рассматриваемого механизма. Мы полагаем, что как сложная система он включает в себя: научные принципы его создания; программно-плановые документы, реализующие предложения по реструктуризации и реформированию экономики градообразующего предприятия моногорода, по диверсификации профильной структуры экономики моногорода; документы об управлении их реализацией.

Литература

1. Антонов, Г. Об оценке проектов диверсификации экономики моногорода / Г. Антонов, О. Иванова, И. Антонова // Экономист. – 2011 – №6.
2. Волкова, В.Н. Основы теории систем и системного анализа / В.Н. Волкова, А.А. Денисов. – СПб.: СПбГТУ, 1997.
3. Карлик, А. Реструктуризация в стратегии развития промышленных предприятий [Электронный ресурс] / А. Карлик, Е. Гришпун. – Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/15_6_00htm
4. Колесник, Е.А. Стратегический выбор кризисного монопромышленного города / Е.А. Колесник // Экономика: Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – Вып. 12. – №19.
5. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М., 1994.
6. Маркс, К. Избранные произведения: в 3-х т. / К. Маркс. – Политиздат, 1979. – Т. 3.
7. Проект Концепции формирования системы государственных минимальных социальных стандартов. – М.: Минэкономики РФ, 1996.
8. Робаков, Н.И. Категория цели: проблемы исследования / Н.И. Робаков. – М.: Мысль, 1980.
9. Ротенберг, Р.Б. Научные основы стратегического развития моногородов России на основе структурной перестройки их экономики / Р.Б. Ротенберг. – СПб.: ГУАП, 2013. – 48 с.
10. Ротенберг, Р.Б. Формирование механизма реализации стратегических приоритетов и целей развития экономики в федеральном округе: методологический аспект / Р.Б. Ротенберг, В.Е. Рохчин // Вестник Российской академии естественных наук. – 2012. – 16(2).
11. Рохчин, В.Е. Стратегическое планирование развития городов России: системный подход. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.Е. Рохчин, С.Ф. Жилкин, К.Н. Знаменская; – Тольятти: ТГУ, 2010.
12. Соколов, П.В. Основные задачи стратегического анализа развития промышленности города и проблемы научного обеспечения их решения / П.В. Соколов // Известия СПбГУЭФ. – 2011. – №3.

Rotenberg R.B.

Strategic regulation of structural transformations in the economy of the single-industry town: methodological aspect

Roman Borisovich Rotenberg – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department of Management of Economic and Social Processes, Saint Petersburg State University of Cinema and Television (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 191123, Russia, info@iresras.ru)

Abstract. The article considers the problems of strategic regulation of the structural transformations processes in the single-industry towns' economy. The author substantiates the view that its future economic development directly depends on the activity of the town-forming enterprise and presents the algorithm of restructuring program formation. The contents of the main algorithm blocks (stages) are studied in detail. According to the author, the fundamental point in the proposed algorithm is to evaluate the features of the town-forming enterprise in ensuring the implementation of the social objectives of town development. This issue is in focus. The author indicates the necessity to develop the enterprise restructuring program and single out the best option to diversify the town's profile economic structure. In this regard, the article suggests the schematic diagram of the choice and objectives of effective diversification option. According to the author, the options generation procedure for the diversification profile structure of single-industry towns' economy should base on the strategic analysis of the town's economic capacity to identify the competitive advantages of single-industry towns and possible barriers to diversification processes. The author notes that the options implementation will require various types of resources and first of all, investment, labor, energy and land ones. The article provides detailed recommendations on this issue.

Key words: Strategic regulation, single-industry town, restructuring, goal setting, improving the population life quality, the profile structure diversification of the single-industry towns' economy.

References

1. Antonov G., Ivanova O., Antonova I. Ob otsenke proektov diversifikatsii ekonomiki monogoroda [On Estimation of Projects of Single-Industry Town's Economy Diversification]. *Ekonomist* [The Economist], 2011, no.6.
2. Volkova V.N., Denisov A.A. *Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza* [Fundamentals of the System Theory and System Analysis]. Saint Petersburg: SPbGTU, 1997.
3. Karlik A., Grishpun E. *Restrukturizatsiya v strategii razvitiya promyshlennykh pred-priyatii* [Restructuring in the Industrial Enterprises Development Strategy]. Available at: http://vasilievaa,narod.ru / ptpu / 15_6_00htm
4. Kolesnik E.A. Strategicheskii vybor krizisnogo monopromyshlennogo goroda [Strategic Choice of the Crisis Single-Industry Town]. *Ekonomika: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economy: the Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2007, no.12, no.19.
5. Mankheim K. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia]. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time], Moscow, 1994.
6. Marks K. *Izbrannye proizvedeniya: v 3-kh t.* [Selected Works: in 3 Volumes]. Politizdat, 1979, vol. 3.
7. *Proekt Kontseptsii formirovaniya sistemy gosudarstvennykh minimal'nykh sotsial'nykh standartov* [The Draft Concept of the Formation of the State Minimum Social Standards System]. Moscow: Minekonomiki RF, 1996.
8. Ropakov N.I. *Kategoriya tseli: problemy issledovaniya* [Objectives Category: Research Issues]. Moscow: Mysl', 1980.
9. Rotenberg R.B. *Nauchnye osnovy strategicheskogo razvitiya monogorodov Rossii na osnove strukturnoi perestroiki ikh ekonomiki* [Scientific Basis for Strategic Development of Russian Single-Industry Towns on the Basis of their Economic Restructuring]. Saint Petersburg: GUAP, 2013. 48 p.
10. Rotenberg R.B., Rokhchin V.E. Formirovanie mekhanizma realizatsii strategicheskikh prioritetov i tseli razvitiya ekonomiki v federal'nom okruge: metodologicheskii aspekt [Development of the Strategic Priorities Implementation Mechanism and Economic Development Objectives in the Federal District: Methodological Aspect]. *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences], 2012, no.16(2).
11. Rokhchin V.E., Zhilkin S.F., Znamenskaya K.N. *Strategicheskoe planirovanie razvitiya gorodov Rossii: sistemnyi podkhod* [Strategic Planning Development of Russian Cities: Systematic Approach]. Edition 2nd, revised and supplemented. Tolyatti: TGU, 2010.
12. Sokolov P.V. *Osnovnye zadachi strategicheskogo analiza razvitiya pro-myshlennosti goroda i problemy nauchnogo obespecheniya ikh resheniya* [The Key Tasks of Strategic Analysis of Single-Industry Town Development and the Problems of Scientific Support of Their Solution]. *Izvestiya SPbGUEF* [Bulletin of Saint-Petersburg State University of Economics], 2011, no.3.

Перспективы экономического сотрудничества Евразийского и Европейского союзов

**Сергей Маратович
ДЕДКОВ**

кандидат экономических наук, доцент, директор, Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, д. 1, Dedkov2003@mail.ru)

**Вячеслав Константинович
ЩЕРБИН**

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, д. 1, slavalex@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируется история европейской интеграции, обобщается негативный опыт предшествующих попыток формирования Большой Европы. Рассматриваются вызовы, которые евразийская интеграция бросает Евросоюзу. Определяются перспективы экономического сотрудничества Евразийского и Европейского союзов в контексте практической реализации идеи «интеграции интеграций».

Ключевые слова: европейская интеграция, Большая Европа, идея «интеграции интеграций», вызовы евразийской интеграции, Общее европейское экономическое пространство, экономическая интеграция.

Начать обсуждение столь важной для будущего всей Европы темы, на наш взгляд, следует с рассмотрения истории европейской интеграции, поскольку именно ей мы обязаны наличием «скелетов в шкафах», которые сегодня препятствуют

формированию Большой Европы. Общеизвестно, что «идея объединения Европейского континента сопровождала каждый этап его истории» [1].

Однако все предшествующие попытки практической реализации этой идеи (по

инициативе Римской империи, средневековой империи Карла Великого, французского императора Наполеона и лидера нацистского рейха Адольфа Гитлера) носили силовой характер и во многом дискредитировали эту идею в мировом общественном сознании.

Достаточно сказать, что именно на европейском континенте начинались и Первая, и Вторая мировые войны, принесшие всему миру неисчислимые жертвы, беды и страдания. Причем самые негативные последствия этих мировых войн пришлось пожинать самой Европе: «После Первой мировой войны Западная Европа, воплощение и оплот европейской цивилизации, утратила мировое лидерство, после Второй – столкнулась с угрозой превратиться в регион без собственного будущего, полностью зависящий от других мировых сил» [2].

Печальный исторический опыт силовых попыток объединения всех европейских стран делает вполне обоснованным следующий вывод: «Силовые попытки объединения продемонстрировали свой преходящий характер. Общим итогом стал подрыв позиций Европы в мире. Ещё одно обращение к силе привело бы её к самоликвидации» [3]. В пользу обоснованности данного вывода можно привести тот факт, что доля европейцев в мировом населении в XX в. снизилась с 25 до 12% [4].

Более того, накопленный европейцами опыт интеграции с неизбежностью требует при разработке перспективных направлений развития отношений между европейскими странами (их интеграционными группировками) первоочередного рассмотрения тех реальных и потенциальных вызовов и угроз, которые несут с собой новые попытки практической реализации идеи объединения Европейского континента. В частности, обсуждая выдвинутую Президентом Республики Беларусь

А.Г. Лукашенко идею «интеграции интеграций» [5], т.е. возможного совмещения интеграционных планов, реализуемых в рамках евразийской интеграции, с одной стороны, и в рамках евросоюзной интеграции – с другой, белорусский политолог С.А. Кизима выделяет следующие восемь вызовов, которые евразийская интеграция бросает Евросоюзу:

1. Обострение региональной конкуренции между Евразийским экономическим союзом (далее ЕАЭС) и Европейским союзом (далее ЕС/Евросоюз) за постсоветские страны.

2. Обострение региональной конкуренции между указанными интеграционными объединениями за страны, которые в данный момент являются членами Евросоюза или находятся в статусе кандидатов на вступление в него.

3. Конкуренция между ЕАЭС и Евросоюзом за природные ресурсы, которыми обладают постсоветские страны.

4. Геополитическая конкуренция между ними за сферы влияния в современном мире.

5. Технологическая конкуренция между двумя крупнейшими интеграционными объединениями Европы.

6. Возрождение промышленности в рамках ЕАЭС несет с собой экологические риски для территории Евросоюза.

7. Конкуренция между ЕАЭС и Евросоюзом за высококвалифицированные кадры.

8. Реиндустриализация и неоиндустриализация стран, входящих в ЕАЭС, может нанести удар по промышленности Евросоюза, аналогичный тому, который нанесла ей ускоренная индустриализация Китая [6].

Другими исследователями называются и иные вызовы, которые дальнейшее развитие евразийской интеграции ставит перед Евросоюзом. К примеру, российский

стратегический аналитик А.А. Куртов к их числу относит следующие вызовы:

1. Характерный для многих постсоветских стран авторитаризм, с которым вряд ли согласится общественное мнение стран, входящих в Евросоюз: «На постсоветском пространстве основной тип политических режимов – авторитаризм в разных его модификациях» [7].

2. Отсутствие у руководителей постсоветских стран желания делегировать свои полномочия каким-либо наднациональным органам, в отличие, скажем, от руководителей стран, входящих в Евросоюз: «Авторитаризм, не говоря уже о случаях, когда он вбирает в себя элементы этнократии с ее приоритетом прав «коренной» нации, или еще более архаичных – деспотических форм организации власти (что имеет место в том же Туркменистане), как правило, никогда не стремится делегировать, кому бы то ни было, часть реальных собственных полномочий.

Суверенное право единолично вершить политику, распоряжаться как сырьевыми, так и человеческими ресурсами своих стран авторитарные режимы свято берегут как зеницу ока. Если они и идут на компромиссы, без которых никакой процесс интеграции просто невозможен в принципе, то такие компромиссы обычно либо притворны, либо недолговечны» [8].

3. Отсутствие в рамках ЕАЭС сильной законодательной власти, в отличие от Евросоюза: «В ЕС существует Европарламент, избираемый непосредственно гражданами стран – членов Европейского союза. В Евразийском экономическом союзе такого органа пока нет, а если он и будет создан, то, скорее всего, его создатели пойдут по пути СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭС, где существуют маловлиятельные межпарламентские органы, в которых заседают делегированные из национальных легистратур депутаты» [9].

4. Доминирующий в постсоветских странах приоритет местных интересов перед интересами интеграционного объединения (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и др.): «Если трезво оценивать ситуацию, то нельзя не признать, что кредо тех, кто после развала Союза ССР был занят интеграцией в Содружество, в большинстве случаев можно было обозначить ёмкой формулой: «получить максимум выгод для себя при минимуме обязательств перед другими» [10].

5. При любых вариантах практического осуществления идеи «интеграции интеграций» Российская Федерация с ее огромными территориальными, сырьевыми, человеческими и прочими ресурсами выступает гигантом, с которым в борьбе за лидерство в Большой Европе не может конкурировать ни одна европейская страна, что неизменно будет вызывать всевозможные страхи с их стороны: «Россия объективно оставалась гигантом по сравнению с другими участниками интеграционного процесса, и это обстоятельство на практике порождало разные фобии в ее адрес» [11].

Можно назвать и иные вызовы и угрозы, которые несет странам Евросоюза их потенциальное объединение с постсоветскими странами в рамках Большой Европы [12]. Однако рассмотрения даже тех вызовов, которые уже были названы выше, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы сделать вывод о нереальности формирования в ближайшие десятилетия единой Большой Европы. Во всяком случае, именно к такому выводу пришел французский ученый, профессор Сорбонны М. Лефевр: «Шанс реализовать идею политической Европы сегодня не выше, чем в прошлом» [13].

Более того, у нас нет никаких сомнений и относительно того, что будет и дальше сохраняться высокий уровень конкуренции

между ЕАЭС и Евросоюзом. В данном случае следует согласиться с мнением С.А. Кизимы о том, что «в Евросоюзе не рады евразийской интеграции. Строить Евразийский союз придется при постоянном противодействии со стороны ревнущего Европейского союза» [14].

Вместе с тем все сказанное выше отнюдь не означает, что уже сегодня можно поставить крест на реализации мечты всех европейцев о создании Большой Европы, которая «помогла бы европейцам стать единой и стойкой исторической общностью» [15], по-прежнему играющей ведущую роль в современном мире. Речь идет лишь об отказе от иллюзий и намерений «строить замки на песке». Особенно если учесть, что постсоветское пространство «уже имеет негативный опыт интеграционных проектов, в первую очередь, из-за нереальности поставленных задач и попыток одномоментного их решения» [16].

По указанным выше причинам при разработке перспективных направлений сотрудничества ЕАЭС и Евросоюза необходимо исходить из существующих политических, экономических, социальных, научных и прочих реалий современного мира и проводить прагматичную интеграционную политику, направленную на решение не любых, а научно обоснованных задач.

Причем в основу такой политики следует положить нормы международного права и полностью совпадающие интересы двух европейских интеграционных объединений, т.е. те международные реалии и требования, которые до настоящего времени практически не принимались во внимание: «Собственный исторический опыт свидетельствует, что интеграция на нашем пространстве пока никогда не проходила на началах международного права при соблюдении демократических норм и политического равноправия сторон. Чтобы

состояться, она должна быть притягательной для всех ее участников» [17].

Если с этой точки зрения посмотреть на возможные пути и направления практической реализации идеи «интеграции интеграций», то нельзя не заметить того очевидного факта, что ЕАЭС и Евросоюз по-разному определяют наиболее перспективное направление взаимодействия друг с другом.

В частности, для ЕАЭС первым и наиболее перспективным направлением взаимодействия с Евросоюзом является формирование Общего европейского экономического пространства (ОЕЭП) [18], т.е. экономическое сотрудничество постсоветских стран со странами Евросоюза без ограничений (квот) и завышенных таможенных пошлин.

Так, по мнению экспертов, готовивших восьмой Национальный отчет о человеческом развитии «Экономика и общество Беларуси: диспропорции и перспективы развития (2004–2005 гг.)», «долгосрочным направлением интеграции в треугольнике ЕС – Беларусь – Россия является образование единого экономического пространства на основе прогрессивных стандартов ЕС и развития Беларуси и России по пути постиндустриального общества» [19].

Аналогичным образом в раннем варианте стратегии «Большой Евразии», разработанном Департаментом экономического сотрудничества со странами СНГ (Министерство экономического развития РФ), Общее экономическое пространство (ОЭП) намечено формировать не в рамках организации СНГ, а между СНГ и ЕС на базе договора о зоне свободной торговли ЕС–СНГ.

Далее, в обновленном варианте Стратегии-2020, подготовленном рабочей группой экспертов для Правительства РФ, в долгосрочной перспективе (после 2015–2020 гг.) экономическое пространство

Евразийского экономического союза должно «вписаться» в общее экономическое пространство Европы на западе (ЕАЭС–ЕС) и в пространство АТЭС на востоке (ЕАЭС–ШОС–АТЭС), образовав широкое евразийское пространство экономического взаимодействия, или «гармоничное сообщество экономик от Лиссабона до Владивостока», как образно назвал его В.В. Путин [20].

К сожалению, совсем иных приоритетов придерживается Евросоюз в своей интеграционной политике по отношению к странам ЕАЭС. По свидетельству белорусского политолога Л.Ф. Евменова, исследовавшего основополагающие документы Евросоюза, «во всех без исключения правовых актах проблему *политического схождения, сближения, единения* ЕС ставит в качестве *первой*, а это значит, *основной проблемы*. Так, в общей декларации о «Восточном партнерстве», куда приглашены, естественно, в качестве «учеников» шесть бывших советских республик, серьезно отстающих от политических, правочеловеческих и правовых *стандартов* развитых стран Евросоюза, утверждается: «Восточное партнерство предусматривает главным образом создание условий, необходимых для того, чтобы ускорить установление *политического единения* и углубление экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами» (см.: Declaration Commune adoptee lors du sommet de partenariat oriental. – Prague, 2009. – P. 6). С этой целью Восточное партнерство предполагает поддержать «*политические и социально-экономические реформы стран-партнеров*, чтобы *облегчить сближение* с Европейским союзом» (см. там же) [21].

Иными словами, руководство Евросоюза пытается использовать свой крупнейший в мире экономический потенциал,

составляющий 29% мирового ВВП (для сравнения: у США – 23%, у КНР – 10%, у Японии – 9%, у России – 3% [22]) и свой весьма привлекательный для экспортоориентированных предприятий постсоветских стран объемный внутренний рынок, для того чтобы навязать странам ЕАЭС свои политические и прочие стандарты.

Как справедливо заметил по этому поводу российский политолог М.Г. Делягин, «развитые страны (в том числе в рамках Восточного партнерства) действуют (возможно, бессознательно) по принципу “Возьмите наши стандарты, а мы возьмем ваши ресурсы и уничтожим то, чем вы можете конкурировать с нами”. В целом это все более напоминает не справедливую, но неокOLONIAльную модель сотрудничества» [23].

Этими же гегемонистскими целями Евросоюза обусловлена его попытка создать Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между Соединенными Штатами Америки и Евросоюзом (ТТИП). Данную стратегическую инициативу ЕС негативно оценивают даже западноевропейские исследователи.

К примеру, швейцарский экономист, профессор Ж.-П. Леманн считает, что ТТИП относится к категории центробежных сил, действие которых дезинтегрирует общеевропейское пространство: «Это попытка «старых» держав помешать подъему «новичков», создав блок для сохранения рычагов глобальной власти и возможности устанавливать правила» [24].

Противовесом этой сомнительной стратегической инициативе Евросоюза, по мнению Ж.П. Леманна, является «реальная масштабная инициатива, с которой могла бы выступить Россия, – предложить идею, а затем и детальный план создания

открытого Евразийского экономического пространства, которое простиралось бы от Кореи в Восточной Азии до Ирландии в Западной Европе и включало бы в себя Южную, Центральную и Западную Азию. Это должно быть *открытое пространство*, а не преференциальная, дискриминационная зона, как в случае с ТТИП и ТТП [Транстихоокеанское партнерство, продвигаемое Вашингтоном. – С.Д., В.Ш.]... Подобная инициатива, утвердив императив прочных, подлинно многосторонних принципов, возьмет под контроль происходящие трансформации и будет координировать развитие» [25].

К сожалению, даже среди российских экономистов находятся сторонники ограничения экономической интеграции исключительно рамками национальных хозяйственных систем, при этом функции интеграционных объединений сводятся исключительно к решению политических задач, как и планирует это делать Евро-союз в своем взаимодействии с ЕАЭС. В частности, российский исследователь Р.М. Дошаев считает, что «России и другим странам СНГ в ближайшей перспективе придется определиться с функциями и задачами объединения СНГ в новых условиях».

Было бы необходимым и правильным, если возложить на плечи этого объединения решение только политических задач, нежели экономических, связанных с развитием национальных хозяйств, в том числе интеграции. И еще раз и навсегда именовать СНГ не интеграционным объединением, а просто политическим органом, решающим вопросы мирного сосуществования стран постсоветского пространства» [26].

Хотя первичность экономической интеграции стран СНГ перед всеми остальными типами их интеграционных взаимодействий осознавалась многими отече-

ственными исследователями уже в первые годы существования данного интеграционного объединения: «Военные союзы держатся общей внешней опасностью. В отличие от военных союзов, экономическая интеграция обусловлена внутренними потребностями государств на определенной стадии их развития. Сознательно обостряя конкуренцию, она совершенствует системы жизнеобеспечения общества и поднимает его благосостояние».

Видимо, поэтому экономическая интеграция первична, обладает приоритетом над остальными аспектами интеграционного процесса – политическими, военными, социальными, правовыми. Появление единого хозяйственного комплекса со временем порождает естественную потребность в возникновении политической, военной, правовой и других надстроек. Попытки же поставить пирамиду острием вниз, изменить естественный ход интеграции обычно кончались неудачей» [27].

Аналогичную позицию по вопросу первичности экономической интеграции среди всех существующих типов и видов интеграционных процессов многие белорусские исследователи занимают и в настоящее время: «Основной и движущей силой интеграционных процессов в Содружестве может быть только взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Политические и военные альянсы различных государств многократно создавались и распадались на протяжении всей истории и только за редким исключением приводили к экономической интеграции. Интеграция предполагает, прежде всего, экономическое взаимодействие государств. При этом потребность в экономической интеграции реальных хозяйствующих субъектов, независимо от формы собственности, и является основным условием ее поступательного движения. Принятие политических решений

должно способствовать созданию необходимых экономических предпосылок» [28].

Кстати говоря, в истории самого Евросоюза можно найти убедительные примеры того, как в борьбе между различными типами интеграции (военно-политической и экономической) победителем неизменно выходила экономическая интеграция: «В 1954 г. французский парламент отверг подписанный всеми правительствами «шестёрки» договор о Европейском оборонительном сообществе, перечеркнув своим решением планы форсированной военно-политической интеграции. Им потребовалось три года, чтобы договориться о том, что «единая Европа» будет создаваться посредством экономической интеграции, и подписать в Риме Договор об учреждении Европейского экономического сообщества» [29].

До настоящего времени «одним из основных конфликтов, тормозящих переход Евросоюза на новую ступень интеграции — политический союз, — являются разногласия между странами-членами по вопросам внешней и оборонной политики и тесно связанная с этим дальнейшая передача функций с национального уровня к наднациональному. Мировые политические и военные конфликты последних лет со всей очевидностью показали, что Евросоюз не способен решать их «единым голосом», что политический вес объединения на мировой арене значительно уступает его экономическому потенциалу» [30].

По мнению российского исследователя Д.А. Гаврикова, к числу основных препятствий, стоящих на пути формирования единой внешней и оборонной политики Евросоюза, можно отнести следующие:

1) наиболее крупные страны Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция) «не готовы потерять свое влияние на мировой арене в пользу единого «евросоюзного» голоса» [31];

2) отдельные страны Евросоюза имеют разновекторные геополитические интересы в разных регионах мира (Франция — в Африке, Испания — в Латинской Америке, Германия — в Восточной Европе и т.д.);

3) далеко не все страны Евросоюза готовы передать часть своего суверенитета правительству в Брюсселе: «Во многих странах, особенно в Великобритании и Скандинавии, это часто воспринимается как потеря национального суверенитета» [32];

4) страны ЕС обладают различной степенью готовности к самообороне и различным набором обязательств перед основными международными военными организациями (НАТО, ОБСЕ и ЗЕС) [33].

Привлекательность Евросоюза для постсоветских стран снижают не только навязываемые им странам-претендентам на вступление в ЕС политические стандарты и требования, но и планируемое лидерами ведущих стран Евросоюза введение ограничений в сфере трудовой миграции: «Недавно премьер-министр Великобритании Д. Камерон...объявил о необходимых мерах, ограничивающих трудовую миграцию из восточноевропейских стран — членов ЕС.

Взаимная открытость рынков труда и свобода перемещения — краеугольный камень согласованной политики и, как справедливо полагают, «ключевой момент внешней привлекательности Европейского союза». Предлагаемая Лондоном «реформа» проводит четкую дискриминационную черту, разделяющую Европу по принципу «бедный богатому не товарищ»...

Но подобный подход к трудовым мигрантам из Восточной Европы поддержали Австрия, Германия и Нидерланды» [34]. Совсем недавно к указанной группе стран присоединилась Швейцария. В отличие от Евросоюза Китай при оформлении своих взаимоотношений с постсоветскими

странами «демонстративно подчеркивает, что его интересует только бизнес, он не выдвигает никаких политических условий» [35]. Причем Китай подтверждает заявленную им позицию на практике, подписав взаимовыгодные соглашения с Беларусью, Россией и Украиной о выделении им весьма значительных по объёму кредитов на реализацию в этих странах крупнейших инфраструктурных проектов.

Совсем иную позицию по вопросу выделения постсоветским странам крупных кредитов для перехода на евростандарты занимает Евросоюз, что обусловлено целым рядом объективных причин: «Ни Брюссель, ни Берлин не добьются по этому вопросу консенсуса внутри объединенной Европы. Что же остается? Нельзя обещать солидные кредиты, которых нет.

Не получается договориться с МВФ, который отказывает Украине в специальных условиях рефинансирования долга, кроме мелких уступок. Нельзя обещать долю товарного рынка, перегретого внутренней конкуренцией. Наконец, нельзя потесниться на европейском рынке труда, вокруг которого бушуют страсти. Нельзя даже гарантировать свободу перемещения, если последние предложения Лондона будут приняты. Остается только политическое давление» [36].

Как показывает имеющийся исторический опыт, эффективность использования такого приема, как политическое давление, в отношении восточнославянских стран (Беларуси, России и Украины) является крайне низкой при решении вопросов интеграционного сотрудничества.

Бесперспективность использования указанного приема в отношении названных стран все больше осознают и в Евросоюзе. Как свидетельствует российский политолог Н.К. Арбатова, «сегодня и в ЕС, и в России все очевидней стремление строить

отношения друг с другом по образцу отношений Евросоюза с Китаем. Предлагается не делать акцент на общих ценностях, а сосредоточиться на общих интересах» [37].

В этом контексте весьма перспективным представляется предложение вице-президента НАН Украины академика В.М. Геца о создании общими усилиями стран СНГ и Евросоюза ряда единых интеграционных пространств: «Дальнейшее расширение ЕС на восток при прежней идеологии формирования Союза путем принятия новых членов, даже таких, как Турция и/или Украина, приведет и во внутри-, и во внешнеполитическом, экономическом и социокультурном отношениях к обострению и появлению новых факторов дестабилизации в ЕС и в глобализирующемся мире.

Вот почему движение на восток должно преследовать цель не столько получения членства, сколько выделения отдельных пространств (секторов); в их рамках согласованные действия в чем-то будут похожими на условия формирования ЕОУС [Европейского объединения угля и стали. – С.Д., В.Щ.]. Тогда доминирующими станут трансграничные сделки по слиянию и поглощению, которые хоть и будут лоббироваться на уровне правительства в интересах своих стран, но начнут все более обеспечивать продвижение к созданию единого рынка путем преодоления экономических различий» [38].

Сходную позицию по данному вопросу занимают как руководители Российской Федерации, так и российские ученые-европеисты. В частности, как следует из официальных заявлений российской власти, Россия продолжает стремиться к максимально тесному сотрудничеству с Европой, однако без вхождения в структуры Евросоюза [39].

В свою очередь, сотрудник ИМЭМО РАН В. Гутник считает, что вступление России в Евросоюз «нецелесообразно

прежде всего из-за несоответствия его организационных структур и механизмов управления задачам, которые стоят перед российской экономикой...Россия должна оставаться самостоятельной при принятии решений.

Если мы сохраним свободу выбора форм, инструментов, изменений, сроков и т.д. и одновременно будем твердо ориентироваться на европейскую модель, наша страна станет более европейской, чем если Москва добьется формального членства в общей организации европейских государств и будет вынуждена подчиняться «совместно» выработанным решениям» [40].

Постоянно растущий товарооборот между отдельными странами ЕАЭС и Евросоюза показывает, что общеевропейское экономическое пространство (с участием представителей обоих европейских интеграционных объединений) уже создается, независимо от того, нравится это или не нравится чиновникам из Брюсселя. К примеру, современное экономическое сотрудничество Беларуси и стран Евросоюза характеризуется следующими показателями:

1. «На сегодняшний день ЕС – второй по объёму после РФ торговый партнер Беларуси. За десять лет – с 2001 по 2011 год – товарооборот Беларуси со странами Евросоюза увеличился десятикратно, составив в 2011 году 24,4 млрд. долларов, или 28,4% от общего внешнеторгового оборота (размер которого 86,04 млрд.)» [41].

2. «Основными торговыми партнерами Беларуси в январе–октябре 2013 года среди европейских государств были Германия (3-е место по товарообороту среди всех стран – внешнеторговых партнеров Беларуси), Нидерланды (4-е), Польша (6-е), Италия (7-е), Литва (8-е), Великобритания (9-е), Латвия (11-е место). Таким образом, первая

«десятка» наших торговых партнеров более чем наполовину представлена странами Европейского союза» [42].

3. Экономическое сотрудничество Беларуси со странами Евросоюза не ограничивается только торговлей: «За 9 месяцев 2013 года из стран ЕС поступили инвестиции в объеме 4,9 млрд. долларов (100,8% к аналогичному периоду 2012 года), из них прямые инвестиции – 3,7 млрд. долларов (106%). На долю инвесторов из государств Европейского союза приходится 45,2% всех иностранных инвестиций, привлеченных в белорусскую экономику в январе–сентябре 2013 года» [43].

Еще более впечатляющие показатели имеет экономическое сотрудничество России и стран Евросоюза:

- «Еще в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур» [44].

- «ЕС является сейчас (и, скорее всего, останется в будущем) партнером России номер один в экономической сфере» [45].

- «Для России импортно-экспортные операции со странами ЕС приоритетны и составляют примерно 45% всего российского внешнеторгового оборота. Для ЕС же по аналогичным показателям Россия занимает лишь 3-е место (после США и Китая) с долей 9,5%» [46].

- «Около 40% золотовалютных резервов России хранится в европейской валюте. Структура товарооборота между Россией и Евросоюзом объективно позволяет сторонам сглаживать дефициты и дисбалансы своих экономик. Соединение экономических возможностей России и Европы способно создать потенциал формирования колоссального промышленно-сырьевого гиганта «от Лиссабона до Владивостока» [47].

Наконец, отмеченные выше показатели и перспективы экономического сотрудничества отдельных стран ЕАЭС и Евросоюза в случае их суммирования выглядят еще более впечатляюще:

1. «На долю ЕС в 2011 г. пришлось 55,5% совокупного экспорта России, Белоруссии и Казахстана и 44% – их совокупного импорта. В свою очередь, Таможенный союз является для Евросоюза третьим по величине торговым партнером (11% внешнеторгового оборота) после США (13,8%) и Китая (13,3%).»

По объему продаж товаров на рынке Евросоюза Таможенный союз, доля которого составляет 13,8% общего объема импорта стран ЕС, занимает второе место после Китая (17,3%), опережая США (10,9%). Доля Таможенного союза в экспорте ЕС составила 7,9% – третье место после США (17%) и Китая (8,9%)» [48].

2. Говоря о перспективах развития экономического сотрудничества Евразийского и Европейского союзов, необходимо отметить, что эти крупнейшие интеграционные объединения нашего континента являются в большой мере взаимодополняющими частями единой Большой Европы и в случае объединения своих экономических потенциалов могут стать практически недостижимыми для своих геоэкономических конкурентов (Китай, США и Японии). Как образно заметил по этому поводу член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг, «с гигантами могут бороться только гиганты» [49].

3. Именно центральным положением ЕАЭС на Евразийском континенте между ЕС, с одной стороны, и АСЕАН и ШОС – с другой, определяется та геостратегическая роль, которую может выполнить ЕАЭС в качестве естественного транспортного и энергетического «моста» между Западной Европой и Восточной Азией на всем пространстве крупнейшего в мире континента,

на котором проживает 4,8 млрд. человек и сосредоточено более половины мирового ВВП (порядка 40 трлн. долларов) [50].

4. Благодаря более тесному экономическому сотрудничеству стран ЕАЭС и Евросоюза последний может преодолеть свою одностороннюю ориентацию на использование неолиберальной экономической модели, а также связанные с этим социальные издержки: «На всех этапах европейской интеграции велись многочисленные дискуссии о ее путях и целях, обсуждались и критиковались связанные с нею процессы и явления.»

Однако в том виде, в каком проект единой Европы осуществляется с конца 1990-х годов, он вызывает нарастающее сопротивление граждан, причем не только в «проблемных» странах. В ходе объединения реализовывалась довольно жесткая неолиберальная экономическая модель, неотъемлемыми элементами которой стали сокращение заработной платы и социальных расходов, ослабление институтов социальной защиты, ликвидация устойчивой занятости и т.д. Изначально непростую ситуацию усугубил мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.» [51].

В результате благодаря использованию неолиберальной экономической модели ВВП Евросоюза только с 2008 по 2009 г. сократился на 4,5%, а число долларовых миллиардеров в мире за это же время возросло многократно [52], в том числе и за счет спекуляций евросоюзными финансами.

В экономике стран ЕАЭС столь явного доминирования неолиберальной экономической модели не наблюдается, а в качестве стратегической цели этих стран декларируется построение социально ориентированной рыночной экономики. Последнее с необходимостью придется учитывать странам ЕС в процессе их экономического сотрудничества со странами ЕАЭС.

5. Благодаря более тесному экономическому сотрудничеству стран ЕАЭС с крупнейшими странами Евросоюза (Германией, Великобританией, Францией и др.) может быть отчасти нивелировано чрезмерное доминирование России в экономике ЕАЭС: «На долю РФ приходятся 87,6% экономического потенциала, 78,4% – населения и 83,9% территории формирующегося ЕЭС. В зоне свободной торговли в рамках СНГ на Россию приходятся 78,3% совокупного ВВП, 53,2% – населения и 79,3% территории.

Это создает как преимущества, так и определенные сложности в формировании структур евразийской экономической интеграции» [53]. Факт существования «барьера размерности» в рамках постсоветской интеграции признают и российские исследователи: «Членам Евросоюза значительно легче, чем в СНГ, находить компромиссы в увлекательной игре – «брать и давать». Россия слишком велика, чтобы быть равноправным партнером, и это объективно затрудняет любую интеграцию с ее участием» [54].

По указанным выше причинам более тесное экономическое сотрудничество стран ЕАЭС с крупнейшими странами Евросоюза позволит отчасти уравновесить экономическое влияние России в рамках Общего европейского экономического пространства.

Таким образом, взаимные выгоды, получаемые странами Евразийского и Европейского союзов от экономического сотрудничества между этими двумя крупнейшими интеграционными объединениями Европы, являются более чем очевидными. Как справедливо заметил по этому поводу Р.С. Гринберг, «наши условия для интеграции хуже, чем в Европейском союзе. Но что касается чисто экономического аспекта интегра-

ционных проектов, то при определенных условиях они перспективны» [55].

И главным из этих условий является полный отказ руководства обоих интеграционных союзов от использования каких-либо идеологических мотивов в процессе разработки совместных интеграционных мегапроектов.

Поскольку мировая интеграционная практика показывает, что опора на ту или иную идеологию неизменно приводит к «формированию системы двух глобальных полярных элементов мира – господствующего и подчиненного, первый из которых организован и социально сплочен, второй дезорганизован и разобщен.

Попытки воплощения данной модели, заключающиеся в таких мероприятиях, как механическое насаждение мультикультурализма, определение государственных целей исходя из интересов международного капитала, пропаганда «нового кочевничества», в реальности всегда приводят к потере социальной солидарности и росту внутренних конфликтов» [56].

Проведенный нами анализ существующих реалий евразийской и евросоюзной интеграции дает нам основания сделать вывод об исключительной перспективности экономического сотрудничества между странами ЕАЭС и Евросоюза. В пользу данного вывода свидетельствует сама история мировой интеграции, главной аксиомой которой является положение о том, что экономическая интеграция всегда предшествует политической [57].

При этом следует подчеркнуть особую важность экономического сотрудничества на уровне двух интеграционных блоков (ЕАЭС и Евросоюза), что на деле является практической реализацией идеи «интеграции интеграций».

Иными словами, наряду с активным двусторонним экономическим сотрудни-

чеством между отдельными странами Евразийского и Европейского союзов, необходимо всячески развивать многостороннее экономическое сотрудничество в рамках двух основных типов европейской интеграции (евразийской и евросоюзной).

«Такая интеграция на постсоветском пространстве, — считает Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, — быстрее приведет к более тесным и равноправным отношениям с Евросоюзом и построению Большой Европы, чем сепаратные хождения по европейским кабинетам» [58].

Ссылки на источники

1. Максимычев, И.Ф. Есть ли будущее у Большой Европы? / И.Ф. Максимычев // Современная Европа. — 2013. — № 1. — С. 34.
2. ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС: доклад № 242 / Институт Европы. — М., 2009. — С. 8.
3. Там же.
4. Орлов, Б.С. Европа с человеческим лицом (Социокультурные аспекты европейской цивилизации) / Б.С. Орлов // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 12. — С. 72.
5. Лукашенко, А.Г. О судьбах нашей интеграции / А.Г. Лукашенко // Известия. — 2011. — 19 октября. — С. 5.
6. Кизима, С.А. Вызовы евразийской интеграции для Евросоюза / С.А. Кизима // Политика Европейского союза в отношении Союзного государства Беларуси и России: Сборник материалов круглого стола (Минск, 11 мая 2012 г.). — Мн., 2012. — С. 90-94.
7. Куртов, А.А. Евразийский экономический союз и Европейский союз: общее и особенное / А.А. Куртов // Политика Европейского союза в отношении Союзного государства Беларуси и России: сборник материалов круглого стола (Минск, 11 мая 2012 г.). — Мн., 2012. — С. 105.
8. Там же.
9. Там же. — С. 105-106.
10. Там же. — С. 106.
11. Там же. — С. 109.
12. К примеру, российский историк Б.С. Орлов считает, что «европейцы сами себе бросили вызов: выжить в новых условиях, не превратиться в большой музей, активно участвовать в решении проблем, стоящих перед мировым сообществом» (см.: Орлов Б.С. Европа с человеческим лицом (Социокультурные аспекты европейской цивилизации) // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 12. — С. 73).
13. См.: Internationale Politik und Gesellschaft. — 2004. — № 2. — S. 31.
14. Кизима, С.А. Вызовы евразийской интеграции для Евросоюза / С.А. Кизима // Политика Европейского союза в отношении Союзного государства Беларуси и России: сборник материалов круглого стола (Минск, 11 мая 2012 г.). — Мн., 2012. — С. 94.
15. Максимычев, И.Ф. Есть ли будущее у Большой Европы? / И.Ф. Максимычев // Современная Европа. — 2013. — № 1. — С. 44.
16. Цитируем высказывание российского экономиста Л.З. Зевина по: Дадабаева З. Евразийская экономическая интеграция // Мир перемен. — 2012. — № 4. — С. 176.
17. Глазьев, С. ЕС и ЕврАзЭС: сходство и различия интеграционных моделей / С. Глазьев, В. Чушкин, С. Ткачук // Российский экономический журнал. — 2013. — № 3. — С. 78.
18. Главным достоинством концепции ОЕЭП, по мнению сотрудника Института Европы РАН Ю.А. Борко, является то, что она не требует от стран — участниц ОЕЭП — делегирования своих суверенных полномочий каким-либо наднациональным структурам, как это имеет место в Евросоюзе (См.: Борко Ю.А. От европейской идеи — к единой Европе. — М., 2003. — С. 421).
19. Лохманенко, Л. Интеграция на фоне сотрудничества с ЕС / Л. Лохманенко // Союзное вече. — 2005. — 5 октября. — С. 4.

20. Путин, В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В. Путин // Известия. – 2011. – 5 октября. – С. 5.
21. Евменов, Л.Ф. Концептуальные основы политической философии Европейского союза / Л.Ф. Евменов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2012. – № 2. – С. 11.
22. Воронов, К.В. Евросоюз в контркризисной конкуренции «центров силы»: потенциал, реалии, надежды / К.В. Воронов // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 3. – С. 68.
23. Делягин, М. Конец европейской мечты / М. Делягин // Наш современник. – 2011. – № 9. – С. 93.
24. Леманн, Ж.-П. Спасет ли Россия глобализацию? Открытое экономическое пространство Евразии против преференциальных соглашений / Ж.-П. Леманн // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11. – № 3. – С. 79.
25. Там же. – С. 88-89.
26. Дошаев, Р.М. Единое экономическое пространство – форма интеграции в условиях рынка / Р.М. Дошаев. – М., 2005. – С. 210.
27. Решетников, С.В. Беларусь–Россия: проблемы и перспективы интеграционной динамики / С.В. Решетников // Национальное возрождение, цивилизационная специфика и процессы международной интеграции (СНГ и опыт развивающихся стран): материалы международной конференции. – М., 1996. – С. 64.
28. Шумский, Н.Н. Стратегия и основные направления развития Содружества Независимых Государств / Н.Н. Шумский // Материалы Международной научно-практической конференции по вопросам дальнейшего развития СНГ. – Мн., 2006. – С. 235-236.
29. ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС: доклад № 242 / Институт Европы. – М., 2009. – С. 8.
30. Гавриков, Д.А. Европейский союз как территория противоречий / Д.А. Гавриков // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 12. – С. 92.
31. Там же.
32. Там же. – С. 93.
33. Там же.
34. Оганесян, А. Украина – Китай: «третья альтернатива»? / А. Оганесян // Международная жизнь. – 2013. – № 12. – С. 83.
35. Там же. – С. 85.
36. Там же. – С. 84.
37. Арбатова, Н.К. Общее политическое пространство между Россией и ЕС: утопия или реальность? / Н.К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 12. – С. 11.
38. Гец В.М. Посткризисная архитектура европейского экономического пространства / В.М. Гец // Мир перемен. – 2011. – № 1. – С. 148.
39. Стрежнева, М. Брюссель – Москва: помехи в коммуникации / М. Стрежнева // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 12. – С. 111.
40. Гутник, В. От партнерства к ассоциации? / В. Гутник // Pro et Contra. – 2003. – Т. 8. – № 1. Европейский союз в российской политике. – С. 22.
41. Герасимова, Р.Г. Беларусь и ЕС. Непростое соседство / Р.Г. Герасимова // Современная Европа. – 2013. – № 3. – С. 59.
42. Купчина, Е. Беларусь – ЕС: экономика и прагматизм / Е. Купчина // Белорусская думка. – 2014. – № 1. – С. 33.
43. Там же.
44. Путин, В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В. Путин // Известия. – 2011. – 5 октября. – С. 5.
45. Гутник, В. В поисках путей модернизации: совместимы ли европейскость и самобытность? / В. Гутник // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 10. – С. 118.
46. Якунин, В.И. Политическая и экономическая конкурентоспособность Европы и России: возможности синергии / В.И. Якунин // Мир перемен. – 2013. – № 4. – С. 59.
47. Там же.

48. Глазьев, С. ЕС и ЕврАзЭС: сходство и различия интеграционных моделей / С. Глазьев, В. Чушкин, С. Ткачук // Российский экономический журнал. – 2013. – № 3. – С. 75-76.
49. Гринберг, Р.С. Тенденции и угрозы новой мировой экономики и шансы евразийской интеграции / Р.С. Гринберг // Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства. – Вып. 5. Интеграция и вопросы безопасности Союзного государства / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. – Мн., 2013. – С. 7.
50. Зевин, Л. Интеграция и интегрирование / Л. Зевин // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 9. – С. 123.
51. Смирнов, А.Н. Испытание евроскептицизмом: кризис европейской интеграции в зеркале консерватизма / А.Н. Смирнов // Политика. – 2013. – № 4. – С. 49.
52. Петровский, И.С. «Соединенные штаты Европы»: кризис экономики наживы / И.С. Петровский // Вестник Минского государственного лингвистического университета. – Сер. 3. – 2012. – № 11. – С. 74.
53. Глазьев, С. ЕС и ЕврАзЭС: сходство и различия интеграционных моделей / С. Глазьев, В. Чушкин, С. Ткачук // Российский экономический журнал. – 2013. – № 3. – С. 78.
54. Гринберг, Р.С. Тенденции и угрозы новой мировой экономики и шансы евразийской интеграции / Р.С. Гринберг // Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства. – Вып. 5. Интеграция и вопросы безопасности Союзного государства / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. – Мн., 2013. – С. 12.
55. Там же. – С. 13.
56. Тяпин, И.Н. Российско-белорусская интеграция: осмысление в категориях национальной идеи / И.Н. Тяпин // Интеграция в формате Союзного государства как основной инструмент реализации стратегии безопасности России и Беларуси. Международная научно-практическая конференция, IX заседание Межакадемического совета России и Беларуси по проблемам развития Союзного государства (г. Вологда, 3–5 июля 2013 г.): материалы выступлений: в 2-х ч. – Ч. 1. – Вологда, 2013. – С. 149.
57. Бусыгина, И. Интеграция // Sum ergo cogito: политический мини-лексикон / И. Бусыгина, А. Захаров. – М., 2006. – С. 59.
58. Лукашенко, А.Г. О судьбах нашей интеграции / А.Г. Лукашенко // Известия. – 2011. – 19 октября. – С. 5.

Dedkov S.M., Shcherbin V.K.

Prospects for economic cooperation between the Eurasian and European Unions

Sergei Maratovich Dedkov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Director, Center for Strategic Research and System Analysis of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Akademicheskaya Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus, Dedkov2003@mail.ru).

Vyacheslav Konstantinovich Shcherbin – Ph.D. in Philology, Leading Research Associate, Center for Strategic Research and System Analysis of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Akademicheskaya Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus, slavalex@mail.ru).

Abstract. The article analyzes the history of European integration, summarizes the negative experience of some previous attempts to form a greater Europe. The authors discuss certain challenges that Eurasian integration throws out to the EU. They define the prospects of economic cooperation between the Eurasian Union and the European Union in the framework of practical implementation of the idea of “integration of integrations”.

Key words: European integration, greater Europe, the idea of “integration of integrations”, challenges of Eurasian integration, Common European Economic Space, economic integration.

References

1. Maksimychev I.F. Est' li budushchee u Bol'shoi Evropy? *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2013, no.1, pp. 34.
2. *EvrAzES i integratsionnyi opyt ES: doklad № 242* [EurAsEC and the Integration Experience of the EU: the Report No.242]. Institut Evropy. Moscow, 2009. P. 8.
3. Ibidem.
4. Orlov B.S. Evropa s chelovecheskim litsom (Sotsiokul'turnye aspekty evropeiskoi tsivilizatsii) [Europe with a Human Face (Socio-Cultural Aspects of the European Civilization)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2005, no.12, p. 72.
5. Lukashenko A.G. O sud'bakh nashei integratsii [About the Fate of Our Integration]. *Izvestiya* [News], 2011, October 19, p. 5.
6. Kizima S.A. Vyzovy evraziiskoi integratsii dlya Evrosoyuza [Challenges of Eurasian Integration for the EU]. *Politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: Sbornik materialov kruglogo stola (Minsk, 11 maya 2012 g.)* [Politics of the European Union regarding the Union State of Belarus and Russia: Proceedings of the Round Table (Minsk, May 11, 2012)]. Minsk, 2012. Pp. 90-94.
7. Kurtov A.A. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz i Evropeiskii soyuz: obshchee i osobnoe [The Eurasian Economic Union and the European Union: General and Special Features]. *Politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: sbornik materialov kruglogo stola (Minsk, 11 maya 2012 g.)* [Politics of the European Union regarding the Union State of Belarus and Russia: Proceedings of the Round Table (Minsk, May 11, 2012)]. Minsk, 2012. P. 105.
8. Ibidem.
9. Ibidem. Pp. 105-106.
10. Ibidem. P. 106.
11. Ibidem. P. 109.
12. For example, Russian historian B.S. Orlov believes that “the Europeans have challenged themselves to survive in the new conditions, not to become a big museum, and to participate actively in the solution of problems that the world community faces” (see: Orlov B.S. Evropa s chelovecheskim litsom (Sotsiokul'turnye aspekty evropeiskoi tsivilizatsii) [Europe with a Human Face (Socio-Cultural Aspects of the European Civilization)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2005, no.12, p. 73).
13. See: *Internationale Politik und Gesellschaft*, 2004, no.2, p. 31.
14. Kizima S.A. Vyzovy evraziiskoi integratsii dlya Evrosoyuza [Challenges of Eurasian Integration for the EU]. *Politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: Sbornik materialov kruglogo stola (Minsk, 11 maya 2012 g.)* [Politics of the European Union regarding the Union State of Belarus and Russia: Proceedings of the Round Table (Minsk, May 11, 2012)]. Minsk, 2012. P. 94.
15. Maksimychev I.F. Est' li budushchee u Bol'shoi Evropy? [Does a Greater Europe Have a Future?]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2013, no.1, p. 44.
16. The Russian economist L.S. Zevin cit. Dadabaeva Z. Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya [Eurasian Economic Integration]. *Mir peremen* [World of Transformations], 2012, no.4, p. 176.
17. Glazyev S., Chushkin V., Tkachuk S. ES i EvrAzES: skhodstvo i razlichiya integratsionnykh modelei. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2013, no.3, p. 78.
18. Research Associate of the RAS Institute of Europe Yu.A Borko believes that the main advantage of the Common European Economic Space Concept consists in the fact that it does not require that CEES member states delegate their sovereign powers to any supranational structures, as in the case of the EU (see: Borko Yu.A. *Ot evropeiskoi idei – k edinoi Evrope* [From European Idea to United Europe]. Moscow, 2003. P. 421).
19. Likhmanenko L. Integratsiya na fone sotrudnichestva s ES [Integration on the Background of Cooperation with the EU]. *Soyuznoe veche* [The Union Assembly], 2005, October 5, p. 4.
20. Putin V.V. Novyi integratsionnyi proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya [A New Integration Project for Eurasia – the Future That Is Born Today]. *Izvestiya* [News], 2011, October, 5, p. 5.
21. Evmenov L.F. Kontseptual'nye osnovy politicheskoi filosofii Evropeiskogo soyuza [Conceptual Framework of the Political Philosophy of the European Union]. *Vesci Naцыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanitarian Sciences], 2012, no.2, p. 11.

22. Voronov K.V. Evrosoyuz v kontrkrizisnoi konkurentsii "tsentrov sily": potentsial, realii, nadezhdy [the EU in an Anti-Crisis Competition of the "Centers of Power": Potential, Reality, Hopes]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2013, no.3, p. 68.
23. Delyagin M. Konets evropeiskoi mechty [The End of the European Dream]. *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 2011, no.9, p. 93.
24. Lehmann J.-P. Spaset li Rossiya globalizatsiyu? Otkrytoe ekonomicheskoe prostranstvo Evrazii protiv preferentsial'nykh soglashenii [Global Transformation: the Eurasian Open Economic Space]. *Rossiia v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2013, vol. 11, no.3, p. 79.
25. Ibidem. Pp. 88-89.
26. Doshayev R.M. *Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo – forma integratsii v usloviyakh rynka* [Common Economic Space – a Form of Integration in the Market]. Moscow, 2005. P. 210.
27. Reshetnikov S.V. Belarus' – Rossiya: problemy i perspektivy integratsionnoi dinamiki [Belarus and Russia: Problems and Prospects of Integration Dynamics]. *Natsional'noe vozrozhdenie, tsivilizatsionnaya spetsifika i protsessy mezhdunarodnoi integratsii (SNG i opyt razvivayushchikhsya stran): materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [National Revival, Civilizational Specifics and Processes of International Integration (CIS and the Experience of Developing Countries): Proceedings of the International Conference]. Moscow, 1996. P. 64.
28. Shumskii N.N. Strategiya i osnovnye napravleniya razvitiya Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv [The Strategy and Main Directions of Development of the Commonwealth of Independent States]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po voprosam dal'neishego razvitiya SNG* [Proceedings of the International Research-to-Practice Conference on Further Development of the CIS]. Minsk, 2006. Pp. 235-236.
29. *EvrAzES i integratsionnyi opyt ES: doklad № 242* [EurAsEC and the Integration Experience of the EU: Report No.242]. Institut Evropy. Moscow, 2009. P. 8.
30. Gavrikov D.A. Evropeiskii soyuz kak territoriya protivorechii [The European Union as an Area of Contradictions]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2004, no.12, p. 92.
31. Ibidem.
32. Ibidem. P. 93.
33. Ibidem.
34. Oganessian A. Ukraina – Kitai: "tret'ya al'ternativa"? [The Ukraine – Is China a "Third Alternative"?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2013, no.12, p. 83.
35. Ibidem. P. 85.
36. Ibidem. P. 84.
37. Arbatova N.K. Obshchee politicheskoe prostranstvo mezhdru Rossiei i ES: utopiya ili real'nost'? [Common Political Space between Russia and the EU: Utopia or Reality?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2006, no.12, p. 11.
38. Geets V.M. Postkrizisnaya arkhitektonika evropeiskogo ekonomicheskogo prostranstva [Post-Crisis Architectonics of the European Economic Space]. *Mir peremen* [World of Transformations], 2011, no.1. P. 148.
39. Strezhneva M. Bryussel' – Moskva: pomekhi v kommunikatsii [Brussels – Moscow: Interference in Communications]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2004, no.12, p. 111.
40. Gutnik V. Ot partnerstva k assotsiatsii? [From Association to Partnership?]. *Pro et Contra*, 2003, vol. 8, no.1. Evropeiskii soyuz v rossiiskoi politike [European Union in Russian Politics.]. P. 22.
41. Gerasimova R.G. Belarus' i ES. Neprostoe sosledstvo [Belarus and the EU. A Difficult Neighborhood]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2013, no.3, p. 59.
42. Kupchina E. Belarus' – ES: ekonomika i pragmatizm [Belarus – EU: Economy and Pragmatism]. *Belaruskaya Dumka*, 2014, no.1. P. 33.
43. Ibidem.
44. Putin V.V. Novyi integratsionnyi proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya [A New Integration Project for Eurasia – the Future That Is Born Today]. *Izvestiya* [News], 2011, October, 5, p. 5.
45. Gutnik V. V poiskakh putei modernizatsii: sovместimy li evropeiskost' i samobytnost'? [In Search of Ways of Modernization: Compatible European Mentality and Identity?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2004, no.10, p. 118.

46. Yakunin V.I. Politicheskaya i ekonomicheskaya konkurentosposobnost' Evropy i Rossii: vozmozhnosti sinergii [Political and Economic Competitiveness of Europe and Russia: the Possibility of Synergy]. *Mir peremen* [World of Transformations], 2013, no.4. P. 59.
47. Ibidem.
48. Glazyev S., Chushkin V., Tkachuk S. ES i EvrAzES: skhodstvo i razlichiya integratsionnykh modelei. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2013, no.3, p. 75-76.
49. Grinberg R.S. Tendentsii i ugrozy novoi mirovoi ekonomiki i shansy evraziiskoi integratsii [Trends and Threats of the New World Economy and the Chances of Eurasian Integration]. *Mezhakademicheskii soviet po problemam razvitiya Soyuznogo gosudarstva*. – Vyp. 5. *Integratsiya i voprosy bezopasnosti Soyuznogo gosudarstva* [InterAcademy Council on the Issues of Development of the Union State. Issue 5. Integration and Security of the Union State]. Ed.by S.M. Dedkov, V.K. Egorov. Minsk, 2013. P. 7.
50. Zevin L. Integratsiya i integrirovaniye [Integration and Integrating]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2013, no.9, p. 123.
51. Smirnov A.N. Ispytanie evroskeptitsizmom: krizis evropeiskoi integratsii v zerkale konservatizma [The Test of Euroscepticism: the Crisis of European Integration in the Mirror of Conservatism]. *Politiya*, 2013, no.4, p. 49.
52. Petrovskii I.S. “Soedinennyye shtaty Evropy”: krizis ekonomiki nakhivy [“The United States of Europe”: the Crisis of Profiteering Economics]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Minsk State Linguistic University Bulletin], 2012, series 3, no. 11, p. 74.
53. Glazyev S., Chushkin V., Tkachuk S. ES i EvrAzES: skhodstvo i razlichiya integratsionnykh modelei. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2013, no.3, p. 78.
54. Grinberg R.S. Tendentsii i ugrozy novoi mirovoi ekonomiki i shansy evraziiskoi integratsii [Trends and Threats of the New World Economy and the Chances of Eurasian Integration]. *Mezhakademicheskii soviet po problemam razvitiya Soyuznogo gosudarstva*. – Vyp. 5. *Integratsiya i voprosy bezopasnosti Soyuznogo gosudarstva* [InterAcademy Council on the Issues of Development of the Union State. Issue 5. Integration and Security of the Union State]. Ed.by S.M. Dedkov, V.K. Egorov. Minsk, 2013. P. 12.
55. Ibidem. P. 13.
56. Tyapin I.N. Rossiisko-belorusskaya integratsiya: osmyslenie v kategoriakh natsional'noi idei [Russian-Belarusian Integration: Understanding in the Categories of the National Idea]. *Integratsiya v formate Soyuznogo gosudarstva kak osnovnoi instrument realizatsii strategii bezopasnosti Rossii i Belarusi. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, IX zasedanie Mezhakademicheskogo soveta Rossii i Belarusi po problemam razvitiya Soyuznogo gosudarstva (g. Vologda, 3–5 iyulya 2013 g.): materialy vystuplenii: v 2-kh ch.* [Integration within the Union State as the Main Tool for the Implementation of Russia and Belarus Security Strategy. the International Research-to-Practice Conference, the 9th Session of the Russia-Belarus InterAcademy Council on the Issues of Development of the Union State (Vologda, July 3–5, 2013): Proceedings: in 2 Parts]. Vologda, 2013. Part 1. P. 149.
57. Busygina I., Zakharov A. Integratsiya [Integration]. *Sum ergo cogito: politicheskii mini-leksikon* [Sum ergo cogito: Political Mini-Vocabulary]. Moscow, 2006. P. 59.
58. Lukashenko A.G. O sud'bakh nashei integratsii [About the Fate of Our Integration]. *Izvestiya* [News], 2011, October 19, p. 5.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.463.33:330.34(470.1-17), ББК 65.32-18(2Рос.Ком)

© Иванов В.А.

Аграрный сектор Печоро-Уральского Севера*

**Валентин Александрович
ИВАНОВ**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, ivanov@iespn.komics.ru)

Аннотация. Раскрыта роль сельского хозяйства в продовольственном обеспечении населения арктических и приарктических территорий Республики Коми (Печоро-Уральский Север). Рассмотрены условия, дан анализ обеспеченности ресурсами, организационно-правовых форм хозяйствования в аграрном производстве. Показано состояние сельского хозяйства в дореформенный период (1960–1980 гг.) и в условиях рыночных преобразований (с 1992 г.). Определено влияние реформ на социально-экономические процессы в отрасли. Исследованы ограничения развития аграрного сектора. Предложены направления развития оленеводства и скотоводства. Рекомендуется ускорить разработку и принятие закона «Об оленеводстве в Российской Федерации», федеральной целевой программы по развитию северного оленеводства; совершенствовать межрегиональные связи в области совместных систем контроля за состоянием пастбищ. Показана необходимость укрепления материально-технической базы молочно-мясного скотоводства, усиления финансовой поддержки традиционных северных отраслей.

Ключевые слова: сельское хозяйство, природные условия, ресурсный потенциал, специализация, рыночные преобразования, направления развития, Печоро-Уральский Север.

В настоящее время возрастает роль Арктического субрегиона как ресурсной кладовой экономики. Среди факторов, определяющих комплексное развитие северных и арктических территорий, важное значение имеет сельское и промысловое хозяйство, обеспечивающее население

этой зоны свежими биологическими полноценными продуктами питания: мясом, рыбой, молоком, яйцом и овощами. Экономически оправданное производство продукции, главным образом экологически безопасной, малотранспортабельной и скоропортящейся, для которой имеются

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми, научный проект № 13-12-11001 а/Си программ фундаментальных исследований УрО РАН, проекты № 12-У-7-1013; № 12-7-8-006.

благоприятные условия, высвобождает народное хозяйство других регионов России от необходимости заготавливать, перерабатывать и транспортировать ее эквивалентное количество. При этом достигается экономия инвестиций в транспорт, уменьшаются потери продукции, улучшается ее качество.

В традиционных видах хозяйствования заняты преимущественно коренные народы Севера. В предреформенный период свыше 62% представителей малочисленных народов было занято в сельском и промышленном хозяйстве. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. показали, что в крупных и средних сельхозорганизациях северным оленеводством, табунным коневодством и рыболовством было занято 15% представителей малочисленных народностей, охотой – 10%, переработкой продукции традиционных и других отраслей – 15%. В малых сельхозпредприятиях эти показатели составили соответственно 16, 35 и 20% [5].

В качестве объекта исследования выступают хозяйствующие субъекты аграрной сферы арктических и приарктических территорий Республики Коми (Печоро-Уральский Север) в составе таких городских округов, как Воркута, Инта, Усинск, и муниципальных районов – Печоры, Усть-Цилемского и Ижемского. Рассматриваемый субрегион характеризуется высоким потенциалом минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Здесь сконцентрированы значительные запасы угля, нефти, газа, хрома, марганца, алмазов, вермикулита, никеля, меди и других редких металлов. Индустриальный характер функционирования Арктического субрегиона позволяет значительную часть финансовых ресурсов выделять на развитие агропродовольственного сектора и сельской местности.

В начале XX в. возможность северного земледелия доказал основатель сельскохозяйственной науки на Европейском Севере России А.В. Журавский. В 1911 г., по распоряжению Департамента земледелия России, в Усть-Цильме была открыта Печорская сельскохозяйственная опытная станция. Основателем и первым директором стал А.В. Журавский. Он убедительно доказал, что «не климат удерживал Печорское сельскохозяйственное развитие, а условия, ничего общего с климатом не имеющие. И недалеко, надеемся, то время, когда приполярное изобилие света будет использовано на благополучие России...» [3, с. 64]. Целесообразность «осеверения» земледелия обосновывали Н.И. Вавилов, Д.Н. Прянишников и другие ученые.

Практическим рекомендациям продовольственного обеспечения населения арктических территорий Евро-Северо-Востока, развитию оленеводства, кормопроизводства путем залужения тундры посвящены работы [1, 4, 6, 7].

Особенности функционирования аграрного сектора

Агроклиматические условия субрегиона сдерживают эффективное развитие сельскохозяйственного производства. Особенно неблагоприятны условия для земледелия в городских округах Воркута и Инта, где преобладают тундровые почвы и крайне ограничены тепловые ресурсы. Большую часть территории занимает зона вечной мерзлоты. Развитие кормопроизводства в арктической зоне возможно путем залужения тундры [6]. Вместе с тем следует отметить, что в бассейне реки Печора имеются благоприятные условия для развития скотоводства (достаточное количество осадков, что обеспечивает сравнительно высокую эффективность удобрений; длинный световой день, что способствует быстрому росту растений; наличие крупных массивов пойменных лугов).

Благодаря длинному световому дню травы в арктической зоне растут с повышенной интенсивностью, что позволяет за 70–80 вегетационных дней накапливать такое количество зеленой массы, какое в южных районах образуется в течение 180 дней. Среднесуточный прирост трав в начале весны в благоприятные дни составляет от 3 до 9 см [2]. Потенциальная возможность сбора кормов с пойменных лугов субрегиона превышает 17 тыс. т корм. ед.

Трудовые ресурсы. В аграрном секторе Печоро-Уральского Севера сегодня занято всего 1,8 тыс. чел., тогда как в 1989 г. – свыше 8 тыс. чел. На долю муниципальных унитарных предприятий по производству сельхозпродукции приходится 12,4% общего количества работников аграрного сектора, обществ с ограниченной ответственностью – 46,9%, кооперативов – 19,1%, крестьянских (фермерских) хозяйств – 10,2%, акционерных обществ – 11,3%.

В отрасли ощущается недостаток специалистов, руководителей среднего звена, механизаторов, операторов машинного доения, оленеводов. Наблюдается высокая текучесть кадров, невысокий уровень

образования работников, занимающих должности руководителей и специалистов.

Земельные ресурсы. Общая земельная площадь составляет 15,7 млн. га, в том числе 9,5 млн. га оленьих пастбищ, 44% которых расположено в Ненецком автономном округе. Лишь небольшая часть земельного фонда используется для сельскохозяйственных целей – 0,8%, а доля пашни составляет только 0,08% земельной площади. Более высокая освоенность территории для выращивания сельхозкультур характерна для Ижемского района (0,2%). На каждого жителя рассматриваемой территории приходится 0,5 га сельхозугодий и 0,05 га пашни. В составе сельхозугодий преобладают кормовые угодья – сенокосы и пастбища. Так, на гектар пахотных земель приходится 7,8 га лугов.

Анализ сельскохозяйственных ресурсов показал, что в рассматриваемых арктических территориях по сравнению с остальными муниципальными образованиями и республикой в целом ниже обеспеченность на душу населения биологическими ресурсами, за исключением природных кормовых угодий и поголовья оленей (табл. 1).

Таблица 1. Наличие сельскохозяйственных ресурсов (на 100 чел.) в 2012 г.

Муниципальное образование, регион	С-х. угодья, га	В том числе пашня	Крупный рогатый скот, голов	В том числе коровы	Олени, голов	Свины, голов	Овцы и козы, голов	Птица, голов*
Воркута	10,9	6,1	0,01	0,005	23,6	0,8	0,2	-
Инта	33,3	3,3	2,3	1,0	103,8	0,08	0,6	488
Усинск	27,3	2,9	3,7	1,5	57,0	0,4	0,7	-
Печорский район	34,5	2,9	1,8	0,7	-	0,3	0,4	-
Усть-Цилемский район	355,6	11,2	25,6	11,1	6,6	0,03	11,1	-
Ижемский район	144,7	16,3	16,9	9,9	46,0	0,03	4,1	-
Печоро-Уральский Север	48,4	5,4	3,8	1,8	35,6	0,4	1,1	67,6
Остальные территории Республики Коми	47,1	13,8	4,5	2,0	-	3,4	2,1	242
Республика Коми	47,5	11,6	4,3	1,9	10,2	2,5	1,9	192

* Данные по сельхозорганизациям.
 Рассчитано по: 1. Сельское хозяйство в Республике Коми. 2013: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2013. 2. Города и районы Республики Коми. 2013: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2013.

Причем, при сокращении населения за 1990–2012 гг. в 2 раза, обеспеченность посевными площадями на душу населения уменьшилась в 3,2 раза, крупным рогатым скотом – в 6,1 раза, птицей – в 5,6 раза; поголовье оленей увеличилось в 1,9 раза (рис. 1).

Низкая обеспеченность ресурсами сдерживает самообеспеченность населения Арктического субрегиона местными продуктами питания. Учитывая особенности ведения аграрного производства в арктической зоне, в перспективе необходимо делать упор на муниципальные образования южных и центральных районов с более благоприятными условиями функционирования сельского хозяйства.

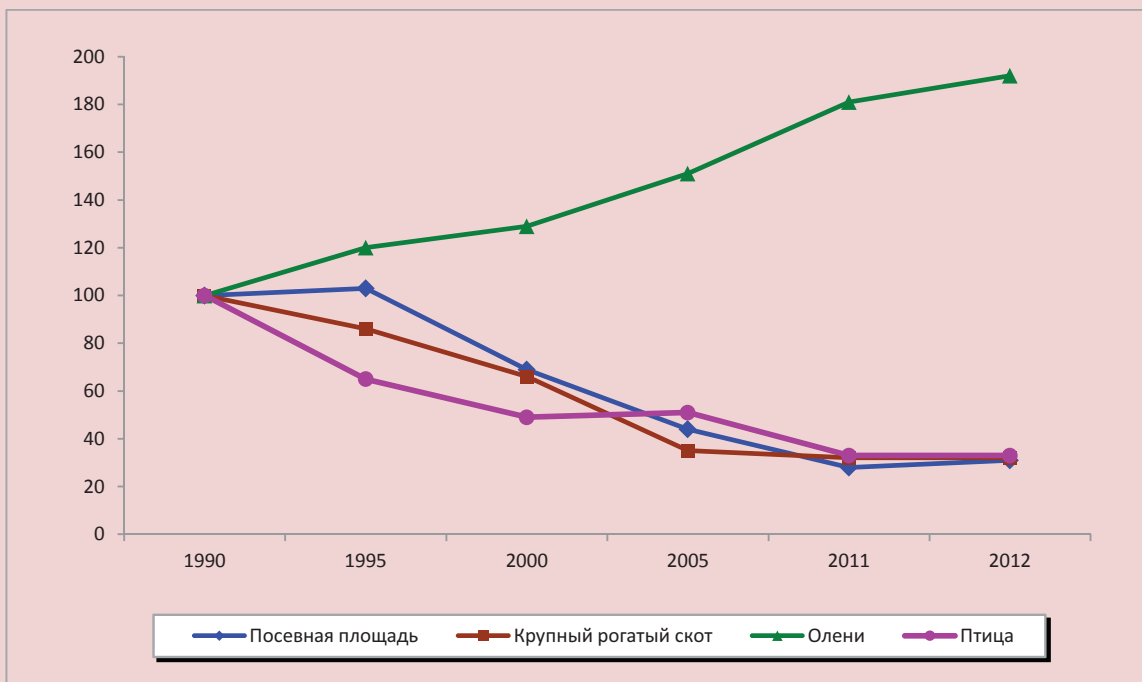
Специализация и организационно-правовая структура сельского хозяйства

Специализация сельского хозяйства рассматриваемых территорий на произ-

водстве продукции оленеводства, птицеводства и скотоводства сформировалась под влиянием природных условий, географического положения, естественно-исторических и социально-экономических факторов и общественных потребностей. На долю животноводства в арктической и приарктической зоне Республики Коми в 2012 г. приходится 71% валовой продукции сельского хозяйства, на долю растениеводства – 29%.

Производством сельскохозяйственной продукции занимаются 28 коллективных организаций, 23,4 тыс. хозяйств населения и 119 крестьянских (фермерских) хозяйств. В его общем объеме на долю сельскохозяйственных производственных кооперативов приходится 28,6%, обществ с ограниченной ответственностью – 60,7%, акционерных обществ – 7,1% и государственных унитарных предприятий – 3,6%.

Рисунок 1. Динамика биологических ресурсов (на 100 чел.) в Печоро-Уральском Севере за 1990–2012 гг. (1995 г. = 100%)

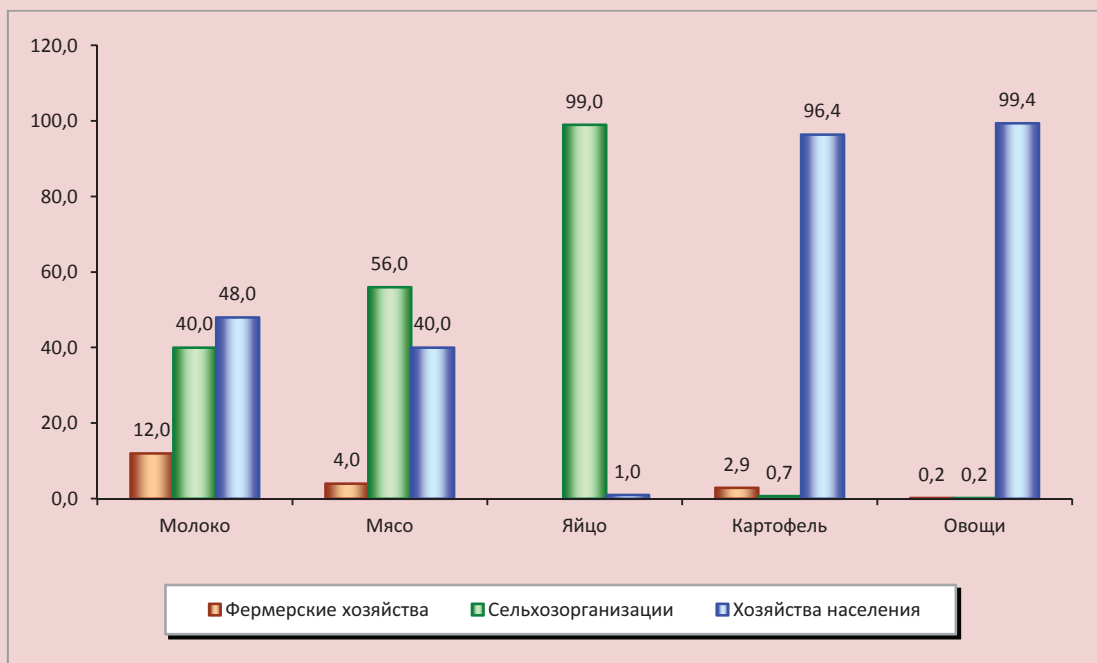
Сельхозорганизации доминируют в производстве яиц (Интинская птицефабрика – 99%), мяса оленей и говядины (56%), а хозяйства населения – в производстве картофеля (96%) и овощей (99%). В общем объёме производства молока доля сельхозорганизаций составляет 40%, хозяйств населения – 48%; крестьянские (фермерские) хозяйства не играют существенной роли в производстве аграрной продукции. На их долю приходится 12% молока; 4% мяса; 2,9% картофеля и 0,2% овощей (рис. 2).

При решении вопроса о перспективных формах хозяйствования в северных и арктических территориях важно учитывать более выраженную склонность сельских тружеников к коллективному труду. Здесь они рассчитывают на поддержку коллектива в трудную минуту, на его помощь в ведении личного подсобного хозяйства; видят гарантированное место работы. К тому же советский период внес свою лепту

в формирование сельского уклада жизни, основанного на работе крестьян в коллективных хозяйствах. Поэтому необходимо восстановить средне- и крупнотоварное сельскохозяйственное производство, которое интегрировано с перерабатывающей промышленностью и которое должно составить основу аграрной экономики.

В силу сокращения сельских домохозяйств, ухудшения демографической ситуации на селе, старения сельского населения и снижения в нем доли дееспособных лиц, низкой эффективности производства, базирующегося на ручном, малоквалифицированном физическом труде, не следует в качестве базы формирования продовольственного фонда основной упор делать на личные хозяйства граждан. В настоящее время абсолютное их большинство относится к потребительскому типу. К тому же, начиная с 1995 г., в хозяйствах населения сокращаются посевные площади, поголовье скота и производство продукции.

Рисунок 2. Доля различных типов хозяйств арктической и приарктической зоны Республики Коми в производстве продукции в 2012 г., %

Фермерский уклад в среднесрочной перспективе не получит существенного развития. Становление крестьянско-фермерского хозяйства требует больших инвестиций для создания материальной базы и инфраструктуры, много времени, компетентных работников, адаптированных к условиям рынка.

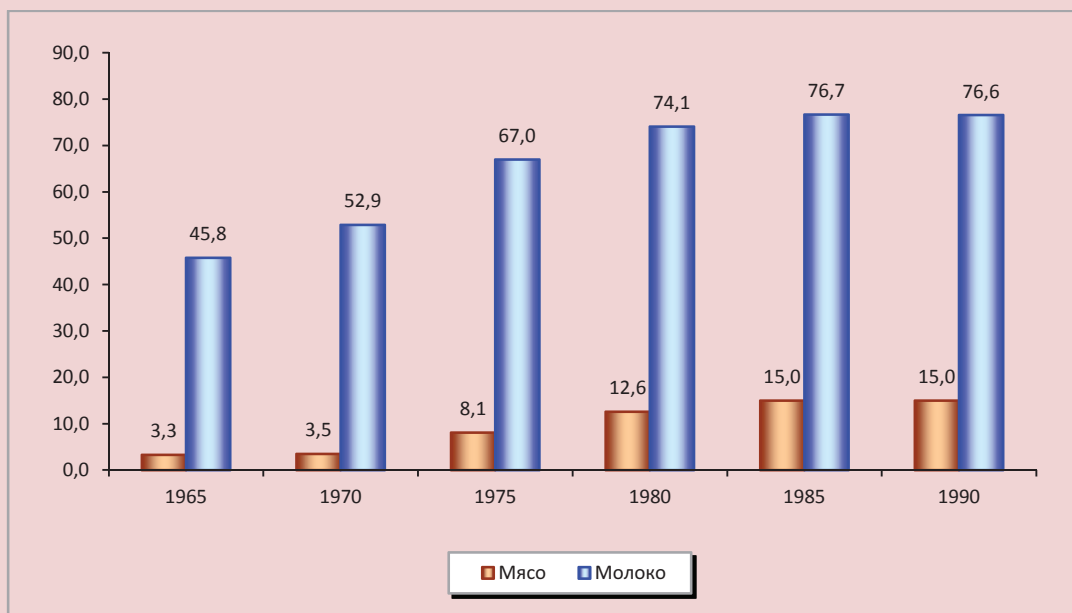
Сельское хозяйство в дореформенный период

В предреформенный период в сельском хозяйстве Печоро-Уральского Севера происходили прогрессивные изменения технико-технологического, экономического, социального и организационного характера. Стратегия развития сельского хозяйства в эти годы определялась интенсификацией производства на основе укрепления материально-технической базы. За 1985–1990 гг. объём капиталовложений в отрасли увеличился в 3,3 раза, фондооснащённость (основные производственные фонды на 100 га сельхозугодий) аграрных предприятий возросла в 1,4 раза.

Всё это способствовало улучшению основных производственных показателей сельского хозяйства, и прежде всего его ведущей отрасли – животноводства. Производство мяса в хозяйствах всех категорий Арктического субрегиона в 1990 г. по сравнению с 1965 г. увеличилось в 4,3 раза, молока – 1,7 раза (рис. 3).

В общем производстве мяса по Республике Коми доля рассматриваемого субрегиона возросла с 14% в 1965 г. до 26% в 1990 г., молока – с 28 до 37%, яйца – с 5 до 36%. В городах Воркуте и Инте в начале 1970-х гг. были построены птицефабрики по производству яиц, в результате чего была решена задача обеспечения потребности населения субрегиона диетическим яйцом. Для создания продовольственной базы широкое развитие получили подсобные сельские хозяйства, представленные крупными совхозами, функционирующие за счёт финансовых, материальных и трудовых ресурсов добывающих предприятий. В 1988 г. на долю подсобных хозяйств в

Рисунок 3. Производство мяса и молока в хозяйствах всех категорий арктических и приарктических территорий Республики Коми, тыс. т

Воркуте и Инте приходилось 100% производства овощей и молока, мяса – соответственно 76 и 70%. Доля подсобных сельских хозяйств в целом по республике составила по мясу 23%, молоку 27%, картофелю 10% и овощам 15%.

В предреформенный период все аграрные предприятия и все виды продукции были доходными. Уровень рентабельности колебался от 35% в сельхозорганизациях г. Воркуты до 51% в Усть-Цилемском районе (табл. 2). Высокой рентабельностью отличалась продукция животноводства, особенно мясо оленей, а также молоко и молочные продукты. В 1990 г. уровень рентабельности мяса оленей составил 324%.

Таким образом, оценка развития сельского хозяйства в дореформенный период характеризовалась хорошей динамикой производства продукции. Все сельскохозяйственные предприятия были рентабельны. Уровень рентабельности позволял осуществлять процесс расширенного воспроизводства. Происходили положительные изменения в сближении условий и уровня жизни сельского и городского населения.

Рыночные преобразования в аграрной сфере

Реформирование аграрного сектора сопровождалось резким сокращением его

господдержки, объёмов инвестиций, ускоренной либерализацией цен на материально-технические ресурсы, приведшей к диспаритету цен. Это затруднило технико-технологическое переоснащение сельскохозяйственного производства, проведение социальных преобразований на селе. За годы реформ резко сократилась оснащённость аграрного производства техникой и энергетическими мощностями (табл. 3). Катастрофически стареет имеющаяся у предприятий техника при значительном сокращении технических средств.

Внесение органических и минеральных удобрений уменьшилось в десятки раз: если в 1990 г. органики вносилось 198,3 тыс. т, то в 2012 г. – только 6,6 тыс. т; минеральных удобрений – соответственно 23 272 и 538 центнеров. Это ведет к тому, что вынос питательных веществ из почвы превышает их поступление с удобрениями.

Рыночные преобразования сопровождались спадом агропроизводства. За 1990–2012 гг. производство мяса (в основном говядины) во всех категориях хозяйств по Арктическому субрегиону сократилось в 3,5 раза, молока – 5,3, яиц – в 4,7 раза (рис. 4). В остальных муниципальных образованиях сокращение производства мяса составило 1,5 раза, молока – 2,8, яйца – 2,2 раза.

Таблица 2. Прибыль и рентабельность производства продукции в сельхозорганизациях арктических и приарктических районов Республики Коми за 1989 г.

Показатель	Город		Район			
	Воркута	Инта	Усинский	Печорский	Усть-Цилемский	Ижемский
Прибыль, тыс. руб.	464	1601	3213	3556	6145	6109
Рентабельность всей деятельности, %	34,8	40,1	54,4	50,5	51,1	46,0
Растениеводство	-	-	-	56,1	12,7	29,8
Животноводство	34,8	40,1	54,4	60,2	51,4	46,3
Молоко и молочная продукция	77,2	70,7	66,0	64,3
Мясо всех видов	38,4	21,1	33,5	30,2
Говядина	10,1	22,1	34,3	29,4

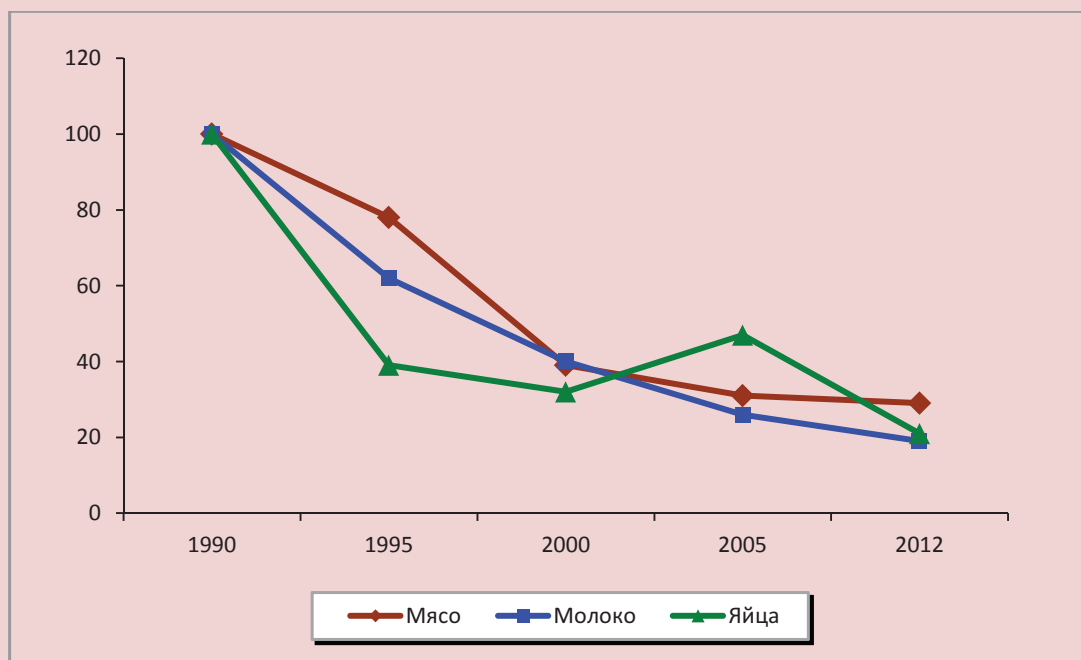
Источник: Основные показатели хозяйственной деятельности совхозов за 1989 г. / Коми республиканское управление статистики. – Сыктывкар, 1990.

Таблица 3. Наличие основных видов техники и энергетических мощностей в сельскохозяйственных организациях Печоро-Уральского Севера на конец года, шт.

Виды техники	1991 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Тракторы всех марок	1629	886	441	211	201	200
Тракторные прицепы	979	387	166	83	75	75
Плуги	191	63	30	14	14	14
Культиваторы	92	11	4	3	3	2
Машины для посева	136	59	25	8	8	8
Косилки	690	362	222	95	95	97
Грабли тракторные	427	137	78	29	32	34
Пресс-подборщики	182	95	70	34	37	35
Комбайны:						
кормоуборочные	84	30	16	2	1	1
картофелеуборочные	11	10	-	-	-	-
Машины для внесения удобрений:						
твёрдых	405	101	42	9	11	11
жидких	74	17	3	-	-	-
Доильные установки и агрегаты	411	175	83	20	20	23
В том числе с молокопроводом	4	4	5
Энергетические мощности, тыс. л.с.	363,0	188,3	105,5	54,2	50,1	51,2

Источник: данные Комистата.

Рисунок 4. Динамика производства продукции животноводства во всех категориях хозяйств Арктического субрегиона Республики Коми за 1990–2012 гг. (1990 г. = 100%)

При уменьшении населения в субарктическом регионе в 2 раза производство мяса на одного человека снизилось в 1,8 раза, молока – 2,7, яиц – в 2,4 раза. В остальных районах и городах при уменьшении населения на 18% производство продукции на душу населения сократилось, соответственно, в 1,3; 2,3 и 1,8 раза.

Темпы сокращения производства продукции в арктических и приарктических районах были значительно выше, чем в остальных территориях республики. За анализируемый период доля субрегиона в производстве всех видов аграрной продукции уменьшилась, а доля остальных территорий – увеличилась (рис. 5).

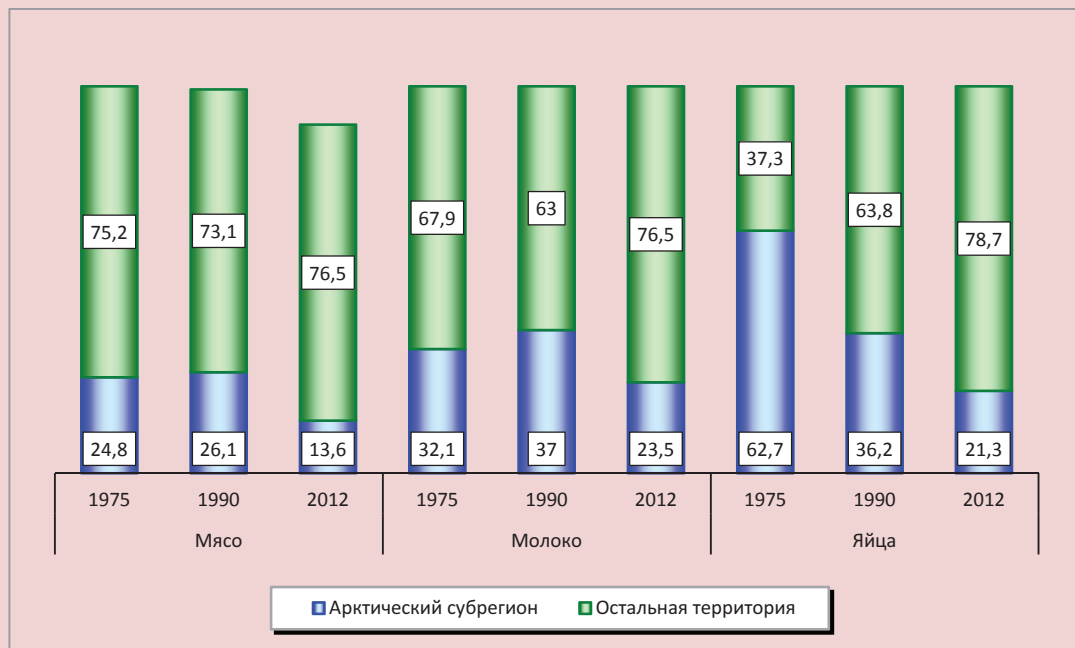
Сокращение производства продукции сельского хозяйства обусловило постоянное снижение обеспеченности населения местными продуктами питания. Основные продовольственные ресурсы здесь формируются за счёт ввоза из других регионов страны и импорта.

Спад производства местной продукции обусловлен сокращением посевных площадей и поголовья животных. Наиболее высокими темпами сокращались эти показатели в сельхозорганизациях. За 1990–2012 гг. их посевные площади уменьшились в 11,2 раза, поголовье крупного рогатого скота – 12,3, птицы – в 5,6 раза.

В сельхозорганизациях нарушен принцип самокупаемости и самофинансирования. Доля убыточных организаций составляет 42%. Более половины аграрных предприятий находятся в кризисном состоянии.

Главными факторами, сдерживающими развитие аграрного сектора, остаются крайне неудовлетворительное состояние материально-технической базы, низкая инвестиционная привлекательность отрасли, ограниченность собственных финансовых ресурсов у хозяйствующих субъектов, недостаточные размеры и неэффективные механизмы господдержки аграрной сферы,

Рисунок 5. Доля Печоро-Уральского Севера в общереспубликанском производстве продукции животноводства, %

нехватка квалифицированных кадров, низкий уровень заработной платы, слабое развитие производственной и рыночной инфраструктуры, ухудшение социальной сферы села. Ограничения развития отрасли показаны на *рисунке 6*.

К арктическим и приарктическим территориям, ведущим сельское и промышленное хозяйство в экстремальных условиях, нельзя подходить с позиции получения прибыли, достаточной для расширенного воспроизводства. Аграрная отрасль в силу ее особенностей тяготеет к социальной сфере и может развиваться лишь при господдержке. Субсидии сельхозпроизводителям позволяют получить доходы дополнительно к выручке от реализации продукции, не влияя на рост цен на продовольствие. Рост доходов увеличивает инвестиционные возможности для модернизации и инновационного развития аграрного производства.

Основные направления развития аграрного сектора

Среди отраслей сельского хозяйства исследуемого региона относительно стабильно выглядит ситуация в оленеводстве. В последние годы, с принятием закона «Об оленеводстве в Республике Коми» и целевой программы «Развитие оленеводства в Республике Коми (2011–2015 гг.)», в отрасли происходят позитивные перемены. В 2012 г. по сравнению с 2010 г. поголовье оленей во всех категориях хозяйств увеличилось на 9,3%. В сельхозорганизациях наблюдается рост производства и реализации мяса, улучшение показателей сохранности поголовья и делового выхода телят.

На финансовое обеспечение программы из бюджета Республики Коми направлено 80,8 млн., а из федерального бюджета — 37,6 млн. руб. Это позволило оленеводческим хозяйствам построить три новых

кораля (в ПСК «Оленевод», ООО «Северный» и ООО «Агрокомплекс «Инта Приполярная»), завершить строительство третьего в республике современного убойного пункта в Инте, приобрести снегоходы, лодки, лодочные моторы, дизельные электростанции, спутниковые телефоны. В 2011 г. в ПСК «Оленевод», в 2012 г. в ООО «Агрокомплекс «Инта Приполярная» проведены геоботанические обследования территорий оленьих пастбищ. На эти цели из республиканского бюджета направлено 12,2 млн. руб. К настоящему времени геоботаническое обследование оленьих пастбищ проведено во всех пяти оленеводческих хозяйствах республики. Наличие современных убойных пунктов в ПСК «Оленевод», ООО «Северный» и ООО «Агрокомплекс «Инта Приполярная» делает возможным создание базы по заготовке и переработке желез внутренней секреции (эндокринно-ферментного сырья), а также крови и ее компонентов.

Благодаря целевой программе улучшилось социальное обслуживание и материальное благосостояние оленеводов и членов их семей. В рамках мероприятий по организации вывоза детей оленеводов из мест кочевий к месту учебы и обратно на время летних каникул в 2012 г. перевезено 127 детей из тундры и 77 детей – в тундру. Среднемесячная заработная плата работников оленеводства увеличилась на 69% (с 10,5 тыс. в 2010 г. до 17,7 тыс. руб. в 2012 г.).

Хотя ситуация в оленеводстве Республики Коми по сравнению с рядом других субъектов Севера выглядит относительно стабильной, в отрасли накопилось немало проблем. Их истоки можно увидеть как на федеральном, так и на региональном (межрегиональном) уровне. Отсутствие специального закона РФ «Об оленеводстве» создает неопределенность положения оленеводства в системе государственного контроля и подчинения.

Жесткая денежно-кредитная политика приводит к невозможности получения долгосрочных кредитов для модернизации производства и к установлению непомерно высоких процентов по краткосрочным кредитам.

На региональном и межрегиональном уровне остаются неотрегулированными межрегиональные связи в области совместных систем контроля за состоянием пастбищ.

К числу основных проблем развития оленеводства относятся тяжелые условия труда и быта, низкий уровень заработной платы оленеводов. По этой причине молодежь после армии не идет в оленеводство. В хозяйствах ощущается постоянная нехватка зоотехнических и ветеринарных специалистов. Отсутствие ветеринарной помощи влечет за собой значительное увеличение падежа оленей от заболеваний и травм. В среднем оленеводческие хозяйства недополучают 8 кг живой массы с одного взрослого оленя.

В соответствии с действующим лесным законодательством, оленеводческие хозяйства, как арендаторы лесных участков, обязаны проводить комплекс мер по осуществлению пожарной безопасности в течение всего года. Лесные пастбища используются только в зимний период (5–6 месяцев в году). Тушение пожаров в лесах силами оленеводческих хозяйств требует от них дополнительных финансовых затрат.

В последние годы в результате промышленного освоения минеральных и лесных ресурсов продолжается сокращение площади и загрязнение оленьих пастбищ, отмечается ухудшение качественного состояния и уменьшение запасов кормов. Вблизи мест разведки, добычи и транспорта полезных ископаемых в тундре и лесотундре, в районах освоения лесных ресурсов в тайге происходит техногенное разрушение покрова, снижение качества

кормовых угодий, объема кормовых запасов и их доступности. Вследствие этого, а также в результате изменений, происшедших в организации выпаса (перераспределение пастбищ между хозяйствами различных категорий, изменение путей прогона, задержки стад в районах коралей и т.п.), на оленьих пастбищах сформировались локальные очаги с неблагоприятной экологической ситуацией, в пределах которых выпас оленей становится невозможным, а на прилегающих к ним участках может производиться лишь с ограничениями. Это привело к эскалации нагрузки на остающиеся в распоряжении оленеводов пастбища и к снижению их оленеемкости, нарушению баланса кормов на сезонных пастбищах в целом. Характерно, что при этом ландшафты с наиболее ценными кормовыми ресурсами (тундровые и лесные урочища) нарушаются наиболее часто.

Геоботанические исследования тундровых и лесотундровых пастбищ оленеводческих хозяйств городских муниципальных округов Инта и Воркута показали значительное уменьшение доли основных кормовых растений, отсутствие ягельного корма. Отмечено увеличение кустарников и непригодных в пищу трав.

В качестве одного из альтернативных решений, направленных на сохранение истощенных тундровых и лесотундровых пастбищ от необратимой деградации, а крайнесеверных лесов — от уничтожения, целесообразно освоение территорий в северной тайге для развития лесного оленеводства. Здесь имеются крупные массивы земель общей площадью 400 тыс. га.

В республике сделан первый шаг на пути к созданию лесного оленеводства. В Княжпогостском районе строится изгородь, закуплены олени. Эта работа поможет выяснить условия создания лесных стад на основе адаптации тундровых оленей. Есть второй путь.

В 2010 году на территории ООО «Агрокомплекс «Инта Приполярная» проведены проектно-изыскательские, геоботанические работы, составлен план землеустройства по созданию опытного лесного стада. Для этого предполагается закупить оленей в Ханты-Мансийском АО, уже адаптированных к круглогодичному содержанию в лесах. Это позволит сократить расходы на строительство полномасштабных изгородей, удешевит само содержание. Есть даже потенциальные инвесторы данного проекта.

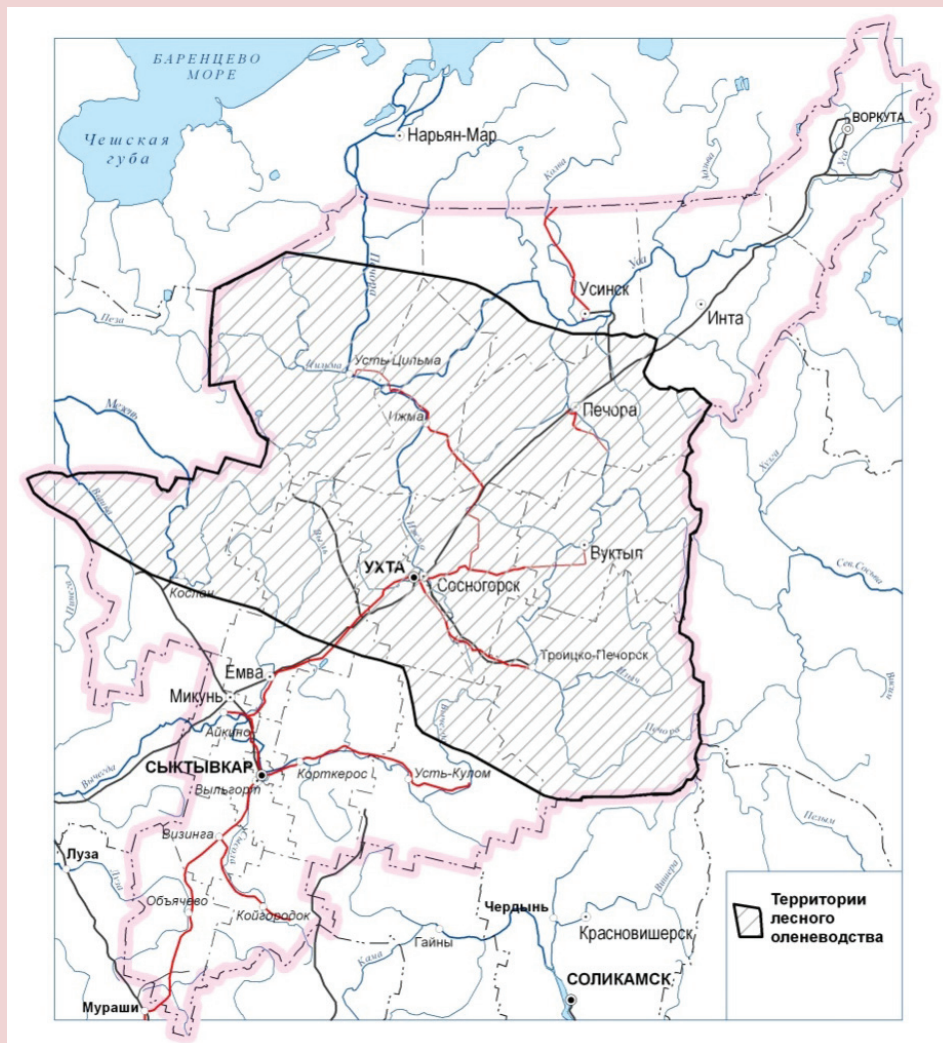
Для успешной работы по созданию таёжного оленеводства необходимо привлечь региональную науку, специалистов-землеустроителей. Их участие в работе по созданию опытных стад лесных оленей позволит подготовить реальные рекомендации, найти в тайге места, пригодные для содержания больших оленьих стад. При активной работе Республика Коми сможет за 5–7 лет воссоздать былые лесные стада оленей в Ижемском, Удорском и Усть-Куломском районах, а в дальнейшем создать таёжное оленеводство во всех северных и в ряде центральных районов республики. Это откроет большие возможности для развития туризма, связанного с оленеводством.

Карто-схема перспективных территорий лесного оленеводства приведена на *рисунке 7*.

Дальнейшее развитие оленеводства возможно при активной поддержке Правительства Республики Коми по следующим направлениям:

- инициирование принятия федерального закона «Об оленеводстве в Российской Федерации», а также разработки федеральной целевой программы по развитию северного оленеводства;
- расширение республиканской целевой программы «Развитие оленеводства в

Рисунок 7. Картосхема перспективных территорий лесного оленеводства Республики Коми

Республике Коми» за счет включения мероприятий по поддержке создания лесного оленеводства, начиная с проектно-исследовательских работ;

- закрепление лесных пастбищ в долгосрочную аренду оленеводческим хозяйствам;

- стимулирование создания базы переработки продукции оленеводства совместно с другими оленеводческими регионами. Привлекательными для потенциальных инвесторов являются проекты в городском округе Инта по переработке шкур оленей, а также по производству

ценного и высокодоходного эндокринно-ферментного сырья, пользующегося огромным спросом за рубежом;

- поддержка структур, желающих организовать туризм, связанный с оленеводством;

- создание специализированного структурного подразделения по тушению пожаров в северных лесах с освобождением от этих обязанностей оленеводческих хозяйств;

- введение ежемесячной доплаты зооветеринарным специалистам, работающим непосредственно в оленеводстве.

В муниципальном районе Печора для обеспечения населения цельномолочной и кисломолочной продукцией потребуется строительство молочного комплекса на 400 коров. В небольших сельских поселениях целесообразно строить молочные фермы на 100–200 голов коров с высоким уровнем продуктивности (5–5,5 тыс. кг), отвечающие принципам производства органической продукции. В них тоже можно применять современные высокоэффективные средства механизации и автоматизации для выполнения технологических процессов. Там же возможна переработка части молока на сливочное масло и сыр.

В активизации процесса модернизации и инновационного развития аграрной экономики арктических и приарктических территорий важная роль отводится высококвалифицированным кадрам рабочих, руководителей и специалистов. Для кадрового обеспечения модернизационных процессов требуется осуществить комплекс мер, предложенных В.В. Терентьевым [8].

Потребуется усилить господдержку традиционных отраслей коренных народов Арктики и Субарктики из федерального бюджета.

Такую поддержку целесообразно осуществлять по следующим направлениям:

- финансирование программ развития оленеводства, направленных на стабилизацию и увеличение поголовья животных, комплексную переработку продукции и сырья оленей, пользующихся огромным спросом как на внутреннем, так и на международном рынке;
- выделение субсидий на ликвидацию бедности коренного сельского населения;
- компенсация части стоимости приобретаемой сельхозтоваропроизводителями современной техники и высокопроизводительного оборудования, минеральных удобрений, горючего, запасных частей, комбикормов;

- компенсация тарифов в размере 50% при транспортировке железнодорожным и водным транспортом материально-технических ресурсов; компенсация части затрат на электрическую и тепловую энергию, природный газ, используемые для технологических нужд;

- субсидирование процентных ставок по кредитам;

- помощь сельской кооперации (по производству, сбыту, переработке, снабжению, кредитованию и страхованию сельхозтоваропроизводителей);

- финансирование научных исследований в области сельского и промышленного хозяйства.

На региональном уровне предлагается сохранить для организаций агропродовольственного сектора субсидирование процентных ставок по кредитам, освободить сельхозтоваропроизводителей от уплаты налога на имущество и транспортного налога.

Присоединение Российской Федерации к Всемирной торговой организации (ВТО) потребует внести коррективы, исходя из ограничений ВТО в области господдержки сельского хозяйства районов Севера и Арктики. Для сельского хозяйства, функционирующего в экстремальных условиях, необходимо снять ограничения по «желтой корзине».

Целесообразно в условиях членства в ВТО освободить крестьян от всех налогов на 5 лет, как это сделано в ряде районов Китая, а также повысить роль долгосрочного кредита. Льготный кредит на строительство и модернизацию животноводческих помещений в условиях Севера и Арктики следует предоставлять на 20–25 лет, а на приобретение техники и оборудования – на 6–8 лет.

Изучение условий и проблем развития аграрного сектора арктических и приарктических территорий Республики Коми позволяет сделать следующие выводы.

1. Аграрный сектор обеспечивает население свежими полноценными продуктами питания, а также занятость и выполняет функции традиционного уклада жизни коренных народов.

2. Для развития аграрной сферы имеются предпосылки: наличие трудовых ресурсов, естественной кормовой базы (крупных массивов пойменных лугов), возможность производства органической продукции, спрос на местные продукты.

3. Оценка развития сельского хозяйства свидетельствует, что наивысшие показатели в отрасли были достигнуты в дореформенный период; трансформационные процессы 1990–2000-х гг. привели к спаду производства продукции, деградации ресурсного потенциала и снижению уровня и качества жизни крестьян. Сохранение нынешней ситуации сделает тенденцию разрушения сельского хозяйства необратимой.

4. Барьерами для развития аграрного сектора остаются крайне неудовлетворительное состояние материально-технической базы сельхозорганизаций и кре-

стьянско-фермерских хозяйств, низкая инвестиционная привлекательность отрасли, ограниченность собственных финансовых ресурсов у хозяйствующих субъектов, недостаточные размеры господдержки аграрной сферы и недоступность льготного кредита, нехватка квалифицированных кадров, низкий уровень менеджмента и неустойчивый сбыт аграрной продукции.

5. Важнейшими направлениями развития местного аграрного производства являются: модернизация производства с использованием инновационных технологий; совершенствование законодательной базы и программно-целевого управления; создание условий для ликвидации дефицита и оттока квалифицированных кадров из отрасли; увеличение объёмов прямой господдержки аграрной сферы; обеспечение устойчивого сбыта агропромышленной продукции; участие ресурсных предприятий в финансировании производства пищевых продуктов. В ближайшей перспективе в агропромышленном хозяйстве предстоит решать модернизационные и социальные задачи.

Литература

1. Гагиев, Г.И. Научные основы молочного скотоводства на Севере / Г.И. Гагиев. – М., 1998. – 448 с.
2. Гагиев, Г.И. Пути интенсификации кормопроизводства на севере Коми АССР / Г.И. Гагиев, Б.А. Чернов // Кормопроизводство на Крайнем Севере. – М., 1981. – С. 23-32.
3. Журавский, А.В. Избранные работы по вопросам сельскохозяйственного освоения печорского Севера / А.В. Журавский. – Сыктывкар, 2007. – 107 с.
4. Иванов, В.А. Оленеводство Севера / В.А. Иванов, Л.В. Безумов // Регион. – 2013. – № 7. – С. 36-39.
5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т. – Т. 7. Сельское хозяйство районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – 391 с.
6. Котелина, Н.С. Производство кормов в условиях Крайнего Севера / Н.С. Котелина, И.Б. Арчегова, В.А. Иванов // Вестник сельскохозяйственной науки. – 1985. – № 7. – С. 37-44.
7. Рочев, П.А. Опыт создания собственной продовольственной базы в районе Печорского угольного бассейна / П.А. Рочев, Ф.П. Торлопов, А.Ф. Шехунов // Сельскохозяйственное освоение Севера СССР. – Т. 1. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1973. – С. 72-86.
8. Терентьев, В.В. Кадровое обеспечение модернизации сельского хозяйства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) / В.В. Терентьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 151-165.

Ivanov V.A.

The agricultural sector of the Pechora-Ural North

Valentin Aleksandrovich Ivanov – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate at the Laboratory of Natural Resources Management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russia, ivanov@iespn.komics.ru)

Abstract. The article reveals the rural sector's role in food supply of the population of the Komi Republic arctic and subarctic territories (the Pechora-Ural North). It considers conditions, analyses resources, organizational-legal management forms in agricultural production. The study indicates the agriculture status in the pre-reform (1960–1980) and market upgrade periods (since 1992) and the reforms' impact on socio-economic processes in the industry. The article investigates obstacles to the agricultural sector development. It proposes development directions of reindeer and cattle breeding. It recommends to accelerate the development and adoption of the law “On reindeer breeding in the Russian Federation”, a federal target program for the reindeer breeding development, and it also proposes to enhance inter-regional relations in the field of joint systems of pastures control. The research highlights the necessity to strengthen the material and technological base of the dual purpose cattle breeding, to increase financial support of traditional Northern branches.

Key words: Agriculture, natural conditions, resource potential, specialization, market upgrade, development directions, the Pechora-Ural North.

References

1. Gagiev G.I. *Nauchnye osnovy molochnogo skotovodstva na Severe* [Scientific Bases of Dairy Cattle Breeding in the North]. Moscow, 1998. 448 p.
2. Gagiev G.I., Chernov B.A. Puti intensivifikatsii kormoproizvodstva na severe Komi ASSR [The Ways of Fodder Production Intensification in the North of the Komi ASSR]. *Kormoproizvodstvo na Krainem Severe* [Fodder Production in the Far North], 1981, pp. 23-32.
3. Zhuravskii A.V. *Izbrannye raboty po voprosam sel'skokhozyaistvennogo osvoeniya pechorskogo Severa* [Selected Works on the Issues of the Pechora North Agricultural Development]. Syktyvkar, 2007. 107 p.
4. Ivanov V.A., Bezumov L.V. Olenevodstvo Severa [Reindeer Breeding in the North]. *Region* [The Region], 2013, no.7, pp. 36-39.
5. Itogi Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 2006 goda: v 9 t. – T. 7. Sel'skoe khozyaistvo raionov Krainego Severa i priravnennykh k nim mestnostei [The Results of the 2006 All-Russian Agricultural Census: in 9 Volumes. Volume 7. Agriculture of the Extreme North and Localities]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service], Moscow: IITs “Statistika Rossii”, 2008. 391 p.
6. Kotelina N.S., Archegova I.B., Ivanov V.A. Proizvodstvo kormov v usloviyakh Krainego Severa [Fodder Production in the Far North Conditions]. *Vestnik sel'skokhozyaistvennoi nauki* [Bulletin of Agricultural Science], 1985, no.7, pp. 37-44.
7. Rochev P.A., Torlopov F.P., Shekhunov A.F. Opyt sozdaniya sobstvennoi prodovol'stvennoi bazy v raione Pechorskogo ugol'nogo basseina [The Experience of Creating Own Food Base in the Area of the Pechora Coal Basin]. *Sel'skokhozyaistvennoe osvoenie Severa SSSR* [Agricultural Development in the North of the USSR]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1973. Vol. 1. Pp. 72-86.
8. Terent'ev V.V. Kadrovoe obespechenie modernizatsii sel'skogo khozyaistva severnykh i arkticheskikh territorii (na primere Respubliki Komi) [Staffing for the Modernization of Agriculture in the Northern and Arctic Territories (Case Study of the Komi Republic)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 4(28), pp. 151-165.

Влияние факторов внешней среды на деятельность высших учебных заведений Российской Федерации

**Ольга Леонидовна
ГУЗАКОВА**

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела учебно-методического обеспечения и лицензирования, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Вологодский государственный университет (160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6, umr@vologda-uni.ru, oguzakova@mail.ru)

Аннотация. Нестабильность развития рыночной экономики вызывает постоянные изменения в деятельности высших учебных заведений. Статья посвящена рассмотрению процессов, происходящих в последние десятилетия в системе высшего профессионального образования Российской Федерации.

На основе анализа статистических данных и ряда нормативных актов Правительства и Министерства образования и науки Российской Федерации выявлены основные глобальные и национальные тенденции развития высшего профессионального образования: повышение спроса на высшее образование, что привело к массовому его предложению (при этом рост количественных показателей не всегда сопровождается повышением качества высшего образования); снижение в связи с ухудшением демографической ситуации общей численности студентов; переход на уровневую систему высшего образования в рамках Болонского процесса; изменение структуры специальностей и направлений подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием в связи со структурной перестройкой экономики и потребностями рынка труда; обострение конкурентной борьбы.

Выделенные тенденции приводят к появлению демографического, политического и экономического рисков. Для уменьшения негативных последствий влияния внешних рисков на деятельность вузов необходима разработка соответствующей государственной образовательной политики в сфере высшего образования Российской Федерации и управление рисками в вузах.

Ключевые слова: тенденции развития высшего образования; непрерывное образование; структура подготовки специалистов; внешние риски; нормативы финансирования; эффективность деятельности, конкуренция.

Нестабильность развития рыночной экономики, неопределенность, обусловленная постоянными изменениями, способствуют возникновению рисков, влияющих на деятельность высших учебных заведений. Для прогнозирования развития ситуации и эффективного планирования деятельности вузов в этих условиях необходимо определить основные тенденции развития высшего профессионального образования Российской Федерации и обеспечить выявление факторов, воздействующих на него. На уровень внешних для вузов, т.е. непосредственно не связанных с их деятельностью, рисков влияет очень большое количество факторов: политических, экономических, демографических, социальных, правовых и др. Выделим наиболее значимые из них.

Прежде всего, необходимо отметить изменение роли высшего образования в современном обществе, в котором главной производительной силой становятся наука, информация и новые технологии. Информация, пронизывающая все сферы жизни, превратилась в важнейший фактор экономического роста, влияющий на развитие производства, эффективность и занятость. Компьютеризация производства, внедрение прогрессивной техники и передовых технологий, освоение новых видов продукции и услуг, радикально изменяя производственные процессы, одновременно предъявляют растущие требования к общей и профессиональной подготовке специалистов. Информатизация экономики связана:

- с расширением отраслей информационного сектора (производство вычислительной техники и средств связи, отрасль информационных услуг, включающая различные исследовательские центры, консультационные фирмы, центры научно-технической информации и т.д.);

- приданием новых качеств производству и управлению на предприятиях традиционных отраслей экономики;

- созданием новой базы для развития малого бизнеса, обеспечивающей равный доступ к информации (через систему Internet) как крупных, так и мелких фирм и расширяющей возможности применения домашнего труда, скользящих графиков и частичной занятости. Формирование информационного общества сопровождается существенными изменениями в сфере высшего образования.

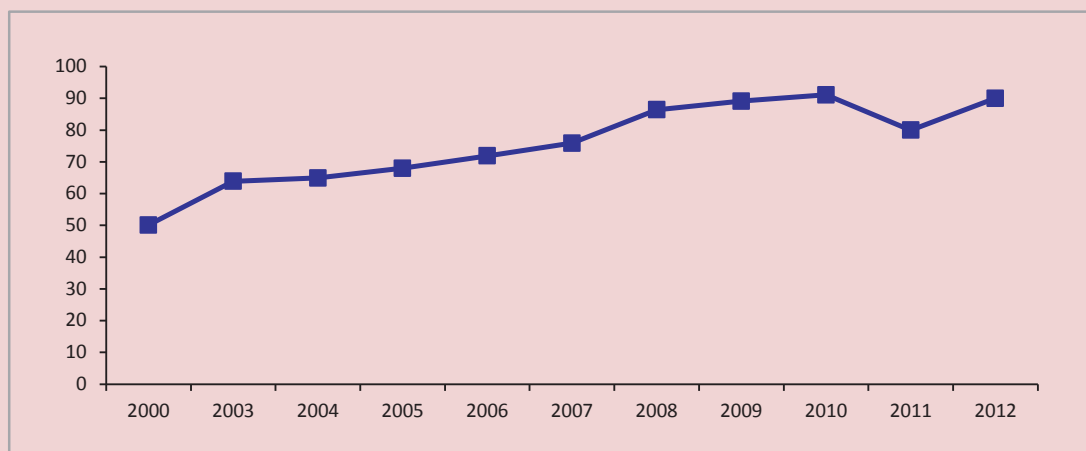
Во-первых, происходит повышение уровня образования рабочей силы. В конце XX века появились прогнозы, согласно которым развитые страны в начале XXI века осуществят переход к всеобщему высшему образованию, а остальные страны мира достигнут этого рубежа к концу 2020-х годов [2, с. 8]. Высшее образование действительно стало массовым [1, с. 3]. Доля молодежи в возрасте от 18 до 25 лет, получающей высшее образование, составила: в США – 80%, в среднем по Европе – 60%, в Китае – 25%, в Индии – 15% [13, с. 30]. В Российской Федерации в 2000 г., по данным Росстата, около половины молодых людей в возрасте 17 лет были зачислены на первый курс вузов, а в 2010 г. этот показатель увеличился до 91% (рис. 1).

Следует отметить, что в 2011 г. произошло снижение до 80% доли молодых людей в возрасте 17 лет, поступивших в вузы. Это было вызвано сокращением приема на обучение в образовательные учреждения высшего профессионального образования, который снизился на 13,7% по сравнению с уровнем 2010 г. при уменьшении количества выпускников школ на 11,1%¹ (рис. 2).

В 2012/2013 учебном году вновь повысился коэффициент приема в образовательные учреждения ВПО Российской Федерации до уровня 90%, что связано

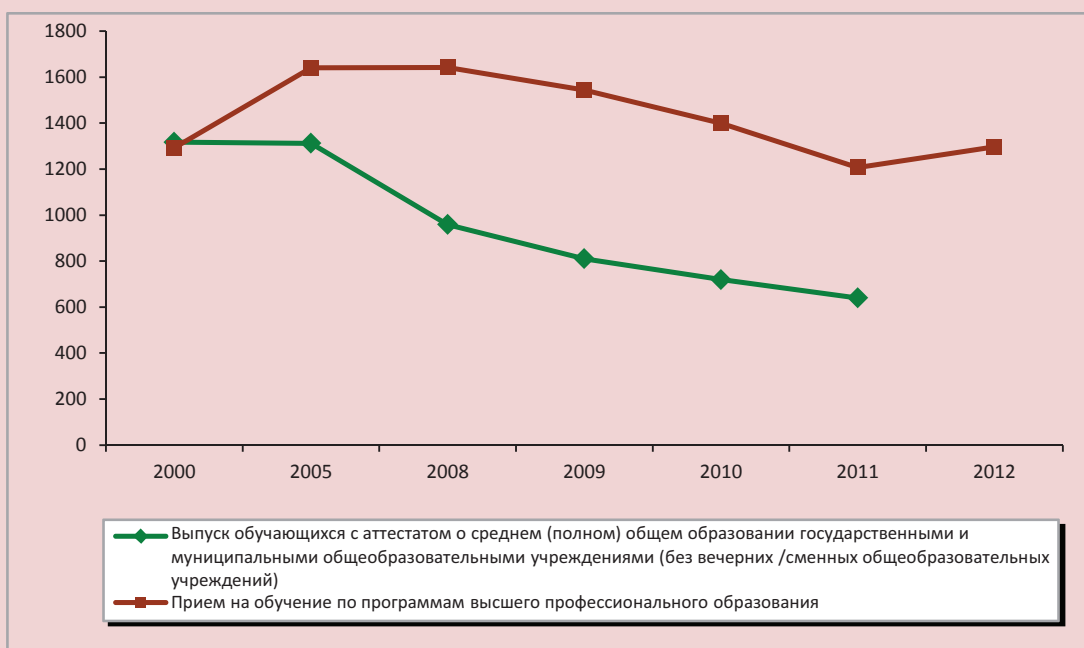
¹ Следует отметить, что однозначной зависимости между этими показателями нет, так как в вуз могут поступать выпускники не только школ, но и учреждений НПО и СПО.

Рисунок 1. Коэффициент приема в образовательные учреждения высшего профессионального образования Российской Федерации в 2000–2012 гг., %*

* Коэффициент приема в образовательные учреждения ВПО определяется как отношение численности принятых на обучение в образовательные учреждения высшего профессионального образования к численности населения в возрасте 17 лет (%).
 Источник: Основные показатели образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/obr-svod1.htm

Рисунок 2. Отдельные показатели системы образования Российской Федерации (2000–2012 гг., тыс. чел.)

Источники: Выпуск обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями (без вечерних/сменных общеобразовательных учреждений), 2000–2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/06-08.htm; Прием на обучение по программам высшего профессионального образования, 1990–2007 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/06-26-1.htm; Прием на обучение по программам высшего профессионального образования, 2008–2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/06-26-2.htm; Социально-экономическое положение России – 2012 год. Образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/lssWWW.exe/Stg/d12/3-5.htm.

с установлением в 2012 г. более высоких контрольных цифр приема [4, с. 560]. Приведенные статистические данные свидетельствуют, «во-первых о повышении спроса на высшее образование; во-вторых о социальных возможностях государства (о наличии государственной воли и бюджетных ресурсов для финансирования вузов); в-третьих, о жизненном уровне населения» [13, с. 30].

Расширение охвата населения различных стран высшим образованием объясняется потребностями в массовом владении исследовательскими и проектными компетенциями, которые формируются первой ступенью высшего образования [1, с. 4].

Во-вторых, осуществляется постепенный переход к системе непрерывного образования, охватывающей весь период трудоспособности работника. Общество заинтересовано в том, чтобы каждый человек постоянно приобретал все новые знания, совершенствовал свое профессиональное мастерство, заботился о росте своей квалификации и общей культуры. Поэтому получение профессионального образования является только первой ступенью в карьере. Оно все больше ориентируется не просто на запоминание студентами постоянно возрастающих объемов информации, а на формирование умений ее поиска и развитие мотивации к продолжению образования и самообразованию.

В докладе Международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: сокрытое сокровище», представленном ЮНЕСКО в конце 90-х годов XX века, сказано, что «образовательный идеал XXI века радикально отличается от классического идеала, основанного на энциклопедичности знаний. Новый образовательный идеал зиждется на четырех принципах: учиться познавать, учиться делать, учиться жить вместе, учиться жить» [16, с. 10-11].

В-третьих, повышается мобильность студентов, преподавателей, научных сотрудников учреждений высшего образования, происходит «стирание» национальных границ. Глобализация экономики приводит к усилению конкуренции между вузами разных стран за студентов (абитуриентов), научно-педагогические кадры, финансовые ресурсы (бюджетное финансирование, гранты, средства хозяйствующих субъектов на проведение научных исследований и т.п.). При этом вузы стремятся повышать качество образования, используя современные технологии, в том числе дистанционные, осуществляя сетевое взаимодействие и т.д.

На российскую систему высшего образования кроме глобальных процессов влияют и национальные тенденции.

Прежде всего, следует выделить ухудшение демографической ситуации, выразившееся в падении рождаемости в 1990-е гг., что привело к сокращению количества выпускников школ в настоящее время. Начиная с 2005 года численность населения в возрасте 15–24 лет непрерывно уменьшалась – в среднем на 3% в год (*табл. 1*).

Сокращение численности населения Российской Федерации в указанном возрасте за период с 2002 по 2020 г. по среднему варианту прогноза, представленного Федеральной службой государственной статистики, может составить около 42,7%. Демографическая ситуация в этой возрастной группе, по прогнозам Росстата, будет усугубляться вплоть до 2021 года, в котором прекратится падение численности молодежи и произойдет некоторое ее повышение. Рост численности молодежи в возрасте 15–24 лет продолжится в течение всего следующего десятилетия, но даже в 2030 году количество молодежи в соответствующей возрастной группе прогнозируется на 5,5% меньше, чем в 2013 году (*табл. 2, рис. 3*).

Таблица 1. Распределение населения Российской Федерации 15–24 лет по возрастным группам в 1989–2012 гг. (на 1 января; тыс. чел.)

Возрастная группа, лет	1989	2002	2004	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012
15–19	9968	12801	12544	12212	11244	10485	9650	8389	8237	7631
20–24	9755	11466	11870	12081	12298	12457	12389	12169	12122	11599
Итого	19723	24267	24414	24293	23542	22942	22039	20558	20359	19230

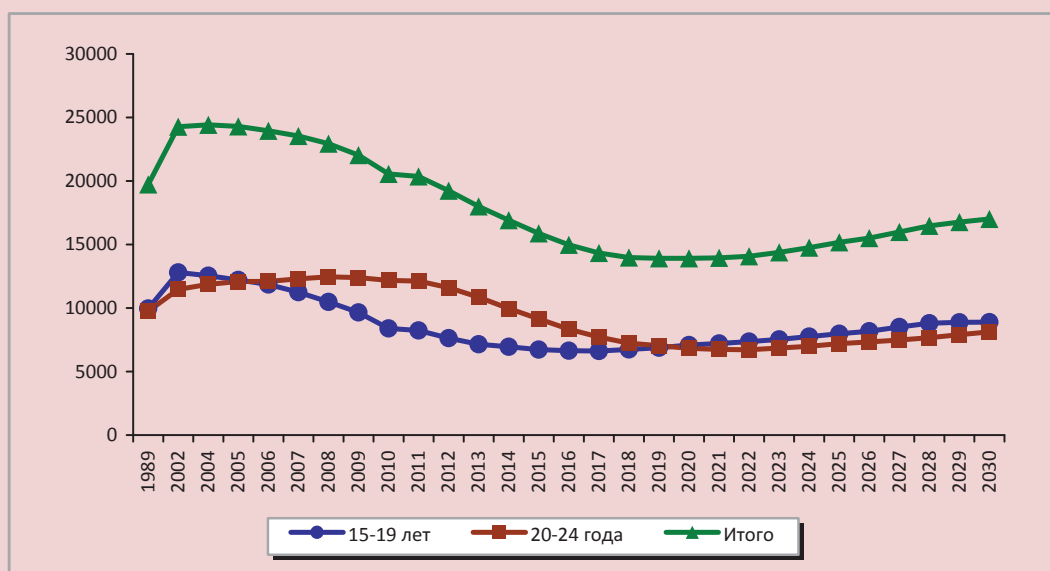
Составлено по: Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Таблица 2. Прогноз распределения населения Российской Федерации 15–24 лет по возрастным группам в 2013–2030 гг. (на 1 января; тыс. чел.)

Возрастная группа, лет	2013	2015	2017	2019	2021	2022	2024	2026	2028	2030
15–19	7150	6725	6612	6875	7205	7352	7759	8178	8804	8895
20–24	10846	9151	7717	7041	6743	6717	6988	7328	7669	8118
Итого	17996	15876	14329	13916	13948	14069	14747	15506	16473	17013

Рассчитано на основе среднего варианта прогноза численности населения Российской Федерации, представленного Федеральной службой государственной статистики. Источник: Численность населения Российской Федерации по однолетним возрастам. Демографический прогноз до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Рисунок 3. Численность населения Российской Федерации в возрасте 15–24 лет в 1989–2030 гг. (на 1 января; тыс. чел.)

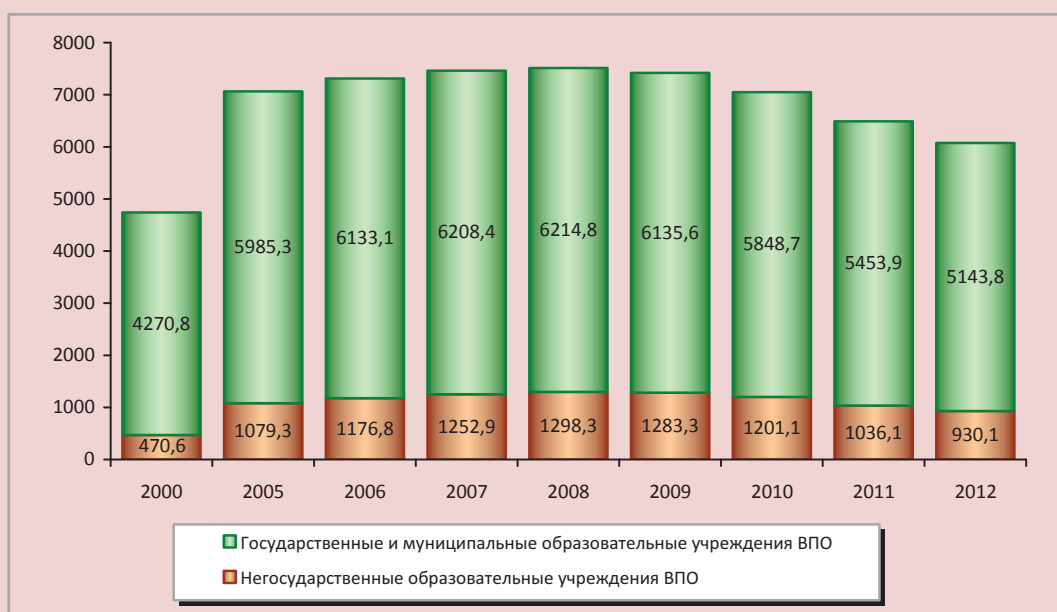
Источники: Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/; Численность населения Российской Федерации по однолетним возрастам. Демографический прогноз до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Изменение численности молодежи оказывает сильное влияние на количество абитуриентов, но однозначной зависимости между численностью соответствующей группы населения и числом студентов нет, так как в вузы поступают люди и более старшего возраста, особенно на заочную и очно-заочную (вечернюю) формы обучения. Так, несмотря на то что снижение численности молодежи в возрасте 15–24 лет наблюдалось начиная с 2005 года, количество студентов в этот период продолжало нарастать, достигнув пика в 2008/2009 учебном году, а затем стало быстро уменьшаться (рис. 4).

Падение численности студентов затронуло как государственные, так и негосударственные учреждения высшего профессионального образования, причем в последних относительное снижение количества студентов оказалось больше. Так, в 2012 году по сравнению с 2008 годом число сту-

дентов в негосударственных вузах сократилось на 28,4% (в абсолютном выражении на 368,2 тыс. чел.), в то время как в государственных вузах падение составило 17,2% (1071,0 тыс. чел.). В результате доля студентов, обучающихся в негосударственных вузах, уменьшилась на 2% соответственно (с 17,3 до 15,3%). Ситуация может измениться в связи с перераспределением приема в образовательные учреждения высшего профессионального образования в пользу негосударственного сектора. Так, в 2012/2013 учебном году прием в негосударственные учреждения высшего профессионального образования вырос на четверть, а в государственные и муниципальные – только на 5% [17]. Возрастает доля принятых на обучение в образовательные учреждения высшего профессионального образования с полным возмещением затрат на обучение: в 2011 г. она составила 57,7%, в 2012 г. – 60,0%.

Рисунок 4. Численность студентов, обучающихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации, 2000–2012 гг. (на начало учебного года; тыс. чел.)

Источник: Образовательные учреждения высшего профессионального образования (на начало года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm

При этом доля принятых на обучение в государственные и муниципальные образовательные учреждения высшего профессионального образования с полным возмещением стоимости обучения составила 54% (рис. 5) [17].

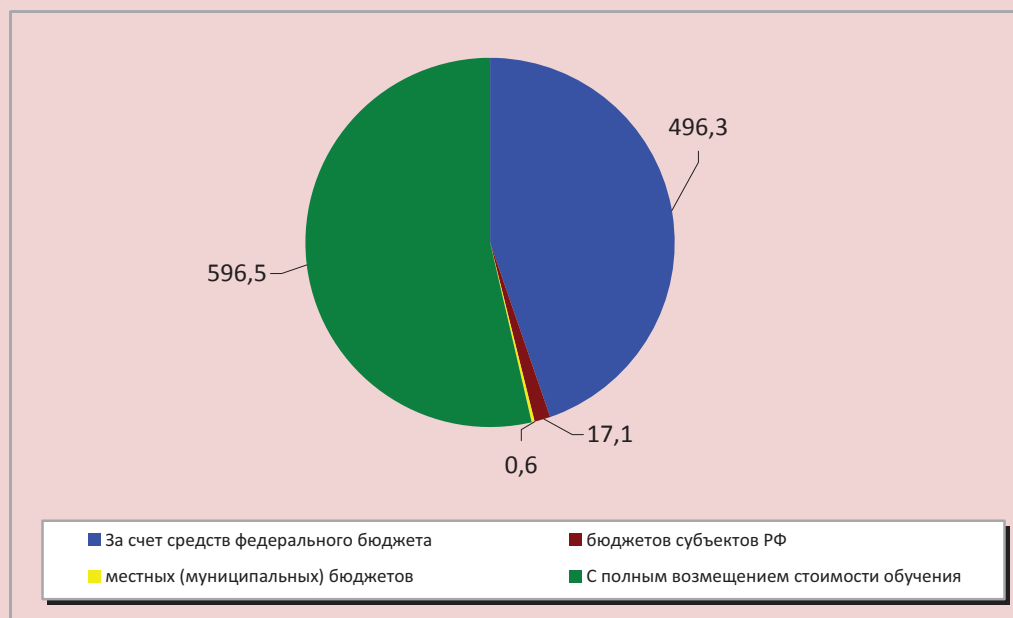
Особенностью Российской Федерации является значительность её территории, многонациональность населения и неравномерность его распределения по ней. Эта проблема усугубляется из-за активизации миграционных процессов, в том числе в связи с неодинаковым развитием системы образования, прежде всего высшего.

Если в 2000 г. в шести федеральных округах из восьми, и в частности в Приволжском, Южном и Северо-Кавказском, доля принятых на обучение по программам высшего профессионального образования в общем объеме приема на пер-

вый курс в целом по стране была меньше удельного веса выпуска обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями (без вечерних/сменных общеобразовательных учреждений) (табл. 3) в общем количестве выпускников в стране, то в 2011 г. такая картина наблюдалась только в четырех федеральных округах.

Это свидетельствует о расширении возможностей поступления выпускников указанных округов в вузы своего региона. Но настораживают значительно возросшие диспропорции между рассматриваемыми показателями в двух федеральных округах: Северо-Кавказском (в 2000 г. доля выпускников школ превышала долю поступивших в высшие учебные заведения на 1,3%, а в 2011 г. — на 4,2%) и Дальневосточном (превышение составило 0,7 и 1,5% соответственно).

Рисунок 5. Прием в государственные и муниципальные образовательные учреждения высшего профессионального образования Российской Федерации в 2012 году, тыс. чел.

Источник: Социально-экономическое положение России – 2012 год. Образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/lssWWW.exe/Stg/d12/3-5.htm

Таблица 3. Распределение выпуска обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями и приема на обучение по программам высшего профессионального образования между федеральными округами Российской Федерации в 2000 и 2011 гг., %

Федеральный округ	2000 г.		2011 г.	
	Выпуск обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями (без вечерних/сменных)	Прием на обучение по программам высшего профессионального образования	Выпуск обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями (без вечерних/сменных)	Прием на обучение по программам высшего профессионального образования
Центральный	23,5	30,0	24,3	29,0
Северо-Западный	9,3	11,2	8,4	10,6
Южный	9,5	7,4	9,5	9,0
Северо-Кавказский	5,4	4,1	9,6	5,4
Приволжский	22,5	19,5	22,2	20,1
Уральский	8,6	8,2	6,7	8,0
Сибирский	15,8	15,0	13,7	13,7
Дальневосточный	5,3	4,6	5,7	4,2
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано по: Выпуск обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями (без вечерних/сменных общеобразовательных учреждений), 2000–2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/06-08.htm; Прием на обучение по программам высшего профессионального образования, 1990–2007 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/06-26-1.htm; Прием на обучение по программам высшего профессионального образования, 2008–2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/06-26-2.htm

Сложившаяся ситуация может быть вызвана сокращением объемов приема в вузы этих округов в связи с тем, что благодаря введению ЕГЭ произошло расширение возможностей поступления молодых людей в престижные университеты других регионов. Это свидетельствует о неодинаковом уровне качества образования в вузах разных субъектов Российской Федерации.

Наличие таких диспропорций вызывает необходимость осуществления в Российской Федерации взвешенной государственной образовательной политики, направленной не только на создание условий для успешного развития наиболее сильных университетов, которые получают особое ресурсное обеспечение и должны способствовать повышению конкурентоспособности страны на мировой арене, но и на

выравнивание возможностей регионов в предоставлении качественного образования. По мнению Х.Г. Тхагапсоева, «университетская стратегия должна бы работать не только на задачу “войти в список 100 или 500 лучших университетов мира”, но и на устранение тех опасных социальных, экономических и культурных разрывов между регионами, этносами и культурами, которые, увы, лишь продолжают нарастать. Речь идет о проблемах... “внутреннего” плана. Надо бы, вероятно, чтобы в каждой области (республике, крае) хотя бы один университет располагал ресурсной базой и технологиями современного университетского процесса» [18, с. 27].

Эта проблема сегодня является достаточно острой в связи с необходимостью повышения эффективности деятельности вузов.

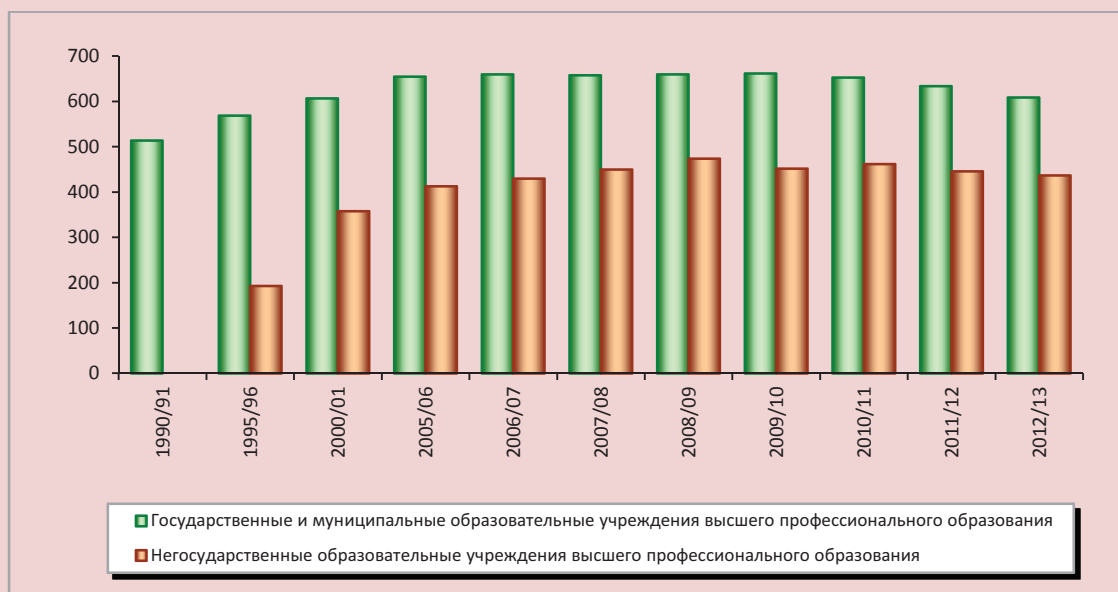
В Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы говорится, что «в силу демографических причин, а также благодаря совершенствованию системы образовательных учреждений, будет существенным образом обновлена сеть вузов, не вошедших в число федеральных и национальных исследовательских университетов. Предполагается скорректировать типологию и структуру вузовской сети в целом с оптимизацией количества филиалов вузов в сторону их сокращения — до нескольких десятков вузовских филиалов в год. Возможно также сокращение общего числа вузов при условии увеличения численности студентов, получающих качественное высшее образование с использованием современного лабораторного оборудования, в федеральных и национальных исследовательских университетах» [19].

В Плане мероприятий (дорожной карте) «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффектив-

ности образования и науки», утвержденном распоряжением Правительства РФ от 30.12.2012 №2620-р, отмечено, что «совершенствование структуры и сети государственных образовательных организаций высшего образования включает в себя: проведение ежегодного мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования; разработку, утверждение и реализацию программы совершенствования сети государственных образовательных организаций высшего образования, в том числе путем реорганизации и присоединения организаций и их филиалов; модернизацию системы лицензирования и аккредитации образовательных программ в системе высшего образования» [10].

Начиная с 2008 года, в котором зафиксировано максимальное количество вузов в стране (1134 ед.), и по 2013 год общее число вузов в Российской Федерации сократилось на 88 (или на 7,8%; *рис. 6*) [7].

Рисунок 6. Число образовательных учреждений высшего профессионального образования Российской Федерации (на начало учебного года)

Источник: Образовательные учреждения высшего профессионального образования (на начало года) [Электронный ресурс].
– Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm

При этом количество государственных и муниципальных вузов уменьшилось на 51, а негосударственных – на 37. Процентное изменение количества вузов по этим группам оказалось примерно одинаковым.

В 2012 г. число государственных и муниципальных образовательных учреждений высшего профессионального образования уменьшилось на 25 единиц, а негосударственных – на 9% [17]. По итогам мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования в 2012–2013 годах реорганизованы или подлежали реорганизации 22 вуза, подведомственные Минобрнауки России, и 178 филиалов [6]. Таким образом, для многих вузов актуальным является риск, связанный с процессами оптимизации системы высшего образования, осуществляемыми путем слияния вузов и филиалов, присоединения их к более сильным вузам, а также отзыва лицензии на право ведения образовательной деятельности.

С 1 февраля 2012 г. вступили в силу изменения в Закон РФ «Об образовании», позволившие участвовать в конкурсе на установление контрольных цифр приема наравне с государственными вузами негосударственным образовательным учреждениям высшего и среднего профессионального образования, имеющим государственную аккредитацию [21].

Аналогичное положение зафиксировано и в статье 100 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» №273 [22]. Студенты, поступившие на бюджетные места в негосударственные аккредитованные высшие и средние учебные заведения, имеют равные права со студентами государственных высших и средних учебных заведений, в частности на получение стипендии. Такая мера лишает государственные вузы одно-

го из их главных преимуществ – наличия бюджетных мест и усиливает конкуренцию между вузами независимо от формы собственности, способствуя повышению качества высшего образования.

Потребности российской экономики вызывают изменения в структуре специальностей и направлений подготовки кадров с высшим профессиональным образованием. В периоде 1990–2010 гг. можно выделить три этапа, связанные с существенными трансформациями отраслевой структуры экономики.

Так, структура выпуска специалистов в системе среднего специального и высшего образования, созданная в Советском Союзе, ориентированная прежде всего на потребности производственных отраслей и не уделявшая достаточного внимания социальной сфере и сфере услуг, привела к перепроизводству специалистов технического профиля, которое в сочетании со спадом производства в 1990-е гг. вызвало высокий уровень безработицы среди работников данной категории.

В то же время на рынке труда наблюдался постоянный спрос на специалистов в сфере образования, здравоохранения, бытового обслуживания населения, на юристов, маркетологов, менеджеров, специалистов по информационным системам.

Наибольшие различия между структурой выпуска специалистов в Российской Федерации и в развитых странах в начале 1990-х годов касались доли инженерно-технических профессий, которая в России в рассматриваемый период была в 4 раза выше, чем в США; доли специалистов сельского хозяйства, которая в России была больше в 15 раз, чем во Франции, и в 7,5 раза, чем в США; доли гуманитарных наук, которая в России была меньше в 10 раз, чем во Франции, и в 5 раз, чем в США [5, с. 134].

Ситуация на рынке труда, сложившаяся в конце XX века на втором этапе развития профессионального образования в России, вызвала необходимость изменения структуры подготовки специалистов в сторону увеличения доли гуманитарных специальностей и сокращения удельного веса инженерно-технических и сельскохозяйственных профессий.

Третий этап, начавшийся в конце первого десятилетия XXI века, связан с изменением целей развития российской экономики, предполагающих повышение ее инновационности, техническое перевооружение и рост конкурентоспособности производства. Вследствие этого сокращается объем контрольных цифр приема по экономическим, гуманитарным, социальным наукам и сохраняется количество бюджетных мест по инженерно-техническим специальностям, в том числе по тем специальностям ВПО, которые соответствуют приоритетным направлениям модернизации и технологического развития экономики России [8, с. 31].

Существенные изменения происходят также в формах обучения студентов (рис. 7). Несмотря на возможность получения высшего образования в очной, очно-заочной (вечерней), заочной формах обучения или экстерната, подавляющее большинство студентов обучается по двум формам — очной и заочной.

Временной отрезок 1985–2010 гг. можно разделить на три периода в зависимости от динамики общей численности студентов в российских вузах и её структуры по формам обучения.

Первый период — с 1985 по 1992–1994 гг. — отмечен значительным снижением общей численности студентов (на 12%), а также их численности по всем формам обучения, кроме очной [14, с. 106]. В 1993 г. доля очного обучения была максимальной — почти 64%.

Второй период — с 1992–1994 по 2006–2008 гг. — характеризуется почти трехкратным ростом общей численности студентов с одновременным снижением удельного веса очного обучения и ростом доли заочного. В 2008 г. впервые в России численность студентов очного обучения оказалась меньше, чем заочного.

Третий период, начавшийся с 2006–2008 гг., характеризуется тенденциями снижения общей численности студентов, с одновременным падением доли очного и ростом доли заочного обучения.

В большей степени это присуще негосударственным вузам, где в 2010 г. обучалось на дневных отделениях менее 18% студентов, а на заочных — почти три четверти [14, с. 107]. Увеличение численности и доли студентов заочной формы обучения объясняется меньшими финансовыми затратами на подготовку специалистов.

Эта тенденция сохранится и в ближайшие годы. Согласно «дорожной карте» в сфере высшего образования, к 2018 году (по сравнению с 2012 г.) планируется сокращение общей численности студентов на 20,7%, а приведенного контингента — на 28,2%², что свидетельствует о дальнейшем изменении структуры обучающихся в сторону сокращения очной формы обучения и увеличения других форм, вероятнее всего — заочной³ (рис. 8).

При осуществлении в вузах подготовки специалистов на заочной форме обучения уменьшается количество аудиторных занятий, т.е. время непосредственного обще-

² Приведенный контингент студентов рассчитывается как сумма, равная численности студентов очной формы обучения, численности студентов очно-заочной формы обучения, умноженной на коэффициент 0,25, и численности студентов заочной формы обучения, умноженной на коэффициент 0,1.

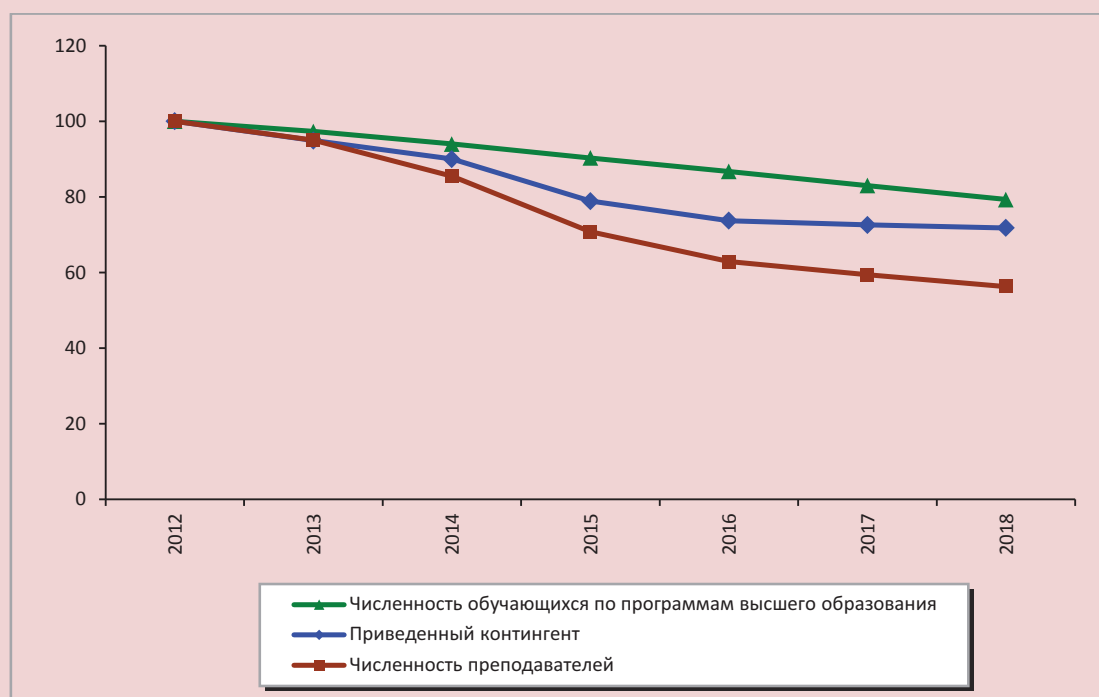
³ Следует отметить, что в 2012 г. рост приема в государственные и муниципальные образовательные учреждения высшего профессионального образования на очную форму обучения опередил рост общего приема (6,1% против 5,0%) [17].

Рисунок 7. Численность студентов различных форм обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования в 1995–2013 гг., тыс. чел.

Источник: Образовательные учреждения высшего профессионального образования (на начало года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm

Рисунок 8. Изменение основных количественных характеристик системы высшего образования в 2012–2018 гг., в % к 2012 году

Источник: План мероприятий (дорожная карта) «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: утвержден распоряжением Правительства РФ от 30.12.2012 №2620-р [Электронный ресурс]. – С. 88. – Режим доступа: http://www.rg.ru/pril/76/89/67/2620_plan.pdf

ния студентов с преподавателями и друг с другом, и возрастает доля самостоятельной работы. К тому же, в отличие от советского периода, в настоящее время для обучения на заочной форме не обязательно работать по специальности, что снижает качество подготовки выпускников. Поэтому для обеспечения требуемого качества образования на заочной форме необходимо применение новых технологий, дистанционного образования с соответствующим учебно-методическим обеспечением и т.п.

Таким образом, в системе высшего образования Российской Федерации можно выделить следующие тенденции:

- повышение спроса на высшее образование, что привело к массовому его предложению (при этом рост количественных показателей не всегда сопровождается повышением качества высшего образования);

- снижение в связи с ухудшением демографической ситуации общей численности студентов;

- нарастание диспропорций между регионами Российской Федерации в возможностях получения качественного высшего образования;

- сокращение доли студентов, обучающихся в негосударственных вузах;

- введение уровней высшего профессионального образования, переход преимущественно на подготовку бакалавров и реализацию программ магистратуры с сохранением небольшой доли специалитета;

- изменение структуры специальностей и направлений подготовки кадров в системе высшего профессионального образования, обусловленное структурной перестройкой экономики и потребностями рынка труда, включающее выделение в последние 3–5 лет дополнительных мест для обучения граждан за счет средств федерального бюджета по наиболее востребованным специальностям в соответствии с

приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, и сокращение контрольных цифр приема по гуманитарным и экономическим специальностям;

- оптимизация сети вузов, предполагающая сокращение их количества;

- снижение в течение почти двух десятилетий доли очной формы обучения и рост заочной.

Выявление указанных тенденций позволяет охарактеризовать некоторые риски развития системы высшего профессионального образования. Прежде всего, это высокий уровень политического риска, связанного с различными событиями и правительственными решениями, которые затрагивают образовательную сферу.

Среди них следует отметить вступление России в европейское образовательное пространство, переход к уровневой системе образования, оптимизацию сети вузов, включая создание федеральных и научно-исследовательских университетов, выделение бюджетных мест негосударственным вузам и т.д. Эти решения нацелены на повышение конкурентоспособности российских вузов, но, так как они принимаются в условиях неопределенности, есть вероятность возникновения и негативных последствий.

Экономические риски — это риски, обусловленные изменениями в экономике страны. Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 года №83, финансирование вуза из бюджета стало осуществляться не по смете, а через субсидию на государственное задание с учетом количества человек, выбравших образовательную программу [20]. При этом возникают риски, связанные с сокращением подушевого финансирования из-за

снижения контингента студентов в условиях демографического кризиса, а также в результате отчисления студентов в процессе обучения.

Перед вузом встает выбор: либо отказываться от отчисления студентов, не справляющихся с требованиями государственных образовательных стандартов, что вызовет снижение качества подготовки выпускников, либо поддерживать высокий уровень требований к обучающимся и отчислять не справляющихся с ними, несмотря на то что при этом произойдет сокращение финансирования образовательной деятельности вуза. Введение нормативного финансирования должно обеспечивать рост конкуренции между образовательными учреждениями и повышать степень свободы государственных вузов в отношении использования финансовых средств.

В качестве последствий проводимой государством образовательной политики можно выделить сокращение части квалифицированных преподавателей. Прогнозируется снижение численности профессорско-преподавательского состава (ППС) на 43,7% в 2018 году по сравнению с 2012 годом. Наибольшее сокращение планируется на 2015 год, в котором предполагается уменьшение численности ППС на 17% по сравнению с предыдущим годом (рассчитано по плану мероприятий – дорожной карте [10, с. 88]).

Это изменение вызвано сокращением численности студентов, одновременным выпуском последнего набора специалистов с 5-летним сроком подготовки, обучавшихся по ГОС ВПО, и первым массовым выпуском бакалавров с 4-летним сроком обучения по ФГОС ВПО. В большинстве вузов фактически произойдет переход от пятилетнего к четырехлетнему сроку обучения. Кроме того, предполагается повышение норматива соотношения численности преподавателей и студентов с 1 : 9,4 в 2012 г. до 1 : 12 в 2018 г. [10, с. 88]. Планируемые изменения неизбежно приведут к сокращению численности ППС, что может вызвать падение конкурентоспособности учебного заведения на рынке образовательных услуг, если не будет планомерно повышаться уровень квалификации педагогических кадров.

Таким образом, на рынке образовательных услуг обостряется конкуренция, основными направлениями которой становятся состязательность между государственными и негосударственными вузами, и прежде всего между теми из них, которые реализуют одинаковые программы, а также между учреждениями высшего и среднего профессионального образования. Для повышения устойчивости вуза на рынке образовательных услуг необходимо управлять рисками, что позволит выявить, оценить и минимизировать вызванные ими негативные последствия.

Литература

1. Белоцерковский, А.В. Российское высшее образование: о вызовах и рисках / А.В. Белоцерковский // Высшее образование в России. – 2012. – №7. – С. 3-9.
2. Образование и интеллектуальный потенциал России. Статистико-социографический квалиметрический мониторинг воспроизводства / Ю.А. Волков, А.И. Субетто, В.В. Чекмарев, А.Ю. Волков, А.А. Сидло. – М.: Кострома, 1998. – 176 с.
3. Выпуск обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями (без вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений), 2000–2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/06-08.htm
4. Гузакова, О.Л. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации / О.Л. Гузакова // Интеграция в формате Союзного государства как основной инструмент реализации

- стратегии безопасности России и Беларуси. Междунар. науч.-практ. конф.: материалы выступлений. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2013. – Ч. II. – С. 558-566.
5. Кроль, В. Мировые системы высшего образования: сравнительный анализ профессиональной структуры выпусков / В. Кроль, Е. Краснушкин, Т. Назарова // Высшее образование в России. – 1996. – №2. – С. 130-138.
 6. Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования и их филиалов: Материалы к совещанию с участием ректоров подведомственных Минобрнауки России вузов, 10 июня 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/новости/3441>
 7. Образовательные учреждения высшего профессионального образования (на начало года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm
 8. О планировании объемов подготовки кадров с профессиональным образованием и научных работников (контрольные цифры приема) // Официальные документы в образовании. – 2013. – №4. – С. 25-34.
 9. Основные показатели образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/obr-svod1.htm
 10. План мероприятий (дорожная карта) «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: утвержден распоряжением Правительства РФ от 30.12.2012 №2620-р [Электронный ресурс]. – 120 с. – Режим доступа: http://www.rg.ru/pril/76/89/67/2620_plan.pdf
 11. Прием на обучение по программам высшего профессионального образования, 1990–2007 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/06-26-1.htm
 12. Прием на обучение по программам высшего профессионального образования, 2008–2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/06-26-2.htm
 13. Приходько, В.М. IGIP и тенденции инженерной педагогики в России и в мире / В.М. Приходько, А.Н. Соловьев // Высшее образование в России. – 2013. – №6. – С. 26-32.
 14. Пугач, В.Ф. Распределение российских студентов по формам обучения / В.Ф. Пугач // Высшее образование в России. – 2013. – №3. – С. 98-107.
 15. Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
 16. Савельев, А. О будущей доктрине высшего образования / А. Савельев, Л. Романова // Высшее образование в России. – 1998. – №3. – С. 10-11.
 17. Социально-экономическое положение России – 2012 год. Образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.htm
 18. Тхагапсоев, Х.Г. На путях в миражи? (К современным стратегиям развития образования в России) / Х.Г. Тхагапсоев // Высшее образование в России. – 2012. – №7. – С. 21-28.
 19. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fcpro.ru/the-concept-of-the>
 20. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 года №83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140527/
 21. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления имеющим государственную аккредитацию образовательным учреждениям среднего профессионального и высшего профессионального образования контрольных цифр приема граждан для обучения за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» от 16.11.2011 №318 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/search/>
 22. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1646176>
 23. Численность населения Российской Федерации по однолетним возрастам. Демографический прогноз до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Gusakova O.L.

The influence of external environment factors on the activity of higher educational establishments in the Russian Federation

Olga Leonidovna Gusakova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Learning and Teaching Maintenance and Licensing, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Vologda State University” (6, Orlov Street, Vologda, 160035, Russia, umr@vologda-uni.ru, oguzakova@mail.ru)

Abstract. The instability of market economy development causes continuous changes in the activity of higher educational establishments. The article deals with the processes, taking place in the system of higher professional education in the Russian Federation in recent decades. On the basis of the analysis of statistical data and normative acts of the Government and Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the key global and national trends in higher education are identified: increasing demand for higher education, resulted in its considerable offer (the growth of quantitative indicators is not always accompanied by improvement of higher education quality); reduction in the total number of students due to the demographic situation worsening; transition to a multi-level system of higher education under the Bologna process; change in specialties patterns and directions of training specialists with higher professional education due to the economy structural reforms and labor market needs; aggravation of competition. The tendencies lead to the emergence of demographic, political and economic risks. To reduce negative impact of the external risks to the universities' activity it is necessary to develop corresponding state educational policy in the sphere of higher education and risk management in universities.

Key words: trends in higher education development; continuing education; the structure of specialists' training; external risks; standards of financing; effectiveness of the activity, competition.

References

1. Belotserkovskiy A.V. Rossiyskoe vysshee obrazovanie: o vyzovakh i riskakh [Russian Higher Education: Challenges and Risks]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2012, no.7, pp. 3-9.
2. Volkov Yu.A., Subetto A.I., Chekmarev V.V., Volkov A.Yu., Sidlo A.A. *Obrazovanie i intellektual'nyy potentsial Rossii. Statistiko-sotsiograficheskiy kvalimetricheskiy monitoring vosproizvodstva* [Education and Intellectual Potential in Russia. Statistical-Sociographic Qualimetric Monitoring of Reproduction]. Moscow: Kostroma, 1998. 176 p.
3. *Vypusk obuchayushchikhsya gosudarstvennymi i munitsipal'nymi obshcheobrazovatel'nymi uchrezhdeniyami (bez vechernikh (smennykh) obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy), 2000–2011 gg.* [The Number of Leavers of State and Municipal General Education Institutions (not Taking into Account Evening/Part-Time Educational Institutions) in 2000 to 2011]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/06-08.htm
4. Gusakova O.L. Tendentsii razvitiya vysshego professional'nogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Trends of Development of Higher Professional Education in the Russian Federation]. *Integratsiya v formate Soyuznogo gosudarstva kak osnovnoy instrument realizatsii strategii bezopasnosti Rossii i Belarusi. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: materialy vystupleniy* [Integration within the Union State as the Main Tool for the Implementation of Russia and Belarus Security Strategy: Materials of International Scientific-Practical Conference], Vologda: ISERT RAN, 2013, ch. 2, pp. 558-566.

5. Krol' V., Krasnushkin E., Nazarova T. Mirovye sistemy vysshego obrazovaniya: sravnitel'nyy analiz professional'noy struktury vypuskov [World Systems of Higher Education: Comparative Analysis of Professional Structure of the Graduates]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 1996, no.2, pp. 130-138.
6. *Monitoring effektivnosti deyatelnosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya i ikh filialov: Materialy k soveshchaniyu s uchastiem rektorov podvedomstvennykh Minobrnauki Rossii vuzov, 10 iyunya 2013 goda* [Monitoring of Efficiency of Higher Education Institutions and their Branches: Materials for the Meeting of the Rectors of the Universities Subordinated to the Ministry of Education and Science June 10, 2013]. Available at: <http://minobrnauki.rf/novosti/3441>
7. *Obrazovatel'nye uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya (na nachalo goda)* [Educational Establishments of Higher Professional Education (for the Beginning of the Year)]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm
8. O planirovanii ob'emov podgotovki kadrov s professional'nyim obrazovaniem i nauchnykh rabotnikov (kontrol'nye tsifry priema) [On Planning of Quantity of Training Personnel with Professional Education and Scientists (Admission Quotas)]. *Ofitsial'nye dokumenty v obrazovanii* [Official Documents in Education], 2013, no.4, pp. 25-34.
9. *Osnovnye pokazateli obrazovaniya* [Basic Indicators of Education]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/obr-svod1.htm
10. *Plan meropriyatiy (dorozhnaya karta) "Izmeneniya v otraslyakh sotsial'noy sfery, napravlennye na povyshenie effektivnosti obrazovaniya i nauki": utverzhen rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 30.12.2012 №2620-r* [The Activity Plan (the Roadmap) "Changes in Social Sphere, Aimed at Improving Education and Science": Approved by the RF Government Decree of December 30, 2012 No. 2620-r]. Available at: http://www.rg.ru/pril/76/89/67/2620_plan.pdf
11. *Priem na obuchenie po programmam vysshego professional'nogo obrazovaniya, 1990–2007 gg.* [Admission to Study by the Higher Professional Education Programs in 1990–2007]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/06-26-1.htm
12. *Priem na obuchenie po programmam vysshego professional'nogo obrazovaniya, 2008–2011 gg.* [Admission to Study by the Higher Professional Education Programs in 2008–2011]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/06-26-2.htm
13. Prikhod'ko V.M., Solov'ev A.N. IGIP i tendentsii inzhenernoy pedagogiki v Rossii i v mire [IGIP and Trends of Engineering Pedagogy in Russia and the World]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2013, no.6, pp. 26-32.
14. Pugach V.F. Raspredelenie rossiyskikh studentov po formam obucheniya [Distribution of Graduates by Forms of Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2013, no.3, pp. 98-107.
15. *Raspredelenie naseleniya po vozrastnym gruppam* [Distribution of the Population by Age Groups]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
16. Savel'ev A., Romanova L. Obudushchey doktrine vysshego obrazovaniya [On the Future Doctrine of Higher Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 1998, no. 3, pp. 10-11.
17. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii – 2012 god. Obrazovanie* [Socio-Economic Situation in Russia in 2012. Education]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.htm
18. Tkhangapsoev Kh.G. Na putyakh v mirazhi? (K sovremennym strategiyam razvitiya obrazovaniya v Rossii) [On the Way to Illusion? (On Modern Strategies of Education Development in Russia)] *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2012, no.7, pp. 21-28.
19. *Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gg.* [Federal Target Program of Education Development for 2011–2015]. Available at: <http://www.fcpro.ru/the-concept-of-the>
20. *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem pravovogo polozheniya gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) uchrezhdeniy" ot 08.05.2010 goda №83* [Federal law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Improvement of the Legal Status of the State (Municipal) Institutions" of May 08, 2010 No. 83]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140527/

21. *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya imeyushchim gosudarstvennuyu akkreditatsiyu obrazovatel'nym uchrezhdeniyam srednego professional'nogo i vysshego professional'nogo obrazovaniya kontrol'nykh tsifr priema grazhdan dlya obucheniya za schet sredstv sootvetstvuyushchikh byudzhetrov byudzhetnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii": ot 16.11.2011 №318* [Federal law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in the Part of Establishing the Accredited Educational Institutions of Secondary Professional and Higher Professional Education the Admissions Figures of the Citizens to Study at the Expense of the RF Budget System" of November 16 No. 318]. Available at: <http://www.consultant.ru/search/>
22. *Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" ot 29.12.2012 №273* [Federal Law "On Education in the Russian Federation" of December 29, 2012 No. 273]. Available at: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1646176>
23. *Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po odnoletnim vozrastam. Demograficheskiy prognoz do 2030 goda* [Population of the Russian Federation by One-Year Age Groups. Demographic Forecast till 2030]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 614.2(470.12), ББК 51.1(2Рос-4Вол)

© Калашников К.Н., Калачикова О.Н.

Доступность и качество медицинской помощи в контексте модернизации здравоохранения

**Константин Николаевич
КАЛАШНИКОВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, konstantino-84@mail.ru)

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, onk82@yandex.ru)

Аннотация. Оценка доступности медицинской помощи – сложная научно-практическая задача. Её решение не допускает сужения инструментария до набора формальных показателей государственной и ведомственной статистики. Существовая исключительно в целях сохранения здоровья граждан, система здравоохранения должна строиться и реконструироваться с опорой на мнение её клиентов – жителей территории, получающих медицинские услуги в рамках программы государственных гарантий. В этой связи необходимой, если не важнейшей, составляющей оценки доступности медицинской помощи для населения становится анализ социологических данных.

Институтом социально-экономического развития территорий РАН проведены измерение и анализ оценок населением Вологодской области доступности и качества медицинских услуг, предоставляемых учреждениями здравоохранения региона. Это исследование особенно актуально потому, что в последние годы в российском здравоохранении осуществлён ряд преобразований, реализована Программа модернизации здравоохранения.

Авторы установили, что проведённые реформы помогли улучшить оснащённость медучреждений оборудованием, однако тема кадрового голода не была закрыта. Кроме того, жителей области по-прежнему беспокоят нарушения этики, грубость медицинских работников, сложность попасть на приём к врачу. Эти проблемы сохраняют свою остроту.

Ключевые слова: модернизация здравоохранения; медицинская помощь; доступность и качество медицинских услуг; социологические исследования; Вологодская область.

С начала 2000-х гг. российское здравоохранение претерпело череду преобразований, которым сегодня, спустя почти 15 лет, следует дать хотя бы промежуточную оценку. Содержание проводимых мероприятий по заявленным ориентирам звучит понятно и теоретически верно: повышение эффективности здравоохранения и обеспечение доступности медицинской помощи для населения. Механизмы достижения этой цели формулируемы и тоже вполне обоснованны. Это, в частности, перенос акцентов со вторичной медицинской помощи, которая в России чрезвычайно широко развита [7], но не оправдывает своих масштабов результатами деятельности, на первичное звено с его стратегическими преимуществами — ранней диагностикой и профилактикой, внедрение передовых методов оплаты медицинской помощи, изменение системы оплаты труда медицинских кадров с учётом результатов деятельности.

Однако для большинства граждан, которые сталкиваются с проблемами здравоохранения в повседневной жизни, понятен смысл лишь стратегической цели — повышение доступности медицинской помощи, и об успехах в её достижении они судят по личному опыту. Традиционные проблемы российского здравоохранения: очереди, неуважительное и невнимательное отношение медработников, растущая платность медицинских услуг, недостаточное лекарственное обеспечение — сохраняются и не дают ощущения удовлетворённости результатами многолетних реформ.

Приведём пример. Даже в достаточно благополучные 2000-е годы не прекращался процесс сокращения коечных фондов, начавшийся в кризисные девяностые. В 2007 г. была утверждена официальная методика оценки деятельности органов исполнительной власти, согласно которой сокращение мест в круглосуточных стационарах расценивалось как признак эффек-

тивности общественных расходов без учёта принятия сопутствующих компенсаторных мер¹. В результате за период с 2000 по 2012 г. произошло снижение показателя обеспеченности койками круглосуточного пребывания жителей РФ (на 27%), регионов СЗФО (в сумме по округу — на 25%) и Вологодской области (на 28%). Представляется сомнительным, что механическое сокращение мест в стационарах в какой-то мере способствовало расширению доступности медицинских услуг.

Большие надежды были возложены на Программу модернизации здравоохранения, реализованную в 2011–2012 гг., поскольку её 5-ти-миллиардный бюджет является весьма существенным для масштабов региона. В условиях дефицита финансирования реализация целевых программ становится единственной возможностью улучшить положение дел с обеспеченностью медицинских учреждений ресурсами, пусть и в локальном приложении и точечном режиме.

В данной статье мы, опираясь на проведённые социологические опросы населения Вологодской области², рассмотрим, как повлияли эти процессы на оценку населением доступности и качества медицинской помощи.

Приступая к изложению содержательной части статьи, остановимся на важном контекстуальном моменте — оценке гражданами своей роли в сохранении

¹ Речь идёт о методике, разработанной Комиссией при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования государственного управления и правосудия во исполнение Указа Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. №825.

² Мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области проводится ИСЭРТ РАН с 2002 г. методом раздаточного анкетирования. Репрезентативность выборки обеспечена квотированием по полу и возрасту, равномерным размещением единиц наблюдения, представительным объемом — 1500 человек. Ошибка выборки не превышает 5%.

здоровья, что особенно актуально в современных условиях, когда главной ареной борьбы за здоровье человека становится его собственная жизнь [6]. За достаточно непродолжительный период, с 2005 по 2013 г., в Вологодской области произошли существенные трансформации в сознании населения: в частности, оно стало в большей степени осознавать свою ответственность за здоровье.

Так, если в 2005 г. 73% населения считали себя частично или полностью ответственными за своё здоровье, то к 2013 г. этот показатель увеличился до 88%. В то же время снизилась доля граждан, признающих ответственными за здоровье человека медицинских работников (с 23% в 2005 г. до 14% в 2013 г.), родственников и членов семьи (с 9 до 3%).

Но особенно примечательно существенное снижение (с 25% в 2005 г. до 7% в 2013 г.) удельного веса граждан, считающих государство ответственным за здоровье людей. Этот факт косвенно свидетельствует как о росте гражданского самосознания, так и о разворачивании процесса атомизации общества [1], зафиксированного и региональными исследованиями [6].

На фоне меняющейся структуры факторов здоровья [10] растёт роль личности в его сохранении и укреплении. Однако это не должно стать причиной снижения значимости здравоохранения и медицины. В современных условиях следует говорить о необходимости эффективного сотрудничества этих двух субъектов в вопросах сохранения здоровья и продления жизни. Медицинская активность представляет проявление самосохранительного поведения, образа жизни [3]. Поэтому важным аспектом сохранения здоровья остаётся профилактика и своевременное обращение за квалифицированной медицинской помощью.

Как правило, население обращается к врачу в период плохого самочувствия и заболевания. Другой наиболее весомой причиной посещения медицинских учреждений становится прохождение профосмотров. Так, данные опроса 2013 г. свидетельствуют, что 44% населения посещали медицинское учреждение в течение последних 12 месяцев по причине плохого самочувствия; 21% – для прохождения профессионального осмотра. 17% случаев обращения в медицинское учреждение составляет профилактика заболеваний (табл. 1). По данным 2013 г., самолечением занимаются 13% населения региона. Четверть жителей региона отметили, что в течение последнего года им приходилось отказывать себе в получении больничного листа даже в состоянии болезни, 22% – пропускали рабочие дни в связи с недомоганием и болезнью.

Уровень доступности медицинской помощи за период с 2011 по 2013 г. практически не претерпел изменений: 77% жителей региона были в той или иной степени удовлетворены доступностью оказываемых им медицинских услуг. Сумма низких оценок (22% для региона в целом) превосходит сумму высоких (14%). Наиболее популярной является оценка «удовлетворительно». Так оценивают доступность медицинской помощи 63% жителей Вологодской области (табл. 2).

Оценки жителей районов и крупных городов существенно не отличаются, однако сельчане менее склонны давать наивысшие оценки доступности медицинской помощи, чем горожане (8% оценок в муниципальных районах против 18% в г. Вологде и 13% в г. Череповце).

Анализ взаимосвязи между демографическими характеристиками населения и оценкой доступности медицинской помощи не выявил каких-либо особенностей: большая часть как позитивных, так и

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «С какой целью Вы обращались к врачу в течение последних 12 месяцев?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Вологда	Череповец	Районы	Область
С профилактической целью	45,5	46,5	42,5	44,3
В период плохого самочувствия, болезни	17,1	21,2	23,1	21,1
При походе профосмотра	16,6	12,8	18,8	16,7
Не помню	3,6	4,6	9,9	6,9
Не обращался (ась), т.к. лечился (ась) самостоятельно	16,4	16,1	8,4	12,5
Не обращался (ась), т.к. не болел (а)	10,6	11,0	10,5	10,7
Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.				

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в целом уровень доступности для Вас помощи, предоставляемой медицинскими учреждениями» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Высокий	4,2	0,5	1,9	2,1
Довольно высокий	17,9	13,0	8,3	12,0
Удовлетворительный	54,8	66,5	65,2	62,9
Скорее низкий	15,8	12,3	14,6	14,3
Низкий	5,5	5,9	8,8	7,2
Медицинские услуги совершенно недоступны	1,0	0,5	0,4	0,6
Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.				

Таблица 3. Негативные явления в деятельности медицинских учреждений Вологодской области (% от числа граждан, обратившихся в ЛПУ и выбравших вариант ответа «удовлетворяет частично», «в основном не удовлетворяет», «полностью не удовлетворяет»)

Негативное явление	2002 – 2006 гг.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Невозможность попасть на прием в удобное время, большие очереди	58,1	56,7	59,4	49,7	35,8
Отсутствие нужных специалистов	-	24,9	34,8	34,3	41,6
Невнимательное отношение медработников	-	18,0	24,2	23,5	15,5
Хамство, неуважительное отношение к пациентам	15,2	11,5	12,5	18,3	12,5
Недостаток информации о работе специалистов	21,0	14,7	23,5	18,2	
Необходимость оплачивать мед. услуги, которые должны предоставляться бесплатно	16,9	9,9	14,5	17,2	13,7
Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН.					

негативных оценок представлена среди мужчин и женщин от 30 до 60–55 лет.

Ретроспектива оценок деятельности медицинских учреждений за период реализации проекта Модернизации здравоохранения показывает, что традиционные проблемы отрасли не утратили своей остроты, но в 2013 г. по сравнению с предыдущими годами отмечается заметное улучшение ситуации по всем рассматриваемым

пунктам, исключая «отсутствие нужных специалистов». До 2010 г. более половины жителей области отмечали очереди в медицинских учреждениях и невозможность попасть на прием к врачу в удобное время, в 2012 и 2013 гг. их число существенно снизилось (до 50 и 36% соответственно) (табл. 3). На отсутствие нужных специалистов как проблему, коснувшуюся их лично, указали 34% населения в 2012 г. и

42% в 2013 г. По-прежнему волнует людей хамство врачей (18% населения в 2012 г. и 13% в 2013 г.), невнимательное отношение с их стороны (24 и 16% соответственно), а также продолжающаяся коммерциализация здравоохранения (17 и 14%).

На наличие обозначенных недостатков указывают и те респонденты, кто высоко оценивает доступность и качество медицинских услуг. Однако среди них больше возмущенных неуважительным отношением медиков и необходимостью оплачивать медпомощь.

Обращая внимание на то, что наиболее распространённой проблемой жители региона продолжают называть сложность попасть на приём к врачу в удобное время или не выстояв длинную очередь, следует отметить роль информационных технологий в повышении доступности медицинской помощи. Люди, высоко её оценивающие, в 4,5 раза больше пользуются электронными терминалами (инфоматами) для записи на приём к врачу, чем неудовлетворённые современным уровнем доступности медицинских услуг. Это свидетельствует о перспективности электронных устройств и Интернет в повышении эффективности процесса оказания медицинских услуг и доступности последних.

Однако практически роль информационных технологий на сегодняшний день незначительна. Абсолютное большинство жителей региона (82%) не пользуются инфоматами для записи на приём к врачу, а об их существовании знают чуть больше половины (на момент выхода статьи в регионе действовало 37 инфоматов). При этом 62% респондентов не имеют возможности записаться к нужному специалисту через Интернет. Выяснение конкретных причин подобного игнорирования информационных технологий остаётся за пределами данного исследования, но не вызывает сомнений, что они кроются не только в

низком уровне цифровой грамотности людей, но и в обычном консерватизме и силе привычки. Более того, возможности «электронной регистратуры» не смогут решить проблему доступности медицинской помощи без должного кадрового обеспечения поликлиник.

Вместе с тем зависимость между активностью использования регистрационных терминалов, сети Интернет для записи на приём к врачу и основными демографическими характеристиками населения — имеется (табл. 4). Среди респондентов постпенсионного возраста выше доля не осведомленных о наличии средств электронной записи и не использующих их.

Женщины молодой и средней возрастных групп более активно, чем мужчины аналогичных возрастов, используют электронные технологии при обращении в медицинское учреждение. Например, если в сумме ответов на вопрос о знании возможностей «электронной регистратуры» мужчины 30–60 лет примерно с одинаковой частотой дают ответы «да» и «нет» — 24 и 28% соответственно, то у женщин это соотношение составляет 28 и 18%.

В условиях характерной для территории региона малокоселенности (значительное количество населённых пунктов с малочисленным населением, разбросанных по большой территории) и слабо развитой инфраструктуры весьма актуальным вопросом остаётся территориальная и транспортная доступность медицинских учреждений.

Вопреки ожиданиям, для жителей сельских территорий дорога до ближайшего медицинского учреждения занимает незначительно больше времени, чем для жителей крупных городов. Единственное существенное различие в разрезе «город-село» касается длительности переезда «выше двух часов»: этот вариант ответа отмечен 7% жителей муниципальных районов и 1–2% жителей крупных городов (табл. 5).

Таблица 4. Половозрастные характеристики населения и «электронная регистратура» (в % от числа опрошенных)

Социально-демографические характеристики респондентов	Знаете ли Вы, что записаться на приём к врачу можно с помощью электронных устройств (инфоматов) и через Интернет?		Имеете ли Вы возможность записаться к нужному медицинскому специалисту через сеть Интернет?		Пользуетесь ли Вы электронными терминалами (инфоматами) для записи на приём к врачу?	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Пол/возраст						
Мужской до 30 лет	12,1	10,4	12,5	10,6	11,7	11,3
30-60 лет	24,2	27,8	26,1	25,5	22,3	26,3
старше 60 лет	5,4	10,6	4,7	9,6	5,9	8,1
Женский до 30 лет	14,8	6,4	17,2	7,5	17,6	9,8
30-55 лет	27,8	18,2	30,4	19,5	33,2	21,6
старше 55 лет	15,8	26,6	9,1	27,3	9,4	23,0

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени обычно уходит на дорогу до ближайшего врача/фельдшера, поликлиники?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
До получаса	49,1	57,0	36,2	44,9
Около часа	32,2	34,5	34,9	34,1
От одного до двух часов	9,1	4,3	4,6	5,7
Свыше двух часов	2,1	0,8	6,9	4,1
Затрудняюсь ответить	7,5	3,3	17,4	11,2

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Как работает общественный транспорт, которым Вы пользуетесь?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
В целом хорошо	26,8	40,4	7,2	20,9
Скорее хорошо	36,9	43,0	30,1	35,2
Скорее плохо	16,4	5,6	17,7	14,2
Плохо	4,9	2,3	16,6	9,9
Затрудняюсь ответить	15,1	8,7	28,5	19,9

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

Что касается качества работы общественного транспорта, то здесь разница между селом и крупными городами более заметна: плохим его называют 17% населения сельских территорий и незначительная доля жителей городов Вологды (5%) и Череповца (2%). Жители Череповца гораздо более высоко оценивают работу городского общественного транспорта, чем жители областной столицы, но эта проблема уже в большей степени относится к системе городского сообщения, чем к доступности медицинских услуг (табл. 6).

Фактором доступности медицинской помощи выступает и её стоимость для населения, роль которой с ростом коммерциализации здравоохранения будет возрастать. Среди населения, выразившего неудовлетворённость современным уровнем доступности медицинской помощи, 14% отметили необходимость оплачивать медицинские услуги (табл. 7).

О распространённости коммерческих практик в сфере государственного здравоохранения свидетельствует существенная доля людей (44%), расходовавших средства

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам расходовать средства на лечение в медицинском учреждении в текущем году?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Да, ежемесячно	11,2	7,4	5,9	7,7
Да, один раз в три месяца	16,1	10,2	6,9	10,1
Да, один раз в полгода	15,8	13,6	13,0	13,9
Да, один раз в год	15,3	21,0	6,5	12,5
Нет, не приходилось	23,9	36,6	44,2	37,0
Не расходовали, потому что не болели	16,4	10,5	21,3	17,2

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

Таблица 8. Половозрастные характеристики населения и оценка доступности медицинского обслуживания (в % от числа опрошенных)

Приходилось ли Вам расходовать средства на лечение в медицинском учреждении в текущем году?	Как Вы оцениваете уровень доступности медицинского обслуживания?		
	Высокий	Удовлетворительный	Низкий
Да, ежемесячно	8,5	7,1	8,7
Да, один раз в три месяца	12,7	8,8	12,0
Да, один раз в полгода	11,8	15,1	12,3
Да, один раз в год	7,5	12,5	16,0
Нет, не приходилось	41,0	39,4	26,2
Не расходовали, потому что не болели	17,9	15,7	21,7

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «При оплате лечения в поликлинике, больнице Вы платили деньги...» (в % от числа тех, кому приходилось расходовать средства на лечение в текущем году)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
В кассу лечебного учреждения	70,2	87,7	69,2	75,3
Руководителю лечебного учреждения	3,1	0,5	0,0	1,2
Лечащему врачу	7,1	4,9	3,0	5,0
Среднему медперсоналу (медсестра, фельдшер)	3,1	2,5	2,6	2,7
Санитарке	1,3	2,9	0,0	1,4

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

на лечение в текущем году (37% жителей региона признаются, что им не приходилось тратить деньги на лечение)³.

Среди тех, кто оценивает доступность медицинских услуг низко, больше доля плативших за них, чем среди оценивающих высоко (26% против 41%; табл. 8).

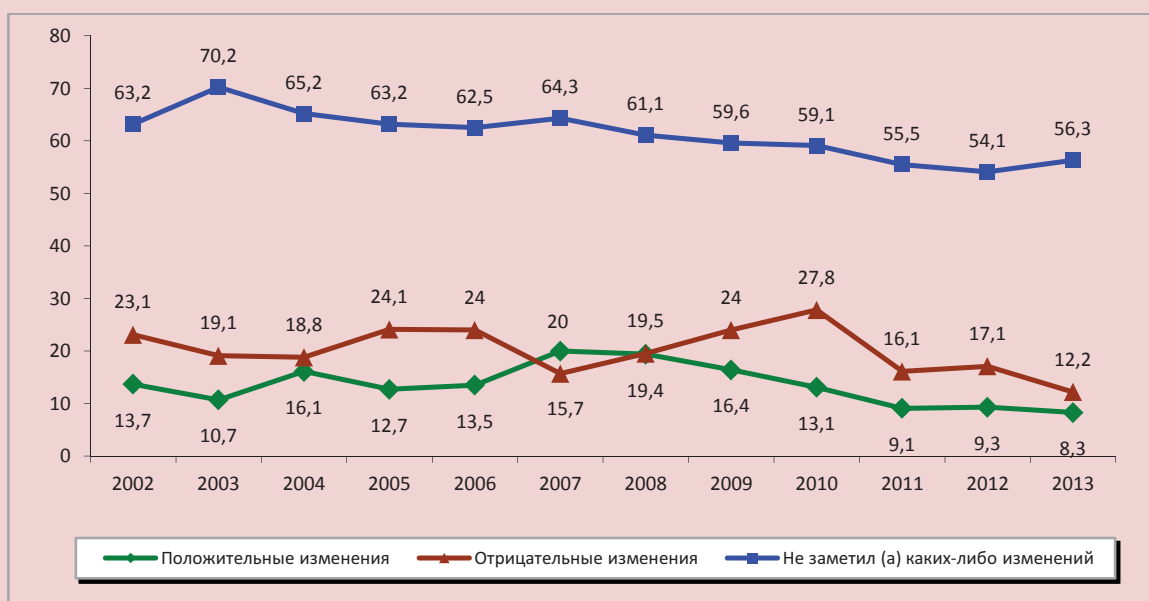
Большинство платежей за лечение, как указало 75% населения области, носят официальный характер и поступают в кассу

³ Следовало уточнить формулировку вопроса в части того, что в расходы не следует включать средства на покупку лекарств при амбулаторном лечении.

медицинского учреждения. Варианты неформальных платежей тоже присутствуют, но их вклад невелик. Вместе с тем симптоматичен факт широкого участия пациентов в оплате медицинской помощи: 28% населения тратило собственные денежные средства на оплату лечебных процедур, 7% — на медикаменты в условиях стационарного лечения (табл. 9).

Интересна динамика оценок населением доступности медицинской помощи. Начиная с 2003 г. наблюдается тенденция снижения доли ответов респондентов,

Распределение ответов на вопрос: «Отмечаете ли Вы изменения в оказании медицинской помощи за последние 12 месяцев?» (в % от числа тех, кто обращался за медицинской помощью)

Источник: данные ИСЭРТ РАН.

считающих, что за последние 12 месяцев в уровне доступности медицинских услуг не произошло никаких изменений.

Доля жителей региона, отмечающих отрицательные тенденции в сфере доступности медицинских услуг, подвержена большим колебаниям. Рост количества недовольных изменениями фиксировался в 2005–2006 гг. После резкого подъёма в 2010 г. (до 28%) этот показатель начал резко снижаться, достигнув к 2013 г. отметки 12%. Отличается непостоянством и удельный вес положительных оценок, однако в 2007 г. берёт начало тенденция его снижения. Так, в 2013 г. лишь 8% населения положительно оценили изменения в доступности медицинских услуг (*рисунок*).

Другой важнейшей для населения характеристикой медицинской помощи является её качество. Использование данных социологического опроса представляется не самым надёжным способом оценки качества медицинской помощи по ряду причин. Среди них первоочередную роль

играет информационная асимметрия между медицинскими работниками и пациентом, препятствующая объективному восприятию качественных параметров оказываемых медицинских услуг. Возможности достижения наиболее высокого уровня их качества ограничиваются государственными гарантиями и финансовыми возможностями государства [2, 4]. В итоге стандарты качества становятся результатом компромисса между теоретически верными идеями гуманизма и признания интересов пациента как высшей ценности и ограниченными возможностями бюджетов и внебюджетных фондов обеспечивать их выполнение.

Наиболее приемлемым способом нивелирования информационной асимметрии в рамках описанной организационной модели является стандартизация медицинской помощи. Однако и в этом случае представления пациента о должном (или желаемом) уровне качества оказываемых медицинских услуг могут быть далеки от

формальных предписаний. Более того, учитывая феномен информационной асимметрии, логично предположить, что под качеством медицинской помощи пациенты понимают результативность в лечении и борьбе с симптомами заболевания, а также условия её оказания, включая самый широкий спектр поддающихся оценке неспециалиста моментов (например, профессиональная культура медицинских работников, чистота кабинета и проч.).

Несмотря на указанные обстоятельства, можно сказать, что оценка населением качества медицинской помощи – один из информативных показателей эффективности деятельности медицинских учреждений, отражающих сложившуюся ситуацию и проблемные аспекты, требующие внимания и вмешательства.

В продолжение периода реализации Программы модернизации оценки качества медицинских услуг населением Вологодской области претерпели заметные изменения. В 2011 г. 78% населения было в той или иной степени удовлетворено качеством оказываемых медицинских услуг, в 2013 г. эта цифра возросла до 82%.

Сумма высоких оценок (18% для региона в целом) не отстаёт от суммы низких (17%). Наиболее распространённой является оценка «удовлетворительно» – так оценивают качество медицинской помощи 64% жителей Вологодской области (табл. 10).

Различие в оценках качества медицинской помощи между крупными городами и муниципальными районами сводится к тому, что сельские жители менее склонны давать высокие оценки, чем жители Вологды и Череповца, однако эта разница перераспределяется в плюс варианту ответа «удовлетворительно».

Связь между половозрастными характеристиками и оценкой качества медицинской помощи выражается в том, что с воз-

растом респондентов доля негативных оценок, как правило, увеличивается.

Интересен вопрос о соотношении доступности и качества медицинской помощи. В зарубежных исследованиях, прежде всего межстрановых, касающихся сравнительного анализа различных государственных систем здравоохранения, зачастую поднимается вопрос о расхождении доступности и качества медицинских услуг как спецификации моделей охраны здоровья.

Обратимся к результатам исследования американского Института Дж. Гэллага, которое основано на телефонных интервью населения в Канаде, США и Великобритании по вопросам доступности и качества медицинской помощи в этих странах. В Канаде удовлетворённость доступом к медицинской помощи (57%) немного выше, чем удовлетворённость качеством (52%); в Великобритании, где тоже высока доля общественных ресурсов в здравоохранении, удовлетворённость доступностью и качеством медицинской помощи ниже, но практически не различается в оценках населения (43 и 42% соответственно).

Жители США, где здравоохранение основывается на платных услугах и при этом практически отсутствует всеобщая система медицинского страхования, очень низко оценивают доступность дорогостоящих услуг здравоохранения (только 25% американцев удовлетворены доступностью медицинской помощи), но и качество оценивают не слишком высоко (лишь 48% удовлетворены качеством) [11].

Как позволяют судить результаты нашего исследования, жители Вологодской области оценивают качество и доступность в едином ключе. Респонденты, высоко оценивающие доступность медицинских услуг, практически не высказываются негативно об их качестве (у них нет ответов «очень плохое», доля ответов «плохое»

Таблица 10. Распределение ответа на вопрос: «Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Очень хорошее	2,1	1,3	1,2	1,5
Довольно хорошее	24,4	18,7	11,9	16,9
Удовлетворительное	57,1	60,1	69,2	63,7
Плохое	14,0	16,1	15,1	15,1
Очень плохое	2,1	1,8	1,2	1,6

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания?» (в % от числа населения с разной оценкой доступности медицинского обслуживания)

Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания?	Как Вы оцениваете уровень доступности медицинского обслуживания?		
	Высокий	Удовлетворительный	Низкий
Очень хорошее	8,5	0,2	0,6
Довольно хорошее	51,7	13,8	4,0
Удовлетворительное	37,0	77,5	45,4
Плохое	2,8	7,9	44,2
Очень плохое	0,0	0,5	5,8

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

составляет незначимую величину – 3%, тогда как общий удельный вес ответов «хорошее» и «довольно хорошее» достигает 60%). И наоборот, среди людей, недовольных существующим уровнем доступности медицинской помощи, не менее половины склоняются к негативным оценкам её качества (табл. 11).

Можно предположить, что население региона не разграничивает для себя понятия «доступность» и «качество» медицинских услуг, априори полагая, что квалифицированный специалист, прошедший профессиональную подготовку, работающий в данной сфере, в целом качественно выполняет свою работу.

Вместе с тем обнаруживается связь между оценками качества и платности услуг. Среди тех, кто не пользуется платными медицинскими услугами, выше доля лиц, низко оценивающих их качество, по сравнению с теми, кто платит за медицинские услуги (37% против 26%). Следует признать, что оценка качества медицинской помощи

является весьма субъективной и может не отражать реальных изменений в деятельности лечебно-профилактических учреждений, исследования доступности в этом отношении всегда более объективны. Однако не принимать во внимание позицию граждан относительно качества медицинской помощи будет ещё большей ошибкой.

Таким образом, в ответах населения на вопросы о качестве и доступности медицинских услуг нет однозначной оценки ни сложившейся в здравоохранении ситуации, ни результатов Программы модернизации здравоохранения.

С одной стороны, мнения граждан прямо или косвенно указывают на глубокие структурные проблемы и частные негативные практики, на протяжении многих лет препятствующие росту доступности медицинской помощи. Но, с другой стороны, нельзя не заметить положительных изменений по ряду направлений деятельности, а также лояльности граждан к российскому здравоохранению в целом.

Несмотря на то, что большая часть населения удовлетворена доступностью и качеством медицинской помощи, немногие оценивают их высоко.

Население обеспокоено сложностью попасть на приём к врачу, недостатком узких специалистов, пренебрежительным и невнимательным отношением медицинских работников, широким распространением малодоступных медицинских услуг.

Известно, что характерная для пациентов склонность предъявлять высокие требования к медицинским службам и не замечать их успехов является объективным фактом общественной жизни во всём мире, но это не должно стать причиной игнорирования коллективного мнения граждан о том, что в отечественном здравоохранении существует ряд проблем, ограничивающих доступность и качество медицинских услуг и ещё далёких от разрешения.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Закономерности и парадоксы социальной эволюции [Текст] / Е.В. Балацкий // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 2. – С. 138-150.
2. Дуганов, М.Д. Методологические подходы к оценке эффективности регионального здравоохранения [Текст] / М.Д. Дуганов, К.Н. Калашников // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2011. – № 6. – С. 93-105.
3. Калачикова, О.Н. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона [Текст] / О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина // *Проблемы развития территорий*. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – № 5 (61). – С. 72-82.
4. Калашников, К.Н. Результативность программы модернизации здравоохранения: оценки пациентов и врачей / Н.А. Кондакова, К.Н. Калашников // *Здравоохранение*. – 2014. – № 2. – С. 28-38.
5. Ласточкина, М.А. Социальная защищённость населения России: обзор исследований последних лет [Текст] / М.А. Ласточкина // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2013. – № 2. – С. 171-179.
6. Первичная медико-санитарная помощь сегодня актуальнее, чем когда-либо [Текст]: Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008 г. – Женева: ВОЗ, 2008. – 152 с.
7. Реформа больниц в новой Европе [Текст]: пер. с англ. / Ж. Фигерас, М. Макки, Э. Моссиалос [и др.]. – М.: Весь мир, 2002. – 320 с.
8. Семенова, В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России [Текст] / В.Г. Семенова. – М.: ЦСП, 2005. – 235 с.
9. Шабунова, А.А. Региональный опыт реализации программы модернизации здравоохранения / А.А. Шабунова, Н.А. Кондакова // *Здравоохранение РФ*. – 2014. – № 2. – С. 8-13.
10. Шилова, Л.С. Ресурсы модернизации здравоохранения [Электронный ресурс] / Л.С. Шилова // *ГосБук*. – Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/65985>
11. Blizzard, R. Healthcare System Ratings: U.S., Great Britain, Canada. // *GALLUP*. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/8056/healthcare-system-ratings-us-great-britain-canada.aspx>

Kalashnikov K.N., Kalachikova O.N.

Accessibility and quality of medical service in the context of health care modernization

Konstantin Nikolaevich Kalashnikov – Ph.D. in Economics, Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, konstantino84@mail.ru).

Ol'ga Nikolaevna Kalachikova – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, onk82@yandex.ru).

Abstract. Assessment of access to health care is a complicated scientific and practical problem. The solution can not be limited to formal indicators of state and departmental statistics. Existing solely for the purpose to preserve the citizens' health, the health care system must be based and reconstructed on the opinion of its customers, the territory's residents who receive medical services under the state guarantees program. That is why, the necessary, if not the most important, component to assess the health care access is sociological data analysis.

The Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences has carried out the measurement and analysis of the Vologda Oblast population's estimates of the access to medical services and its quality, provided by regional health institutions. This study is especially important because a number of reforms and the Program of Health Care Modernization have been implemented in the Russian health care over the last years.

The authors have found out that the reforms improved the provision of the medical institutions with equipment, but the problem of staff shortage was not solved. What is more, the region's residents are still concerned about ethics violations, medical workers' rude behavior and difficulty to make an appointment at the doctor's. These problems remain acute.

Key words: Health care modernization; medical aid; access to medical services and its quality; sociological research; Vologda Oblast.

References

1. Balatskii E.V. Zakonomernosti i paradoksy sotsial'noi evolyutsii [Regularities and Paradoxes of Social Evolution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern Times], 2013, no.2, pp. 138-150.
2. Duganov M.D., Kalashnikov K.N. Metodologicheskie podkhody k otsenke effektivnosti regional'nogo zdavookhraneniya [Methodological Approaches to the Estimation of the Regional Public Health Services Efficiency]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011, no.6, pp. 93-105.
3. Kalachikova O.N., Korchagina P.S. Osnovnye tendentsii samosokhranitel'nogo povedeniya nasele-niya regiona [The Main Trends of Self-Preservation Behavior in the Region]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], Vologda: ISERT RAN, 2012, no.5(61), pp. 72-82.
4. Kalashnikov K.N., Kondakova N.A. Rezul'tativnost' programmy modernizatsii zdavookhraneniya: otsenki patsientov i vrachei [The Effectiveness of the Health Care Modernization Program in the Assessments of Patients and Physicians]. *Zdavookhranenie* [Health Care], 2014, no.2, pp. 28-38.
5. Lastochkina M.A. Sotsial'naya zashchishchennost' naseleniya Rossii: obzor issledovaniy poslednikh let [Social security of Russia's population: an overview of the past years studies]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.2, pp. 171-179.

6. Pervichnaya mediko-sanitarnaya pomoshch' segodnya aktual'nee, chem kogda-libo: doklad o sostoyanii zdravookhraneniya v mire, 2008 g [Primary Health Care Is Now More Acute Than Ever: the 2008 Report on the Health Care State in the World]. Geneva: VOZ, 2008. 152 p.
7. Figeras Zh., Makki M., Mossialos E. et. al. *Reforma bol'nits v novoi Evrope* [Reform of the Hospitals in a New Europe]. Translated from English, Moscow: Ves' mir, 2002, 320 p.
8. Semenova V.G. *Obratnyi epidemiologicheskii perekhod v Rossii* [Reverse Epidemiological Transition in Russia]. Moscow: TsSP, 2005. 235 p.
9. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N., Kalachikova O.N. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie territorii* [Public Health and Health Care of the Territory]. Supervised by A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2010. 284 p.
10. Shilova L.S. Resursy modernizatsii zdravookhraneniya. [Resources of Health Care Modernization]. *GosBuk* [State Book]. Available at: <http://www.gosbook.ru/node/65985>
11. Blizzard R. Healthcare System Ratings: U.S., Great Britain, Canada. *Gallup*. Available at: <http://www.gallup.com/poll/8056/healthcare-system-ratings-us-great-britain-canada.aspx>

Основные факторы формирования социокультурной идентичности в условиях незавершенной модернизации (на примере Республики Башкортостан)

**Альфира Раисовна
МАЖИТОВА**

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Государственное бюджетное научное учреждение Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан (450008, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15, каб. 217, institute-sppi@yandex.ru, karagai-kipsak@yandex.ru)

Аннотация. Под влиянием процессов модернизации в российском обществе произошли глубокие и масштабные социокультурные изменения. Согласно результатам исследования, проведенного Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (ЦИСИ ИФ РАН), модернизация как в России в целом, так и в ее отдельно взятых регионах протекает неоднозначно. Республиканские исследования¹ показывают, что индексы и фазовые значения модернизации в Башкортостане ниже, чем в России. Республика наравне с Россией переживает фазу зрелой стадии первичной модернизации. В отношении вторичной модернизации² Россия вступила в фазу высокого среднего развития, а Башкортостан — фазу среднего среднего развития. Процессы интегрированной модернизации в России уже на среднем среднем уровне, в республике — на низком среднем.

Результатом вторичной модернизации является процесс формирования общества, основанного на знаниях, средствах информационных и коммуникационных систем. В результате соединения

¹ Исследование уровня модернизации проводилось согласно инструментарию, разработанному руководителем Центра исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН) профессором Хэ Чуаньци и адаптированному к особенностям российской статистики членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным (ЦИСИ ИФ РАН). Как утверждает профессор Хэ Чуаньци, в развитых странах существуют две различные стадии модернизации: 1) первичная модернизация, соответствующая индустриальной стадии развития общества, началась в Европе в XVIII веке; 2) вторичная модернизация, соответствующая информационной стадии развития общества, основанного на знаниях, началась в США в последней трети XX века. Вторичная модернизация возникла на основе первичной и взаимодействует с ней. Взаимосвязь обеих стадий модернизации и их эволюцию как совокупного целого Хэ Чуаньци называет интегрированной модернизацией.

² Н.И. Лапин считает, что, поскольку Россия в целом и большинство ее регионов относятся к среднеразвитым, целесообразно дифференцировать средний уровень регионов на три подуровня: 1) высокий средний, 2) средний средний, 3) низкий средний.

средств связи, радио, телевидения и компьютера в целостную систему возникло единое социокультурное пространство. Современный человек стал жить в знаково-символическом мире, который во многом определяет его поведение. С этого времени не только человек создает знаки и символы, но и, в некотором смысле, знаки и символы формируют человека.

Если модернизация предполагает переход от традиционного общества к современному информационному, то в сфере культуры – это переход национальной культуры к культуре глобальной. В наши дни массовая культура выступает важнейшим фактором, определяющим образ жизни людей, мировоззрение, привычки, манеры. Под таким воздействием происходит некое усреднение личности, формируется средний человек.

В последние годы растет число людей, отстаивающих право на сохранение и развитие национальной культуры, традиций, народных ремесел. Автор убежден, что именно социокультурная среда, ее инфраструктура (институты семьи, образования, культуры, религии) и родной язык должны стать определяющим фактором позитивной идентификации населения. В условиях модернизации эти институты (их деятельность, функции и роль в обществе) испытывают радикальные изменения. Выдвинутые предположения подкреплены материалами официальной статистики и социологических исследований.

Ключевые слова: модернизация; позитивная идентификация; социокультурная идентичность; социокультурная среда; семья; образование; родной язык; культурный капитал.

Под влиянием модернизационных процессов меняется социокультурное пространство и облик человека. Прежние социальные институты (семьи, образования, религии, культуры и др.) и их структуры подверглись разрушению, изменился привычный образ мира и жизни.

В связи с этим стал актуальным поиск нового мировоззрения, культурной и этнической идентичности. Ученые [6, 8, 18, 19, 20, 21] заговорили о «кризисе идентичности». Кризис предполагает разрыв связей человека с окружающим миром, территорией, слабую включенность в социокультурные и гражданские институты общества.

Российский ученый П.А. Сорокин выделяет в структуре социального взаимодействия три компонента: «личность как субъект взаимодействия; общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и культуру как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти

значения. Ни один из членов этой триады не может существовать без двух других» [16, с. 218].

Процесс модернизации в России еще не завершен. По мнению С. Гаврова, «модернизация в современной России – это, по сути, самовестернизация, которая осуществляется для достижения внутренних целей развития, в том числе для преодоления технологического отставания от западной цивилизации» [2].

Как отмечает член-корреспондент РАН Н.И. Лапин, «Россия имеет возможности в ближайшее десятилетие трансформировать зрелость первичной модернизации в подготовку и начало вторичной модернизации» [12, с. 11]. Башкортостан занимает промежуточное положение между традиционным обществом и информационным.

Формирование информационного общества в Башкортостане носит асинхронный характер, уровень модернизации (степень информатизации, сетевое взаимодействие, доступность знаний, общее высшее образование) неравномерно распределен по региону.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «В чем, по Вашему опыту, состоят особенности нашей республики, её привлекательные черты?»

Вариант ответа	Доля, %
Красивая природа	76,7
Добрые, душевные люди	36,2
Это регион, перспективный для жизни	14,6
Здесь много возможностей для инициативных людей	7,7
Другое	0,9
Затрудняюсь ответить	8,6
Отказ от ответа	1,5

Безусловным, узнаваемым брендом республики считается не только её богатая, уникальная природа, а также башкирский мёд, национальный музыкальный инструмент курай, но и её многонациональность.

Вышесказанное подтверждается результатами опроса³: основная масса респондентов в числе привлекательных сторон республики рассматривает красивую природу (76,7%), добрых, душевных людей (36,2%) и перспективность (14,6%), многообразные возможности для роста инициативы (7,7%) и др. (табл. 1).

Результаты исследования⁴, проведенного среди молодежи, демонстрируют, что

³ Социологическое исследование «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан». Объем выборки – 1 292 человека населения Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону РБ с квотированием на этапе отбора домохозяйства по полу, возрасту, национальности, уровню образования. Метод исследования – личное интервью по месту жительства. Метод обработки информации – программный пакет для статистической обработки данных. Сроки полевых работ: 23 мая – 20 декабря 2011 года. Исследование проведено ИСППИ АН РБ.

⁴ Данные социологического исследования «Духовно-нравственное, патриотическое и физическое воспитание и организация доступного культурного досуга молодежи Республики Башкортостан», проведенного ИСППИ АН РБ. Выборка вероятностная, стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону РБ. Объем выборки – 1445 чел., из них опрошено в образовательных учреждениях: НПО – 410 чел., СПО – 414 чел., ВПО – 621 чел. Метод сбора социологической информации – анонимный анкетный опрос по месту учебы. Метод обработки информации – программный пакет для статистической обработки данных SPSS. Сроки полевых работ: 12–23 ноября 2011 г. Рук. проекта – к.соц.н. Р.М. Валиахметов.

чувство гордости у неё вызывает в первую очередь природа республики (80%), далее – богатая история (38,8%) и такие «символы» Башкортостана, как нефтяная промышленность (31,3%), мед и кумыс (30,6%), а также сохранение традиций (30%) (табл. 2).

Учитывая то, что по результатам опроса⁵ наибольший интерес у молодежи вызывают современная жизнь, экономическое развитие и природа (рисунок), полагаем, что социокультурная идентичность подрастающего поколения может быть сформирована на основе регионального патриотизма, достижений экономики и экологического концепта.

Башкортостан демонстрирует сегодня достаточно успешную модель сосуществования культурного многообразия, в рамках которого в основном созданы оптимальные условия для развития самых разных этнокультур и религий. Несмотря на наличие определенных проблем, которые свойственны любому мультикультурному пространству, в целом в республике удастся избежать обострения межэтнических противоречий или каких-либо форм культурной дискриминации.

Судя по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Башкортостане проживают представители 160 национальностей и 13 входящих в них этнических

⁵ Данные социологического исследования «Духовно-нравственное, патриотическое и физическое воспитание и организация доступного культурного досуга молодежи Республики Башкортостан».

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, чем в Башкортостане можно гордиться в первую очередь?», %

Вариант ответа	Доля, %*
Природа республики	79,5
Богатая история республики	38,8
Нефтяная промышленность	31,3
Мед и кумыс	30,6
Сохранение традиций	30,0
Достижения спортсменов	20,4
Отношения между людьми	17,6
Башкирская кухня	14,0
Народная музыка и искусство	12,6
Современная литература и искусство	3,8

* Доля ответов по столбцу в сумме составляет более 100%, так как вопрос предполагал несколько вариантов ответа.

Приоритетные интересы молодежи в изучении Башкортостана, %

Источник: данные социологического исследования «Духовно-нравственное, патриотическое и физическое воспитание и организация доступного культурного досуга молодежи Республики Башкортостан».

групп [1]. Наиболее многочисленными этносами республики являются русские, башкиры и татары, соответственно, этноконфессиональная структура населения складывается из приверженцев ислама (башкиры и татары) и православия (русские).

В последние десятилетия возродилась и имеет тенденцию к распространению духовно-интегрирующая социальная функция религии, подорванная за годы советской власти. Религия активно проникает

в массовое сознание, повышается роль религиозных учреждений в государстве.

Все это отражается на религиозной идентификации личности. Согласно результатам опроса, 79% опрошенных считают себя верующими (включая скорее верующих, чем неверующих).

Необходимо отметить, что из года в год увеличивается число религиозных учреждений. Так, если в 2008 г. их было зарегистрировано 757 [10, с. 111], то на конец 2012 г. – 1090 [11, с. 95].

Башкортостан является регионом с высоким уровнем этноконфессиональной толерантности, низким уровнем напряжения и конфликтов на религиозной почве. Согласно итогам социологического исследования⁶, респонденты чувствуют себя наиболее защищенными (включая, пожалуй, защищенных) от притеснений из-за религиозных убеждений (58,6%), ущемления из-за национальности (58,1%), притеснений из-за возраста или пола (54,3%).

Наибольшую обеспокоенность вызывает чувство незащищенности от преступности (42,5%), бедности (39,7%), произвола чиновников (34,7%), правоохранительных органов (31,8%) и от экологической угрозы (31,8%).

Если человеческое развитие – это процесс предоставления людям более широкого выбора социокультурного самоопределения личности, то важной составляющей человеческого потенциала является социокультурная свобода, которая помогает индивиду определить свою идентичность.

Согласно данным исследования⁷, для большинства респондентов наиболее зна-

чимая идентификация с ближайшим окружением (семьей) – 57,5%. Существенная часть опрошенных описывают себя как человека, индивида и личность (44,6%) через призму личностных качеств (37,1%), профессиональной (33,7%) и гендерной принадлежности (30,6%). Региональная идентичность для опрошенных оказалась актуальнее, чем этническая (13,2 и 4,3% соответственно; табл. 3).

Результаты опроса показывают, что для наиболее значимой части опрошенных характерна гражданская идентичность (74,5%; табл. 4). Чувство близости с россиянами наиболее ярко выражено у русских (80,2%), башкир (72,8%) и татар (70,6%).

Каждому второму информанту-участнику близка республиканская идентичность. Этническая идентичность в республике занимает пятое место, она сильнее актуализирована у башкир (51,9%) в сравнении с татарами (43,3%) и русскими (41,4%). Таким образом, у коренного народа в высокой степени представлена сопряженность со своей этнической группой и республикой.

Таблица 3. Как бы Вы ответили на вопрос «Кто я?». Напишите, пожалуйста, не задумываясь, 5 слов, которые первыми приходят Вам в голову

Вариант ответа	Доля, %*
Осознание себя в соответствии со своей ролью в семье	57,5
Осознание себя как человека, индивида, личности	44,6
Осознание себя через личностные качества, черты характера	37,1
Осознание себя как человека определенной профессии, рода деятельности	33,7
Осознание себя с точки зрения половой принадлежности	30,6
Осознание себя как гражданина определенной страны, жителя какой-либо местности	13,2
Осознание себя как представителя определенной национальности	4,3
Осознание себя как представителя определенной религии	1,0
Осознание себя как представителя определенной эпохи, поколения	0,3
Другое	17,0
Затрудняюсь ответить	3,4
Отказ от ответа	1,2
* Доля ответов по столбцу в сумме составляет более 100%, так как вопрос предполагал несколько вариантов ответа.	

⁶ Социологическое исследование «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан».

⁷ Там же.

Таблица 4. О каких из перечисленных групп Вы можете сказать «Это – мы»? Определите степень близости к ним по шкале «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю» (доля, %)

Шкала	Люди, строго соблюдающие законы	Граждане России	Люди того же достатка, что и Вы	Люди той же национальности	Земляки	Жители Вашего города, села	Люди той же веры, вероисповедания, что и Вы	Люди той же профессии, занятия, что и Вы	Европейцы	Люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы
В значительной степени	50,5	74,4	35,5	45,4	57,9	58,0	37,3	33,5	18,0	35,8
В небольшой степени	36,9	20,9	46,4	42,8	33,5	33,5	46,9	45,8	34,5	43,6
Не ощущаю близости	12,6	4,8	18,1	11,7	8,6	8,5	15,8	20,7	47,5	20,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные социологического исследования «20 лет реформ в России глазами жителей Республики Башкортостан».

Жизненные ориентиры, духовно-нравственные идеалы, навыки родной речи человек усваивает в семейном кругу. Воспринимая всё культурное наследие, которым располагает общество, семья под воздействием культурно-бытовых изменений и устоявшихся традиций создает свою культурную среду, жизненные установки каждого ее члена, формирует основу для этнического и национального самосознания, языка, норм поведения. Однако в XXI веке роль семьи и ее социализирующая функция трансформируются. Одна из причин – занятость родителей на работе, что снижает непосредственное общение детей и родителей.

В информационном обществе знание английского языка является необходимым условием для успешного ведения бизнеса, научного исследования, социальной адаптации. С языком приходит определенная культура и видение мира. Человек мыслит, чувствует, живет исключительно в языке и должен быть сформирован, прежде всего, благодаря языку. Язык способствует формированию определенного «взгляда» на мир, присущего той или иной нации. Род-

ной язык позволяет сформировать чувство сопричастности к истории своего народа, этническую и культурную идентичность. Человек, чуждый народным истокам, глухой к отечественной культуре, не способен воспринять и мировой опыт.

Так, согласно данным социологов⁸, навыки родной речи основная доля опрошенных получили в родном доме (90%), школе (7%) и детском саду (2,3%). При этом большинство респондентов (70,4%) дают высокую оценку работе родителей в приобщении к родному языку. Несмотря на относительно высокий уровень общения в семьях на родном языке, из поколения в поколение и в направлении к мегаполису этот уровень снижается.

⁸ Социологическое исследование «20 лет реформ в России глазами жителей Республики Башкортостан». Объем выборки составил 2014 человек в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка случайно-вероятностная, стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Метод исследования – личное интервью по месту жительства. Сроки полевых работ: апрель – май 2011 г. Исследование проведено ИС РАН, ИСППИ АН РБ. Руководитель проекта – к.соц.н. Р.М. Валиахметов.

Результатом становления вторичной модернизации является общее высшее образование. Уровень образованности населения, наряду с уровнем жизни и долголетием, служит базовым показателем для оценки индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)⁹.

Кроме того, индекс знания наравне с другими показателями является основным для расчета индикаторов модернизации по странам мира (ЦИМ КАН) и России (ЦИСИ ИФ РАН). Таким образом, образование как общечеловеческая ценность и его институты играют огромную роль в процессе формирования социокультурной идентичности.

Население республики обладает высоким образовательным уровнем. Об этом свидетельствуют данные Всероссийской переписи населения 2010 г. в сравнении с данными переписи 2002 г. Причины положительной динамики образовательного уровня населения, по исследованиям Башкортостанстата, связаны с требованиями конкурентоспособности на рынке труда, изменением уровня жизни, уходом из жизни поколения, которое по объективным причинам имело более низкий уровень образования [17, с. 3-4].

В рейтинге по ИРЧП среди субъектов России республика заняла в 1999 г. 5-е место [3, с. 82], в 2006 г. – 9-е [4, с. 198] и в 2013 г. – 18-е [5, с. 150]. Лидирующие позиции республики были вызваны высоким индексом развития образования (ИРО). Однако из года в год этот показатель имеет отрицательную динамику: 1999 г. – 0,935, 2006 г. – 0,901 и 2010 г. – 0,832.

⁹ Индекс, публикуемый в рамках Программы развития ООН в отчетах о развитии человеческого потенциала, был разработан в 1990 году группой экономистов во главе с пакистанцем Махбубом-уль-Хаком. Однако концептуальная структура индекса создана благодаря работе Амартии Сена. Индекс публикуется ООН в ежегодном отчете о развитии человеческого потенциала с 1990 года. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения: 25.11.2013.)

Как известно, ценность образования и интерес к науке в 1990-е годы, период модернизации, упали. Но в последнее время наметился позитивный сдвиг в целевых ориентациях, повышении ценностей образования, прежде всего высшего профессионального, в сознании населения, о чем свидетельствуют уменьшение количества поступающих в начальные и средние профессиональные учебные заведения и его увеличение в вузах.

Не бесследным оказалось влияние модернизационных процессов на деятельность региональных культурных институтов, которые играют важную роль в формировании идентичности личности.

В республике ведется активная работа по строительству и реконструкции театров, музеев, торгово-развлекательных центров, в первую очередь в крупных городах, и появляется больше возможностей для проведения свободного времени. Тем не менее досуг обычно подчинен потребительской форме, особенно у молодежи, и проходит в пассивной форме. Как показывает практика, демонстрируемая культура вестернизирована (т.е. унифицирована).

Общее падение уровня и качества жизни и экономические трудности переходного периода существенно сократили возможности населения в потреблении культурного капитала¹⁰, особенно в сельских поселениях. Необходимо отметить, что в использовании культурных ресурсов сложились глубокие различия между городом и деревней.

Стремительное развитие средств массовой коммуникации и Интернета, широкое распространение электронных книг привели к сокращению числа библиотек, прежде всего в городе (в 2 раза). Согласно целевой программе, индекс готовности

¹⁰ Культурный капитал человека складывается в процессе чтения книг, посещения музеев, театров, концертов, в ходе межличностного общения.

республики к информационному обществу на уровне Российской Федерации определяется 51-м местом, Приволжского федерального округа (ПФО) — 10-м местом [9].

Как известно, различия в условиях жизни и уровне доходов городских и сельских жителей обуславливают различную степень их обеспеченности персональным компьютером и Интернетом дома.

Так, сельская местность заметно отстает от уровня города и по наличию компьютеров, и по доступу к Интернету с домашнего компьютера. Поэтому библиотеки больше востребованы на селе: с 1990 по 2012 год их количество увеличилось с 1502 [10, с. 98] до 1557 [11, с. 83], а число читателей стабильно сохраняется на уровне 1 млн. 100 тыс. человек (за этот период в городе наблюдается его снижение с 1 млн. 200 тыс. человек до 900 тыс. человек).

Согласно данным социологических исследований¹¹, основная масса опрошенных посещают библиотеки раз в год и реже и в направлении к мегаполису эта цифра уменьшается.

В условиях коренных преобразований региональные издательства испытывают трудности с выпуском печатной продукции. Если с 1990 по 2011 год издание книг и брошюр сократилось в 3,5 раза, то выпуск газет, журналов в расчете на 1000 человек населения в год возрос в 3,7 раза [10, с. 109; 11, с. 93]. Необходимо отметить, что национальные издания составляют значительный сегмент медийного пространства Башкортостана. Так, печатные издания выходят на русском, башкирском, татарском, марийском, чувашском, удмуртском языках.

Таким образом, в условиях быстрого развития информационных и коммуникационных технологий предъявляются новые требования к культурным институтам.

¹¹ Социологическое исследование «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан».

В последние годы возрос интерес к изучению истории родного края, города, исследованию родословных, активизировалась работа историков и краеведов из села, что привело к увеличению числа посетителей музеев. Посредством государственной поддержки на протяжении последних семнадцати лет в республике удалось не только сохранить, но и существенно увеличить количество музеев.

Общее число спектаклей в театрах уже вышло на уровень советского времени после значительного падения постановочной активности театров в годы коренных преобразований. Если в 1990 г. на 1000 населения приходилось 306 посещений театров, то в 2012 г. — 220 [10, с. 105; 11, с. 90]. Это означает, что даже при активизации театральной деятельности и увеличении числа театров залы, тем не менее, пустеют.

Несмотря на то, что уровень потребления кинопродукции в настоящее и советское время различается, в последние годы наметился его некоторый рост, затронувший пока только города. Приход в республику крупных кинопрокатных компаний несколько оживил кинопоказ в городах, постепенно посещение кинотеатров опять возвращается в образ жизни горожан, особенно среди молодежи и обеспеченных слоев. На селе картина иная: из-за сокращения киноустановок основным занятием большей части населения (72,5%) в свободное время и единственной возможностью приобщиться к современному киноискусству остается телевизор¹².

Результаты социологических исследований подтверждают тот факт, что основная масса опрошенных посещают учреждения

¹² Данные социологического исследования «20 лет реформ в России глазами жителей Республики Башкортостан».

Таблица 5. Как часто Вы посещали в последний год учреждения культуры? (доля, %)

Частота посещений	Библиотека	Театр	Цирк	Музей	Стадион	Дисотека	Кинотеатр
Раз в неделю	4,4	0,2	0,2	0,0	1,5	3,3	2,2
1-3 раза в месяц	7,8	3,2	0,8	1,2	3,4	11,6	10,3
1-3 раза в полгода	8,2	13,1	5,4	6,3	9,8	5,2	16,3
Раз в год и реже	27,5	30,1	30,4	31,9	25,9	30,7	21,7
Затрудняюсь ответить	38,1	38,7	45,5	43,5	42,2	36,4	33,9
Отказ от ответа	14,1	14,7	17,8	17,1	17,2	12,8	15,6
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные социологического исследования «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан».

Таблица 6. Число спортивных сооружений (на конец года) в регионах ПФО

Территория	Стадионы с трибунами на 1500 мест и более				Плоскостные спортивные сооружения (площадки и поля)				Спортивные залы				Плавательные бассейны			
	1995	2000	2005	2010	1995	2000	2005	2010	1995	2000	2005	2010	1995	2000	2005	2010
Приволжский федеральный округ	459	436	431	414	26088	25703	29221	30955	13404	14092	15626	17884	543	549	650	981
<i>Республика Башкортостан</i>	41	43	39	36	3692	4351	5104	5579	1997	2213	2420	3367	57	102	108	159
Республика Марий Эл	4	7	5	10	1157	919	947	954	334	352	360	400	20	23	24	32
Республика Мордовия	15	17	15	22	1506	1234	1571	1234	454	466	539	560	26	14	17	23
Республика Татарстан	28	34	35	40	2228	3512	4246	4661	1556	1679	1842	1935	57	68	100	150
Удмуртская Республика	14	19	24	35	440	656	864	1260	571	658	733	1020	26	31	40	56
Чувашская Республика	7	8	10	11	1666	1685	2068	2210	584	632	682	714	35	38	38	61
Пермский край	40	35	35	34	1669	1680	2305	2204	1159	1137	1172	1528	48	39	70	67
Кировская область	39	30	27	28	1833	889	978	1003	808	803	1394	1287	26	14	23	24
Нижегородская область	67	66	70	60	2386	2305	2453	2530	1282	1334	1375	1497	50	43	49	132
Оренбургская область	32	36	40	28	2223	2050	2286	2490	1042	1067	1126	1173	47	55	54	58
Пензенская область	37	31	26	25	1951	1765	1989	2060	661	678	764	822	42	35	40	68
Самарская область	46	46	42	40	2018	1896	1927	1971	1165	1192	1328	1356	47	45	50	65
Саратовская область	51	35	34	27	2507	2041	1515	1614	1143	1207	1161	1457	31	16	17	51
Ульяновская область	38	29	29	18	812	720	968	1185	648	674	730	768	31	26	20	35

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. - М., 2010. - С. 353.

культуры, в том числе музеи и стадионы раз в год и реже (табл. 5).

Как отмечает Н.И. Лапин, «в рейтинге первичной стадии всемирной модернизации Россия в 2010 г. находилась на 41 месте (среди 131-й страны), ее индекс достиг 99,9 балла (не 100% – из-за недостаточной продолжительности жизни населения» [12, с. 8]. Материалы официальной статистики показывают, что продолжительность жизни населения в регионе имеет положительную динамику: в 2000 г. – 66,7 года [13, с. 85] и 2011 г. – 69,04 [15, с. 83].

Как необходимо подчеркнуть, приоритетным направлением в области здоровьесбережения является развитие инфраструктуры здравоохранения. Устойчиво развивается инфраструктура физкультуры и спорта. По числу спортивных сооружений Башкортостан отстает от других регионов Приволжского федерального округа (ПФО) только по числу стадионов с трибунами на 1500 мест и более. По числу спортивных площадок и полей, залов и бассейнов республика занимает лидирующие позиции (табл. 6).

Таким образом, исследования показывают, что модернизация в России не завершена. Стремление к формированию общества знаний (информационного) предполагает развитие сферы услуг, инноваций, всеобщую информатизацию, равновесие между урбанизированной и аграрной сферами, доступность общего высшего образования. Этим требованиям Башкортостан отвечает лишь отчасти. В условиях незавершенности модернизации в обществе необходимо принимать меры, направленные на развитие человеческого потенциала.

Учитывая результаты опроса¹³, органам власти, образовательным и культурно-духовным учреждениям необходимо в

своей работе активно использовать региональный компонент, а также достижения в науке и экономике.

На основании вышеизложенного можно прийти к заключению о том, что социокультурная идентичность населения должна быть сформирована исходя из историко-культурных, природных, этноконфессиональных особенностей региона, как это делают страны Юго-Восточной Азии, придерживающиеся принципа: «Думай глобально, действуй локально». Эти страны сумели сохранить свою этническую идентичность в условиях всеобщих объединительных и унифицирующих процессов.

Литература

1. В Башкирии проживают представители 160 национальностей и 13 этнических групп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/freid_psihologiyamass/ (дата обращения: 1.12.2013), www.bashinform.ru
2. Гавров, С. Модернизация России: постимперский транзит [Электронный ресурс] / С. Гавров. – Режим доступа: www.biblioteka.ru/gavrov-3/2.htm (дата обращения: 17.03.2014).
3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год / под общ. ред. проф. С.Н. Бобылева. – М.: ИнтерДиалект+, 2002. – 120 с.
4. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год / под общ. ред. А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. – М.: Сити-Принт, 2009. – 208 с.
5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / под общ. ред. С.Н. Бобылева / дизайн-макет, допечатная подготовка, печать ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с.
6. Заковоротная, М.В. Идентичность человека социально-философские аспекты [Электронный ресурс] / М.В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра Высшей школы, 1999. – 200 с. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/> (дата обращения: 09.07.2010).
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bashstat.ru/perepis2010.pdf> (дата обращения: 20.11.2013).
8. Кара-Мурза, А.А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления [Электронный ресурс] / А.А. Кара-Мурза // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М.: ИФРАН, 1998. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/iphras/library/reform/06.htm> (дата обращения: 12.12.2013).
9. Концепция долгосрочной целевой программы «Развитие информационного общества в Республике Башкортостан на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. – http://www.pravitelstvorb.ru/regulatory/programs/development_of_information_society_in_the_republic_of_b.php?clear_cache=Y (дата обращения: 19.03.2014).
10. Образование и культура в Республике Башкортостан: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2008. – 112 с.
11. Образование и культура в Республике Башкортостан: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2013. – 96 с.

¹³ Данные опроса «Духовно-нравственное, патриотическое и физическое воспитание и организация доступного культурного досуга молодежи Республики Башкортостан».

12. Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». – Уфа: Гилем, 2012. – 472 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 991 с.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 333.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.
16. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл.: А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
17. Статистический аспект уровня образования населения Республики Башкортостан. – Уфа: Башкортостанстат, 2010. – 33 с.
18. Федотова, Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации [Электронный ресурс] / Н.Н. Федотова // Человек. – 2003. – №6. – Режим доступа: <http://www.globalculture.ru/filosofija-globalizacii/n-n-fedotova-krizis-identichnosti-v-uslovijah.html> (дата обращения: 3.12.2013).
19. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» [Электронный ресурс] / З. Фрейд. – М.: Изд-во «Современные проблемы», Н.А. Столяр, 1926. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/freid_psihologiyamass/ (дата обращения: 1.12.2013).
20. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – №10. – С. 112-123.
21. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

Mazhitova A.R.

Main factors in the formation of socio-cultural identity under the conditions of incomplete modernization (case study of the Republic of Bashkortostan)

Al'fira Raisovna Mazhitova – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Associate, State-Financed Scientific Institution “the Institute of Socio-Political and Law Research of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan” (15, Kirov Street, Office 217, Ufa, 450008, Russia, institute-sppi@yandex.ru, karagai-kipsak@yandex.ru)

Abstract. Modernization caused deep and extensive socio-cultural changes in the Russian society. According to the research conducted by the Centre for the Study of Social and Cultural Change of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, modernization processes in Russia are different on the national and regional levels. The republic studies show that indexes and phase values of modernization in the Republic of Bashkortostan are lower than in Russia as a whole. Like Russia, the Republic is now in the phase of mature primary modernization. With regard to secondary modernization, Russia has entered the phase of high medium development and Bashkortostan – a phase of medium medium development. The processes of integrated modernization in Russia are already at the medium medium level, in the Republic – at the low medium level.

The secondary modernization leads to the formation of the society that is based on knowledge, and on information and communication systems. Combining the means of communication, radio, television and computer in a coherent system resulted in emergence of a single socio-cultural space. Modern people live in a world of signs and symbols, which largely determine their behavior. Since that time it is not only people that create signs and symbols, but, in a sense, it is the signs and symbols that form people.

If modernization implies the transition from a traditional society to a modern information society, then in the field of culture it is the transition from a national culture to the global culture. Currently, mass culture is the major factor determining people's way of life, outlook, habits and behavior. Such influence aligns the personality in a way, and forms an average individual.

Recent years have seen the increase in the number of people advocating the preservation and development of national culture, traditions, folk crafts and the sense of uniqueness of the nation.

The author is convinced that it is the socio-cultural environment and its infrastructure (family, education, culture, religion, etc.) and mother tongue that should become crucial factors in the positive identification of the population. In the conditions of modernization these institutions (their activity, functions and role in the society) experience radical changes. The proposed assumptions are supported by the materials of official statistics and sociological research.

Key words: modernization; positive identification; social and cultural identity; socio-cultural environment; family; education; mother tongue; cultural capital.

References

1. *V Bashkirii prozhivayut predstaviteli 160 natsional'nostei i 13 etnicheskikh grupp* [There Are Representatives of 160 Nationalities and 13 Ethnic Groups in Bashkortostan]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/freid_psihologiyamass/ (data obrashcheniya: 1.12.2013), www.bashinform.ru
2. Gavrov S. *Modernizatsiya Rossii: postimperskii tranzit* [Modernization of Russia: Post-Imperial Transit]. Available at: www.bibliotka.ru/gavrov-3/2.htm (accessed March 17, 2014).
3. *Doklad o razviti chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2001 god* [The Report on Human Potential Development in the Russian Federation for 2001]. Under the general editorship of Professor S.N. Bobylev. Moscow: InterDialekt+, 2002. 120 p.
4. *Doklad o razviti chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2008 god* [The Report on Human Potential Development in the Russian Federation for 2008]. Under the general editorship of A.G. Vishnevskii and S.N. Bobylev. Moscow: Siti-Print, 2009. 208 p.
5. *Doklad o chelovecheskom razviti v Rossiiskoi Federatsii za 2013 g.* [The Report on Human Development in the Russian Federation for 2013]. Under the General Editorship of S.N. Bobylev. OOO "RA IL'F", 2013. 202 p.
6. Zakovorotnaya M.V. *Identichnost' cheloveka sotsial'no-filosofskie aspekty* [Socio-Philosophical Aspects of Human Identity]. Rostov-on-Don: Izd-vo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra Vyshei shkoly, 1999. 200 p. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/> (accessed July 09, 2010).
7. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda po Respublike Bashkortostan* [The Results of the 2010 All-Russia Population Census in the Republic of Bashkortostan]. Available at: <http://www.bashstat.ru/perepis2010.pdf> (accessed November 20, 2013).
8. Kara-Murza A.A. *Krizis identichnosti v sovremennoi Rossii: vozmozhnosti preodoleniya* [Crisis of Identity in Contemporary Russia: Possibilities of Overcoming]. *Reformatorskie idei v sotsial'nom razviti Rossii* [Reformist Ideas in the Social Development of Russia]. Moscow: IFRAN, 1998. Available at: <http://philosophy.ru/iphlas/library/reform/06.htm> (accessed December 12, 2013).
9. *Kontseptsiya dolgosrochnoi tselevoi programmy "Razvitie informatsionnogo obshchestva v Respublike Bashkortostan na 2012–2017 gody"* [The Concept for the Long-Term Target Program "Development of the Information Society in the Republic of Bashkortostan for 2012–2017"]. Available at: http://www.pravitelstvorb.ru/regulatory/programs/development_of_information_society_in_the_republic_of_b.php?clear_cache=Y (accessed March 19, 2014).
10. *Obrazovanie i kul'tura v Respublike Bashkortostan: stat. sb.* [Education and Culture in the Republic of Bashkortostan: Statistical Digest]. Ufa: Bashkortostanstat, 2008. 112 p.
11. *Obrazovanie i kul'tura v Respublike Bashkortostan: stat. sb.* [Education and Culture in the Republic of Bashkortostan: Statistical Digest]. Ufa: Bashkortostanstat, 2013. 96 p.

12. *Problemy modernizatsii v sotsiokul'turnykh portretakh regionov Rossii: sbornik materialov VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po programme "Sotsiokul'turnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov"* [Modernization Issues in the Socio-Cultural Portraits of Russia's Regions: Proceedings of the 8th All-Russian Research-to-Practice Conference "Socio-Cultural Evolution of Russia and Its Regions]. Ufa: Gilem, 2012. 472 p.
13. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2007: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2007: Statistical Digest]. *Rosstat*. Moscow, 2007. 991 p.
14. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2010: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2010: Statistical Digest]. *Rosstat*. Moscow, 2010. P. 333.
15. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2012: Statistical Digest]. *Rosstat*. Moscow, 2012. 990 p.
16. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [People. Civilization. Society.]. Translated from English. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p.
17. *Statisticheskii aspekt urovnya obrazovaniya naseleniya Respubliki Bashkortostan* [The Statistical Aspect of the Level of Education in the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Bashkortostanstat, 2010. 33 p.
18. Fedotova N.N. *Krizis identichnosti v usloviyakh globalizatsii* [The Crisis of Identity in the Conditions of Globalization]. *Chelovek* [Man], 2003, no.6. Available at: <http://www.globalculture.ru/filosofija-globalizacii/n-n-fedotova-krizis-identichnosti-v-uslovijah.html> (accessed December 03, 2013).
19. Freid S. *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo "Ya"* [Group Psychology and the Analysis of the Ego]. Moscow: Izd-vo "Sovremennye problemy", N.A. Stolyar, 1926. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/freid_psihologiyamass/ (accessed December 01, 2013).
20. Höfle V. *Krizis individual'noi i kollektivnoi identichnosti* [Individual and Collective Identity Crises]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1994, no.10, pp. 112-123.
21. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p.

Мониторинговое исследование качества работы с одаренными школьниками в регионах РФ

**Александр Вячеславович
ЧЕГОДАЕВ**

кандидат физико-математических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, Cheg_al@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены результаты исследования уровня качества работы с талантливыми школьниками в субъектах Российской Федерации. В представленных материалах показано, что особое внимание поиску и развитию таких детей должно быть уделено на региональном и муниципальном уровне. Предложена авторская методика расчета интегрального индекса качества работы с одаренными школьниками региональных образовательных систем. Показана значительная дифференциация по этому показателю российских территорий. Наибольшее значение индекса зафиксировано в Приволжском (средний рейтинг равен 0,499) и Центральном (0,480) федеральных округах. Самый низкий средний рейтинг оказался у субъектов Северо-Кавказского (0,303) и Дальневосточного (0,358) округов.

Ранжирование по индексу качества работы с одаренными школьниками позволило разделить регионы на 5 групп. Вологодская область вошла в группу с уровнем качества работы с одаренными школьниками выше среднего, заняв 22-е место в стране и 5-е — в Северо-Западном федеральном округе. Наибольшие успехи область имеет по блоку показателей «олимпиадное движение» (6-е место среди субъектов РФ). По ряду индикаторов результаты региона оказались ниже предельных показателей.

Для анализа динамики интегрального индекса качества работы с одаренными школьниками за 2012–2013 гг. была проведена перекрестная группировка регионов по уровню и темпам роста (снижения) интегрального индекса. Вологодская область вошла в группу регионов с низкими темпами роста интегрального индекса (94%), что создает риск снижения качества работы с одаренными школьниками.

Сформулированы основные причины снижения интегрального индекса, а также предложения по повышению качества работы с одаренными школьниками.

Ключевые слова: образование, одаренные школьники, интегральный индекс, динамика развития образования, олимпиады школьников.

В настоящее время обращение к проблеме системной работы с одаренными детьми на уровне государства обусловлено переменами, происходящими в социально-экономическом развитии страны. Важнейшим условием её инновационного развития является интеллектуализация человеческого капитала [13].

В связи с этим одной из приоритетных задач государственной политики России в сфере образования является создание условий для развития одарённых детей и молодёжи. Актуальность данного направления подчеркивается в таких документах федерального уровня, как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р), Национальная образовательная стратегия-инициатива «Наша новая школа», «Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов».

На совместном заседании президиумов Государственного совета, Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию, состоявшемся 22 апреля 2010 г., отмечалась необходимость формирования общенациональной системы поиска и развития талантливых детей и молодёжи. При этом особое внимание было обращено на региональные и муниципальные звенья системы. Подчеркнуто, что именно на уровне регионов должны быть разработаны механизмы выявления талантливых детей, системы мониторинга, стимулирования и поощрения их творческого развития, а также поддержки учителей и преподавателей, добившихся особо значимых успехов в подготовке одарённых детей и молодёжи [5]. В контексте этого актуальной становится оценка тенденций развития работы с интеллектуально

одаренными детьми на региональном уровне, что и является целью настоящего исследования. Данная цель конкретизирована в следующих задачах:

- выявление показателей, которые определяют результативность работы с одарёнными учащимися;
- определение фактического уровня и анализ динамики качества работы с одарёнными детьми;
- исследование зависимости между отдельными показателями, определяющими уровень работы с одаренными школьниками;
- прогнозирование развития выявленных тенденций в работе с одарёнными детьми.

В 2013 году сотрудниками Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) было проведено мониторинговое исследование развития сферы образования в России [4], в котором в набор индикаторов были включены некоторые показатели, характеризующие уровень поддержки талантливой молодёжи. Однако исследования, целенаправленно посвященные качеству работы с одаренными детьми в региональных образовательных системах, на данный момент отсутствуют.

Данная статья является первой попыткой системного подхода к оценке такой работы в субъектах РФ. В соответствии с определением одаренности, предложенным авторами отечественной «Рабочей концепции одарённости» (В.Д. Шадриков, Д.Б. Богоявленская и др.), мы рассматриваем одарённость как системное качество человека, развивающееся в процессе его жизнедеятельности и определяющее возможность достижения им выдающихся результатов в ценных для общества видах деятельности [3].

Одаренный ребенок — это ребенок, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности.

Алгоритм проведения мониторингового исследования включает следующие этапы:

- определение показателей и разработку инструментария исследования;
- обработка данных, полученных в ходе исследования;
- анализ полученных данных, на основании которого формулируются предложения о повышении качества работы с одаренными школьниками.

При выборе индикаторов оценки качества работы с одаренными школьниками был проведен анализ нормативно-правовых документов, определяющих стратегическое развитие данного направления на федеральном и региональном уровне. В результате сформирован перечень из 9

показателей, данные по которым взяты из таких открытых источников, как: Комплексная программа модернизации образования (КПМО) «Наша новая школа»; официальный информационный портал Единого государственного экзамена; официальный сайт Всероссийской олимпиады школьников; Олимпиадный рейтинг школ Российского союза ректоров [7, 8, 9, 16]. Оценка динамики качества работы с одаренными школьниками проведена за 2012–2013 гг. Включить более ранние периоды не позволило отсутствие данных по некоторым показателям. Дело в том, что КПМО «Наша новая школа» начала реализовываться с 2010 г. и первые два года мониторинга в набор показателей вносились изменения.

Отобранные показатели были объединены в три тематических блока. Перечень и характеристика индикаторов, вошедших в блоки, приведены в *таблице 1*. Удельный вес, по умолчанию, вычислялся от общего числа школьников региона.

Таблица 1. Показатели оценки качества работы с одаренными школьниками в регионах РФ

№ п/п	Показатель	Единица измерения
<i>Олимпиадное движение</i>		
1.	Удельный вес победителей и призеров заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников	%
2.	Удельный вес победителей и призеров олимпиад, проводимых под эгидой Российского Совета олимпиад школьников	%
3.	Удельный вес учащихся 5–11 классов, принявших участие в школьном этапе Всероссийской олимпиады школьников (в общей численности учащихся 5–11 классов)	%
<i>Результаты учебной деятельности</i>		
4.	Удельный вес выпускников, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании для награжденных золотой и серебряной медалью	%
5.	Удельный вес участников ЕГЭ, получивших 100 баллов на ЕГЭ по отдельным предметам	%
<i>Поддержка и сопровождение талантливых школьников</i>		
6.	Удельный вес выпускников 11 классов, обучавшихся в классах с углубленным или профильным изучением отдельных предметов (в общей численности выпускников 11 классов)	%
7.	Удельный вес обучающихся, которым созданы условия для занятий творчеством	%
8.	Удельный объем финансовых средств, целенаправленно выделенных на поддержку одаренных детей и талантливой молодежи из регионального бюджета	руб. на чел.
9.	Удельный вес тех обучающихся в общеобразовательных учреждениях, которым оказана поддержка в рамках программ поддержки одаренных детей и талантливой молодежи на региональном уровне	%

1. *Олимпиадное движение.* Предметные школьные олимпиады рассматриваются в качестве одного из наиболее эффективных методов выявления одарённых молодых людей. Председатель Российского совета олимпиад школьников академик В.А. Садовничий отмечает их высокую значимость как инструмента укрепления интеллектуальной конкурентоспособности России [6]. В данном блоке показатели отдельно выделены индикаторы, определяющие эффективность участия школьников регионов во Всероссийской олимпиаде школьников и олимпиадах, проводимых Союзом ректоров. Различия данных олимпиад носят идеологический и инструментальный характер. Всероссийская олимпиада школьников включает в себя 4 этапа и характеризует как массовость олимпиадного движения (удельный вес учащихся 5–11 классов, принявших участие в школьном этапе Всероссийской олимпиады школьников), так и уровень работы с наиболее талантливыми школьниками (общее число победителей и призеров порядка 1,5 тысячи человек в год). Данные муниципального и регионального этапов олимпиады не отражены в показателях, так как доля победителей и призеров регламентируется Положением об олимпиаде (не более 25% от числа участников) и является примерно одинаковой по всем регионам. Олимпиады перечня Союза ректоров, по сути, заменяют систему вступительных экзаменов в наиболее престижные вузы и служат инструментом поиска хорошо подготовленных школьников для дальнейшего обучения в вузах (общее число победителей и призеров порядка 22,5 тысячи человек в год).

2. Результативность учебной деятельности характеризуется такими индикаторами, как доля отличников и доля учеников, получивших 100 баллов на ЕГЭ по отдельным предметам.

3. Индикаторами региональных систем сопровождения и поддержки одаренных школьников являются инфраструктурные (удельный вес обучающихся в классах с углубленным или профильным изучением отдельных предметов и удельный вес школьников, которым созданы условия для занятий творчеством) и финансовые (удельный объем средств, выделенных на поддержку одаренных детей из регионального бюджета и процент школьников, которым оказана поддержка в рамках программ поддержки одаренных детей и талантливой молодежи на региональном уровне) показатели.

Для большей достоверности результатов при расчёте рейтинга регионов были использованы два метода обработки статистических данных. Во-первых, это многомерный сравнительный анализ, основанный на методе евклидова расстояния, что позволяет определить не только абсолютные значения показателя, но степень их близости друг к другу [2, с. 143]. Расчет интегрального показателя качества работы с одаренными школьниками в регионах РФ проводился по следующему алгоритму.

Этап 1. По каждому показателю определяется максимальный элемент, который принимается за единицу. Затем все элементы соответствующей графы (a_{ij}) делятся на максимальный элемент эталонного региона ($\max a_y$). В результате создается матрица стандартизированных коэффициентов (x_{ij}), принимающих значения от 0 до 1. Кроме того, по каждому показателю рассчитывается критическое значение (x_{cp}) – среднероссийское значение показателя.

Этап 2. Рассчитывается сводный рейтинг по каждому блоку по формуле евклидова расстояния:

$$I_i = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^n x_{ij}^2}{n}}$$

Этап 3. Рассчитывается интегральный рейтинг по формуле среднего геометрического:

$$I = \sqrt[3]{I_1 \cdot I_2 \cdot I_3},$$

где I_1 – сводный рейтинг уровня развития олимпиадного движения;

I_2 – сводный рейтинг результативности учебной работы;

I_3 – сводный рейтинг системы поддержки и сопровождения одаренных школьников.

В связи с тем, что некоторые из переменных имеют различный размах значений и их значения отличаются на порядки друг от друга, для стандартизации показателей было также применено z-преобразование, учитывающее различные дисперсии индикаторов.

Расчет интегрального индекса проводился по следующему алгоритму:

Этап 1. Вычисляются стандартизированные показатели по формуле:

$$x_{ij} = \frac{a_{ij} - \bar{a}_i}{\sigma_i},$$

где a_{ij} – значение i -го показателя в j -ом регионе,

\bar{a}_i – среднероссийское значение i -го показателя,

σ_i – среднеквадратичное отклонение i -го показателя, рассчитанное по формуле:

$$\sigma_i = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^n (a_{ij} - \bar{a}_i)^2}{n}}.$$

Отрицательные значения индекса свидетельствуют о его расположении ниже среднего из всей выборки, положительные – о расположении выше.

Этап 2. Находится сводный индекс каждого из блоков как среднее арифметическое входящих в него показателей. Интегральный рейтинг качества работы с

одаренными школьниками рассчитывается как среднее арифметическое сводных индексов по каждому блоку.

Отметим, что относительное расположение регионов в рейтинге оказалось практически одинаковым при обоих методах обработки данных. О наличии очень тесной взаимосвязи рассчитанных интегральных индексов свидетельствует близкий к 1 коэффициент корреляции Пирсона ($r = 0,974$). В дальнейшем в работе будем использовать рейтинг, вычисленный первым способом и принимающий значения от 0 до 1, поскольку такое ранжирование более удобно для расчета динамики показателей и исследования отклонения от максимального и критического значений.

Проведенные расчеты позволили оценить качество работы с одаренными школьниками в субъектах РФ, а также проследить динамику интегрального индекса за 2012–2013 гг. Наиболее высокие результаты в 2013 г. показали регионы Приволжского (средний рейтинг равен 0,499) и Центрального (0,480) округов. Самый низкий средний рейтинг оказался у субъектов Северо-Кавказского (0,303) и Дальневосточного (0,358) ФО (табл. 2). Ранжирование регионов по индексу качества работы с одаренными школьниками позволило разделить регионы на 5 групп:

1. Регионы с высоким уровнем качества работы с одаренными школьниками (интегральный рейтинг более 0,54) – 11 субъектов РФ. Это территории, достигшие высоких результатов практически по всем показателям, что свидетельствует о системной работе региональных властей и продуманности образовательной политики. Большинство из этих регионов также имеют общий высокий уровень развития сферы образования. Самый высокий рейтинг качества работы с одаренными школьниками у г. Москвы (0,698), Чувашской Республики (0,636) и Республики Мордовия (0,622).

Таблица 2. Интегральный индекс качества работы с одаренными школьниками в регионах РФ за 2013 год

Регион	Рейтинг	Регион	Рейтинг
Центральный ФО	0,480	Республика Тыва	0,258
г. Москва.	0,698	Северо-Западный ФО	0,449
Белгородская область	0,546	Новгородская область	0,577
Тамбовская область	0,543	Калининградская область	0,540
Брянская область	0,521	г. Санкт-Петербург	0,536
Московская область	0,508	Ленинградская область	0,512
Воронежская область	0,497	Вологодская область	0,475
Липецкая область	0,497	Мурманская область	0,474
Владимирская область	0,479	Республика Коми	0,392
Тульская область	0,474	Республика Карелия	0,392
Ивановская область	0,468	Псковская область	0,355
Орловская область	0,451	Ненецкий АО	0,354
Калужская область	0,446	Архангельская область	0,336
Костромская область	0,439	Уральский ФО	0,429
Курская область	0,429	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,475
Смоленская область	0,426	Тюменская область	0,465
Тверская область	0,413	Ямало-Ненецкий АО	0,430
Ярославская область	0,411	Свердловская область	0,423
Рязанская область	0,389	Челябинская область	0,417
Приволжский ФО	0,499	Курганская область	0,366
Чувашская Республика	0,636	Южный ФО	0,403
Республика Мордовия	0,622	Краснодарский край	0,461
Кировская область	0,559	Ростовская область	0,428
Самарская область	0,552	Волгоградская область	0,422
Республика Татарстан	0,546	Республика Калмыкия	0,392
Республика Марий Эл	0,541	Астраханская область	0,357
Пензенская область	0,506	Республика Адыгея	0,355
Ульяновская область	0,463	Северо-Кавказский ФО	0,303
Нижегородская область	0,456	Республика Северная Осетия-Алания	0,463
Республика Башкортостан	0,455	Ставропольский край	0,459
Оренбургская область	0,447	Карачаево-Черкесская Республика	0,373
Саратовская область	0,438	Республика Кабардино-Балкария	0,329
Удмуртская Республика	0,382	Республика Дагестан	0,239
Пермский край	0,379	Республика Ингушетия	0,166
Сибирский ФО	0,407	Чеченская Республика	0,095
Томская область	0,484	Дальневосточный ФО	0,358
Кемеровская область	0,476	Хабаровский край	0,427
Красноярский край	0,473	Еврейская автономная область	0,395
Новосибирская область	0,465	Магаданская область	0,386
Республика Хакасия	0,456	Республика Саха (Якутия)	0,366
Алтайский край	0,431	Камчатский край	0,362
Омская область	0,420	Амурская область	0,360
Забайкальский край	0,380	Чукотский АО	0,332
Республика Бурятия	0,366	Сахалинская область	0,306
Республика Алтай	0,348	Приморский край	0,284
Иркутская область	0,330		
Источник: расчеты автора.			

2. Регионы с уровнем выше среднего (рейтинг от 0,471 до 0,54) – 15 субъектов РФ. В них сформировались благоприятные условия для развития одаренных школьников и хороший потенциал для дальнейшей работы в этом направлении.

3. Регионы со средним уровнем (рейтинг от 0,41 до 0,47) – 26 субъектов РФ. Они характеризуются высокими значениями отдельных показателей. Для дальнейшего развития этих регионов требуется принятие управленческих воздействий с целью поддержания сильных и улучшения слабых сторон.

4. Регионы с уровнем ниже среднего (рейтинг от 0,35 до 0,409) – 20 субъектов РФ. По большинству показателей эти территории имеют значения ниже критических, что говорит о недостаточно активной позиции региональной системы образования в сфере использования возможностей по созданию условий для развития одаренностей и талантов.

5. Регионы с низким уровнем (рейтинг менее 0,35) – 11 субъектов РФ. Включение регионов в данную группу свидетельствует о крайне низкой заинтересованности региональных властей в работе с одаренными школьниками и требует принятия срочных мер для улучшения сложившейся ситуации.

Вологодская область входит в группу регионов с уровнем качества работы с одаренными школьниками выше среднего, занимая 22-е место в стране и 5-е – в Северо-Западном федеральном округе. Достигнутые областью показатели отстают от показателей таких регионов-лидеров Северо-Запада, как Новгородская (на 18%), Калининградская (на 12%), Ленинградская (на 7%) области, г. Санкт-Петербург (на 11%).

Результаты Вологодской области по отдельным индикаторам очень неоднородны (табл. 3).

Наибольшие успехи регион имеет по следующим показателям:

– удельный вес обучающихся в общеобразовательных учреждениях, которым оказана поддержка в рамках программ поддержки одаренных детей и талантливой молодежи на региональном уровне (2-е место, 79% от индекса лидера);

– удельный вес учащихся 5–11 классов, принявших участие в школьном этапе Всероссийской олимпиады школьников (7-е место, 93% от индекса лидера);

– удельный вес победителей и призеров заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников (9-е место, 53% от индекса лидера).

Необходимо отметить, что область является одним из лидеров как по эффективности участия в заключительных этапах Всероссийской олимпиады школьников на протяжении последних 10 лет [13], так и по массовости участия в школьном этапе. Исследование выявило наличие значимой ($\alpha = 0.05$) положительной статистической зависимости между этими двумя показателями (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,237$). Это свидетельствует о том, что чем большее количество школьников вовлечено в олимпиадную деятельность, тем выше число победителей на заключительном этапе, – т.е. о переходе количественных показателей в качественные.

По ряду индикаторов результаты Вологодской области оказались ниже предельных (среднероссийских) показателей:

– доля выпускников, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании для награжденных золотой и серебряной медалью (на 21% ниже порогового уровня);

Таблица 3. Сравнение показателей Вологодской области в 2013 г. с предельными и максимальными по РФ

Показатели	Фактическое значение (2013 г.)	Место среди регионов РФ	Предельный уровень		Максимальный уровень	
			Значение	Отклонение, в %	Значение	Отклонение, в %
Удельный вес победителей и призеров заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников, чел. на 100 тыс. чел. обучающихся	20,89	9	9,33	124	39,36	-47
Удельное количество победителей и призеров олимпиад, проводимых под эгидой Росийского совета олимпиад школьников, чел. на 100 тыс. чел. обучающихся	147	22	111	41	750	-80
Удельный вес учащихся 5-11 классов, принявших участие в школьном этапе Всероссийской олимпиады школьников (в общей численности учащихся 5-11 классов), в %	47,9	7	39,4	22	51,4	-7
Удельный вес выпускников, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании для награжденных золотой и серебряной медалью, в %	6,02	59	7,64	-21	13,54	-56
Удельный вес участников ЕГЭ, получивших 100 баллов на ЕГЭ по отдельным предметам, чел. на 100 тыс. чел. обучающихся	63	38	63	0	234	-73
Удельный вес выпускников 11 классов, обучающихся в классах с углубленным или профильным изучением отдельных предметов (в общей численности выпускников 11 классов), в %	26	79	54	-52	99	-74
Удельный вес обучающихся, которым созданы условия для занятий творчеством, в %	34	56	40	-15	83	-59
Удельный объем финансовых средств, целенаправленно выделенных на поддержку одаренных детей из регионального бюджета, руб. на чел.	5	64	106	-95	1034	-99,5
Удельный вес обучающихся в общеобразовательных учреждениях, которым оказана поддержка в рамках программ поддержки одаренных детей и талантливой молодежи на региональном уровне, в %	45,35	2	2,96	1432	57,77	-21
Источник: расчеты автора.						

– удельный вес выпускников 11 классов, обучавшихся в классах с углубленным или профильным изучением отдельных предметов (на 52% ниже порогового уровня);

– удельный вес обучающихся, которым созданы условия для занятий творчеством (на 15% ниже порогового уровня);

– удельный объем финансовых средств, целенаправленно выделенных на поддержку одаренных детей и талантливой молодежи из регионального бюджета (на 15% ниже порогового уровня).

Для анализа динамики интегрального индекса качества работы с одаренными школьниками за 2012–2013 гг. проведена перекрестная группировка регионов по уровню и темпам роста (снижения) индекса, по результатам которой территории были объединены в пять групп (табл. 4). Самые высокие темпы роста показателей имеют Еврейская автономная область (139%), Камчатский край (129%) и Республика Северная Осетия-Алания (124%), а самые низкие – Кировская область (87%). За последние два года свои позиции смогли улучшить 53 субъекта РФ, у 25 – позиции ухудшились.

Следует отметить, что группа регионов с крайне высокими темпами роста индекса значительно больше группы с крайне низкими темпами (18 территорий против четырех). Одиннадцать субъектов РФ продемонстрировали высокие и крайне высокие значения показателей в отношении уровня качества работы с одаренными школьниками и темпы роста этих показателей, что открывает широкие возможности для интеллектуализации человеческого капитала в данных территориях.

Вологодская область вошла в группу регионов с низкими темпами роста интегрального индекса (94%), что создает риск снижения качества работы с одаренными

школьниками. Отчасти это можно объяснить достаточно высокими темпами и показателями развития как всей сферы общего образования, так и блока поддержки талантливых школьников, достигнутыми за 2010–2012 гг. (за это время интегральный индекс вырос в 3 раза). В 2013 г. наступило некоторое замедление темпов развития.

Следует отметить, что динамика показателей региона является сильно неоднородной. Позитивная динамика наблюдается по таким показателям, как результативность выступления на заключительном этапе Всероссийской олимпиады школьников (106%); удельный вес медалистов (105%); удельный вес школьников, обучающихся в профильных классах (130%); удельный вес школьников, которым созданы условия для занятия творчеством (114%). Однако сворачивание программ, связанных с поддержкой одаренных школьников, не позволило области в 2013 году превзойти показатель 2012 года. В 2013 г. индекс количества школьников, которым была оказана поддержка в рамках региональных программ поддержки одаренных детей, составил 79% от уровня 2012 г., а индекс объема финансовых средств, выделенных на их поддержку, – 6% соответственно. В сентябре 2012 года по поручению Губернатора Вологодской области при Департаменте образования создана рабочая группа по разработке модели системы выявления и развития одаренных детей в регионе, в состав которой вошел автор статьи.

В разработанном группой проекте модели на 2013–2017 годы особое внимание уделяется следующим направлениям:

– проведение и расширение интеллектуальных конкурсных мероприятий для детей;

– мотивационная поддержка работы с одаренными детьми;

Таблица 4. Матрица сравнения регионов РФ по темпам и уровню качества работы с одаренными школьниками

Уровень	Темпы					Крайне низкие (менее 94%)
	Крайне высокие (более 108%)	Высокие (от 104 до 108%)	Умеренные (от 98 до 103%)	Низкие (от 92 до 97%)	Крайне низкие (менее 94%)	
Высокий (более 0,54)	Республика Мордовия (112)	Республика Татарстан (105) Новгородская область (105) Белгородская область (104)	Калининградская область (103) Республика Марий Эл (100) Самарская область (99) г. Москва (99) Тамбовская область (98)	Чувашская Республика (97)	Кировская область (87)	
Выше среднего (от 0,471 до 0,54)	Тульская область (119) Кемеровская область (118)	Московская область (107) Томская область (105) Иркутская область (105) Пензенская область (105) Брянская область (104)	г. Санкт-Петербург (103) Красноярский край (103) Владимирская область (102) Ленинградская область (102) Ханты-Мансийский АО (100) Воронежская область (100)	Липецкая область (97) Вологодская область (94)		
Средний (от 0,41 до 0,47)	Республика Северная Осетия-Алания (124) Костромская область (110) Томская область (110) Ивановская область (112) Ямало-Ненецкий АО (109)	Хабаровский край (108) Краснодарский край (108) Омская область (107) Тверская область (106) Саратовская область (105) Новосибирская область (105) Свердловская область (105)	Орловская область (103) Республика Калмыкия (103) Волгоградская область (103) Республика Башкортостан (102) Смоленская область (101) Нижегородская область (101) Курская область (101) Челябинская область (100) Ярославская область (99) Калужская область (99) Ульяновская область (99) Алтайский край (98)	Республика Хакасия (96) Ставропольский край (92)		
Ниже среднего (от 0,35 до 0,409)	Еврейская автономная область (138) Камчатский край (129) Карачаево-Черкесская Республика (114) Республика Коми (114) Магаданская область (113) Астраханская область (113)	Забайкальский край (108) Республика Бурятия (105)	Ростовская область (103) Оренбургская область (103) Удмуртская Республика (103) Пермский край (99) Республика Адыгея (98) Республика Карелия (98) Курганская область (98)	Рязанская область (96) Республика Саха (96) Псковская область (94)	Амурская область (89) Ненецкий АО (88)	
Низкий (менее 0,35)	Республика Тыва (120) Республика Дагестан (116) Чукотский АО (112) Сахалинская область (110)	Приморский край (105) Республика Алтай (105)	Иркутская область (100) Кабардино-Балкарская Республика (100)	Республика Ингушетия (95) Архангельская область (93)	Чеченская Республика (90)	
Источник: расчеты автора.						

– расширение сети образовательных учреждений, специализирующихся на работе с интеллектуально одаренными детьми;

– развитие и совершенствование научно-методической базы, внедрение современных образовательных технологий в сфере организации работы с интеллектуально одаренными школьниками.

Реализация системного подхода к поиску талантливых школьников и работе с ними должна позволить Вологодской области укрепить лидирующие позиции в традиционно сильных сегментах и преодолеть негативные тенденции, наметившиеся по отдельным показателям. Использование результатов мониторинговых исследова-

ний в организации работы с одаренными школьниками даёт возможность оценить тенденции развития данного направления и своевременно провести коррекцию с целью повышения качества работы с одаренными учащимися.

В дальнейших исследованиях по данной тематике планируется:

- корректировка методики расчета (корректировка системы показателей с учетом актуальных направлений образовательной политики, определение весовых коэффициентов отдельных индикаторов);
- оценка динамики показателей на более длительном временном отрезке и прогнозирование развития региональных образовательных систем.

Литература

1. Агранович, М.Л. Проблемы и тенденции развития образования в Российской Федерации / М.Л. Агранович, О.Н. Кожевникова, О.В. Зайцев. – М.: Центр мониторинга и статистики образования, 2004. – 474 с.
2. Баканов, М.И. Теория экономического анализа [Текст]: учебник / М.И. Баканов, А.Д. Шеремет. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 416 с.
3. Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu53.ru/np-includes/upload/2012/09/10/2837.pdf>
4. Леонидова, Г.В. Тенденции развития сферы образования в регионах России [Текст] / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 28. – С. 43-52.
5. Модель по выявлению и работе с обучающимися, проявившими выдающиеся способности, в Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu35.ru/index.php/obshsovet/obshdocs/viewdownload/19/3874>
6. Обращение Председателя Российского совета олимпиад школьников академика В.А. Садовниченко к организаторам олимпиад школьников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rsg-olymp.ru/news/33>
7. Олимпиадный рейтинг школ по итогам 2012/2013 учебного года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsr-online.ru/doc/olimp1.pdf>
8. Официальный информационный портал Единого государственного экзамена. – Режим доступа: <http://www.ege.edu.ru/>
9. Официальный сайт Всероссийской олимпиады школьников. – Режим доступа: <http://rosolymp.ru/>
10. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия [Текст] / Г.В. Савицкая. – Минск: Новое знание, 2000. – 688 с.
11. Чегодаев, А.В. Дистанционное образование талантливых школьников: проблемы и перспективы [Текст] / А.В. Чегодаев, Л.Н. Суханов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 28. – С. 197-203.
12. Чегодаев, А.В. Участие вологжан во Всероссийской олимпиаде школьников: результативность и пути развития [Текст] / А.В. Чегодаев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 26. – С. 185-193.

13. Чегодаев, А.В. Особенности работы с одарёнными детьми в учебном заведении инновационного типа [Электронный ресурс] / А.В. Чегодаев // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 8. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=3168>
14. Шабунова, А.А. Оценка развития образования в муниципальных территориях [Текст] / А.А. Шабунова, М.А. Головчин // Проблемы развития территории. – 2012. – № 1(57). – С. 91-96.
15. Шумакова, Н.Б. Развитие общей одаренности детей в условиях школьного обучения [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психологич. наук: 19.00.13 / Н.Б. Шумакова. – М., 2006. – 48 с.
16. Электронный мониторинг развития образования «Наша новая школа». – Режим доступа: <http://www.kpmo.ru/nns/graph-view>

Chegodaev A.V.

Monitoring study of the quality of work with gifted schoolchildren in the Russian Federation regions

Aleksandr Vyacheslavovich Chegodaev – Ph.D. in Physics and Mathematics, Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, Cheg_al@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of research into the quality of work with talented schoolchildren in the Russian Federation subjects. It shows that it is the regional and municipal levels that should be most actively involved in the identification and development of such children. The author suggests his methodology of calculating the integral index of the quality of work with gifted schoolchildren in the regional educational systems. The article shows that Russia's territories differ considerably according to this indicator. The highest value of the index is registered in the Volga Federal District (average rating is 0.499) and the Central (0.480) Federal District. The constituent entities of the North Caucasian (0.303) and Far Eastern (0.358) federal districts have the lowest average rating.

The regions were divided into five groups by the index of quality of work with gifted schoolchildren. The Vologda Oblast joined the group in which the level of quality of work with gifted schoolchildren was above average; the Oblast ranked 22nd in the country and 5th in the Northwestern Federal District. The Oblast has the greatest progress by the set of indicators “Olympiad movement” (6th place among Russian regions). According to some indicators, the Oblast's results were below the threshold indicators.

The dynamics of the integral index of the quality of work with gifted students for 2012–2013 was analysed by the cross grouping of the regions according to the level and rate of growth (decline) of the integral index. The Vologda Oblast was included in the group of regions with low growth rates of the integral index (94%), which creates the risk of decrease in the quality of work with gifted students.

The article states the main reasons for the integral index decline; it also suggests certain measures for the improvement of the quality of work with gifted schoolchildren.

Key words: Education, gifted schoolchildren, integral index, dynamics of development of education, school Olympiads.

References

1. Agranovich M.L., Kozhevnikova O.N., Zaitsev O.V. *Problemy i tendentsii razvitiya obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii* [Problems and Trends in the Development of Education in the Russian Federation]. Moscow: Tsentr monitoringa i statistiki obrazovaniya, 2004. 474 p.
2. Bakanov M.I., Sheremet A.D. *Teoriya ekonomicheskogo analiza: uchebnik* [Theory of Economic Analysis: Textbook]. Moscow: Finansy i statistika, 2002. 416 s.

3. *Kontsepsiya obshchenatsional'noi sistemy vyyavleniya i razvitiya molodykh talantov* [The Concept for the National System of Identifying and Developing Young Talents]. Available at: <http://www.edu53.ru/np-includes/upload/2012/09/10/2837.pdf>
4. Leonidova G.V., Golovchin M.A. Tendentsii razvitiya sfery obrazovaniya v regionakh Rossii [Trends in the Development of Education Sphere in Russian Regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.28, pp. 43-52.
5. Model' po vyyavleniyu i rabote s obuchayushchimisya, proyavivshimi vydayushchiesya sposobnosti, v Vologodskoi oblasti [The Model for Identification and Work with the Students, Who Demonstrated Outstanding Abilities, in the Vologda Oblast]. Available at: <http://www.edu35.ru/index.php/obshsovet/obshdocs/viewdownload/19/3874>
6. *Obrashchenie Predsedatelya Rossiiskogo soveta olimpiad shkol'nikov akademika V.A. Sadovnichego k organizatoram olimpiad shkol'nikov* [The Address of the Chairman of the Russian Council of School Olympiads, Academician V.A. Sadovnichy, to the Organizers of the Olympiad]. Available at: <http://rsr-olymp.ru/news/33>
7. *Olimpiadniy reiting shkol po itogam 2012/2013 uchebnogo goda* [Olympiad Rating of Schools by the Results of the 2012/2013 Academic Years]. Available at: <http://www.rsr-online.ru/doc/olimp1.pdf>
8. *Ofitsial'nyi informatsionnyi portal Edinogo gosudarstvennogo ekzamina* [Official Information Portal of the Unified State Examination]. Available at: <http://www.ege.edu.ru/>
9. *Ofitsial'nyi sait Vserossiiskoi olimpiady shkol'nikov* [Official Website of the All-Russian Schoolchildren Olympiad]. Available at: <http://rosolymp.ru/>
10. Savitskaya G.V. *Analiz khozyaistvennoi deyatel'nosti predpriyatiya* [Analysis of Economic Activities of an Enterprise]. Minsk: Novoe znanie, 2000. 688 p.
11. Chegodaev A.V., Sukhanov L.N. Distantionnoe obrazovanie talantlivykh shkol'nikov: problemy i perspektivy [Distance Learning for Gifted Schoolchildren: Problems and Prospects]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.28, pp. 197-203
12. Chegodaev A.V. Uchastie vologzhan vo Vserossiiskoi olimpiade shkol'nikov: rezul'tativnost' i puti razvitiya [Participation of Vologda Residents in All-Russian Schoolchildren Olympiad: Performance Results and Ways of Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.26, pp. 185-193
13. Chegodaev A.V. Osobennosti raboty s odarennyimi det'mi v uchebnom zavedenii innovatsionnogo tipa [Specifics of Work with Gifted Children in an Innovation Education Establishment]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2013, no.8. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=3168>
14. Shabunova, A.A., Golovchin M.A. Otsenka razvitiya obrazovaniya v munitsipal'nykh territoriyakh [Evaluation of Education Development in Municipal Territories]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2012, no.1(57), pp. 91-96.
15. Shumakova N.B. *Razvitie obshchei odarennosti detei v usloviyakh shkol'nogo obucheniya: avtoref. dis. ... d-ra psikhologich. nauk: 19.00.13* [Development of a General Giftedness of Children in the Conditions of School Education: Doctor of Psychology Thesis Abstract]. Moscow, 2006. 48 p.
16. *Elektronnyi monitoring razvitiya obrazovaniya "Nasha novaya shkola"* [Electronic Monitoring of Education Development "Our New School"]. Available at: <http://www.kpmo.ru/nns/graph-view>

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 332.05+ 338.124.4, ББК 65.011.151

© Никитенко П.Г., Ильянок А.М.

Сингулярные технологии — научное направление устойчивого ноосферного развития Беларуси, России и других стран СНГ

**Петр Георгиевич
НИКИТЕНКО**

академик, советник Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 66, к.401, nikitenkopetr@rambler.ru)

**Александр Михайлович
ИЛЬЯНОК**

кандидат технических наук, профессор, руководитель проекта нано-фемто-технологий МИА в Республике Беларусь (amilyanok@gmail.com, <http://nanofemto.net>)

Аннотация. В статье рассматриваются нано-фемтотехнологические основания устойчивого ноосферного развития планетарной социально-экономической мегасистемы «природа—человек—общество» во взаимосвязи со Вселенной (космосом) в Беларуси, Казахстане, России, Украине, других странах СНГ.

В системе действий закона времени и адекватной необходимости смены логики социально-экономического поведения жизнедеятельности населения планеты Земля на ведущую роль выдвигаются формирование нового (ноосферного) политико-экономического мировоззрения и изменение научно-технологической структуры экономики.

В качестве одного из стратегических приоритетов практического решения этих задач могут стать сингулярные технологии. Данные технологии выступают при создании новых производительных сил и производственных отношений как синергетическое и бифуркационное (непредсказуемое) взаимодействие трёх системных технологий: искусственного интеллекта, молекулярной нанотехнологии и молекулярной биотехнологии.

При достижении человеческим разумом и сознанием понимания сути сингулярной технологии осуществляется управляемый контроль и умение создания новой структуры материи на нано- и фемтотехнологических уровнях. Новая структура материи является основой создания новых производительных сил и производственных отношений в ноосферной экономике.

Исторический аспект становления технологической сингулярности представляет расшифровка генома человека, создание саморазмножающегося микроорганизма и самовоспроизводящейся машины. Ближайшей стратегической целью (2020–2030 гг.) сингулярных технологий является создание искусственного мозга – «цифрового человека» – на основе развития нано-фемтотехнологий.

Данное научное направление и практика откроют путь к новым видам энергии, производительным силам, производственным отношениям и социально-экономическим ноосферным системам в целом. Широкое использование в экономике сингулярных технологий будет способствовать сохранению и цивилизационному развитию планетарной мегасистемы «космос–природа–человек–общество».

Ключевые слова: закон времени, устойчивое ноосферное инновационное развитие, ноосферная экономика, мегасистема «космос–природа–человек–общество», социально-экономическая система, производительные силы, производственные отношения, разум, сознание, сингулярные технологии, нано-фемтотехнологии, биотехнологии, искусственный интеллект, информатика, генетика, геновая инженерия, стволовые клетки, инновационная невосприимчивость, инновационная экономическая эффективность, властная, валютная коррупция, оффшорный капитал, налоги, сборы.

В соответствии с действием закона времени человечество сегодня стоит на пороге смены парадигм или, иными словами, серии ускоренного социально-экономического и научно-технического прогресса, что влечет за собой смену мировоззрения, социально-экономического поведения, систем ценностей, научно-технологических технических средств и т.д. Этот фактор, безусловно, следует учитывать в формировании цивилизационных, разумных, духовно-нравственных процессов в мире.

Сейчас возникла потребность и в иной мировой идеологической научно-технологической парадигме. В ее рамках необходимо сформулировать сверхзадачу, способную указать новый вектор развития для наших стран и всего человечества в целом и обеспечить проведение научно-технической революции [1].

Новая идеология должна утвердить в качестве одного из приоритетов необходимость использования прорывных сингулярных технологий как для совершенствования самого человека, так и его среды обитания [2]. Это связано с тем, что сегодня в обществе сложилось новое

научное направление, названное технологической сингулярностью. Под ней подразумевается момент, по прошествии которого технологический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным для понимания. Как говорит Майкл Диридж, сингулярность – это наиболее значительное событие в истории человечества. Она наступит в результате одновременного действия трех продвинутых технологий: искусственного интеллекта, молекулярной нанотехнологии и молекулярной биотехнологии. Скорость продвижения к точке сингулярности вначале увеличивается постепенно, но механизм обратной связи с каждым укорачивающимся циклом всё быстрее ведёт нас к сингулярности. При достижении сингулярности способности человечества становятся действительно потрясающими – полный контроль над структурой материи на атомном уровне, полное знание биологических процессов от макро- до микро- и молекулярного уровня и сверхчеловеческий искусственный интеллект [3].

Можно считать, что первой точкой технологической сингулярности является

расшифровка генома человека компанией Celera Genomics в 2000 г. и создание первого живого саморазмножающегося микроорганизма в 2010 г. (Крейг Вентер). Фактически Вентер создал первую самовоспроизводящуюся машину.

Вторая точка технологической сингулярности может возникнуть вследствие развития нанотехнологий, что рассматривалось в отчете 2007 года Комиссии по экономической политике Конгресса США. В качестве даты начала сингулярности называется 2020-й или даже 2030 год. Основная линия формирования сингулярности сейчас сосредоточена на создании искусственного мозга – «цифрового человека».

Третьей точкой сингулярности может стать развитие фемтотехнологий. Фемтотехнологии – это наука, изучающая материю в диапазоне от нанометров до фемтометров, т.е. от атома до ядра (в энергетическом эквиваленте от электронвольт до мегаэлектронвольт). Она является базисом нанотехнологий и открывает путь к новым видам энергии и новым видам связи.

Сегодня все более обостряющийся характер принимает безудержное потребление человечеством природных ресурсов и, как следствие, невозвратное разрушение биосферы. Это напрямую ставит человечество перед фактом глобальной экологической катастрофы при дальнейшем социально-экономическом развитии, что подробно обсуждается в документах ООН. Ярким международным рамочным документом по вопросам устойчивого развития является Хартия Земли. Это международная декларация основополагающих принципов и ценностей для создания справедливого, устойчивого и мирного глобального общества в XXI веке. Один из ее разделов посвящен социальной и экономической справедливости. Он включает:

- искоренение нищеты как этический, социальный и экологический императив;

- требование, чтобы экономическая деятельность и экономические институты на всех уровнях способствовали развитию человека справедливым и устойчивым образом;

- поддержание справедливости и равенства в отношениях между полами как предпосылку устойчивого развития и обеспечение всеобщего доступа к образованию, здравоохранению и возможностям экономического процветания;

- поддержание права всех без исключения людей на природное и социальное окружение.

Все эти требования должны привести к устойчивому развитию человечества – правильному, гармоничному развитию, когда эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений без ущемления возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности.

В будущем устойчивое развитие будет опираться на ориентированную ресурсо- и человекоберегающую экономику, в которой все товары и услуги должны быть доступны всем. При этом сама земля, энергия и деньги не должны являться частным товаром и частной собственностью.

Уже сейчас современное общество развитых стран владеет высокими передовыми технологиями и может обеспечить питание, одежду, жильё, медицинский уход, образование всем жителям планеты. Однако они пока не имеют технологий для получения неограниченного количества возобновляемых зеленых источников энергии. Кроме того, их чрезвычайно продуктивная экономика требует сделать сверхпотребление образом жизни.

Это реализуется благодаря двум факторам – запланированному и вынужденно-устареванию¹. Если запланированное устаревание носит технико-технологический характер, то вынужденное – трактуется господствующей модой и массовой культурой.

Макроэкономические тенденции развития мировой экономики

Из теории макроэкономики известно, что обычно экономика государства проходит 4 стадии развития: хаос, инвестиции, инновации, богатство. Например, все эти 4 стадии в свое время прошла Венецианская Республика. После стадии богатства она исчезла как самостоятельное государство. В 1960-е годы страны «золотого миллиарда» стали переходить из самой эффективной стадии – инновации – в стадию богатства, в которой преобладает частный финансовый капитал. Престиж науки и инженерного труда падает. Процесс выхода из стадии богатства очень длителен и сложен: например, Япония пытается выйти из нее уже более 15 лет. И нулевая банковская ставка при этом не помогает.

В свое время Советский Союз находился в стадии плановых государственных инвестиций с отдельными вкраплениями в экономику инновационных фаз в области ВПК. Попытка перевести всю экономику в стадию инноваций на базе рыночных отношений закончилась стадией хаоса. Этой стадии присуща высокая инфляция, коррупция и потеря государством рычагов управления экономикой.

Негативные макроэкономические сдвиги в передовых странах мира, т.е. переход от стадии инноваций в стадию богатства, привели к тому, что с середины 1960-х годов

¹ Запланированное устаревание – устаревание товаров до того, когда это действительно потребуется. Вынужденное устаревание – положение, когда выбрасываются вещи, которые по-прежнему полезны (примечание редактора).

практически остановился прогресс в важнейших отраслях человеческой деятельности – космонавтике, авиации, наземном транспорте, ядерной физике, энергетике. Положительные тенденции еще пока по инерции наблюдаются в микроэлектронике, информатике и генетике. Как считал академик Д.С. Львов, век великих открытий остался в прошлом, наступил век великих «отверточных, сборочных» технологий.

Например, тенденции перехода США в стадию богатства начали проявляться с середины 1960-х годов. Это видно из того, что в 60-е годы общие доходы частного финансового сектора (сфера услуг) до выплаты налогов составляли 14% всех корпоративных налогов. К 2008 году эта доля возросла до 40%. Так, крупнейшая компания «General Electric» получала до кризиса 80% прибыли от своих финансовых дивидендов вместо того, чтобы развивать производство и получать с него прибыли.

Под давлением США и Евросоюза лидеры 20 ведущих стран мира приняли «хайтеховский» путь выхода из мирового кризиса (пока на словах): они решили поддержать экономики своих стран и выделить 4 трлн. долл. на развитие высокотехнологичной продукции и чистой энергетики, а также 1 трлн. долл. для МВФ с целью поддержки рынков развивающихся стран. Но это все благие пожелания. Как подчеркивал Хазин, количество производящих мощностей в мире уже превышает возможности потребителей по покупке производимых на них товаров. А если еще учесть, что даже этот спрос существенно дотируется за счет частной эмиссии долларов, то становится понятно, что *строить производство в развивающихся странах просто нерентабельно*. Страны СНГ исключены из этих планов выхода из кризиса ведущих стран.

Транснациональные корпорации (ТНК) играют важную роль в процессах глобализации экономики. С одной стороны,

глобализация облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, создает условия для их доступа к передовым достижениям человечества, обеспечивает экономию ресурсов, стимулирует мировой прогресс. С другой – глобализация несет негативные последствия: закрепление периферийной модели экономики, потерю своих ресурсов странами, не входящими в «золотой миллиард». Глобализация распространяет конкурентную борьбу на всех участников, в том числе на слабые страны, что приводит к разорению малого бизнеса, снижению уровня жизни населения и др.

Например, известный экономист Дж. Стиглиц доказывает на многочисленных фактах и примерах, что глобализация разрушает промышленность, способствует росту безработицы, нищеты, тормозит научно-технический прогресс и усугубляет экологическую катастрофу на планете. Он критикует политику глобальных институтов – ВТО, МВФ, которые используют глобализацию и её идеологию (свободная торговля, свободный доступ к сырьевым ресурсам, мировое патентное право, использование в качестве мировых валют «бумажных» доллара и евро, вмешательство международных институтов во внутреннюю политику и т.д.) в интересах нескольких наиболее развитых государств в ущерб большинству стран на планете.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для стран СНГ опора на ТНК ограничена. Это ярко видно на примере России. За 20 лет с помощью ТНК не было организовано ни одного высокотехнологичного производства. Они лишь создали различные сборочные производства для продвижения своей устаревшей продукции, а также использовали РФ в качестве сырьевого донора и донора высококвалифицированных специалистов. В других странах СНГ ситуация не лучше.

Основной целью нынешних ТНК является получение прибыли и сверхприбыли путем расширения рынков за счет развивающихся стран и использования их ресурсов.

Основные внутренние барьеры цивилизационного развития стран СНГ

Выше мы рассмотрели внешние факторы, влияющие на развитие стран СНГ, теперь же рассмотрим внутренние проблемы, которые могут затормозить переход наших стран в инновационную фазу и шестой технологический уклад.

Парадокс изобилия. Когда страны, обладающие значительными природными ресурсами, являются, как часто считается, менее экономически развитыми, нежели страны, которые имеют небольшие их запасы или не имеют их вовсе. Основными возможными причинами этого состояния могут являться: снижение конкурентоспособности других секторов экономики, вызванное увеличением реального обменного курса, связанным с притоком в страну доходов от ресурсов; высокая изменчивость доходов от продажи ресурсов на мировом рынке; ошибки в государственном регулировании или развитие коррупции, обусловленные притоком «лёгких» денег в экономику.

Властная коррупция. Поскольку властная жизнь динамична, многообразна и сложна, в ней появляются и функционируют институты, которые для развития общества, государства и личности имеют принципиальное значение. Особенно важными они становятся в условиях нестабильного, неопределенного, имитационного состояния политических и иных институтов. Одним из таких институтов является «политическая коррупция», которая, как и другие понятия, отражающие реальные феномены политической действительности, массово обнаружилась на разных уровнях власти.

Подобная практика политических партий – практика продажи государственных, национальных и экономических интересов – на жаргоне Мирового банка называется «покупкой государства». Мировой банк располагает сведениями, что около 20% от общего числа народов мира терпит ущерб от политической коррупции, осуществляемой путем принятия законов в парламенте («покупка законов») и финансированием политических партий.

Доказать факт политической коррупции можно косвенно по следующим критериям.

1. Отток капитала из государства выше, чем приток.

2. Отсутствие «длинных» денег для финансирования передовых технологий. Например, как показал С. Глазьев, вывозя за рубеж сотни миллиардов долларов сбережений под 2–3% годовых, Россия привлекает иностранный капитал под 7–8% годовых. Тем самым мы фактически меняем свои заработанные за счет экспорта товаров «длинные» дешевые деньги на дорогие краткосрочные кредиты зарубежных эмиссионных центров. Российской финансовой системе эта политика обходилась прямой потерей 20–50 млрд. долл. в год только на разнице процентов, уходивших на поддержание американских финансовых пирамид. Однако Глазьев не учитывает важный фактор – мультипликатор Кейнса. Каждый выведенный из страны доллар приводит к пятикратному уменьшению промышленного капитала в экономике и 25-кратному сокращению «хайтеховского» капитала. Именно этот фактор разрушил наиболее наукоемкие авиакосмическую и оборонную промышленность России, так как они ориентированы на чужие деньги-валюты.

3. Нецелевое использование бюджетных средств. Имитация бурной деятельности с нулевым прикладным результатом.

Использование бюджетных средств для финансирования устаревших (бросовых) технологий с целью подавления передовых отраслей. Прямое подавление конкурентоспособных отраслей типа микроэлектроники, авиастроения, ядерных (атто), нано- и фемтотехнологий и т.п.

Инновационная невосприимчивость. Одной из самых серьезных проблем развития цивилизационных процессов является невосприимчивость экономики стран СНГ к новым решениям, а также традиционная недооценка эффективности и качества производства, достижений науки и техники, т.е. инновационная невосприимчивость. Для ее преодоления должны произойти изменения в государственной политике, деятельности органов управления предприятиями и организациями, направленные на использование инновационных решений, технологий, продукции и услуг для ускорения процессов модернизации экономики и социальной сферы. Для оценки величины инновационной невосприимчивости был выведен глобальный инновационный индекс – обобщенный показатель для измерения уровня инноваций в стране, разработанный сообществом Бостонской консалтинговой группой, Национальной ассоциацией производителей и Институтом производства, независимым научно-исследовательским центром, аффилированным с Национальной ассоциацией производителей (НАП). Последняя считает этот показатель «крупнейшим и наиболее всеобъемлющим глобальным индексом своего рода».

Оценка глобального инновационного индекса является частью крупного исследования, в котором рассматривались как коммерческие результаты инновационной деятельности в странах, так и активность правительств по поощрению и поддержке инновационной деятельности в своей государственной политике.

Таблица 1. Глобальный инновационный индекс <http://ru.wikipedia.org/>

Рейтинг	Страна	Суммарный балл	Инновационные затраты	Инновационная эффективность
1	 Сингапур	2.45	2.74	1.92
2	 Республика Корея	2.26	1.75	2.55
3	 Швейцария	2.23	1.51	2.74
6	 Гонконг	1.88	1.61	1.97
7	 Финляндия	1.87	1.76	1.81
8	 США	1.80	1.28	2.16
9	 Япония	1.79	1.16	2.25
15	 Великобритания	1.42	1.33	1.37
16	 Израиль	1.36	1.26	1.35
19	 Германия	1.12	1.05	1.09
27	 КНР	0.73	0.07	1.32
46	 Индия	0.06	0.14	-0.02
49	 Россия	-0.09	-0.02	-0.16
60	 Казахстан	-0.23	-0.51	0.07
64	 Украина	-0.45	-0.13	-0.73

Исследование включало опрос более 1000 руководителей высшего звена из компаний – членов НАП – во всех отраслях производства, углублённые интервью с 30 руководителями и сравнения «инновационной привлекательности» 110 стран и всех 50 штатов США. Результаты исследований были опубликованы в докладе «Инновационный императив производства: как Соединенные Штаты могут восстановить свою привлекательность».

В докладе рассматривается не только эффективность в стране, но и то, что компании делают и пытались сделать для стимулирования инноваций. В нём учитываются новые политические показатели инновационной деятельности, включая налоговые льготы, политику в области иммиграции, образования и интеллектуальной собственности. Последний раз показатель был опубликован в марте 2009 года. Чтобы ранжировать страны, в исследовании изучались как инновационные затраты, так и инновационная отдача. При оценке инновационных

затрат рассматривалась фискальная политика правительства, политика в области образования и инновационной инфраструктуры. Для оценки отдачи учитывались патенты, передача технологий и другие результаты НИОКР, эффективность предпринимательской деятельности, например, производительность труда, общая вновь созданная собственность акционеров, влияние инноваций на миграцию бизнеса и экономический рост. Ниже приведен Глобальный инновационный индекс ряда стран, опубликованный в 2012 году [4].

Беларусь не включена в этот список, так как отсутствовала достоверная информация об инновационном развитии.

Как видно из *таблицы 1*, в странах СНГ ситуация в этом плане является катастрофической. Так, например, в России доля организаций, осуществляющих технологические инновации, составляет 8,0%. Доля новых для рынка инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме промышленного производства – 0,4%. Среди

инновационно-активных предприятий широко распространен импорт технологий, что часто оказывается переводом в Россию устаревших бросовых технологий.

Инновации по степени их новизны обычно условно разделяются:

- на радикальные/прорывные (стратегические инновации, обеспечивающие прорыв в теории и практике);
- модифицирующие (улучшающие отдельные элементы существующих систем);
- условные (представляющие собой новое сочетание прежних элементов);
- комбинированные (объединяющие черты всех перечисленных выше типов).

Эти четыре типа инноваций обеспечиваются разными типами предваряющих их исследований и разработок. Наиболее радикальные стратегические инновации обычно требуют прохождения всего инновационного цикла: фундаментальных и прикладных исследований, разработок, внедрения и масштабирования (завоевание рынков) новшества. Остальные типы инноваций могут не требовать новых достижений фундаментальной науки, но часто им необходимы прикладные исследования и всегда – разработки (доведение новшества до производства) и внедрение, а также, кроме определенных случаев, – масштабирование. Отметим еще раз, что наиболее радикальные стратегические новшества базируются на достижениях фундаментальной науки [5].

Необходимый уровень результативности создаваемых в научно-инновационной сфере новых форм может обеспечиваться только за счет соответствующего уровня научной среды, для которой государство создает все необходимые условия.

Неэффективность особых экономических зон. Техничко-внедренческие особые экономические зоны (ОЭЗ) с 2005 г. рассматриваются как центры «кристаллиза-

ции» новой экономики Беларуси, России, других стран СНГ, основанной на высоких технологиях. Считалось, что они станут эффективным инструментом для коммерциализации научно-технических разработок, роста объемов научно-технической и наукоемкой продукции и услуг, развития инновационной инфраструктуры, а также инструментом для привлечения иностранных инвестиций и прироста объема экспорта высокотехнологичных видов продукции.

Из мирового опыта известно, что на создание одного рабочего места в области хайтех требуется не менее 100 тыс. долл. капитальных затрат, а в области IT одно рабочее место стоит на 1–2 порядка дешевле – здесь нужен 1 стол и один компьютер. Это и стало причиной бурного развития IT в технопарках, вместо действительного развития высоких технологий.

Например, в России с 2006 по 2010 год реализовывалась государственная программа создания технопарков в сфере высоких технологий, утверждённая Правительством 10 марта 2006 г. Она предусматривала в течение четырёх лет, с 2007 по 2010-й, общее государственное финансирование строительства сети из 27 технопарков в семи регионах России в объёме до 29 млрд. рублей. Это всего 10 тыс. хайтех рабочих мест на всю Россию за 4 года!

Планировалось, что к 2011 году стоимость общего объёма продукции, произведенной в результате работы компаний-резидентов технопарков, может составить более ста миллиардов рублей, а средняя выручка в расчете на одного работника технопарка – приблизительно полтора миллиона рублей. На деле же, по данным за третий квартал 2011 года, удалось выручить лишь 33 миллиарда рублей, количество сотрудников всех технопарков составило 11 тысяч, фирм-резидентов – около 440. Из 27 технопарков, которые планировалось

Таблица 2. Налоговые льготы и сборы для резидентов китайско-белорусского технопарка, парка высоких технологий, свободной экономической зоны «Минск»

Государственные налоги и сборы	Республика Беларусь в целом	Китайско-белорусский технопарк	Парк высоких технологий	СЭЗ «Минск»
Налог на прибыль	18%	В течение 10 календарных лет после регистрации – без налогов, следующие 10 лет – 50% от ставки	Не уплачивают	Первые 5 лет после оглашения прибыли – не уплачивают, потом – 50% от ставки
Земельный налог	В соответствии с кадастровой ценой участка и целевым назначением		На период строительства, но не более чем на три года	В соответствии с кадастровой ценой участка и целевым назначением
Налог на недвижимость	1%		Не уплачивают	Не уплачивают
Налог на добавленную стоимость	20%	Не уплачивают	Не уплачивают	20% (50% от ставки для товаров личного производства и являются импорто-замещающими)
Отчисления в фонд заработной платы	35% от фонда оплаты зарплаток	Отчисляется из средней по стране		35% от фонда выплаты зарплаток
Налог с граждан	12%	9% для всех до 2027 года	9%	По ставкам 12%
Таможенные пошлины и сборы	Согласно законодательству РБ	Не уплачивают	Не уплачивают	Уплачивают
Местные налоги и сборы	Согласно законодательству РБ	Не уплачивают	Уплачивают	Уплачивают

построить, реально функционируют лишь четыре. Развитию проекта препятствуют отсутствие льготного налогообложения, материальные трудности и зависимость от вузов. Кроме того, мешает высокая монополизация экономики. В результате доля высокотехнологичной продукции в ВВП страны так и не увеличилась.

В настоящее время происходит также массовая репликация демонстративных стратегий в научной среде, связанных с имитацией принадлежности к передовым технологиям [6]. В последние годы нарастает бурный поток проектов и работ, в названия которых целенаправленно добавляется «грантоемкая» приставка «нано» с целью их актуализации в расчете на получение грантов и инвестиций. Закрепление за нанотехнологиями статуса национального стратегического приоритета означает соответствующие изменения политики грантодателей. Это «рационально»

используют исследователи путем маркетинговой мимикрии, модернизируя названия, но не содержание своих разработок. Особую опасность «псевдонаноиндустриализация» представляет в связи с неразвитостью экспертного сообщества в области нанотехнологий в Роснано и Сколково.

В таких условиях амбициозные планы России о создании 25 миллионов эффективных рабочих мест так и останутся лишь планами.

В Беларуси также попытались создать парк высоких технологий, на деле он был превращен в парк информационных технологий и занимается только оффшорным софтом, что на данном этапе развития вполне оправданно.

С другой стороны, положительным фактором инновационной политики в Беларуси является объявление всей её территории оффшорной зоной для высоких и новых технологий, как показано в *таблице 2*.

Для привлечения стратегических инвесторов Правительство РБ создает экономические зоны с еще более льготными условиями.

В п. 38. Декрета Президента РБ [7] указывается, что *вся территория Республики Беларусь является оффшорной зоной для высоких технологий*. «Юридические лица Республики Беларусь, не являющиеся резидентами Парка высоких технологий, реализующие (планирующие реализовать) бизнес-проекты в сфере новых и высоких технологий по направлениям деятельности этого Парка, в том числе не связанные с видами деятельности, указанными в пункте 3 настоящего Положения (далее – нерезиденты Парка высоких технологий), зарегистрировавшие такие проекты, вправе использовать льготы, предусмотренные в пунктах 48–52 настоящего Положения».

Тактика Беларуси и СНГ

Основная цель наших стран – перейти от пятого технологического уклада к шестому, т.е. к постиндустриальному обществу.

Ключевой фактор шестого технологического уклада – это сингулярные технологии: нанотехнологии, фемтотехнологии, ядерные (атто) технологии, биотехнологии и методы геномной инженерии, информационные технологии, зеленая энергетика.

Для перехода к шестому технологическому укладу следует создать условия для развития прорывных сингулярных технологий путем стимулирования возникновения центров технологической кристаллизации шестого технологического уклада. Для этого необходимы следующие государственные стимулы:

1. Пересмотреть законодательство стран СНГ с целью устранения внутренних и внешних барьеров для улучшения инновационной восприимчивости: подавление властной, политической коррупции путем аннулирования международных

договоров (в том числе и секретных), препятствующих развитию новых и высоких технологий.

2. Объявить, по крайней мере, на 20 лет всю территорию каждой страны СНГ в качестве особой экономической зоны развития новых и высоких технологий – оффшорный хайтех и оптимизировать региональную (местную) налоговую политику.

3. Создать реестр инвестиционных проектов на базе критериев оценки новых и высоких технологий. В качестве прототипа можно взять критерий, принятый в РБ [8].

4. Обеспечить государственную поддержку для создания инфраструктуры центров кристаллизации прорывных технологий.

5. Создать центры коллективного пользования сложным технологическим оборудованием.

6. Стимулировать развитие малых быстро перестраиваемых производств, ориентированных на ограниченные ресурсы наших стран, с пониженным порогом выхода на мировые рынки высокотехнологичной продукции.

7. Остановить отток кадров, организовать их подготовку и переподготовку для новых и высоких технологий.

8. Организовать технологическую и информационно-образовательную кооперацию между странами СНГ и развитыми странами мира.

9. Активно формировать общественное мнение о необходимости инновационного пути развития страны.

Предпосылки и источники финансирования:

- прямая и косвенная (налоговая) государственная поддержка;
- привлечение внутренних и внешних ресурсов под исключительно льготные налоговые условия с учетом большей

рискованности инвестиций в сложившиеся направления, чем инвестиций в нововведения;

- осуществление кооперации с ТНК на условиях, выгодных нашим странам;
- создание специализированных банков развития с эмиссией «длинных» денег с минимальными процентными ставками для закупки технологического оборудования и строительства инфраструктуры и центров коллективного пользования;
- налоговая амнистия «беглых» капиталов из оффшорных зон с целью превратить «денежные сокровища» в работающие национальные средства платежа, расчётов – это реальный шанс спасти накопления в случае перехода на другую мировую валюту типа амеро и др. Как показывают исследования «Tax Justice Network», объемы спрятанных в оффшорах денег могут достигать 32 трлн. долларов. В оффшорные зоны ушли миллиарды долларов из России (798), Украины (167), Казахстана (138), Беларуси (75) [9].

Путь реализации

Первые шаги. Одним из путей выбора перспективных инновационных проектов может стать создание всемирной карты прорывных сингулярных технологий. Ее можно построить по аналогии со всемирной картой перспективных технологий, разрабатываемой компанией «Quid». Это карта мирового прогресса с подсказками. Какая технология «выстрелит», а какая окажется напрасной тратой сил? В какую идею стоит вложить средства? Авторы карты, полагающие, что она поможет в поиске ответов на эти вопросы, создали программу, которая по определённым алгоритмам систематизирует знания о различных компаниях, их продуктах и экспериментах. В поле зрения программы от «Quid» попадают патенты, новости, веб-странички фирм, лабораторий, организаций, их пресс-релизы, исследовательские

публикации, списки сотрудников и заявленные трудовые вакансии, документы о правительственных грантах, посты в «Твиттере» и так далее. Из всего этого софт извлекает ключевые слова и фразы, способные охарактеризовать главные идеи проектов (рабочих групп, стартапов), их принадлежность к той или иной области знаний, к той или иной технологической сфере. Эти ключевые фразы (сотни на компанию) можно считать генами. Соответственно оказывается, что у каждой компании – свой уникальный набор технологических генов, но у разных компаний может быть немало и общих генов.

При сопоставлении таких генетических кодов порой обнаруживаются связи, ранее ускользавшие от внимания. При этом пучки линий работают по «принципу гравитации» – чем больше между компаниями нитей похожести, тем сильнее они притягиваются друг к другу. Так схожие предприятия и проекты образуют крупные кластеры (инженерия, финансы, физика, информатика, биохимия, дизайн...), которые, в свою очередь, дробятся на участки. База данных «Quid» растёт на 120 тысяч документов ежедневно. Ни один человек не может прочитать их все, а значит, не в силах найти какие-то закономерности, совпадения и пересечения – на это способны только компьютеры. Именно они извлекают из этих клубков взаимосвязей что-то полезное. Разумеется, руководствуясь правилами, придуманными людьми, «Quid» очень интересуют компании и организации, занимающие позиции на стыках областей. Здесь часто происходят интересные вещи, потенциально способные обернуться прорывами. И это лишь одна точка на «генетической карте» мировых технологий, а их на ней уже многие тысячи. Самое же интересное происходит, если в каком-то белом пятне начинают вырастать одна точка за другой [10].

Нашей целью должна стать разработка усовершенствованной карты цивилизационных процессов, основанной как на перспективных технологиях, так и на прорывных сингулярных технологиях. В наших странах достаточно накопленного национального богатства для финансирования всех перспективных и сингулярных технологий.

В качестве базового документа по критериям оценки новых и высоких технологий можно взять Постановление Совета Министров РБ [8].

Ближайшие ориентиры. Как говорилось выше, человечество стоит на пороге смены парадигм или, иными словами, серии научно-технических революций, что влечет за собой смену совокупности убеждений, систем ценностей, технических средств и т.д. Этот фактор, безусловно, необходимо учитывать в дорожной карте цивилизационных процессов в странах СНГ. Революционные прорывы намечаются в технологиях искусственного интеллекта, молекулярной нанотехнологии и молекулярной биотехнологии.

Разум, сознание, мозг человека и весь мыслительный процесс не вписываются в классические теории передачи и обработки информации. Рабочая температура мозга (информационная) оказалась значительно ниже, чем тепловой шум, создаваемый мозгом при физиологическом функционировании и потребляемой мощности 20 Вт. Только в коре головного мозга человека существует 10¹⁰ нейронов, причем каждый нейрон имеет в среднем 10⁴ связей при тактовой частоте порядка 100 возбуждений за 1 секунду. Это составляет 10¹⁶ операций в секунду при потреблении энергии всего несколько джоулей, что близко к термодинамическому пределу. Сам термодинамический предел определяется из работы, совершаемой в синапсах, и составляет порядка 10¹⁷ операций на джоуль.

Специалисты компании «IBM» пытаются сделать полное компьютерное моделирование работы головного мозга человека, используя собственный суперкомпьютер Blue Gene. В настоящее время для обеспечения расчетов этой модели используются 147456 процессоров суперкомпьютера, работающих параллельно.

Согласно прогнозам специалистов «IBM», для того чтобы математическая модель смогла повторить то, что находится у каждого человека в голове, ей потребуются ресурсы 880 тысяч процессоров по архитектуре фон Неймана. Выйти на такое значение вычислительной мощности компания «IBM» планирует не раньше 2019 года. К сожалению, такие системы с экзафлопной производительностью будут и вовсе требовать от 100 до 500 МВт, что сравнимо с энергозатратами небольшого города. Но именно такие машины могут сравниться по производительности с человеческим разумом, сознанием, мозгом. Встает вопрос энергозатрат и их надежности, которая ограничивает работу современных суперкомпьютеров несколькими десятками часов.

Решением этих проблем уже занимаются несколько групп американских исследователей, участвующих в программе «Ubiquitous High-Performance Computing» Управления перспективных исследований Минобороны США (DARPA). Их задача – создать вычислительный комплекс, который, обладая быстродействием на уровне петафлопса, затрачивал бы не более 57 кВт энергии.

Мы должны немедленно включиться в этот процесс, иначе мы отстанем навсегда!

Вторым направлением технологической сингулярности может стать расшифровка механизма энергии сверхновых звезд как основы чистой новой энергии.

Это связано с новым направлением в науке – фемтотехнологиями. В 2011 г.

Россия приняла фемтотехнологии в качестве одной из меганаук. По сравнению с ней нанотехнологии сразу же окажутся вчерашним днем. Как сказал В. Путин, успешное решение поставленных больших научных задач – «это не просто вопрос национального престижа, – они позволяют концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях и, по сути, осуществить прорыв в будущее – сначала в фундаментальных знаниях, а затем и в технологиях» [13].

Мы считаем, что нано-фемтотехнологии могут стать одним из основных механизмов выхода Беларуси, России, других стран СНГ на новый уровень развития путем создания новых материалов и устройств в электронике, энергетике и транспорте. Это позволит переформировать мировые рынки с одновременным устранением большого количества экологических проблем, не решаемых современными технологиями. В будущем развитие фемтотехнологий позволит создать принципиально новые источники чистой энергии. Отметим, что современный подход к получению энергии путем управляемого термоядерного синтеза в плазме имеет непреодолимые фундаментальные проблемы, которые так и не позволили зажечь Солнце на Земле, хотя попытки длятся уже более 40 лет. И еще прождем 40 лет, как планирует международная программа «ITER».

Энергетические фемтотехнологии могут стать «закрывающими» для атомной и термоядерной энергетике, бичом которых являются опасные для жизни нейтроны и радиоактивные изотопы.

С другой стороны, они открывают новый класс информационных технологий на базе гравитационных взаимодействий. XIX век стал веком исследования и применения звуковых волн. XX век стал веком электромагнитных волн. XXI век

должен выйти на освоение гравитационных волн, которые уже обнаружены для звезд и галактик в виде джетов. Только углубленное развитие фемто-области физики (внутренней структуры атомов) позволит нам найти новые информационные каналы [14].

Для стран СНГ в настоящее время наиболее актуально осуществлять разработку нано-фемтотехнологий для наиболее энергоемких отраслей экономики – электроэнергетики и транспорта, а также для электронной промышленности.

Заключение

В мире происходит изменение технологических и экономических парадигм, неразрывно связанных друг с другом.

Экономические парадигмы связаны с процессами глобализации, выравнивания экономик развитых и развивающихся стран, что приводит к выравниванию стоимости продуктов и услуг труда. Пока развитые страны, по инерции, хотят удержать сверхпотребление за счет развивающихся стран, используя международные финансовые и технологические механизмы путем эмиссии своих валют и технологических преимуществ. За счет этого механизма происходит изъятие дополнительной стоимости из развивающихся стран в виде инфляционно-эмиссионного налога в размере 4% мирового ВВП.

Непомерный эгоизм стран «золотого миллиарда» блокирует развитие стран СНГ. Финансовая технологическая политика развитых стран привела их к переходу из стадии реальных инноваций в стадию финансового богатства. Свой уровень потребления и власть они пытаются закрепить бесконтрольной эмиссией валюты, что приводит к дальнейшему ограблению развивающихся стран за счет высоких процентов ссудного капитала.

Кратковременной целью стран Содружества должно стать коллективное требо-

вание ликвидации оффшорных зон за рубежом, что заставит работать «беглый» капитал на народ своей страны.

На базе накопленных национальных богатств необходимо сформировать внутренние банки развития для стимулирования прорывных долгосрочных проектов. Это, в первую очередь, нанотехнологии, фемтотехнологии, ядерные (атто) технологии, новые материалы, энергосберегающие технологии и зеленая энергетика, биотехнологии. Это может стать реальностью, если мы совместными усилиями будем разумно кооперироваться между собой и с экономикой других стран мира.

Мы живем во времена перемен. Но это не должно помешать нам увидеть разумное, духовно-нравственное будущее человечества, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, которое признаёт возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение человека, а также значительно усилить физические, умственные и психологические его возможности.

Технологии со временем должны становиться чище и эффективнее. Такие отрасли, как нано-, фемто- и биотехнологии, дадут средства для полного восстановления окружающей среды и для новых чистых видов энергии. Только наука и техника позволят человечеству выйти из тупика в стабильно прогрессивное развитие и избежать катастрофических последствий глобальных рисков.

Мы с большой вероятностью можем предсказать, что в 2020–2025 гг. развитие человечества пройдет через ряд точек сингулярности:

- На основе дальнейшего развития нанoeлектроники будут созданы 3D нейрочипы, что позволит перейти от компьютеров Неймановского типа к нейрокompьютерам для массового применения. Это окончательно освободит человека от рутинных процессов производства и управления.

- На основе фемтотехнологий будет открыт источник энергии сверхновых звезд, что позволит создать компактные безвредные энергоустановки, доступные каждому жителю Земли. Новые источники энергии позволят освоить природные ресурсы, доступные всем – это песок, углекислый газ и т.п. Используя нанотехнологии в совокупности с этими источниками, можно будет создавать широкий ряд новых конструкционных материалов. Кроме этого, можно будет ликвидировать проблему недостатка чистой воды.

- Фемтотехнологии позволят решить многие задачи нанотехнологии, не решаемые на современном уровне науки. Например, будут решены проблемы трения, приводящие к износу и разрушению механизмов и транспортных систем. На основе этого станет возможным создание новых типов транспортных систем, а также создание нового класса гиперзвуковых самолетов, что еще более повысит коммуникационные возможности человечества.

- На основе генной инженерии и биотехнологий будут созданы фабрики по производству неограниченного количества белка из доступных всем ресурсов (вода, углекислый газ, солнце).

- На основе клеточных (стволовые клетки и др.) технологий будет возможно создание «запчастей» человека, что позволит улучшить качество жизни и продлить ее.

Ссылки на источники

1. Никитенко П.Г. Ноосферное мировоззрение и ноосферная экономика. Концептуальный политико-экономический планетарный проект духовно-нравственного устойчивого развития человечества (гл. 12.1; с. 996-1022); Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее. 400-летию политической экономии посвящается / под ред. В.М. Гейца, В.Н. Тарасевича. – Киев: ЦУЛ, 2014. – 1056 с.; Модель развития нового уклада экономики – инновационная созидательная стратегия устойчивой жизнедеятельности Беларуси в условиях глобализации // ВЕСЦІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ. – 2014. – №1. (Серия гуманитарных наук). – С. 119-125.
2. Ильянок А.М., Тимошенко Т.Н. Цифровой разум – один из путей к бессмертию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zolotoivek.org/index.php/2012-03-22-07-13-20/55-2012-04-19-16-02-10>
3. Майкл Диринг. Рассвет сингулярности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://transhumanism.org/languages/russian/dawnofsingularity/Deering.htm>
4. <http://ru.wikipedia.org/> глобальный инновационный индекс
5. Клеева Л.П. Приоритеты и модернизация экономики России / Институт экономики РАН. – СПб.: Алетейя, 2011.
6. Яковлев А.Р. Развитие рынка нанотехнологий: благо или опасность? Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №9(17) (www.sisp.nkras.ru)
7. О парке высоких технологий: Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. №12 (в ред. Декретов Президента Республики Беларусь от 04.04.2006 №5, от 12.05.2009 №6, от 28.01.2010 №2, от 30.12.2010 №10, от 27.04.2011 №3, от 27.03.2012 №4, от 11.07.2012 №7).
8. О приоритетных направлениях создания и развития новых и высоких технологий и критериях их оценки: Постановление Совета Министров РБ от 27 февраля 1997 г. №139.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2366746>
10. По материалам: www.membrana.ru
11. Взрыв гиперновой звезды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nasa.gov/vision/universe/watchtheskies/double_burst.html
12. Взрыв сверхновой звезды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.flcd.ru/news/science/59/>
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2011/27/megaproektyi-na-mikrourovne/> «Эксперт», №27(761)
14. Пуанок А.М. Manifesto. Galactic Internet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vixra.org/pdf/1306.0079v1.pdf>

Nikitenko P.G., Il'yanok A.M.

Singular technology – the research area promoting sustainable noosphere development in Belarus, Russia and other CIS nations

Petr Georgievich Nikitenko – Academician, Councilor of the National Academy of Sciences of Belarus (66, Independence Avenue, Office 401, Minsk, Republic of Belarus, nikitenkopetr@rambler.ru)

Aleksandr Mikhailovich Il'yanok – Ph.D. in Engineering Sciences, Professor, Supervisor of the IAE Nano- and Femtotechnology Project in the Republic of Belarus (amilyanok@gmail.com, <http://nanofemto.net>)

Abstract. The article is devoted to nano- and femtotechnology as the basis for sustainable noosphere development of the global socio-economic mega system “nature–man–society” in its relation with the Universe (cosmos) in Belarus, Kazakhstan, Russia, Ukraine and other CIS nations.

Such factors as the formation of a new (noospheric) political and economic outlook and the changes in scientific and technological structure of economy are gaining paramount importance under the action of the law of time and the adequate need to change the logic of socio-economic behavior of the population of planet Earth.

Singular technology can become a strategic priority in finding practical solutions to these issues. When creating new productive forces and relations of production, these technologies act as a synergetic and bifurcation (unpredictable) interaction of the three system technologies: artificial intelligence, molecular nanotechnology and molecular biotechnology.

As soon as man grasps the essence of singular technology, it will be possible to create a new structure of matter at the nano- and femtotechnology levels, and to exercise control over this process. The new structure of matter is the basis for the creation of new productive forces and relations of production in the noosphere economy.

Technological singularity originated in the mapping of the human genome, creation of a self-replicating organism, and a self-replicating machine. The nearest strategic objective (2020–2030s) of singular technology is to create an artificial brain – a “digital man” on the basis of nano- and femtotechnology.

This research area and practice will open the way to new forms of energy, productive forces, industrial relations and socio-economic noosphere systems in general. The wide application of singular technology in the economy will contribute to the conservation and civilizational development of the planetary megasystem “cosmos–nature–man–society”.

Key words: law of the time, sustainable noosphere innovation development, noosphere economy, megasystem “cosmos–nature–man–society”, socio-economic system, productive forces, relations of production, mind, consciousness, singular technology, nano- and femtotechnology, biotechnology, artificial intelligence, computer science, genetics, genetic engineering, stem cells, unresponsiveness to innovation, innovation economic efficiency, power corruption, currency corruption, offshore capital, taxes, levies.

References

1. Nikitenko P.G. *Noosfernoe mirovozzrenie i noosfernaya ekonomika. Kontseptual'nyy politiko-ekonomicheskii planetarnyy proekt dukhovno-nravstvennogo ustoychivogo razvitiya chelovechestva (gl. 12.1; s. 996-1022)* [Noosphere World View and Noosphere Economy. Conceptual Political-Economic Planetary Project of Moral Sustainable Development of the Humanity (Chapter 12.1; Pp. 996-1022)]; *Politicheskaya ekonomiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee. 400-letiyu politicheskoy ekonomii posvyashchaetsya* [Political Economics: Past, Present, Future. Dedicated to the 400th Anniversary of Political Economics]. Ed. by V.M. Geys, V.N. Tarasevich. Kyiv: TsUL, 2014. 1056 p.; *Model' razvitiya novogo uklada ekonomiki – innovatsionnaya sozidatel'naya strategiya ustoychivoy zhiznedeyatel'nosti Belarusi v usloviyakh globalizatsii* [The Model of Development of the New Economy – the Innovation Creative Strategy of Sustainable Life of Belarus in the Conditions of Globalization]. ВЕСЦІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ (Серыя гуманітарных навук) [Bulletin of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanities Series], 2014, no.1, pp. 119-125.
2. Пьянок А.М., Тимощенко Т.Н. *Tsifrovoy razum – odin iz putey k bessmertiyu* [Digital Mind – a Way to Immortality]. Available at: <http://zolotoivek.org/index.php/2012-03-22-07-13-20/55-2012-04-19-16-02-10>
3. Deering M. *Rassvet singulyarnosti* [Dawn of Singularity]. Available at: <http://transhumanism.org/languages/russian/dawnofsingularity/Deering.htm>
4. *Global'nyy innovatsionnyy indeks* [Global Innovation Index]. Available at: <http://ru.wikipedia.org/> глобальный инновационный индекс
5. Kleeva L.P. *Prioritety i modernizatsiya ekonomiki Rossii* [Priorities and Modernization of the Russian Economy]. Institut ekonomiki RAN. Saint Petersburg: Aletyya, 2011.
6. Yakovlev A.R. *Razvitie rynka nanotekhnologii: blago ili opasnost'?* [Development of Nanotechnology: Blessing or a Danger?]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*. [Modern Research of Social Problems (Scientific E-Journal)], 2012, no.9(17). Available at: www.sisp.nkras.ru

7. *Dekret Prezidenta Respubliki Belarus' ot 22 sentyabrya 2005 g. №12 o Parke vysokikh tekhnologiy (v red. Dekretov Prezidenta Respubliki Belarus' ot 04.04.2006 №5, ot 12.05.2009 №6, ot 28.01.2010 №2, ot 30.12.2010 №10, ot 27.04.2011 №3, ot 27.03.2012 №4, ot 11.07.2012 №7* [The Decree of the President of the Republic of Belarus dated September 22, 2005 No.12 “On the High Technology Park” (as Amended by the Decrees of the President of the Republic of Belarus dated April 04, 2006 No.5, dated May 12, 2009 No.6, dated January 28, 2010 No.2, dated December 30, 2010 No. 10, dated April 27, 2011 No.3, dated March 27, 2012 No.4, July 11, 2012 No. 7)].
8. *O prioritnykh napravleniyakh sozdaniya i razvitiya novykh i vysokikh tekhnologiy i kriteriyakh ikh otsenki: Postanovlenie Soveta Ministrov RB ot 27 fevralya 1997 g. №139* [About the Priority Directions of Creation and Development of New and High Technology and their Assessment Criteria: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 27, 1997 No.139].
9. Rossiyskie kapitaly uskoryayut beg [Russian capital is speeding up its flight]. *Gazeta Kommersant* [Businessman Newspaper]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2366746>
10. Information available at: www.membrana.ru
11. *Vzryv gipernovoy zvezdy* [Explosion of a Hypernova]. Available at: http://www.nasa.gov/vision/universe/watchtheskies/double_burst.html
12. *Vzryv sverkhnovoy zvezdy* [Explosion of a Supernova]. Available at: <http://www.flcd.ru/news/science/59/>
13. Megaproekty na mikrourovne [Megaprojects on a Micro Level]. *Expert online* [Expert Online], no.27(761). Available at: <http://expert.ru/expert/2011/27/megaproektyi-na-mikrourovne/>
14. Ilyanok A.M. *Manifesto. Galactic Internet*. Available at: <http://vixra.org/pdf/1306.0079v1.pdf>

Организационно-экономическое обеспечение инновационной деятельности в регионе: сравнительная оценка*

Надежда Игоревна
АНТИПИНА

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Костромской государственный технологический университет, Институт управления экономики и финансов, кафедра экономики и управления (156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17, e-mail: ni_antipina@mail.ru)

Аннотация. Предложен подход к оценке организационно-экономического обеспечения инновационной деятельности регионов страны в количественных и качественных показателях, а также метод расчета оценки нормативно-правового обеспечения этой деятельности. Обоснован авторский подход к сравнительной оценке эффективности инновационного законодательства и уровня инновационного развития регионов. Проведена качественная оценка нормативно-правовой базы инновационного развития в регионах – инновационных лидерах. Выделены основные направления формирования нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности, эффективно влияющие на инновационную деятельность в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: инновационная деятельность; инновационная политика; нормативно-правовое обеспечение; регион.

Создание в российских регионах конкурентоспособных производств, способных к освоению инновационных технологий, является одним из направлений стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

В этой связи представляет особый интерес организационно-экономическое обеспечение инновационных процессов на региональном уровне как самостоятель-

ный объект исследования, которое включает нормативно-правовое обеспечение инновационной деятельности, институты и механизмы их функционирования.

Нормативно-правовое обеспечение – основное условие содействия государства развитию экономики страны и ее регионов в данном направлении. В настоящее время значительные усилия государства направлены на создание нормативно-правовой базы инновационной деятельности.

* Работа выполнена под руководством д.э.н., профессора М.И. Беркович.

На федеральном уровне утверждены такие важные документы, как «Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года» [1], долгосрочные отраслевые стратегии развития, государственные программы поддержки отраслей [2], комплексная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» [3], «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечень критических технологий Российской Федерации» [4]. Кроме того, нормативно закреплена деятельность ведущих российских институтов инновационного развития, разработаны (но не утверждены) федеральные законы о государственной поддержке инновационной деятельности, о промышленном развитии страны, о государственно-частном партнерстве.

Министерством экономического развития Российской Федерации представлена классификация объектов инновационной инфраструктуры, состоящая из трех ключевых блоков:

1. Производственно-технологическая инфраструктура, в том числе:

– технопарковые структуры, включающие научно-производственные комплексы, оказывающие широкий спектр услуг малым и средним предприятиям в инновационной сфере, бизнес-инкубаторы, технопарки (инновационно-технологические центры, технопарки в сфере высоких технологий, научные парки, академпарки);

– территории инновационного развития, включающие ОЭЗ технико-внедренческого типа регионального уровня, наукограды, иннограды (строящиеся и уже существующие);

– другие объекты инновационной инфраструктуры, содействующие коммерциализации результатов научной деятельности, включающие центры кластерного развития, центры коллективного пользо-

вания, инжиниринговые центры (центры прототипирования), центры трансфера технологий, организации по сертификации (сертификационные центры) и испытательные лаборатории (центры), выполняющие работы по подтверждению соответствия инновационной (высокотехнологичной) продукции предъявляемым требованиям.

2. Информационная и экспертно-консалтинговая инфраструктура, включающая информационные центры (центры / институты научно-технической информации, отраслевые центры прогнозирования научно-технического развития), центры субконтракта, Европейский информационный корреспондентский центр в России (ЕИКЦ–Россия), Российское представительство Европейской сети поддержки предпринимательства (EEN–Россия), а также ассоциации (агентства) поддержки предпринимательства и другие организации – члены Региональной сети ЕИКЦ–Россия.

3. Финансовая инфраструктура, включающая фонды содействия развитию венчурных инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства в научно-технической сфере (некоммерческие организации), венчурные фонды (региональные венчурные фонды инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере, посевные / стартовые фонды), гарантийные фонды [5].

Наряду с этим в большинстве российских регионов разрабатывается собственная нормативно-правовая база, которая регулирует осуществление инновационной деятельности, анализ наличия которой проведен на примере 17-ти регионов Центрального федерального округа (исключая Москву). Нормативно-правовые акты этих регионов структурированы по пяти основным направлениям: закон об инновациях; нормативно-правовой акт, регулирующий создание и функционирование иннова-

ционной инфраструктуры в разрезе групп объектов инновационной инфраструктуры; нормативно-правовой акт, регулирующий предоставление финансовой поддержки инновационным предприятиям; нормативно-правовой акт, регулирующий функционирование совещательного органа по вопросам государственного регулирования развития инновационной системы; региональные целевые программы, направленные на развитие инновационной деятельности (табл. 1).

Из таблицы видно, что в регионах округа приняты нормативно-правовые акты по оказанию финансовой поддержки инновационным предприятиям; практически во всех регионах утверждены законы об инновациях, а также нормативно закреплена деятельность совещательных органов по инновационной политике.

Что касается нормативно-правовой базы функционирования инновационной инфраструктуры, то она в настоящее время представлена незначительно. Так, лишь в трёх регионах утверждены нормативно-правовые акты, регулирующие создание и функционирование особых экономических зон регионального уровня технико-внедренческого типа, в четырёх — наукоградов, в одном регионе — центров кластерного развития, в 2-х регионах — инжиниринговых центров, в 3-х регионах — информационных центров, в 7-ми регионах — агентства поддержки предпринимательства, в 2-х регионах — фондов содействия развитию венчурных инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства.

Нормативно-правовые акты, регулирующие создание и функционирование инноградов, центров коллективного пользования, центров коммерциализации технологий, организаций по сертификации, а также центров субконтрактации, ни в одном из представленных регионов ЦФО не утверждены.

Оценку нормативно-правового обеспечения инновационных процессов в целях выработки наиболее перспективных направлений развития нормативно-правовой базы инновационной деятельности предложено осуществить в баллах (с использованием весовых коэффициентов). Метод расчета данной оценки разработан с учетом Методики оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения [6].

Методика предназначена для оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения, по инвестиционным проектам, финансирование которых планируется осуществлять полностью или частично за счет средств федерального бюджета. Оценка эффективности, согласно Методике, осуществляется на основе интегральной оценки эффективности, а также оценки эффективности на основе девяти качественных и пяти количественных критериев путем определения балла оценки по каждому из указанных критериев.

Оценку нормативно-правового обеспечения предлагается осуществить на основе четырёх количественных критериев, характеризующих наличие (отсутствие) следующих нормативно-правовых актов:

- 1) регионального закона об инновационной деятельности;
- 2) нормативно-правового акта, регулирующего деятельность инновационной инфраструктуры, в том числе:
 - 2.1. производственно-технологической;
 - 2.2. информационной и экспертно-консалтинговой;
 - 2.3. финансовой;
- 3) по оказанию финансовой поддержки инновационным компаниям;
- 4) о деятельности совещательного органа по инновационной политике.

Таблица 1. Институциональное обеспечение инновационной деятельности в регионах ЦФО

№ п/п	Область (регион ЦФО)	Закон об инновациях	Нормативно-правовые акты, регулирующие создание и функционирование инновационной инфраструктуры												Целевые программы по развитию инновационной деятельности					
			Производственно-технологическая						Информационная и экспертно-консалтинговая			Финансовая				Финансовая поддержка инноваций	Совещательный орган по инновационной политике			
			Бизнес-инкубаторы	Технопарки	ОЗЭ РУ ТВИ	Накопительные фонды	Центры кластерного развития	Центры коллективного пользования	Инжиниринговые центры	Центры трансфера (коммерциализации) технологий	Организации по сертификации	Информационные центры	Центры субконтракции	ЕИСК – Россия, EEN – Россия, агентства поддержки предпринимательства	Фонды поддержки МСП	Фонды содействия развитию венчурных инвестиций в МСП	Гарантийные фонды	Финансовая поддержка инноваций	Совещательный орган по инновационной политике	Целевые программы по развитию инновационной деятельности
1.	Белгородская	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
2.	Брянская	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-
3.	Владимирская	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
4.	Воронежская	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+
5.	Ивановская	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+
6.	Калужская	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-
7.	Костромская	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-
8.	Курская	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
9.	Липецкая	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+
10.	Московская	+	+	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-
11.	Орловская	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
12.	Рязанская	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-
13.	Смоленская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-
14.	Тамбовская	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-
15.	Тверская	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
16.	Тульская	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	+
17.	Ярославская	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+

Примечание: «+» – наличие нормативно-правового акта в регионе; «-» – отсутствие нормативно-правового акта в регионе.
 Источник: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: региональное законодательство».

Оценка нормативно-правового обеспечения (Ои) на основе количественных критериев рассчитывается по следующей формуле:

$$O_i = \sum K_i \times V_i,$$

где: K_i – балл оценки i -ого количественного критерия;

V_i – весовой коэффициент i -ого количественного критерия;

i – число количественных критериев, i равно 1, 2.1, 2.2, 2.3, 3, 4.

Значение весового коэффициента по каждому количественному критерию определялось на основе метода экспертных оценок. В качестве экспертов привлечены ведущие специалисты органов исполнительной власти региона, занимающиеся разработкой инновационной политики региона; руководители действующих инновационных предприятий; представители научного сообщества (кандидаты и доктора экономических наук), занимающиеся исследованиями инновационного развития. В качестве показателя компетентности экспертов принят показатель «стаж работы в экспертируемой области» (не менее 5-ти лет).

Обобщенные экспертные оценки нормативно-правового обеспечения инновационных процессов в регионах ЦФО представлены в *таблице 2*.

Из *таблицы 2* видно, что наиболее значимыми формами нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности, по мнению экспертов, являются нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность производственно-технологической инновационной инфраструктуры (0,25), региональный закон об инновационной деятельности, а также нормативно-правовой акт, регулирующий оказание финансовой поддержки инновационным компаниям (0,2).

Возможные значения по каждому из критериев ранжированы в зависимости от количества утвержденных региональных нормативно-правовых документов, регулирующих инновационную деятельность (*табл. 3*).

Как видно из *таблицы 3*, максимальное суммарное значение баллов, которое может быть присвоено региону, равно 19-ти (при $K_{1max} = 1$, $K_{2.1max} = 10$, $K_{2.2max} = 3$, $K_{2.3max} = 3$, $K_{3max} = 1$, $K_{4max} = 1$).

Суммарное значение баллов по каждому субъекту ЦФО представлено в *таблице 4*.

Из данных *таблицы* видно, что в регионах ЦФО утверждено менее половины от максимально возможного количества нормативно-правовых актов, регулирующих инновационную деятельность.

Таблица 2. Значения весовых коэффициентов критериев оценки нормативно-правового обеспечения инновационных процессов в регионах ЦФО

Критерий оценки	Значение
1. Наличие регионального закона об инновационной деятельности	0,20
2. Наличие нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность объектов инновационной инфраструктуры региона, в том числе:	
2.1. Объектов производственно-технологической инновационной инфраструктуры	0,25
2.2. Объектов информационной и экспертно-консалтинговой инновационной инфраструктуры	0,10
2.3. Объектов финансовой инновационной инфраструктуры	0,10
3. Наличие нормативно-правового акта, регулирующего оказание финансовой поддержки инновационным компаниям	0,20
4. Наличие нормативно-правового акта, регулирующего деятельность совещательного органа по инновационной политике	0,15
Итого	1,00

Таблица 3. Допустимые значения количественных критериев нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности в регионах, баллов

Обозначение	Допустимые баллы оценки	Требования к определению баллов оценки по каждому из критериев
K1	0÷1	Балл равный 1 присваивается региону, в котором утвержден закон об инновационной деятельности Балл равный 0 присваивается региону, в котором этот закон не утвержден
K2.1	0÷10	Балл равный 10 присваивается региону, в котором утверждены нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность максимально возможного количества (10)* объектов производственно-технологической инновационной инфраструктуры Балл равный 0 присваивается региону, в котором эти акты не утверждены
K2.2	0÷3	Балл равный 3 присваивается региону, в котором утверждены нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность максимально возможного количества (3)** объектов информационной и экспертно-консалтинговой инновационной инфраструктуры Балл равный 0 присваивается региону, в котором эти акты не утверждены
K2.3	0÷3	Балл равный 3 присваивается региону, в котором утверждены нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность максимально возможного количества (3)*** объектов финансовой инновационной инфраструктуры Балл равный 0 присваивается региону, в котором эти акты не утверждены
K3	0÷1	Балл равный 1 присваивается региону, в котором утверждены нормативно-правовые акты, регулирующие оказание финансовой поддержки инновационным компаниям Балл равный 0 присваивается региону, в котором эти акты не утверждены
K4	0÷1	Балл равный 1 присваивается региону, в котором утвержден нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность совещательного органа по инновационной политике Балл равный 0 присваивается региону, в котором этот акт не утвержден
<p>* 1. Бизнес-инкубаторы. 2. Технопарки. 3. Особые экономические зоны технико-внедренческого типа. 4. Наукограды. 5. Иннограды. 6. Центры кластерного развития. 7. Центры коллективного пользования. 8. Инжиниринговые центры. 9. Центры трансфера (коммерциализации) технологий. 10. Организации по сертификации. ** 1. Информационные центры. 2. Центры субконтрактации. 3. Агентства поддержки предпринимательства (ЕИКЦ–Россия, EEN–Россия). *** 1. Фонды поддержки малого и среднего предпринимательства. 2. Фонды содействия развитию венчурных инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства. 3. Гарантийные фонды.</p>		

Таблица 4. Значения количественных критериев нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности в регионах ЦФО, баллов

Область (регион ЦФО)	Общее число баллов	НПА инновационная инфраструктура			Закон об инновациях	НПА финансовая поддержка инноваций	НПА совещательный орган по инновационной политике
		Производственно-технологическая	Информационная и экспертно-консалтинговая	Финансовая			
Белгородская	7	2	0	2	1	1	1
Брянская	6	1	2	1	1	1	0
Владимирская	7	2	0	2	1	1	1
Воронежская	8	3	0	2	1	1	1
Ивановская	4	1	0	1	1	1	0
Калужская	9	3	1	2	1	1	1
Костромская	5	2	1	1	0	1	0
Курская	3	2	0	0	0	1	0
Липецкая	6	2	0	1	1	1	1
Московская	12	5	2	2	1	1	1
Орловская	7	2	0	2	1	1	1
Рязанская	7	2	1	1	1	1	1
Смоленская	4	0	1	2	0	1	0
Тамбовская	7	3	1	0	1	1	1
Тверская	5	1	0	1	1	1	1
Тульская	6	1	1	2	1	1	0
Ярославская	5	2	0	1	0	1	1

В тройку лидеров по количеству баллов вошли Московская, Воронежская и Калужская области. Следует отметить, что максимальный балл среди регионов составил 12 (63% от максимально возможного), что свидетельствует о недостаточной проработанности системы нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности. В частности, как видно из таблицы 4, в меньшей степени регулируется функционирование информационной и экспертно-консалтинговой инфраструктуры, в большей степени – функционирование финансовой инфраструктуры. Регионами-аутсайдерами в 2013 году по общему числу набранных баллов стали Ивановская, Курская и Смоленская области.

Предельное (максимальное) значение оценки установлено равным 100% или 3,65 в абсолютных показателях. Соответствие числового значения оценки установленному предельному значению свидетельствует о максимальной степени разработанности нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности региона.

По результатам расчетов оценки числовое значение может находиться в пределах:

- от 65% (2,37) до 100% (3,65), что свидетельствует о высокой степени разработанности нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности региона;

- от 30% (1,09) до 65% (2,37), что свидетельствует о средней степени разработанности нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности региона;
- ниже 30% (1,09), что свидетельствует о низкой степени разработанности нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности региона.

Сравнительная оценка нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности и соответствующий рейтинг регионов ЦФО представлены в *таблице 5*.

Из таблицы 5 видно, что по значению интегральной оценки правового обеспечения инновационных процессов в регионах ЦФО среди рассмотренных 17-ти субъектов лидером рейтинга стала Московская область, 2-е место – у Калужской области,

Таблица 5. Сравнительная оценка нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности в регионах ЦФО

Субъект ЦФО	Расчет присвоения интегральной оценки	Значение интегральной оценки	Место региона в рейтинге
Белгородская область	$1 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,25	5
Брянская область	$1 \times 0,2 + 1 \times 0,25 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 0 \times 0,15$	0,95	7
Владимирская область	$1 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,25	5
Воронежская область	$1 \times 0,2 + 3 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,50	3
Ивановская область	$1 \times 0,2 + 1 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 0 \times 0,15$	0,75	9
Калужская область	$1 \times 0,2 + 3 \times 0,25 + 1 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,60	2
Костромская область	$0 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 0 \times 0,15$	0,90	8
Курская область	$0 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 0 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 0 \times 0,15$	0,70	10
Липецкая область	$1 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,15	6
Московская область	$1 \times 0,2 + 5 \times 0,25 + 2 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	2,20	1
Орловская область	$1 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,25	5
Рязанская область	$1 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,25	5
Смоленская область	$0 \times 0,2 + 0 \times 0,25 + 1 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 0 \times 0,15$	0,50	11
Тамбовская область	$1 \times 0,2 + 3 \times 0,25 + 1 \times 0,1 + 0 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	1,40	4
Тверская область	$1 \times 0,2 + 1 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	0,90	8
Тульская область	$1 \times 0,2 + 1 \times 0,25 + 1 \times 0,1 + 2 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 0 \times 0,15$	0,95	7
Ярославская область	$0 \times 0,2 + 2 \times 0,25 + 0 \times 0,1 + 1 \times 0,1 + 1 \times 0,2 + 1 \times 0,15$	0,95	7

3-е место – у Воронежской. Установлено, что средней степенью разработанности нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности обладают 9 регионов ЦФО, низкой степенью – 8 регионов.

Представляет интерес сравнительный анализ положения региона по значению данной оценки и по ключевым показателям его инновационности – инновационной активности организаций и удельному весу инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме продукции, отгруженной предприятиями региона [7] (табл. 6).

Из таблицы 6 видно, что прямая зависимость между показателями отсутствует: регионы, лидирующие по нормативно-правовому обеспечению инновационной деятельности в количественном аспекте (Московская, Калужская, Воронежская и Тамбовская области), обладают невысоким уровнем инновационного развития.

Это объясняется тем, что на развитие инновационной деятельности в регионе влияет не столько наличие достаточной нормативно-правовой базы инновационного развития на мезо- и макроэкономическом уровне, сколько механизмы ее реализации.

К такого рода инструментарию можно отнести прежде всего наличие значительных финансовых ресурсов и четких правил их формирования и распределения, уровень менеджмента в регионе. Они могут проявляться в различных формах, таких как: участие предприятий в финансировании региональных инновационных программ, грантовая и премиальная поддержка научных организаций; создание особых экономических зон, обеспечивающих благоприятные условия ведения бизнеса в виде комплекса льгот для предприятий-резидентов, в том числе занимающихся инновационной деятельностью.

Таблица 6. Сравнительный анализ рейтингов регионов ЦФО по уровню нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности, по инновационной активности организаций и удельному весу инновационных товаров, работ, услуг

Субъект ЦФО	Рейтинг нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности	Рейтинг инновационной активности организаций	Рейтинг удельного веса инновационных товаров, работ, услуг
Белгородская область	5	10	11
Брянская область	7	12	6
Владимирская область	5	4	4
Воронежская область	3	11	8
Ивановская область	9	13	17
Калужская область	2	7	9
Костромская область	8	15	13
Курская область	10	3	12
Липецкая область	6	1	3
Московская область	1	13	5
Орловская область	5	8	16
Рязанская область	5	6	15
Смоленская область	11	14	14
Тамбовская область	4	13	10
Тверская область	8	9	7
Тульская область	7	2	2
Ярославская область	7	5	1

Рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики: раздел «Наука и инновации», данные 2012 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/

В частности, в Ярославской области базисным документами являются программа модернизации и инновационного развития промышленности Ярославской области на 2011–2013 годы [8] и программа «Развитие и поддержка инновационной деятельности в Ярославской области» на 2012–2014 годы» [9].

Программы направлены на техническое обновление производственной базы предприятий, развитие инновационной инфраструктуры, информационного и кадрового потенциала в сфере инновационной деятельности, предоставление субсидий и грантов инновационным предприятиям.

Об эффективности программ свидетельствует их высокая результативность по итогам 2012 года: 405,2% исполнения (в сравнении с 55,6% исполнения в 2011 году) программы модернизации и инновационного развития промышленности Ярославской области на 2011–2013 годы и 98,4% исполнения программы «Развитие и поддержка инновационной деятельности в Ярославской области» в 2012–2014 годах соответственно [10].

Столь высокая результативность программы модернизации и инновационного развития промышленности Ярославской области достигнута за счет многократного увеличения объемов финансирования из внебюджетных источников, то есть промышленных предприятий, которые реально заинтересованы в инновационном развитии.

В Тульской области ключевыми документами, стимулирующими инновационную деятельность, являются постановление правительства области о грантах [11] и указы губернатора о присуждении премий в сфере науки и техники (премии им. Б.С. Стечкина, К.Д. Ушинского, С.И. Мосина); соглашения между Тульской

областью и Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), а также Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) об оказании грантовой поддержки региональным инновационным предприятиям, обеспечивающим развитие научных исследований. Так, в 2013 году совместный грант РФФИ составил 950 тысяч рублей [12]. Правительственная грантовая поддержка на общую сумму 2 миллиона рублей ежегодно осуществляется в регионе уже более 10 лет, что свидетельствует о востребованности ее среди инновационных предприятий. В 2013 году правительственные гранты получили 18 субъектов инновационной деятельности [13].

В Липецкой области действует закон «Об особых экономических зонах регионального уровня» [14], которым регламентируется процесс создания особых экономических зон регионального уровня как объектов инновационной инфраструктуры на территории региона. Участникам данных зон предоставляется государственная поддержка в виде налоговых льгот (по налогу на прибыль – 13,5% в течение семи лет, по налогу на имущество – 0% в течение 7 лет, по транспортному налогу – 0% в течение 10 лет), льготной арендной платы за землю (0–0,6% на 5 лет). На территории региона сформировано десять таких зон. К концу 2013 года число участников зон регионального уровня составило 39, объем освоенных инвестиций – 14,96 млрд. рублей, количество созданных рабочих мест – 1179, объем производства – 15,68 млрд. рублей [15].

Таким образом, на основе опыта регионов-лидеров (Липецкая, Тульская и Ярославская области), а также с учетом специфики инновационной среды и уникальности моделей инновационного развития данных регионов выделены следующие приоритетные направления формирования

нормативно-правовых актов инновационной деятельности, обеспеченных мощной финансовой поддержкой:

1) содействие инновационному развитию промышленных предприятий на условиях его софинансирования государственным сектором и заинтересованными предприятиями (Ярославская область);

2) содействие инновационному развитию предприятий путем создания региональных особых экономических зон, предусматривающих налоговые и другие льготы для резидентов (Липецкая область);

3) содействие развитию инновационных предприятий научно-образовательного комплекса путем финансирования результатов их интеллектуальной деятельности посредством грантов и премий (Тульская область).

Таким образом, развитие инновационной деятельности в стране может быть обеспечено, в частности, за счет передачи и тиражирования ведущими регионами накопленного опыта как направлений формирования институционального обеспечения, так и системы управления в целом.

Литература

1. О Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 №2227-р [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс.
2. ФЦП и государственные программы // Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/fcp>
3. Комплексная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий»: Распоряжение Правительства Российской Федерации // Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. — Режим доступа: [http://minsvyaz.ru/common/upload/Programma\[1\].pdf](http://minsvyaz.ru/common/upload/Programma[1].pdf)
4. Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.07.2011 №899 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
5. Информационные формы для характеристики объектов инновационной инфраструктуры субъектов Российской Федерации и методические материалы по их заполнению // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/innovations/development/doc20120614_02
6. Об утверждении методики оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения: Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 24.02.2009 №58 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
7. Наука и инновации: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
8. Об утверждении областной целевой программы модернизации и инновационного развития промышленности Ярославской области на 2011–2013 годы: Постановление Правительства Ярославской области от 10.05.2011 №347-п [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: региональное законодательство.
9. Областная целевая программа развития и поддержки инновационной деятельности в Ярославской области на 2012–2014 годы: Постановление Правительства Ярославской области от 07.12.2011 №962-п [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: региональное законодательство.
10. Результаты реализации целевых программ // Портал органов государственной власти Ярославской области. — Режим доступа: <http://www.yarregion.ru/Government/programs.aspx>
11. О грантах Правительства Тульской области в сфере науки и техники: Постановление Правительства Тульской области от 19.06.2012 №265 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: региональное законодательство.

12. Результаты выполнения работ за счет совместных грантов правительства Тульской области и Российского фонда фундаментальных исследований 2013 года [Электронный ресурс] / Министерство промышленности и топливно-энергетического комплекса Тульской области. — Режим доступа: <http://prom.tularegion.ru/science/rffi/>
13. Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2013 года: Постановление Правительства Тульской области от 25.11.2013 №679 / Министерство промышленности и топливно-энергетического комплекса Тульской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://prom.tularegion.ru/netcat_files/7963/10386/h_82e0814b0c2b5a123308f6a089df816e
14. Об особых экономических зонах регионального уровня: Закон Липецкой области от 18.08.2006 №316-ОЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: региональное законодательство.
15. Опыт создания и развития особых экономических зон регионального уровня как объектов инновационной инфраструктуры Липецкой области [Электронный ресурс] / Ассоциация инновационных регионов России. — Режим доступа: <http://www.i-regions.org/upload/lipetsk.pdf>

Antipina N.I.

Organizational-economic maintenance of innovation activity in the region: comparative assessment

Nadezhda Igorevna Antipina — Graduate Student, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education “Kostroma State Technological University”, Department of Economics and Management (17, Dzerzhinsky Street, Kostroma, 156005, Russia, ni_antipina@mail.ru)

Abstract. The article proposes the approach to evaluate the organizational-economic maintenance of innovation activity in the regions in quantitative and qualitative indicators, as well as the method to calculate the assessment of regulatory support of this activity. It justifies the author’s approach of comparative efficiency evaluation of innovation legislation and regions’ innovation development level. The article gives the qualitative estimation of regulatory support of innovation development in the regions that are innovation leaders. It singles out key directions to develop regulatory support of innovation activity, which encourage RF subjects’ innovation activity.

Key words: innovation activity; innovation policy; regulatory support; region.

References

1. O Strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 08.12.2011 №2227-r [On the Strategy of Innovation Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: the RF Government Decree of December 8, 2011, no. 2227-R]. *Spravочно-pravovaya sistema “Konsul'tant plyus”* [Legal-Reference System “ConsultantPlus”].
2. FTsP i gosudarstvennye programmy [FTP and State Programs]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva promyshlennosti i torgovli Rossiiskoi Federatsii* [Official Website of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation]. Available at: <http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/fcp>
3. Kompleksnaya programma “Sozdanie v Rossiiskoi Federatsii tekhnoparkov v sfere vysokikh tekhnologii”: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii [Complex Program “Creation of Science and Technology Parks in the Russian Federation in Sphere of High Technologies”: the RF Government Decree]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii* [Official Website of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation]. Available at: [http://minsvyaz.ru/common/upload/Programma\[1\].pdf](http://minsvyaz.ru/common/upload/Programma[1].pdf)
4. Ob utverzhdenii prioritnykh napravlenii razvitiya nauki, tekhnologii i tekhniki v Rossiiskoi Federatsii i perechnya kriticheskikh tekhnologii Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.07.2011 №899 [On Approval of Priority Directions in Science, Technology and Technique Development, List of Critical Technologies

- of the Russian Federation: the Decree of the RF President of July 7, 2011, no. 899]. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tant plyus"* [Legal-Reference System "ConsultantPlus"].
5. Informatsionnye formy dlya kharakteristiki ob"ektov innovatsionnoi infrastruktury sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i metodicheskie materialy po ikh zapolneniyu [Information Forms to Characterize the Innovation Infrastructure Objects of the RF Subjects and Guidance Materials for their Completion]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Official Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/innovations/development/doc20120614_02
 6. Ob utverzhdenii metodiki otsenki effektivnosti ispol'zovaniya sredstv federal'nogo byudzheta, napravlyaemykh na kapital'nye vlozheniya: Priказ Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii ot 24.02.2009 №58 [On Approval of the Methodology to Estimate the Use Efficiency of the Federal Budget Funds, Allocated for Capital Investments: the Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of February 24, 2009, no. 58]. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tant plyus"* [Legal-Reference System "ConsultantPlus"].
 7. *Nauka i innovatsii: Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Science and Innovation: the Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
 8. Ob utverzhdenii oblastnoi tselevoi programmy modernizatsii i innovatsionnogo razvitiya promyshlennosti Yaroslavskoi oblasti na 2011–2013 gody: Postanovlenie Pravitel'stva Yaroslavskoi oblasti: ot 10.05.2011 №347-p [On Approval of the Regional Target Program of Modernization and Innovation Development of the Industry of the Yaroslavl Oblast for 2011–2013: the Yaroslavl Oblast Government Decree of May 10, 2011, no. 347-p]. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tant plyus"* [Legal-Reference System "ConsultantPlus"].
 9. Oblastnaya tselevaya programma razvitiya i podderzhki innovatsionnoi deyatel'nosti v Yaroslavskoi oblasti na 2012–2014 gody: Postanovlenie Pravitel'stva Yaroslavskoi oblasti ot 07.12.2011 №962-p [The Regional Target Program of Development and Support of Innovative Activity in the Yaroslavl Oblast for 2012–2014: the Yaroslavl Oblast Government Decree Dated December 7, 2011, no. 962-p]. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tant plyus"* [Legal-Reference System "ConsultantPlus"].
 10. Rezul'taty realizatsii tselevykh program [The results of target programs implementation]. *Portal organov gosudarstvennoi vlasti Yaroslavskoi oblasti* [Web Portal of the Public Authorities of the Yaroslavl Oblast]. Available at: <http://www.yarregion.ru/Government/programs.aspx>
 11. O grantakh Pravitel'stva Tul'skoi oblasti v sfere nauki i tekhniki: Postanovlenie Pravitel'stva Tul'skoi oblasti ot 19.06.2012 №265 [On Grants of the Tula Oblast Government in the Sphere of Science and Technology: the Tula Oblast Government Decree of June 19, 2012, no. 265]. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tant plyus"* [Legal-Reference System "ConsultantPlus"].
 12. Rezul'taty vypolneniya rabot za schet sovmestnykh grantov pravitel'stva Tul'skoi oblasti i Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy 2013 goda [The Results of Work Execution at the Expense of Joint Grants of the Tula Oblast Government and the Russian Foundation for Basic Research in 2013]. *Ministerstvo promyshlennosti i toplivno-energeticheskogo kompleksa Tul'skoi oblasti* [The Ministry of Industry and Fuel and Energy Complex of the Tula Oblast]. Available at: <http://prom.tularegion.ru/science/rffi/>
 13. Ob itogakh konkursa grantov Pravitel'stva Tul'skoi oblasti v sfere nauki i tekhniki 2013 goda: Postanovlenie Pravitel'stva Tul'skoi oblasti ot 25.11.2013 №679 [On Results of the Tula Oblast Government's Grants Tender in the Sphere of Science and Technology in 2013: the Tula Oblast Government Decree of November 25, 2013, no. 679]. *Ministerstvo promyshlennosti i toplivno-energeticheskogo kompleksa Tul'skoi oblasti* [The Ministry of Industry and Fuel and Energy Complex of the Tula Oblast]. Available at: http://prom.tularegion.ru/netcat_files/7963/10386/h_82e0814b0c2b5a123308f6a089df816e
 14. Ob osobykh ekonomicheskikh zonakh regional'nogo urovnya: Zakon Lipetskoi oblasti ot 18.08.2006 №316-OZ [On Special Economic Zones of the Regional Level: the Law of the Lipetsk Oblast of August 18, 2006, no. 316-OZ]. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tant plyus"* [Legal-Reference System "ConsultantPlus"].
 15. Opyt sozdaniya i razvitiya osobykh ekonomicheskikh zon regional'nogo urovnya kak ob"ektov innovatsionnoi infrastruktury Lipetskoi oblasti [Experience of Creation and Development of Regional Special Economic Zones as Objects of Innovation Infrastructure of the Lipetsk Oblast]. *Assotsiatsiya innovatsionnykh regionov Rossii* [Association of Innovation Regions in Russia]. Available at: <http://www.i-regions.org/upload/lipetsk.pdf>

Наукоемкий труд и транснациональные сети в государственном секторе Литвы

Лютаурас Лабанаускас

доктор, научный сотрудник Института социологии Литовского центра социальных исследований (LT-01108, Литва, г. Вильнюс, ул. А. Гостауто, 11, Liutauras.labanauskas@gmail.com, institutas@lstc.lt)

Аннотация. Во всех странах мира молодые люди, стремящиеся сделать карьеру, отличаются большой мобильностью, и Литва в этом плане не является исключением. Тем не менее в настоящее время лишь небольшое количество исследований посвящено анализу механизмов и процессов интеграции человека, получившего образование в другой стране или проработавшего там в течение определенного периода времени, в рынок труда родной страны. Именно эти механизмы и процессы позволяют повысить свою ценность на рынке труда, создавать и передавать инновации. В целях преодоления разрыва по исследованиям, посвященным мобильности и миграции, в статье рассмотрен опыт «возвращения в Литву» граждан данной страны, получивших степень бакалавра или магистра за рубежом. Цель работы – показать, как миграция помогает развитию человеческого, социального и культурного капиталов и как мигранты способствуют развитию инноваций в своей стране.

Ключевые слова: наукоемкий труд, транснациональные сети, миграция студентов, инновации, Литва.

Введение

Международная миграция способствует появлению инноваций [20, 24]. Таким образом, изучение взаимосвязи между миграцией и инновациями в основном ориентировано на инновации в высоких технологиях и/или в наукоемких секторах и их связь с миграцией высококвалифицированных кадров [25]. С другой стороны, косвенно инновации создаются и в менее

наукоемких секторах, например в секторе государственного и муниципального управления, в то же время вклад мобильных высококвалифицированных кадров, как носителей инноваций, в сектор государственного управления менее изучен на сегодняшний момент, т.к. «только мигрирующие предприниматели считаются героями капитализма» [26; 24].

В связи с этим в нашей статье речь пойдет об опыте людей (молодежи), которые, получив высшее образование (степень бакалавра и/или магистра) за границей, вернулись в Литву и находились на государственной службе Литвы¹. Предполагается, что эти сотрудники, так называемая «плеяда новаторов», могут использовать свои знания для развития данного сектора в Литве. Данное исследование основано на качественном наблюдении и опросе 15 человек, которые получили высшее образование за рубежом и в 2012–2013 годах работали в органах государственного управления Литвы (министерства Литовской Республики или их структурные подразделения).

Цель исследования – выявить мобильность граждан Литвы, которые приобрели степень бакалавра или магистра за рубежом, уделяя большее внимание причине их возвращения в свою страну. Данный факт позволит проанализировать, как мобильность способствует развитию человеческого, социального и культурного капиталов и как определенные черты характера, сформированные за рубежом и на родине, влияют на создание инноваций.

Кроме того, в исследовании рассматривается, являются ли данные люди источником «нестандартного знания» [24], какие и насколько экстремальные инновации они создают и как они повышают организационную (бюрократическую) эффективность [31; 37]. В Литве немного ученых, изучающих связь между передачей знаний и инновациями, между мобильностью и инновациями через межличностные-межорганизационные отношения, а также рассматривающих мобильность высококвалифицированных кадров и новые способы жизни в глобальном мире без границ.

¹ Исследование было профинансировано Исследовательским советом Литвы по проекту «Организация постдокторантуры в Литве» (договор № 004/25).

Вернувшиеся мигранты/мобильные молодые люди (студенты) определяются в данной статье как лица, вернувшиеся на родину после обучения в другой стране в течение определенного промежутка времени и планирующие провести как минимум один год в своей стране (см. [27]). Люди, получившие высшее образование за рубежом (степень бакалавра, магистра), – это лица, покинувшие Литву с целью получить образование в нелитовском(их) вузе(ах) по очной и/или заочной форме обучения.

Статья состоит из трёх частей: первая часть посвящена исследованиям международной мобильности/миграции студентов и анализу соответствующих статистических данных. Вторая часть рассматривает теоретическую концептуализацию роли мобильного человека/мигранта в процессе создания инноваций и сложность миграции/международной мобильности квалифицированных кадров. В третьей части представлены результаты качественного эмпирического исследования.

Определяющие факторы международной мобильности литовских студентов

Переезд литовцев из одной страны в другую продолжает оказывать существенное влияние на общество в стране. Перепись 2011 года [29] показала, что с 1990 года, с момента восстановления Литвой своей независимости, почти 670 тыс. человек, или 18% от общей численности населения страны, жили за границей более чем один год. Большинство из них, в возрасте 25–40 лет, были экономически активными, а 1/5 имели высшее образование. Обратная миграция и иммиграция не играли важной роли в поддержании «здорового» уровня прироста населения. Обратная миграция в период с 1990 по 2011 год не превышала 110 тысяч человек, а уровень иммиграции в страны, не входящие в ЕС, никогда не был высоким [17].

После присоединения к ЕС Литва стала экспортером рабочей силы, значительную часть которой составляют хорошо подготовленные и высококвалифицированные специалисты. С 1990 года политические дебаты сосредоточены вокруг явления «утечки мозгов».

Общепризнанно, что эмиграция высококвалифицированных сотрудников была вызвана политическими, экономическими и социальными изменениями, начавшимися после восстановления независимости. Демографический дисбаланс, различия в заработной плате, устаревшая техническая, научная инфраструктуры и структурные изменения в научных учреждениях способствовали данному явлению. После 2004 года с развитием экономики страна ощутила влияние глобализации. Происходившие изменения были связаны с рынком труда Литвы и вступлением в Европейский союз. В Литве «утечка мозгов» представляет серьезную угрозу не только социально-экономическому развитию, но и развитию среднего класса. Нет единого подхода к определению понятия данного социального класса, но, согласно типологии Р.Э. Райта (образование, самостоятельность в работе и зарплате), литовский средний класс является малозначительным – 12% от общей численности населения [32]. В странах Запада средний класс составляет более 50–60% населения. Большое количество врачей, инженеров, специалистов по информационным технологиям и других работников умственного труда служит предпосылкой экономического роста и позволяет стране построить стабильное демократическое общество, несмотря на то, что эмиграция усложняет рост среднего класса и «способствует» развитию бюрократизма, коррупции и безответственного управления [15, с. 23]. Хотя Литва больше не считается страной с переходной эко-

номикой, по мнению некоторых авторов, тенденции в развитии среднего класса остаются расплывчатыми (см. [19] для сравнительного количественного анализа развития среднего класса в Литве и других странах Европы), т.е. слабый средний класс препятствует развитию как глобализации (свободное перемещение, дешевые рейсы, международное трудовое законодательство), так и ценностных ориентаций индивида, включенного в экономическую деятельность.

Исследование, проведенное в 2009 году Литовским центром социальных исследований по заказу Министерства образования Литвы, посвящено иммиграционной политике в Литве и нормам, относящимся к ученым, докторантам и высококвалифицированным сотрудникам, не являющимся гражданами ЕС (см. [34]). Работа ориентирована на ученых, которые жили в Литве более 6 месяцев, работали по трудовому договору или учились на очном отделении докторантуры в университете или научно-исследовательском институте республики.

В ходе исследования не было обнаружено точных данных о высококвалифицированных кадрах в Литве. По данным Департамента статистики Литвы, в 2008 году выдано 174 вида на жительство не гражданам ЕС, приезжающим в Литву для учебных и исследовательских целей, более 1200 видов на жительство было продлено. Таким образом, общее количество не граждан ЕС в литовском высшем образовании – около 1500. Однако в общей иммиграционной статистике выявить высококвалифицированные кадры достаточно сложно. Согласно данным Департамента статистики Литвы, в 2006 году 5976 ученых имели докторскую степень, 0,5% из которых составляли иностранцы (граждане и не граждане ЕС, постоянные и непостоянные жители).

На основе этих показателей можно сделать вывод, что в Литве в 2006 году насчитывалось около 30 ученых, не являющихся гражданами ЕС (включая докторантов). Учитывая тот факт, что общее количество докторов наук существенно не изменилось (в 2008 году было 6326), можно сделать вывод, что и число зарубежных исследователей сохранилось прежним. Выявление числа ученых, проживающих за границами ЕС, позволило сформировать типологию высококвалифицированных кадров, приезжающих в Литву. Данная типология (см. также [34]) показала, что начинающие исследователи, аспиранты из стран, не входящих в ЕС, в основном приезжали в Литву, чтобы получить международный опыт/«улучшить» свое резюме или получить деньги/стипендию (своя страна выделила средства по обмену, конкурсу или по другой программе, а также благодаря финансированию проектов).

Кроме того, согласно типологии, местные процедуры набора персонала не ориентированы на международный рынок труда. Литву часто выбирали не только как место для проведения исследования, но и по экономическим причинам. Приток исследователей из развитых стран в Литву в значительной степени определялся различием в стоимости жизни, в то время как иммиграция из развивающихся стран играла решающую роль (например, для получения вида на жительство или гражданства и свободы передвижения в другую страну ЕС или прибывания из стран с относительно дорогим, но более низким уровнем образования с целью вернуться обратно в свою страну). Не гражданам ЕС часто предлагают «небезопасную» работу по срочным контрактам, иммиграция высококвалифицированных кадров носит в Литве кратко- и среднесрочный характер. Международные процедуры отбора и найма не были распространены в университетах и исследовательских центрах.

Кроме того, последние исследования показали, что ученые из стран, не входящих в ЕС, в Литве «превратились» в «невидимую» социальную группу [34]. «Рецепт» их интеграции в литовское общество — «быть невидимым». Контакты с обществом ограничены профессиональными и рабочими отношениями, за исключением супругов и близких друзей. Их контакты с гражданскими или социальными учреждениями страны сужены по их собственной инициативе, т.к. они сами не признавали права и обязанности страны пребывания. Ученые, чувствуя себя принятыми в данное общество и более или менее в безопасности, считали себя не гражданами этой страны, а иммигрантами в полном смысле слова [34].

Приезд высококвалифицированных работников в другую страну вызывает цепную реакцию: иммигранты могут помочь работодателям привлечь более квалифицированных работников, сокращая таким образом расходы на образование [9; 13; 14; 21]. Исследования по международной мобильности/миграции студентов актуальны в связи с беспрепятственным передвижением граждан Литвы в Евросоюзе и в мире после вступления Литвы в ЕС в 2004 году. В 2009–2010 годах более 7 тысяч граждан Литвы (3,5% от общего числа студентов, обучающихся в Литве — ŠMM 2010 года) учились по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры в странах ЕС. Среди литовцев были популярны университеты Великобритании (2325 студентов), Германии (1274 студента) и Дании (911 студентов). Две трети студентов учились в бакалавриате, 18,9% — в магистратуре и 4,6% — в докторантуре. Литва лидировала среди членов ЕС по числу граждан, проходящих обучение за рубежом. В 2008 году 1458 граждан Литовской Республики получали образование в университетах стран, не входящих в Евросоюз, причем большинство — в России (841) и США (495; ŠMM 2010 года).

По подсчетам Комиссии по приему в университеты и колледжи Великобритании, в 2008 году на первый курс зачислено 682 гражданина Литвы, в 2009 году – 895 (из 1061 поданного заявления), в 2010 году – 1515 (из 2146 заявлений; данные Комиссии по приему в университеты и колледжи 2010 года). В 2011 в университетах Великобритании получали образование по очной форме обучения более 4000 студентов – граждан Литвы. Согласно прогнозу Министерства образования и науки, в связи неблагоприятной демографической ситуацией, низким уровнем рождаемости и миграции в 2023 году выпускников средних школ будет на 40% меньше, чем в 2010 году.

Стоит отметить, что «оборот» интеллектуального капитала в Литве характеризуется тем, что количество иммигрантов, получающих образование или проводящих научные исследования, не равно числу людей с более высокой квалификацией и образованием, покидающих страну [16; 28; 33].

Таким образом, мобильность студентов оказывается начальным этапом потери человеческого капитала, который, в конце концов, превращается в постоянную эмиграцию [5]. Образованные граждане младшего возраста будут участниками рынка труда в течение еще 40–50 лет, следовательно, их переезд в другую страну может сказаться не только на секторах экономики знаний, но и на системе пенсий и социального обеспечения.

Литовские исследователи Rūta Aidis и Dovilė Krupickaitė [1; 2] пытались выявить причины поиска работы за пределами Литвы. В связи с этим было проведено самое масштабное количественное исследование по определению миграции/мобильности студентов и их отношения к эмиграции. Цель данной работы – изучить особенности эмиграции молодых ученых, факторы и возникающие проблемы.

За два этапа исследования (2004/2005 и 2005/2006 уч. гг.) было опрошено 2394 студента (1252 и 1142 человека соответственно) из большинства литовских высших учебных заведений, также еще 661 студент прошел анкетирование в 2006/2007 учебном году. В результате было установлено, что довольно значительная часть литовских студентов придерживается всемирно преобладающих тенденций транснационализма; однако в стране практически не созданы условия для циклических миграционных потоков [1].

Таким образом, анализ особенностей миграции/мобильности студентов позволил выделить 3 взаимосвязанных направления исследований: макроуровень, промежуточный уровень и анализ индивидуальных причин и последствий миграции (общие для всех жителей, реже – для определенной группы общества или отрасли), исследование отношения жителей к эмиграции и некоторые вопросы актуальности миграции.

Подводя итог, можно отметить, что в Литве недостаточно исследований, раскрывающих опыт миграции, мобильности высококвалифицированных кадров и новые способы жизни в глобальном мире без границ. Принимая во внимание вышеупомянутые факторы, мы провели исследование, объектом которого были молодые люди, получившие степень бакалавра и/или магистра за рубежом и вернувшиеся в Литву.

Роль мобильности и миграции в создании инноваций

Дэвид Харт (David Hart) [13], рассматривающий то, как мобильность/миграция способствует развитию инноваций, предлагает анализировать приток и отток человеческого капитала. Таким образом, под миграцией понимается вклад в национальную инновационную систему: молодые люди, прибывающие в страну в качестве

студентов, сильнее, чем более возрастной персонал, связаны с институциональным, организационным, законодательным и политико-культурным контекстом этой страны, и их вклад в создание инновационной инфраструктуры больше.

Иными словами, Д. Харт [13] считает, что политика и модели принятия национальной самобытности страны (ассимиляция, мультикультурное или открытое гражданское общество) важны для создания инноваций, т.е. чем дальше отошла страна от крайних случаев ассимиляции и создания этнических анклавов, тем проще происходит сближение инновационного потенциала и открытого, многокультурного контекста страны. Работники, имеющие разное культурное происхождение, способствуют развитию инноваций [21; 30].

Например, такие ученые, как Eric T. Stuen, Ahmed Mushfiq Mobarak и Keith Maskus [30], рассматривая в качестве объекта исследования граждан других стран, работающих в университетах США, сделали вывод, что национальное разнообразие среди ученых было определяющим фактором в увеличении количества инноваций. Ричард Флорида (2005) делает такие же выводы и говорит о том, что культурное разнообразие привлекает работников, относящихся к «креативному классу», в конкретную страну или регион. Инновационная модель означает, что приезд образованных людей в страну приносит новые знания в определенные отрасли и районы, а также в смежные отрасли и районы страны, где основным последствием такого потока знаний являются инновации [14].

Например, исследователи Jennifer Hunt и Marjolaine Gauthier-Loiselle [14], проанализировав неэкономические преимущества наличия мигрантов в США, подсчитали, что 26% американских ученых, получивших Нобелевскую премию в 1999–2000

годах, были иммигрантами (несмотря на то, что в общем регистре иммигрантов числилось только 12%). Авторы также подсчитали, что при увеличении количества иммигрантов с высшим образованием на 1% количество запатентованных изобретений на одного жителя США увеличивается в среднем на 6%. Согласно авторам [14], причиной увеличения числа патентов на одного жителя может быть использование местными учеными знаний иммигрантов, что представляет собой критическую массу специалистов в определенной области; поток знаний в конечном итоге способствует распространению инноваций и во второстепенных областях, например в управлении и предпринимательстве [14].

Другая миграционно-инновационная модель может быть описана как модель массовой иммиграции высококвалифицированных кадров. Данная модель предполагает, что массовая иммиграция регулируется с помощью визовых программ, в то время как непрерывный поток иммигрантов обеспечивается привлекательными условиями для учебы или проведения научных исследований в этой стране. Например, люди, исключительно талантливые в области искусства, науки, образования, бизнеса или спорта, почетные профессора и исследователи, руководители и директора международных компаний, представители профессий, в которых обучение необходимо для получения степени доктора или магистра, талантливые кадры в области искусства, науки и бизнеса, а также инвесторы, которые создают не менее 10 новых рабочих мест и чьи инвестиции составляют не менее 1 млн. долларов (эта сумма может быть меньше, если инвестиции осуществляются в сельские районы или в места с высоким уровнем безработицы), — наиболее часто получают рабочие визы в США (см. также [17]).

Целый ряд авторов рассматривают предлагаемые страной условия для получения образования в качестве основы для анализа включения студентов в инновационную инфраструктуру. Исследователи Gnanaraj Chellaraj, Keith E. Maskus и Aaditya Mattoo, например, установили, что увеличение количества иностранных студентов, обучающихся в магистратуре университетов США, положительно коррелирует с увеличением числа зарегистрированных патентов и изобретений [7]. Иностранные студенты способствуют развитию науки: так, при уменьшении на 10% количества иностранных студентов-докторантов, обучающихся в университетах США, число журнальных статей в области физико-технических наук и уровень их цитирования уменьшается на 5–6% [30].

Стоит упомянуть и модель креативного класса, разработанную Ричардом Флоридой [12]. Согласно этой модели, персонал, квалифицированный в определенной области в определенной стране или регионе, привлекает других специалистов в эту страну или регион.

Таким образом, концентрация человеческого капитала и синтез идей создают цикл развития инноваций и экономического роста. Критическая масса кадров в этой области действует как магнит, привлекающий творческий потенциал. В литературе можно найти также попытки проанализировать передачу знаний и инноваций в качественном аспекте, т.е. рассматривать мобильность/миграцию как культуру приобретения и передачи знаний [37]. Эти процессы могут быть проанализированы при согласовании различных методик, которые в большей степени ориентируются на качественные категории, позволяющие выявить методы и взаимодействие людей, а также контекст «присутствия». Данный контекст может быть описан как взаимодействие глобальных и

локальных социальных (индивидуальных, этнических, профессиональных) идентичностей в определенном месте (в стране, на рабочем месте, в транснациональной сети). Дискурс транснационализма возникает и тогда, когда знания, распространённые на определенной территории, подвергаются воздействию транснационализма, определяющего также изменения идентичности.

Согласно модели миграции человеческого капитала, миграция — это возможность раскрыть свой потенциал, изменить взгляд на межчеловеческие и межорганизационные отношения и отношения в целом. Миграция как инвестиции в человеческий капитал окажет благоприятное воздействие на развитие индивида и общества в будущем (ОЭСР, 2008 г.). Кроме того, миграция выступает как «спираль социальной мобильности»: переезжать, чтобы развиваться [11]. По мнению Эдриана Фавелла (Adrian Favell), в таких случаях исследователи больше заинтересованы в исключительных случаях, уникальных историях, структурных границах и «порогах», а не в статистических подсчетах миграции [11].

Таким образом, в следующем разделе проведем анализ опыта «возвращения в Литву» граждан данной страны, получивших степень бакалавра или магистра за рубежом. Целью является установление влияния мобильности/миграции на развитие человеческого, социального и культурного капиталов и на продвижение инноваций в своей стране.

Опыт возвращения домой мобильных литовских студентов: качественный аспект

Объектом исследования были молодые люди, родившиеся в период с 1983 по 1990 год, получившие степень бакалавра и/или магистра за границей и вернувшиеся в Литву: 8 мужчин и 7 женщин; 7 из них получили только степень бакалавра, 7 — обе степени и 1 человек — только степень магистра. Образование было получено в университетах

Австралии, Бельгии, Дании, Нидерландов, Швеции, Соединенного Королевства и США (нередко степень бакалавра присваивалась в одной стране, а магистра — в другой). Двенадцать участников исследования изучали социальные науки, один — гуманитарные, один — физические и еще один человек — технические науки.

Отбор испытуемых проводился в несколько этапов. Поскольку общее число вернувшихся на родину литовских студентов в разных городах страны не установлено, нет достоверной статистической информации относительно уровня их образования. Участники программы «Kurk Lietuvai» («Создавать для Литвы») были отобраны путем применения критерия доступности (Creswell and Clark 2003). Эти люди вернулись в Литву по программе (JPP) «Kurk Lietuvai», организованной компанией «Investuok Lietuvoje» («Инвестировать в Литву»). Данная инициатива — это программа профессионального развития в Литве, предназначенная для её граждан, закончивших высшие учебные заведения (степень бакалавра и/или магистра) за рубежом, и предполагающая дальнейшую занятость в государственных учреждениях Литвы при прохождении конкурса. Еще четыре участника программы были подобраны благодаря участникам, ранее задействованным в исследовании. Все 15 человек работали в государственных учреждениях (только 1 человек работал в частном секторе, и в данной статье он не рассматривается). Двенадцать испытуемых покинули Литву для дальнейшего образования после окончания средней школы, два человека — в возрасте 14–16 лет и 1 человек — в 9 лет (их переезд обоснован семейными обстоятельствами: их родители/опекуны уехали в другую страну по работе или заключили брак с гражданами другой страны: «Мне было 10 лет, я думаю, что у меня не было другого выбора» 4Z).

В большинстве случаев участники исследования изучали социальные науки. Работа базируется на комплексном подходе, позволяющем проводить длительное исследование «на месте», а не «в кабинете», принимая участие в жизни испытуемых, отмечая какие-либо изменения в их жизни и формулируя теоретические идеи индуктивным методом на основе эмпирических данных.

Итак, кроме анализа общего контекста и причин миграции, в этой статье основное внимание уделяется определенному **организационному и культурному контексту**, например анализу трудовых отношений государственного сектора и его инновационному поведению. Согласно подходу исследователей Francina Orfila-Sintes и Jan Mattsson [23, с. 381; 24], взятому за основу, инновации — это «что-то новое и, очевидно, лучшее, и это что-то может быть новым только в рамках отдельной компании, но не обязательно новым в отрасли или на рынке». Далее представлены существенные выводы исследования.

Эмпирический анализ: лучшие и смыслёные остаются, чтобы работать?

Периоды жизни, проведенные за границей, не являются миграциями в общепринятом значении. Опрос испытуемых показал, что данный опыт полезен в плане приобретения нового социального капитала (например, работа в определенном секторе; продуктивные отношения со специалистами в определенной области) и социально-культурных характеристик (жизнь и ежедневная рутинная в определенном культурном разнообразии), т.е. знаний, приобретенных во время принятия чужой культуры [37], но опрашиваемые не считают миграцией переезд в другую страну с целью обучения. Для них переезд является определенной частью карьерной лестницы, подъем по которой сопровождается принятием космополитизма и глобального

образа жизни, часто противопоставляемого литовскому культурному контексту, воспринимаемому испытуемыми как однообразный и закрытый, но предсказуемый и безопасный. Для участников исследования, независимо от страны, в которой они живут или работают, территория страны не совпадает с общностью в этническом, политическом или профессиональном смысле. Они считают, что построение их идентичности проходит 3 этапа: где они жили и где они были раньше (что было их идентичностью); где они сейчас и как идентичность формируется прямо здесь, прямо сейчас (в короткий, средний или длительный период времени) и, в-третьих, где они будут «двигаться» дальше: «...*Сейчас мне интересно понять культуру этой страны, позже, может быть, я захочу жить в каком-нибудь другом городе Литвы, а может быть, в Доминиканской Республике – мне очень понравилось там (работать и отдыхать в течение 3 месяцев). Мне не важно, где жить*» (1Т жил в Великобритании с 16 лет). Возможно, что чем раньше люди покидают Литву, тем они более склонны проявлять транснациональные отношения. Чем больше опыт переездов, чем моложе возраст, чем успешнее человек в учебе, трудовой деятельности, тем ему легче адаптироваться, и в этом случае ему неважно, где он живет или работает. Нередко окружение может оказывать влияние на то или иное поведение человека: «*Когда я узнал, что я поступил (в университет), у меня были мысли, вроде «ну, наверно, стоит попробовать»..., но там же были и мои друзья, которые настаивали: «Попробуй!»*» (5Р). Участники эксперимента не были отличниками в школе. Получение знаний в определенной области также не являлось первостепенной причиной переезда. Для испытуемых, отличавшихся активным характером и лидерскими чертами, смена страны была возможностью приобретения нового социального опыта. Среди

основных факторов стремления получить образование за рубежом они выделяли взаимоотношения с окружающими людьми, любопытство, интерес к другим культурам и опыт предыдущих поездок (в семье, на праздники и др.). Переезд некоторых из них определялся и социальным статусом их родителей, и экономическим капиталом семьи, но это не было основной причиной.

Межчеловеческие и межорганизационные отношения: рабочая этика и критика явления «поступать и делать так, как принято в родной стране»

Обучение за рубежом и соревнование среди студентов выработали самодисциплину и, по словам участников эксперимента, привили трудовую этику «западного типа»: «*Я думаю, я не был бы таким, какой я есть сейчас... Способность анализировать, работать в стрессе и делать это самостоятельно*» (3V). После возвращения в Литву привычная рабочая этика сослужила плохую службу многим молодым людям: «*Я никак не могу привыкнуть к присутствию начальства. Невозможно все решать самому, вместо этого приходится согласовывать любой вопрос сначала с одним, потом с другим и так далее... За рубежом, если вы получаете какое-либо задание, то вы сами решаете, как вы будете его выполнять. Конечно, можно посоветоваться, спросить, но ответственность все равно лежит на вас*» (3V). Стоит заметить, что ироничная критика явления «поступать и делать так, как принято в родной стране» встречается довольно часто. Испытуемые пытаются найти причины данного явления. Например, следующая история стала предметом долгих дискуссий среди молодых людей: «*Я наблюдал за тренером и 10-15-летними подростками возле Зеленых озер. Я видел, что они серьезно готовились к соревнованиям. Мы сидели на скамейке рядом с ними. Ребенок в байдарке, готовый грести, спросил совета: «Тренер,*

что я должен делать?» Тренер прокомментировал: «Помните: плавать может только кусок дерьма, вы – гребете». Таков был ответ. Тут же вы автоматически теряете уверенность в себе. Вот это школа...» (1Т).

Несмотря на критику, участники исследования пытались объяснить и понять, почему тренер поступил таким образом. Один молодой человек отметил: «Учитель начальных классов говорит ребенку: «Ты, идиот, сколько раз я должен тебе повторять...» Только представьте себя в подобной ситуации: травма года на четыре вам обеспечена. И это всего лишь начальная школа, дальше – больше... Один человек мало что может сделать против такой системы» (2G).

Молодые люди часто обсуждают подобные наблюдения в неформальной обстановке. Интересно, что в начале общения они стараются избегать межличностных тем, но позже, с возникновением уверенности в собеседниках, затрагивают и эти вопросы. Достаточно большое количество респондентов столкнулись с идеями патернализма в государственном учреждении, где они работали: «Если вы активны и хотите сделать что-то, то вам просто не позволят: «Вы очень молоды, поэтому не суйте свой нос в наши дела, в противном случае мы проследим, чтобы вы не смогли это сделать» (6M). Когда речь идет о первом дне на новой работе, участники исследования иронично замечают, что во время чайных пауз коллеги слишком активно интересуются личной жизнью (например, некоторым респондентам было неприятно любопытство коллег об их личной жизни, семье и родственниках). Старшие или более высокие по служебному положению сотрудники относятся к своим коллегам, как к младшим, менее опытным и не понимающим суть работы, нуждающимся в опеке. Многие считают патерналистское отношение высшего руководства к молодым сотрудникам некомпетентным, так как

часто респонденты понимали, что их социальные навыки развиты лучше (умение общаться, представлять организацию, вести конструктивную дискуссию, опираться на научные факты, а не на личные умозаключения), а иногда и профессиональные навыки (особенно в плане иностранных языков): «Наверно, ей (менеджеру) я кажусь неопытной, так как я намного ее моложе. По ее мнению, она имеет полное право быть всегда недовольной. Все, что я ни делаю, все плохо, все мои предложения несостоятельны... Мне не нравится такое восприятие... недооценка человека, даже если он чего-то добился, – такая, как, например, “ты молод, так что не мешай”»... (5P).

Другой информатор рассказывает: «Что касается уважения к людям, то нужно избегать враждебных отношений... Мне не хватает теплого общения, взаимопонимания и поддержки друг друга. Именно поэтому я наиболее часто скучаю, даже на моем рабочем месте. Везде профессионализм находится во главе рабочих отношений, но в Литве по языку жестов и поведению можно понять, когда между людьми существует неприязнь. Насколько я заметил, это и в других странах можно понять по поведению, но там отношения не выставлены напоказ. Они трудноуловимы, – возможно, там они на каком-то более высоком уровне. Процессы в человеческом мозгу одни и те же: «Мне не нравится этот (человек), мне не нравится тот». Вероятно, скрывание данного факта улучшает уровень общения. Если вам ваш коллега не нравится, вы должны попытаться полюбить его хотя бы на работе. Может быть, эта вуаль – лучше? Или лучше прямое литовское «я просто не люблю тебя, и все!»? Я на самом деле не знаю, что лучше, но, возможно, я просто привык к западному способу общения» (1Т).

Нередко респонденты характеризовали себя как «возмутителей спокойствия» организации или «противников бюрократии»:

они слепо отстаивали свою точку зрения, спорили и поэтому чувствовали, что их не принимают в коллективе. Один респондент говорит: *«Они отталкивают меня, не хотят со мной общаться, потому что я задал неудобный вопрос (во время присутствия контролирующей организации)»* (6M). С другой стороны, вместо злости и эскалации конфликта, респонденты пытаются найти причины патерналистского стиля руководства, т.е. они анализируют и оценивают свой опыт общения с начальством и обсуждают его с теми, кто разделяет их мнение. Тем не менее суждения относительно национального стиля работы носят юмористический характер. Участники исследования шутят, иногда даже создают карикатуры на своих руководителей. Над частыми «незначительными инцидентами» на работе (Бурдые и др., 1993) подшучивают, им удивляются и сравнивают с опытом, приобретенным в другой стране. Почти все респонденты отмечают закрытость людей, работающих в общественном секторе, автоматическое выполнение обязательств и отсутствие заинтересованности в деятельности организации в целом: *«Вы звоните по какому-либо вопросу, и секретарь отвечает: «Я ничего об этом не знаю»* (2G). Испытуемые критичны в отношении компетентности персонала в государственном секторе: *«Что действует мне на нервы, — так это то, что они сами не понимают, что делают. Вместо того чтобы придерживаться рекомендаций (экспертов), они руководствуются лишь своим личным мнением, и не существует способа, позволяющего переубедить их»* (4Z). Рабочие совещания и дискуссии кажутся некоторым испытуемым настоящим «праздником» объективной социальной некомпетентности: *«Кто-то (из сотрудников, обращаясь к руководителю) случайно назвал ее по имени. Она в ответ: «Я не (имя), я директор». Я не присутствовал при этом лично, мой коллега*

рассказал мне об этом, но если подобные истории распространяются (в организации) о руководителе?.. Все-таки хотите ли вы этого или нет, вы должны уважать этого человека... Эти совещания выбили меня из колеи на целую неделю. Специалисты собираются вместе (иронизирует). Вы можете называть их так, как вы хотите. Мы должны обсуждать актуальные темы... Такой бред становится очевидным, но, на мой взгляд, мы должны обсуждать и искать истину... Это так жутко. Если вы попросите какого-нибудь совета — вы столкнетесь с миром, который был 100 лет назад... И тогда я говорю себе: «На самом деле? Это все, что у вас есть?» (2G).

Участники программы прямолинейны, не избегают острых дискуссий, они предлагают смелые решения, касающиеся изменений в работе, потому что они считают себя более конкурентоспособными на литовском рынке труда по сравнению большинством других людей. Тем не менее, подводя итог, можно констатировать, что, несмотря на борьбу с бюрократией, проводимую из-за их стиля поведения и развитых социальных навыков, респонденты в итоге становятся неформальными лидерами коллектива команды, «вдохновителями» как более молодых коллег, так и более старших (руководителей). Из-за их эмоциональной устойчивости (понятные задачи), самодисциплины (ответственность, трудовая этика) и готовности сотрудничать они успешно «экономят» (временные и финансовые) ресурсы организации. Таким образом, новые методы работы в конечном счете стимулируют благоприятную рабочую атмосферу и более эффективное использование ресурсов. Подобная практика становится «новым стандартом» коллектива, неофициально обсуждается среди работников, проработавших в учреждении в течение длительного времени.

Определяющие факторы для возвращения на родину

Планы участников исследования относительно возвращения на родину неопределенны; они не знают, вернулись ли они раз и навсегда: *«А когда я работал в Турции в течение 3 лет, а затем в Великобритании, возвращение в Литву для меня – место проживания. Сейчас мне интересно понять культуру этой страны, позже, может быть, я захочу жить в каком-нибудь другом городе Литвы, а может быть, в Доминиканской Республике – мне очень понравилось там (работать и отдыхать в течение 3 месяцев). Мне не важно, где жить»* (1Т жил в Великобритании с 16 лет. Живя в Литве, планировал поехать в Индию, но переехал в Словакию в 2013 году).

Практически все респонденты заявили, что им предлагали работу за рубежом: *«Я знаю, что одна финансовая корпорация в Лондоне будет ждать меня еще один год»* (7R вылетел в Лондон в 2013 году). Почти все получали предложения от работодателей Литвы: *«Много раз мне предлагали работать на них, но я не знаю, что бы получилось в действительности, если бы я пошел и сказал, что я хочу с ними работать»* (8MD). Таким образом, можно сделать вывод, что предложения работы от работодателей Литвы носят более декларативный характер по сравнению с предложениями работы за границей, и получается, что определяющим фактором для возвращения домой является **более быстрая социальная мобильность**: *«Я мог бы быть маленькой рыбкой в огромном пруду Нью-Йорка, а здесь я могу стать огромной рыбой, хотя пруд совсем небольшой»* (8MD); *«Если экономика здесь масштабом в х, то там – 20х, но для человека моего возраста здесь больше работы, чем в Австралии»* (4Z); *«На мой взгляд, если вы умны, то лучше сделать свою карьеру здесь... Я видел, как тяжело конкурировать там (за рубежом), если вы не являетесь «целью» 5 высших учеб-*

ных заведений Англии... В крупнейших банках только 250 человек занимают хорошие рабочие места. Таким образом, попасть туда у вас есть 1% из 100. И тогда я понял, что конкурировать действительно очень трудно. Не то чтобы трудно, но если вы хотите сделать карьеру, сможете ли вы сделать это в короткие сроки? Вы не сможете. Я думаю, что здесь [в Литве] я могу конкурировать с большинством» (7R); *«Я среднестатистический работник в Англии, а в Литве я могу быстро достичь высот»* (1Т).

Можно констатировать, что диплом/степень иностранного вуза дает молодым людям больше «шансов» в Литве и конкурентное преимущество на рынке труда по нескольким причинам: (а) объективные социальные компетенции, выработанные во время учебы, и (б) социальное неравенство, «благодаря» которому образование за рубежом становится редким, ценным и желанным в Литве: *«Лучше получить образование где-нибудь за границей, чем быть исключительно талантливым студентом в Литве...»* (2G). Хотя часто молодые люди возвращаются в Литву по экономическим причинам, они не являются главным фактором возвращения (наряду с экономическими респонденты также отмечали неэкономические причины): *«Этот вопрос чисто профессиональный. Мои доходы должны расти на 30%... Еще на 30% – зависит от моей работы... Даже если бы я получил 100 тысяч долларов, но был бы вынужден сидеть в углу и печатать, я бы точно не предпочел этот вариант. Человек должен иметь положение, принимать решения. И, может быть, 30% будет толчком пожить где-то еще»* (4Z).

Некоторые литовцы оставались в Литве по личным обстоятельствам: *«Любовь держит меня здесь (в Литве). Это главная причина, потому что по первоначальному плану я должен был работать в Литве до июня, а потом бы вернулся назад (в европейский город) работать»* (3V).

Подводя итог, можно утверждать, что доминирующими факторами возвращения в родную страну являются более быстрая социальная мобильность в Литве и готовность передать знания, приобретенные за границей. Молодые люди надеются привнести изменения в инновационную сферу: *«Я хотел применить свои знания. Там систему нужно только поддерживать, в то время как в Литве еще предстоит создать такую систему. И я хочу внести свою лепту в ее создание»* (6М).

Выводы

Исследование, объектом которого были молодые люди, получившие образование за рубежом, показало исключительную сложность феномена миграции высококвалифицированных кадров и подтвердило, что мобильность в XXI веке основана на инновациях, коммуникации и культуре [5], а не на привязанности к определенной территории. Анализ опыта респондентов связан с такими современными явлениями, как глобальный образ жизни, мир без границ и глобальное сознание [5]. Следовательно, переезд и учеба за рубежом не является эмиграцией в ее классическом понимании. Скорее, миграция выступает как **«спираль социальной мобильности»: переезжать, чтобы развиваться** [11]. Этот анализ выявил ряд «скрытых» социальных факторов, касающихся участников исследования, и возможные гипотезы для будущих исследований в секторе государственного управления Литвы. **Возвращение** испытуемых носит явно **инновационный характер**, т.е. вернувшиеся молодые люди оспаривают нормы, существующие в родной стране (в данном случае в Литве), а также способы деятельности и мышление [6]. Несмотря на это, патерналистский стиль руководства, характерный для организаций государственного сектора, во-первых, препятствует передаче инноваций; во-вторых, (а) слишком высо-

кая квалификация участников программы, или (b) невозможность применения своих знаний/компетенций, или (c) невосприимчивость государственного сектора к знаниям, или (d) все эти аспекты вместе могут выступать стимулом или, наоборот, препятствием для надлежащего использования и развития «человеческого капитала» вернувшихся на родину молодых людей; и, в-третьих, **диплом/степень иностранного вуза дает респондентам больше «жизненных шансов» в Литве и конкурентное преимущество на рынке труда**: из-за (a) объективных социальных компетенций, выработанных во время учебы, и (b) социального неравенства, «благодаря» которому образование за рубежом становится редким, ценным и желанным в Литве.

Таким образом, можно задаться вопросом: не поэтому ли участники программы чувствуют себя в два раза более привилегированными в Литве, в то время как патерналистский стиль руководства мешает им использовать свои возможности и мотивирует покинуть Литву? С другой стороны, в силу своей борьбы с бюрократией из-за их стиля поведения и развитых социальных навыков, респонденты в итоге становятся неформальными лидерами коллектива команды, «вдохновителями» как более молодых коллег, так и более старших (руководителей). Из-за их эмоциональной устойчивости (понятные задачи), самодисциплины (ответственность, трудовая этика) и готовности сотрудничать они успешно «экономят» (временные и финансовые) ресурсы организации.

Таким образом, новые методы работы в конечном счете стимулируют благоприятную рабочую атмосферу и более эффективное использование ресурсов. Подобная практика становится «новым стандартом» коллектива и «привнесением культурных инноваций» в государственный сектор.

Тем не менее пока рано говорить о постоянном потоке культурных инноваций во все области государственного сектора, так как это требует более значительного числа вернувшихся в Литву людей с высшим образованием и более широкой области

исследований. Хотя исследование носило ознакомительный характер, будем надеяться, что идеи могут сыграть важную роль в формировании проблемы и гипотезы нового исследования по мобильности/миграции и передаче знаний.

Литература

1. Aidis R., Krupickaitė D. *Kaip Neiššvaistyti Protų: Lietuvos Studentų Nuostatos Emigruoti*. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2009.
2. Aidis R., Krupickaitė D., Blinstrubaitė L. The Loss of Intellectual Potential: Migration Tendencies amongst University Students in Lithuania. *Geografija*, 2005, pp. 33-40.
3. Bentley T. *Learning Beyond the Classroom: Education for a Changing World*. London: Routledge, 1998.
4. Bourdieu P et al. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society*. Stanford: Stanford University Press, 1993.
5. Castles S., Miller M. J. *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World (Fourth edition, revised and updated)*. London: Palgrave Macmillan, 2009.
6. Cerase F. P. Expectations and Reality: A Case Study of Return Migration from the United States to Southern Italy. *International Migration Review*, 1974, Vol. 8, no. 2, pp.245-262.
7. Chellaraj G., Maskus K. E., Mattoo A. *The ontribution of Skilled Immigration and International Graduate Students to U.S. innovation. Policy Research Paper WPS3588*. World Bank, 2005.
8. Creswell J. W. *Qualitative Inquiry and Research Design*. London: Sage Publications, 2007.
9. Dobravolskas A. Laisvos darbo jėgos judėjimo padariniai. *Integracijos Žinios*, 2001, no.5(25).
10. Etninių tyrimų centras. *Etniškumo studijos 2009/2. Migrantų integracija: trečiųjų šalių piliečiai, Nr. 2*. Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos leidykla, 2009.
11. Favell A. Eurostars in Eurocities: Intra-European Highly Skilled Migration. *Highly Skilled Migration into the 21st Century International Conference*. London: Middlesex University, 2012.
12. Florida R. *The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent*. New York: Harper Business, 2005.
13. Hart D. M. Understanding Immigration in a National Systems of Innovation Framework. *Science and Public Policy*, 2007, vol.34, no.1, pp. 45-53.
14. Hunt J., Gauthier-Loiselle M.. *How Much Does Immigration Boost Innovation?* Bonn: IZA Discussion Paper no. 3921. Institute for the Study of Labor (IZA), 2009. Available at: <http://ftp.iza.org/dp3921.pdf>.
15. Jucevičienė P., Viržintaitė R., Jucevičius G.. *Protų Nutekėjimo Reiškinyss Ir Jo Atspindžio Lietuvos Intelektiniame Kapitale Bruožai: Žvalgomasys Tyrimas*. Vilnius: Lietuvos mokslo taryba, 2002.
16. Leonavičius V., Mažeikienė D.. *Lietuvos Mokslininkų Ir Tyrėjų Mobilumas*. Vilnius: Studijų kokybės vertinimo centras, 2009-2010.
17. Meissner D.. *Immigration and America's Future: A New Chapter*. New York: Migration Policy Institute, 2006.
18. *MIPEX III Index*. Lithuania, Brussels: Brittish Council and Migration Policy Group, 2011. Pp. 122-127.
19. Morkevičius V., Norkus Z. Šiuolaikinės Lietuvos Klasinė Struktūra: Neovėberiška Analizė. *Sociologija. Mintis Ir Veiksmas*, 2012, no.2(31), pp.75-152.
20. *UK Global Innovation: Engaging with New Countries, Regions and People*. London: NESTA (National Endowment for Science, Technology and the Arts), 2008.
21. Niebuhr A.. Migration and Innovation: Does Cultural Diversity Matter for Regional R&D Activity? *Papers in Regional Science*, 2010, no.89, pp. 563-585.
22. *The Global Competition for Talent: Mobility of the Highly Skilled*. Paris: OECD, 2008.
23. Orfila-Sintes F., Mattsson J. Innovation Behavior in the Hotel Industry. *Emerald Management Reviews*, 2009, pp. 380-394.
24. Paraskevopoulou A., Markova E., Williams A., Shaw G. Migration and Innovation at the Bottom End: Understanding the Role of Migrant Managers in Small Hotels in the Global City. *Mobilities*, 2012, pp. 389-414.

25. Saxenian A. L. *The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
26. Schumpeter J. *The Theory of Economic Development : an Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1934.
27. Sipavičienė A., Gaidys V., Dobrynina M. *Grįžtamoji Migracija: Teorinės Įžvalgos Ir Situacija Lietuvoje*. Vilnius: Europos migracijos tinklas, Tarptautinė migracijos organizacija, Socialinių tyrimų institutas, 2009.
28. ŠMM. (2010). *Lietuva Pagal Užsienyje Studijuojančio Jaunimo Skaičių – Ties ES Vidurkiu*. Paimta 2011 m. 1 18 d. iš. Available at: http://www.smm.lt/naujienos/docs/kalbos/studiju_tapautiskumas.pdf
29. Statistikos Departamentas. *Lietuvos Respublikos 2011 Metų Visuotinio Gyventojų Ir Būstų Surrašymo Ataskaita*. Vilnius: Statistikos Departamentas, 2011.
30. Stuen E. T., Mobarak A. M., Maskus K. E. *Skilled Immigration and Innovation: Evidence from Enrolment Fluctuations in US Doctoral Programs*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2010.
31. Sundbo J. Management of Innovation in Services. *The Service Industries Journal*, 1997, pp.432-455.
32. Taljūnaitė M. *Pilietybė Ir Socialinė Europos Integracija*. Vilnius: Mykolo Romerio universitetas, 2005.
33. Taljūnaitė M. *Tyrėjų Gebėjimų Ugdymas Lietuvai Integruojantis Į Europos Sąjungos Infrastruktūrą. Mokslo Straipsnių Rinkinys*. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas, 2008.
34. Taljūnaitė M. L.-K.. *Tyrėjų mobilumas ir jo socialiniai aspektai*. 2009. Available at: <http://bit.ly/1opgxXx> (accessed 03.05.2014).
35. UCAS. (2010 m. February 8 d.). *Application Numbers Hit Record Highs for the Fourth Year Running*. Available at: <http://bit.ly/1kwFzXI> (accessed 03.05.2014).
36. Williams A. M. Listen to Me, Learn with Me: International Migration and Knowledge Transfer. *British Journal of Industrial Relations*, 2007, no.45, pp. 361-382.
37. Williams A. M., Baláž V. *International Return Mobility, Learning and Knowledge Transfer: Slovak Doctors*. London: Institute for the Study of European Transformations (ISET)/ London Metropolitan University, 2008.

Liutauras Labanauskas

Knowledge work and transnational networks in Lithuanian public sector

Liutauras Labanauskas – dr., Research Fellow of Lithuanian Social Research Centre, Institute of Sociology (A.Gostauto g. 11, LT-01108, Vilnius Lithuania, Liutauras.labanauskas@gmail.com, institutas@lstc.lt)

Abstract. International and transnational student mobility is becoming a global strategy of young persons' career, and in this regard Lithuania is not an exception. Nevertheless, we lack studies in the analysis of the mechanisms and processes of the integration of mobile culturally privileged persons in the labour market of their country of origin, as it is these mechanisms and processes that allow mobile persons to increase their value in the labour market of their country of origin and to be in the forefront of the creation and transfer of innovations. In order to bridge this academic gap of studies on mobility/migration, this article deals with the “returning to Lithuania” experiences of the citizens of Lithuania who completed Bachelor's or Master's studies abroad. The main question of this study is how the mobility/migration experience helps in developing human, social and cultural capital and how the returnees act as the agents of innovation in their country.

Key words: knowledge work, transnational networks, student migration, innovation, Lithuania

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 332.1:574, ББК 65.04

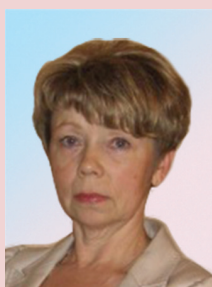
© Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т.

Оценка взаимовлияния экономических и экологических процессов*

**Павел Васильевич
ДРУЖИНИН**

доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом проблем моделирования и прогнозирования регионального развития, Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук (185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А.Невского, 50, pdruzhinin@mail.ru)

**Галина Тимофеевна
ШКИПЕРОВА**

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела проблем моделирования и прогнозирования регионального развития, Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук (185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А.Невского, 50, shkiperova@mail.ru)

Аннотация. Рассмотрены две проблемы: оценка влияния экономического развития на состояние окружающей среды и оценка влияния изменений климата на развитие определенных отраслей экономики. Использовались методы статистического анализа и экономико-математического моделирования. Выявлены различия в динамике и установлен характер взаимосвязи ВРП на душу населения и выбросов вредных веществ в атмосферу (включая эмиссию парниковых газов) для российских регионов. Показано, что динамика части регионов в 2000–2011 гг. соответствует экологической кривой Кузнеца. Определены факторы, влияющие на снижение антропогенного воздействия. Построены и апробированы модели, позволяющие оценить влияние изменения климатических условий на урожайность различных сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: экономический рост, экологическая кривая Кузнеца, эмиссия парниковых газов, изменение климата.

* Исследование выполняется по проекту РГНФ №12-22-18005a/Fin.

В современных условиях складываются устойчивые тенденции увеличения экологических рисков экономического развития, причем влияние носит явно выраженный двусторонний характер. Исследование проблемы изменения климата, причин и последствий глобального потепления отражено во многих отечественных и зарубежных публикациях. Независимо от разнообразия мнений можно считать вполне обоснованным влияние экономического роста на изменение климата. В свою очередь, возможные климатические изменения могут иметь различные как позитивные, так и негативные экономические, социальные и экологические последствия. В нашей стране высокие темпы экономического роста характерны, как правило, для сырьевых регионов, основу экономики которых составляют ресурсодобывающие и ресурсоемкие отрасли.

Их стремление достичь более высоких показателей экономического развития ведет к истощению природных ресурсов и увеличению антропогенного воздействия на природную среду. Поэтому в современных условиях необходимо изучать и прогнозировать взаимовлияние экономических и экологических процессов. Исследование степени влияния данных факторов на экономику регионов и путей адаптации к ним выполняется по проекту №12-22-18005а/Fin, который поддержан и финансируется РГНФ.

Наиболее важной является задача оценки и прогнозирования влияния развития экономики на окружающую среду, включая проблему эмиссии парниковых газов. Соответственно возникает и обратное воздействие, меняется климат, учащаются стихийные бедствия, что сказывается на развитии экономики, и встает задача оценки влияния изменений климата на отдельные отрасли экономики, главным образом на сельское хозяйство.

В исследованиях конца XX века в области экологической экономики и экономики природопользования была предложена перевернутая U-образная форма связи между уровнем загрязнения и валовым внутренним продуктом (ВВП) на душу населения, которая известна как экологическая кривая Кузнеця (ЭКК). Согласно выдвинутой гипотезе предполагается, что с ростом ВВП (валового регионального продукта – ВРП – для регионов) на душу населения до определенного уровня объем загрязнений на душу населения сначала растет, а затем снижается. Предполагаемое уменьшение экологической нагрузки объясняется не простым течением времени, а комплексом факторов [1, 2, 8, 12], включая изменение структуры потребления населения, эффективную экологическую политику на микро-, мезо- и макроуровне, структурные сдвиги в экономике и технологическую модернизацию производств. Согласно гипотезе экономический рост может стать решением, а не источником проблемы [13].

Основная критика и противоречивость модели ЭКК связана с возможностью переноса высокоразвитыми странами экологически грязных производств в страны с низким уровнем развития. В этом случае гипотеза ЭКК подтверждается только для развитых стран [6].

Более того, модель ЭКК может быть выгодна странам, где экономическая деятельность сопровождается загрязнением окружающей среды, так как позволяет утверждать, что при достижении определенного уровня развития экологическая ситуация начнет улучшаться. В связи с этим ряд авторов высказывают предположение, что ЭКК не может быть глобальной моделью, но может существовать на уровне отдельных стран [5, 16].

Еще одним недостатком модели ЭКК считается то, что она не учитывает крити-

ческий уровень антропогенного воздействия и возможности ассимиляционного потенциала территории. На достижение соответствующего точке перегиба на ЭКК уровня доходов может потребоваться много времени, а пик загрязнений может наступить значительно раньше. К. Тисделл [15] высказывает предположение, что в этом случае точка перегиба ЭКК вообще не будет достигнута. Улучшение качества окружающей среды возможно только в том случае, если величина негативного воздействия не превышает ассимиляционного потенциала территории.

Кроме того, многие виды загрязнений имеют свойство накапливаться в природных средах и при достижении предельных концентраций могут привести к ухудшению качества окружающей среды. В результате такого кумулятивного эффекта загрязнение будет расти даже после точки перегиба ЭКК, когда объем образования отходов снижается, но продолжает накапливаться. Это обстоятельство ставит под сомнение возможность использования ЭКК при прогнозировании для многих стран и регионов.

Эмпирические исследования ЭКК приводят к противоречивым результатам. В большинстве своем они выполнялись отдельно для хорошо известных регулируемых видов загрязняющих веществ и большая часть доказательств перевернутой U-образной взаимосвязи относится к таким загрязнителям атмосферы, как взвешенные частицы, диоксид серы и оксид углерода. Имеются также оценки выбросов парниковых газов для большинства развитых и развивающихся стран [7, 9]. Так, оценка моделей временных рядов по выбросам двуоксида углерода, диоксида серы и оксида азота отдельно для Нидерландов, Германии, Великобритании и США показала, что экономический рост положительно влияет на динамику этих загрязнителей.

Согласно модели традиционной ЭКК уровень загрязнения растет до тех пор, пока ВВП на душу населения не достигнет диапазона 5–8 тыс. долларов США, затем объем загрязнения начинает снижаться и может достичь доиндустриального уровня. Некоторые политики расценивают это как возможность выбора приоритетов – сначала экономический рост, а затем охрана окружающей среды. Следует также отметить, что положение максимума сильно варьируется. Например, в работах [11, 14] по исследованию диоксида серы получены точки перегиба ЭКК при 3,1 и 101,2 тыс. долларов в ценах 1990 г. соответственно, что можно объяснить несколькими причинами, включая использование различных наборов данных. Ряд последних эмпирических исследований, подтверждающих гипотезу ЭКК, показывает, что уровень кривой несколько снижается и смещается влево, поскольку экономический рост на ранних стадиях индустриализации сопровождается меньшим уровнем загрязнения, а точка перегиба ЭКК достигается при более низком уровне дохода [6].

Одним из объяснений отсутствия ЭКК для выбросов парниковых газов считается именно то, что они создают глобальный, а не местный эффект. Гипотеза ЭКК, как подчеркивалось выше, чаще всего подтверждается для развитых стран, а лидерами в общемировом объеме выбросов парниковых газов в последние годы становятся развивающиеся страны. Так, по данным Б.Н. Порфирьева, с 2007 г. рост мировой экономики на 45% обеспечивается странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), увеличивается их доля в общем объеме эмиссии парниковых газов и, соответственно, значительно возрастает их роль в решении этой проблемы [3].

Многочисленные зарубежные исследования доказывают, что уровень ВВП является не единственным фактором, влияю-

щим на изменение уровня антропогенного воздействия на окружающую среду. Среди других факторов определяющее значение имеют изменения отраслевой структуры, технологий и масштабов производства, степени открытости экономики, регулирующей роли государства в сфере охраны окружающей среды и экологических стандартов. Поэтому при исследовании эколого-экономических процессов редко используются однофакторные модели, такие, как функция Вейбулла, которые при прогнозировании не позволяют учесть влияние нескольких факторов, в частности государственного регулирования, которое, как показано в работах [6, 11], является доминирующим фактором снижения загрязнения. Страны и регионы, где экономическая политика направлена на быстрый рост доходов и занятости, могут нанести серьезный ущерб окружающей среде, если не будут вводиться в действие соответствующие экологические нормативы.

Исследования последних лет подтверждают, что определяющими являются технологические изменения. Аналитическая модель, представленная в работе [10], показывает, что именно модернизация дает эффект снижения выбросов с развитием экономики и приводит к появлению ЭКК. В Испании, например, технологические изменения полностью компенсировали рост объемов производства для выбросов диоксида серы, но для ряда других загрязнителей эффект модернизации хотя и был значительным, но гораздо меньшим, чем эффект масштаба [12]. Исследования [7] выявили, что форма зависимости загрязнений от ВРП может быть разной и определяется особенностями страны, прежде всего технологическим прогрессом, активностью структурных сдвигов и воздействием внешних шоков. Расчеты, проведенные в работе [9], привели к выводу, что для канадских регионов зависимость

загрязнений от ВРП отсутствует, но есть зависимость от численности населения и технологий, а также доли индустрии, доли экспорта, доли импорта, цены сырой нефти и других факторов.

Как было показано в работе [2], для РФ и ее регионов наиболее существенное влияние на изменение экологических показателей оказывают процесс модернизации и изменение структуры экономики, которое было значительным в большинстве российских регионов. Бурный рост сферы услуг и сокращение доли промышленности, являющейся основным загрязнителем, обеспечили значительную часть снижения нагрузки на окружающую среду в РФ и ее регионах.

Оценка влияния развития экономики на окружающую среду проводилась по функциям, в которых развитие экономики описывалось показателями, используемыми при прогнозировании, что позволяет оценивать последствия различных инвестиционных решений. Для исследования эколого-экономических процессов использовались мультипликативные функции с постоянными и меняющимися факторными эластичностями, построенные по типу производственных, иногда с учетом нейтрального экологического прогресса:

$$Z(t) = A(t) \times U_1^\mu(t) \times U_2^{-\eta}(t) \times U_3^\nu(t), \quad (1)$$

где: $Z(t)$ – исследуемый экологический показатель;

$A(t)$ – нейтральный экологический прогресс;

$U_1(t)$ – фактор, отражающий развитие экономики и, как правило, отрицательно влияющий на окружающую среду (ВВП, ВРП, инвестиции в экономику, инвестиции в новое строительство и др.);

$U_2(t)$ – фактор, отражающий природоохранную деятельность и положительно влияющий на окружающую среду (инвестиции в охрану окружающей среды и др.);

$U_3(t)$ – фактор, отражающий изменение действующих производств и, как правило, положительно влияющий на окружающую среду (инвестиции в модернизацию производства и др.);

t – год;

μ , η и ν – константы (факторные эластичности).

Влияние развития экономики на выбросы парниковых газов в РФ. Рассматривая экологическую ситуацию в России, можно отметить, что в 1990-х годах при спаде производства воздействие экономики на окружающую среду быстро снижается, в 2000-х снижение замедляется, а по некоторым показателям экологическая нагрузка несколько усиливается (рис. 1). Так, рост ВВП, начиная с 2002 г., сопровождается некоторым увеличением объемов выбросов парниковых газов.

Для приближенной оценки взаимосвязи экологических и экономических показателей целесообразно преобразовать эти графики, построив их как зависимость показателей загрязнения окружающей среды от динамики ВВП. В результате на графиках практически во всех случаях четко выделяются два периода (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что в 1990-х годах ВВП и выбросы парниковых газов снижались приблизительно одинаковыми темпами. В 2000-х годах объем ВВП начинает интенсивно расти, затем падает в 2008–2009 гг. и с 2010 г. снова растет. Объем выбросов парниковых газов в этот период практически повторяет колебания ВВП, но значительно более низкими темпами. В этой ситуации можно предположить, что природоохранные мероприятия, модернизация оборудования и структурные сдвиги

Рисунок 1. Динамика ВВП и показателей загрязнения окружающей среды России, % к 1990 г.

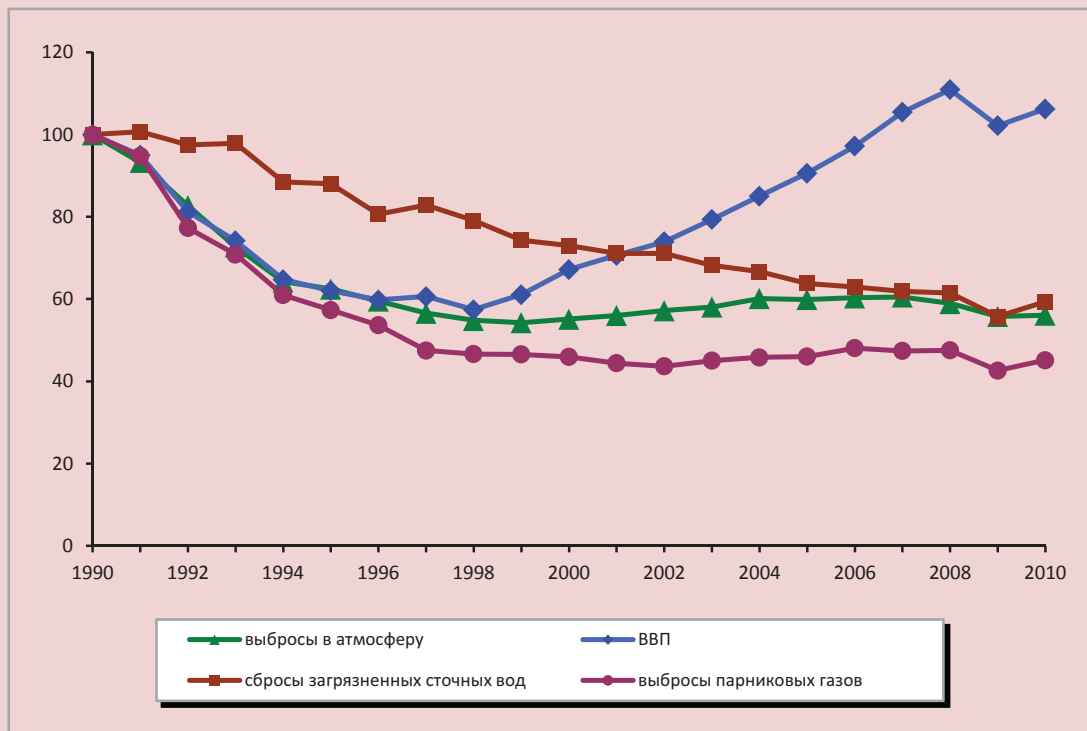
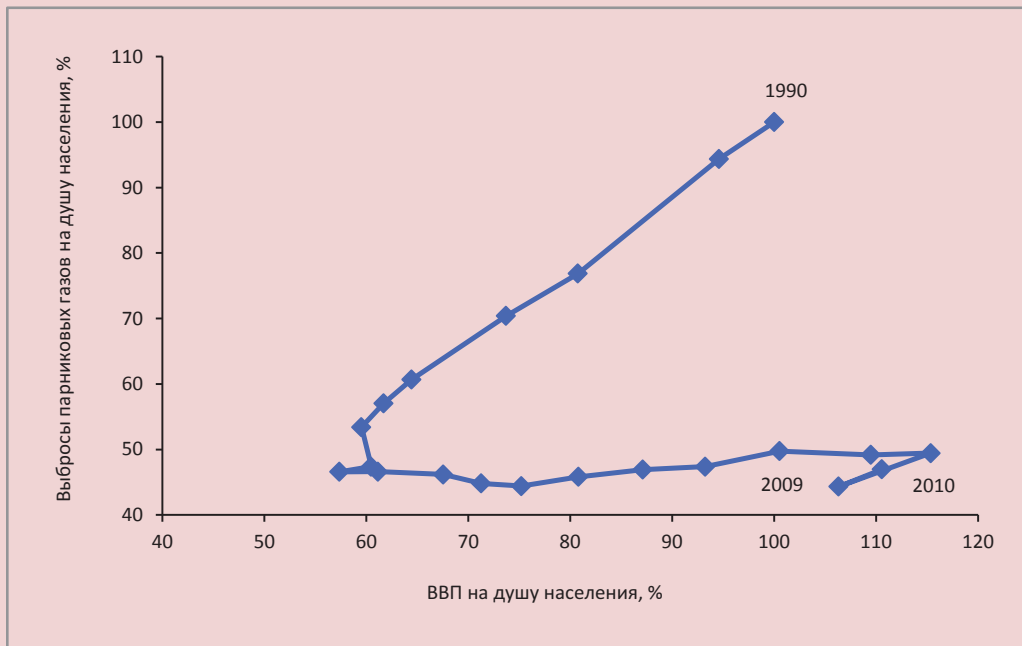

Рисунок 2. Изменение выбросов парниковых газов на душу населения в зависимости от динамики ВВП РФ на душу населения, % к 1990 г.

в экономике способствовали улучшению экологической ситуации в 2000-х годах. Но полученный график не соответствует ЭКК.

Для выявления влияния различных факторов по функциям (1) были проведены расчеты. К сожалению, информация по парниковым газам для регионов отсутствует и расчеты проводились только для РФ. Они показали, что влияние инвестиций в охрану атмосферного воздуха – незначимо. Видимо, основное положительное влияние оказывают структурные сдвиги в экономике и модернизация, которые в функции (1) учитывает нейтральный экологический прогресс (при хороших статистических характеристиках $R^2 = 0,99$, $F = 838$):

$$E(t) = e^{0,536} \times X_1^{0,766}(t) \times e^{-0,049 \times t}(t), \quad (2)$$

где: $X_1(t)$ – ВВП;

$E(t)$ – выбросы парниковых газов;

$\mu = 0,766$, $\eta = 0$.

Рост экономики увеличивал выбросы парниковых газов, но модернизация и структурные сдвиги в экономике уменьшали их на 4,9% ежегодно. В итоге получили, что в 2000-х годах темпы роста ВВП значительно опережали темпы роста парниковых газов.

Для определения влияния модернизации выполнялись расчеты по функции (1) с выделением инвестиций в модернизацию. В результате опять незначимым оказалось влияние инвестиций на охрану атмосферного воздуха и значимым – влияние модернизации (при хороших статистических характеристиках: $R^2 = 0,85$, $F = 38,2$):

$$E(t) = e^{2,6} \times X_n^{0,304}(t) \times X_m^{-0,052}(t), \quad (3)$$

где: X_n – кумулятивные инвестиции в новое строительство;

X_m – кумулятивные инвестиции в модернизацию;

$\mu = 0,304$, $\eta = 0$, $\nu = -0,052$.

В результате получили, что прирост кумулятивных инвестиций на новое строительство на 1% увеличивал выбросы на 0,3%, а прирост кумулятивных инвестиций в модернизацию на 1% уменьшал выбросы на 0,05%.

ЭКК российских регионов. В связи с тем, что в 1990-х годах практически во всех регионах России наблюдался экономический спад, сопровождавшийся снижением антропогенной нагрузки на окружающую среду, временные ряды в этот период не могут быть описаны с помощью ЭКК. Поэтому в исследовании рассматривается период 2000–2011 гг., когда в большинстве регионов России наблюдался экономический рост, оказывающий различное влияние на экологические показатели. График зависимости выбросов парниковых газов от ВВП на душу населения (рис. 2), на котором четко выделяются два периода, это наглядно показывает. В 1990-х годах при падении ВВП снижались и выбросы, а в 2000-х годах рост ВВП сопровождается некоторым увеличением эмиссии парниковых газов. Поэтому можно констатировать, что гипотеза ЭКК для выбросов парниковых газов не подтверждается и в период экономического роста 2000–2011 годов.

Анализ зависимости выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников и развития экономики позволяет выделить четыре основные формы связи: рост экономики сопровождается увеличением объема выбросов (прямая линейная); рост экономики ведет к снижению выбросов (обратная линейная); U-образная или N-образная форма связи; перевернутая U-образная форма связи (ЭКК).

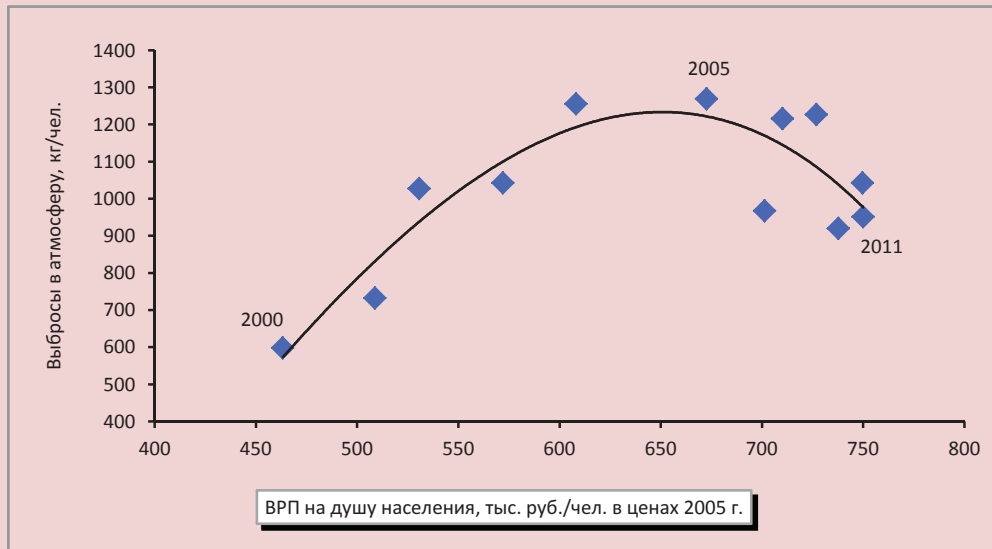
О соответствии гипотезе ЭКК по выбросам в атмосферу от стационарных источников можно говорить лишь для 19 регионов РФ. Классический вид ЭКК имеет для

Тюменской, Оренбургской, Челябинской, Ленинградской, Новгородской, Саратовской областей, Камчатского, Пермского и Хабаровского краев, а также Чукотского округа, Республики Алтай и Удмуртской Республики. Положение максимума для этих регионов наблюдается в период 2003–2005 гг. при достижении среднедушевого ВРП свыше 100 тыс. руб., или 8–12 тыс. долларов США по паритету покупательной способности (ППС). Для Республики Алтай и Удмуртской Республики точка перегиба достигается при более низком уровне дохода – 45,3 и 84,6 тыс. руб. соответственно. Самые высокие показатели характерны для Тюменской области, где рост экономики сопровождался до 2005 г. интенсивным ростом выбросов в атмосферу, а в 2006–2011 гг. уровень загрязнения снизился на 25% при увеличении ВРП на душу населения за этот период на 12%. Точка перегиба соответствует 672 тыс. руб./чел. (42,5 тыс. долларов США/чел. по ППС) и 1268,7 кг/чел. выбросов загрязняющих веществ в атмосферу (рис. 3).

Предварительный анализ графиков по регионам России за один год («кросс-секшн») показывает, что связь между ростом экономики и загрязнением весьма неоднозначна. Положение максимума для каждого региона индивидуально, а для большинства, вероятно, еще не достигнуто. Состав групп регионов в 2000 и 2010 гг. несколько изменился: дифференциация по экологическому показателю увеличилась, а по уровню доходов несколько снизилась [4]. Статистический анализ подтверждает эти данные: коэффициент вариации по выбросам в атмосферу увеличился с 1,25 в 2000 г. до 1,31 в 2010 г., а по ВРП на душу населения снизился с 0,81 до 0,79.

Таким образом, тренд, рассчитываемый для более позднего периода времени при более высоких уровнях развития экономики, свидетельствует о том, что регионы

Рисунок 3. Изменение выбросов в атмосферу от стационарных источников на душу населения Тюменской области в 2000–2011 гг. в зависимости от роста ВРП на душу населения

проходят одну и ту же стадию развития при более высоких уровнях дифференциации по экологическому показателю. Соответственно, положение максимума на ЭКК смещается вверх и вправо.

Изменение климата и региональная экономика. Проблема глобального изменения климата наиболее актуальна для такой отрасли экономики, как сельское хозяйство. Исследования регионов США и Канады показали, что в более северных регионах возможен рост урожайности за счет улучшения климатических условий и смены культур на более урожайные и требовательные к теплу, в то же время в южных регионах условия могут ухудшаться. Исследование влияния происходящих сейчас климатических изменений проведено на примере сельского хозяйства отдельных регионов РФ. Построены модели, позволяющие выявить влияние различных факторов, прежде всего температуры и осадков, на урожайность различных сельскохозяйственных культур. Проведены расчеты на данных отдельных регионов Северо-Запада России.

Для оценки данного влияния строится системное описание происходящих процессов, изучаются особенности развития регионов, выделяются и описываются основные факторы, определяющие изменение показателей сельского хозяйства, прежде всего урожайности, собираются и анализируются данные по факторам и урожайности, строятся графики показателей, позволяющие выявить существующие зависимости.

Для оценки влияния климатических изменений на сельское хозяйство в данной работе использовались модели, основу которых составляют регрессионные уравнения, где урожайность по регионам рассматривается в зависимости от выделенных факторов: климатических, агротехнических, состояния почвы, социально-экономических характеристик, уровня менеджмента, технологического уровня и особенностей конкретной культуры. Уравнения урожайности по регионам строились по временным рядам для одного региона, «кросс-секшн» по регионам за один год и панельным данным.

Для регионов расчеты проводились по линейной и мультипликативной функциям:

$$Y(t) = A \times t + B + C \times T^2(t) + D \times T(t) + E \times R^2(t) + F \times R(t) + G \times M(t) + H \times X(t) \quad (4)$$

$$Y(t) = A(t) \times (T_0^2 - T^2(t))^\mu \times (R_0^2 - R^2(t))^\eta \times M^\nu(t) \times X^\sigma(t) \quad (5)$$

где: T_0 – оптимальная температура,

T – отклонение от оптимальной температуры,

R_0 – оптимальное количество осадков,

R – отклонение от оптимального количества осадков,

M – объем внесенных удобрений относительно 1990 г.,

X – социально-экономические и прочие характеристики.

Параметры $\varepsilon_1 = \mu$, $\varepsilon_2 = \eta$, $\varepsilon_3 = \nu$ и $\varepsilon_4 = \sigma$ являются факторными эластичностями. Они показывают, на сколько процентов изменится урожайность, если соответствующий фактор вырастет на 1%. В первом случае оптимальные параметры определяются в ходе расчетов, во втором – в ходе предварительного анализа графиков и консультаций с экспертами.

В качестве климатических характеристик рассматриваются средняя температура, сумма активных температур и суммарные осадки за разные периоды (за год, за сезон, между уборками урожая, от посева до уборки, за июнь, за июль и за третью декаду июня). Поскольку временные ряды короткие и количество факторов должно быть минимальным, то можно использовать гидротермический коэффициент за разные периоды, на практике наилучшая связь с урожайностью при рассмотрении периода от посева до уборки.

Агротехнические показатели – внесение минеральных и органических удобрений на гектар посевов. Социально-экономические показатели позволяют учитывать состояние сельского хозяйства региона (объем и динамика инвестиций в сельское хозяйство), уровень развития экономики регионов, динамику развития экономики регионов (ВРП в сопоставимых ценах) и некоторые другие особенности. Проблемой является учет почвенных характеристик для региона; почвенно-экологический индекс и другие показатели рассчитываются по локальным территориям и средний по региону построить сложно. Пока не исследовалось также влияние изменения амплитуды колебаний температуры. Часть информации была получена из статистических справочников ФСГС и данных различных ведомств. Кроме того, для расчетов использовалась информация, собранная институтами РАН.

Ожидалось, что в России по аналогии с результатами, полученными для американских регионов, выигрыш должны получить центральные и северные регионы, в частности регионы Северо-Западного федерального округа. Проверка данной гипотезы показала, что для отдельных культур (зерновые) выигрыш незначителен и он намного меньше, чем потери южных регионов по данным культурам. Для других культур потепление ведет к некоторому росту урожайности в пределах 5–10%.

Заключение. Анализ временных рядов свидетельствует о том, что гипотеза ЭКК по выбросам парниковых газов и вредных веществ, отходящих от стационарных источников, для большинства регионов России не подтверждается. Очевидно, что значительная часть регионов по основным показателям экологической нагрузки находится еще далеко от положения максимума на ЭКК и потенциальный экономический рост может сопровождаться усилением деградации окружающей среды.

В рамках модели ЭКК можно утверждать, что с увеличением ВРП уровень загрязнения уменьшается для регионов с высоким уровнем развития и растет для низкоэффективных регионов. Этот вывод по регионам России совпадает с результатами мировых исследований. Однако если в зарубежных исследованиях доказано, что в последние годы для большинства развитых и развивающихся стран уровень ЭКК несколько снижается и смещается влево, то для регионов России наблюдается прямо противоположная картина. Экономический рост сопровождается более высоким уровнем загрязнения, а точка перегиба достигается при более высоком уровне ВРП. Соответственно, уровень кривой для регионов России несколько повышается и смещается вправо.

На основе проведенных расчетов можно сказать, что при продолжении потепления автоматического роста сельскохозяйственного производства не произойдет, но

ожидаемое потепление создаст потенциал для роста, для использования которого потребуются определенные усилия, прежде всего необходимо увеличение финансирования сельскохозяйственной науки. Рост урожайности за счет потепления при сохранении традиционных культур будет незначителен – не превысит 10%. Заметно больший эффект дадут повышение уровня менеджмента и переход к более современным технологиям. Оказать положительное влияние может также изменение структуры посевных площадей, переход к позднеспелым и более урожайным сортам и к новым, более теплолюбивым культурам, что требует уже сейчас увеличения вложений в сельскохозяйственную науку. Для того чтобы использовать открывающиеся возможности и минимизировать ожидаемые потери, необходима адаптация регионов к ожидаемым климатическим изменениям и ориентация сельскохозяйственной науки на адаптационные проекты.

Литература

1. Бобылев, С.Н. Взаимосвязь между уровнем благосостояния и устойчивым развитием. Кривая Кузнеца / С.Н. Бобылев // Социально-экономический потенциал устойчивого развития / под. ред. Л. Хенса и Л. Мельника. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2007. – С. 134-159.
2. Дружинин, П.В. Влияние развития экономики на окружающую среду: моделирование и анализ расчетов / П.В. Дружинин, Г.Т. Шкиперова, М.В. Морощкина. – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2010. – 119 с.
3. Порфирьев, Б.Н. Природа и экономика: риски взаимодействия / Б.Н. Порфирьев. – М.: Анкид, 2011. – 352 с.
4. Шкиперова, Г.Т. Экологическая кривая Кузнеца как инструмент исследования регионального развития / Г.Т. Шкиперова // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – №19. – С. 8-16.
5. Cole, M. Re-examining the pollution-income relationship: a random coefficients approach / M. Cole [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economicsbulletin.vanderbilt.edu/2005/volume14/EB-05N50001A.pdf>.
6. Dasgupta, S. Confronting the Environmental Kuznets Curve / S. Dasgupta, B. Laplante, H. Wang, D. Wheeler // Journal of Economic Perspectives. – 2002. – Vol. 16(1). – P. 147-168.
7. Fried, B. Determinants of CO₂ emissions in a small open economy / B. Fried, M. Getzner // Ecological Economics. – 2003. – Vol. 45. – P. 133-148.
8. Grossman, G. Economic growth and the environment / G. Grossman, A. Krueger // The Quarterly Journal of Economics. – 1995. – Vol. 110. – P. 353-377.
9. Lantz, V. Assessing income, population, and technology impacts on CO₂ emissions in Canada: where's the EKC? / V. Lantz, Q. Feng // Ecological Economics. – 2006. – Vol. 57. – P. 229-238.

10. Müller-Fürstenberger, G. Exploring the environmental Kuznets hypothesis: Theoretical and econometric problems / G. Müller-Fürstenberger, M. Wagner // *Ecological Economics*. – 2007. – Vol. 62. – P. 648-660.
11. Panayotou, T. Economic Growth and the environment [Электронный ресурс] / Т. Panayotou. – Режим доступа: <http://www.cid.harvard.edu/cidwp/pdf/056.pdf>.
12. Roca, J. Income growth and atmospheric pollution in Spain: An input-output approach / J. Roca, M. Serrano // *Ecological Economics*. – 2007. – Vol. 63. – P. 230-242.
13. Rothman, D. Probing into the environmental Kuznets curve hypothesis / D. Rothman, S. Bruyn // *Ecological Economics*. – 1998. – Vol. 25. – P. 143-145.
14. Stern, D. Is there an environmental Kuznets curve for sulfur? / D. Stern, M. Common // *Journal of Environmental Economics and Management*. – 2001. – Vol. 41. – P. 162-178.
15. Tisdell, C. Globalisation and sustainability: environmental Kuznets curve and the WTO / C. Tisdell // *Ecological Economics*. – 2001. – Vol. 39. – P. 185-196.
16. Vincent, J. Testing for Environmental Kuznets Curves within a developing country / J. Vincent // *Environment and Developmental Economics*. – 1997. – Vol. 2. – P. 417-433.

Druzhinin P.V., Shkiperova G.T.

Assessment of mutual influence of economic and ecological processes

Pavel Vasil'evich Druzhinin – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department for the Issues of Regional Development Modeling and Forecast, the Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russia, pdruzhinin@mail.ru).

Galina Timofeevna Shkiperova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Research Associate, the Department for the Issues of Regional Development Modeling and Forecast, the Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russia, shkiperova@mail.ru).

Abstract. The article considers two issues: the assessment of the influence of economic development on the environment and the assessment of the impact of climate change on the development of certain economic sectors. The authors used methods of statistical analysis and economic-mathematical modeling. The article reveals differences in the dynamics and defines the nature of the relationship between GRP per capita and emissions of harmful substances into the atmosphere (including greenhouse gases) for Russia's regions. It is shown that the dynamics in some regions in 2000–2011 corresponds to the environmental Kuznets curve. The factors that affect the reduction of anthropogenic impact were determined. Several models for estimating the impact of changes in climatic conditions on the productivity of various crops were designed and tested.

Key words: economic growth, environmental Kuznets curve, greenhouse gas emissions, climate change.

References

1. Bobylev S.N. Vzaimosvyaz' mezhdru urovnem blagosostoyaniya i ustoychivym razvitiem. Krivaya Kuznetsa [The Relationship between Welfare and Sustainable Development. Kuznets Curve]. *Sotsial'no-ekonomicheskii potentsial ustoychivogo razvitiya* [Socio-Economic Potential of Sustainable Development]. Ed. by L. Khens and L. Mel'nik. Sumy: Universitetskaya kniga Publ., 2007. Pp. 134-159.
2. Druzhinin P.V., Shkiperova G.T., Moroshkina M.V. *Vliyaniye razvitiya ekonomiki na okruzhayushchuyu sredu: modelirovaniye i analiz raschetov* [Influence of the Development of the Economy on the Environment: Modeling and Analysis of Calculations]. Petrozavodsk: KarNTs RAN Publ., 2010. 119 p.

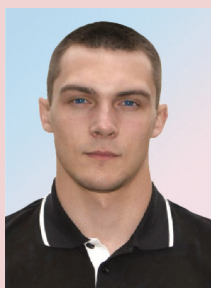
3. Porfir'ev B.N. *Priroda i ekonomika: riski vzaimodeystviya* [Nature and Economy: Interaction Risks]. Moscow: Ankid, 2011. 352 p.
4. Shkiperova G.T. *Ekologicheskaya krivaya Kuznetsa kak instrument issledovaniya regional'nogo razvitiya* [Environmental Kuznets Curve as Tool of Regional Development Studies]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [The Economic Analysis: Theory and Practice], 2013, no. 19, pp. 8-16.
5. Cole M. *Re-Examining the Pollution-Income Relationship: a Random Coefficients Approach*. Available at: <http://economicsbulletin.vanderbilt.edu/2005/volume14/EB-05N50001A.pdf>.
6. Dasgupta S., Laplante B., Wang H., Wheeler D. Confronting the Environmental Kuznets Curve. *Journal of Economic Perspectives*, 2002, Vol. 16 (1), pp. 147-168.
7. Fried B., Getzner M. Determinants of CO₂ Emissions in a Small Open Economy. *Ecological Economics*, 2003, Vol. 45, pp. 133-148.
8. Grossman G., Krueger A. Economic Growth and the Environment. *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, pp. 353-377.
9. Lantz V., Feng Q. Assessing Income, Population, and Technology Impacts on CO₂ Emissions in Canada: Where's the EKC? *Ecological Economics*, 2006, Vol. 57, pp. 229-238.
10. Müller-Fürstenberger G., Wagner M. Exploring the Environmental Kuznets Hypothesis: Theoretical and Econometric Problems. *Ecological Economics*, 2007, Vol. 62, pp. 648-660.
11. Panayotou T. *Economic Growth and the Environment*. Available at: <http://www.cid.harvard.edu/cidwp/pdf/056.pdf>.
12. Roca J., Serrano M. Income Growth and Atmospheric Pollution in Spain: An Input-Output Approach. *Ecological Economics*, 2007, Vol. 63, pp. 230-242.
13. Rothman D., Bruyn S. Probing into the Environmental Kuznets Curve Hypothesis. *Ecological Economics*, 1998, Vol. 25, pp. 143-145.
14. Stern D., Common M. Is There an Environmental Kuznets Curve for Sulfur? *Journal of Environmental Economics and Management*, 2001, Vol. 41, pp. 162-178.
15. Tisdell C. Globalisation and Sustainability: Environmental Kuznets Curve and the WTO. *Ecological Economics*, 2001, Vol. 39, pp. 185-196.
16. Vincent J. Testing for Environmental Kuznets Curves within a Developing Country. *Environment and Development Economics*, 1997, Vol. 2, pp. 417-433.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

УДК 336.143(470.12), ББК 65.261.3-18(2Рос-12)

© Галухин А.В.

Устойчивость как базовый принцип ответственной бюджетной политики

**Антон Викторович
ГАЛУХИН**

аспирант, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, antongalukhin@yandex.ru)

Аннотация. Автор затрагивает весьма актуальные вопросы управления устойчивостью бюджетных систем регионов. Перспективность изучения этой проблематики подтверждается на самом высоком уровне – Президентом РФ. В статье установлено, что основными составляющими понятия финансовой устойчивости бюджетов являются: самостоятельность (независимость) территории, её платёжеспособность и сбалансированность доходов и расходов. На основе ситуационного анализа состояния общественных финансов регионов СЗФО выявлено снижение самостоятельности территорий, ухудшение положения с долговой нагрузкой в посткризисный период, а также нерешённость проблемы несбалансированности доходов и расходов. Установлена ограниченность возможностей территорий в поиске дополнительных источников финансовых ресурсов, хотя антикризисные инструменты бюджетного процесса (региональные резервные фонды) не используются в полной мере. В результате проведённого анализа определено, что повышению устойчивости бюджетных систем регионов должны способствовать: модернизация модели бюджетного федерализма, укрепление и развитие налогового потенциала, повышение эффективности бюджетных расходов, активизация использования потенциала региональных резервных фондов. По мнению автора, своевременность принятия этих мер будет обеспечена за счёт проведения постоянного мониторинга финансового положения субъектов РФ.

Ключевые слова: общественные финансы, консолидированный бюджет региона, сбалансированность, финансовая устойчивость, пути и методы повышения финансовой устойчивости бюджетов.

В современных условиях, характеризующихся высокой волатильностью мировых товарных рынков и усилением влияния глобализационных процессов на региональную экономику, особую актуальность приобретает изучение проблемы управления финансовой устойчивостью территориальных бюджетов. Ограниченность их доходных возможностей, рост социальных обязательств государства, в том числе по исполнению указов Президента РФ от 7 мая 2012 года, ещё более актуализируют данную проблему.

Интерес к ней отечественных и зарубежных учёных существенно возрос в контексте мирового кризиса 2008–2009 гг., ограничившего доступ предприятий к рынку заёмного капитала. Следствием этого стало сокращение объёмов промышленного производства, а бюджеты всех уровней лишились значительной части налоговых доходов.

В этой связи в Бюджетном Послании Федеральному Собранию РФ на 2014–2016 годы В.В. Путин указал главную задачу, которая стоит перед страной, – «обеспечить долгосрочную сбалансированность и устойчивость бюджетной системы как базовых принципов при безусловном выполнении всех обязательств государства даже в условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры» [1].

Вопросам финансовой устойчивости бюджетной системы посвящена масса исследований, особенно в области микроэкономики. Финансово-экономическое положение хозяйствующего субъекта является одним из основных критериев, по которым можно с уверенностью судить об эффективности его деятельности и инвестиционной привлекательности.

Значительное количество различных позиций в отношении сущности рассматриваемого понятия имеет место на уровне

мезо- и макроэкономики, вследствие резкого всплеска интереса к изучению финансовой устойчивости бюджетов и относительно малого промежутка времени для формирования общепринятого подхода.

Так, Б.А. Райзберг, А.Г. Лобко, Л.Ш. Лозовской и Е.Б. Стародубцева приравнивают друг к другу категории «финансовая устойчивость бюджета» и «финансовая устойчивость хозяйствующего субъекта». А.В. Грачёв, Л.В. Давыдова, Л. Пикман и А.С. Громова рассматривают данную категорию с точки зрения устойчивости равновесия и устойчивости развития. Вместе с тем неоспоримо то, что её необходимо рассматривать в динамике, то есть с делением по временному аспекту. Этой позиции придерживаются такие отечественные учёные, как Т.В. Доронина, Р.Р. Ахметов, С.М. Каратаев, Н.И. Яшина и другие [15].

Систематизация теоретических основ изучения финансовой устойчивости бюджетов позволяет установить её следующие составляющие:

- самостоятельность (независимость) территории в реализации полного комплекса полномочий;
- платёжеспособность, то есть способность своевременно выполнять обязательства за счёт ресурсов, имеющихся в распоряжении в текущем и долгосрочном периодах;
- сбалансированность доходов и расходов бюджетов под воздействием внешних и внутренних факторов.

Методологическая база исследования данной проблематики достаточно обширна, и это обуславливает разногласия между авторами в вопросе о количестве параметров для определения уровня финансовой устойчивости, отсутствие единой точки зрения в отношении информационной базы для их расчёта.

Основная дискуссия разворачивается вокруг следующих вопросов: стоит ли ограничиваться только показателями бюджетной системы? Дополнять ли анализ индикаторами финансовой устойчивости отдельных предприятий или конкретных отраслей промышленности или проводить оценку вместе с показателями социально-экономического развития территории?

По нашему мнению, для определения уровня финансовой устойчивости территориальных бюджетов вполне можно ограничиться расчётом коэффициентов, применяемых в бюджетном анализе.

В то же время индикаторы социально-экономического развития территорий целесообразно использовать для факторного анализа произошедших изменений при разработке управленческих решений по минимизации рисков снижения финансовой устойчивости бюджета и поиску направлений её повышения. Использование индикаторов финансового состояния отдельных предприятий или отраслей имеет смысл, если бюджетная система территории сильно зависима от какого-то одного доходного источника.

В.Б. Ияшвили и М.Е. Чичелев [5], в рамках принципов формирования бюджетной политики и бюджетных показателей, указывают на тот факт, что хороший бюджет не тот, который обеспечивает максимальный объём бюджетных расходов, а тот, который в наибольшей степени способствует повышению уровня жизни (комфортности среды обитания) членов сообщества с помощью создания условий для достижения максимально возможного результата, так как конечная обеспеченность граждан зависит от объёма продукта, который они произведут [5].

Следовательно, в качестве индикатора, наиболее полно характеризующего социально-экономическое развитие террито-

рии в агрегированном виде, может быть принят объём ВРП.

В силу сложившихся объективных и субъективных условий хозяйствования регионы России имеют неодинаковый уровень экономического развития. По итогам 2011 года дифференциация регионов СЗФО по объёму ВРП в расчёте на душу населения составила более 3 раз (максимальное значение – в Республике Коми, минимальное – в Псковской области). Причём в половине регионов округа данный показатель ниже среднероссийского в 1,2–2,1 раза, а в Вологодской области за анализируемый период он составил лишь 103,8% к уровню 2006 года в реальном выражении. Это свидетельствует о стагнации экономики региона и, как следствие, его доходных возможностей (*табл. 1*).

Экономическое развитие субъектов РФ оказывает существенное влияние на финансовую устойчивость их бюджетов, выступая главным фактором их самостоятельности. Анализ показал, что финансовая независимость территорий повсеместно снижается. Это выражается в сокращении доли их налоговых и неналоговых доходов.

Наиболее острая ситуация в Псковской области: её бюджет почти наполовину формируется за счёт безвозмездных поступлений. Вызывает озабоченность и траектория развития Республики Коми и Новгородской области, в которых доля собственных доходов за 2006–2012 гг. сократилась более чем на 20% (*табл. 2*).

В то же время одним из показателей, характеризующих устойчивость бюджета, является ежегодный рост доходных возможностей территории. Среди субъектов СЗФО за анализируемый период такой рост отмечался только в Псковской и Ленинградской областях. В остальных регионах стабильность темпов роста

Таблица 1. Подушевой объём валового регионального продукта в регионах СЗФО (в ценах 2011 года, тыс. руб.)

Регион СЗФО	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Изменение 2011 г. к 2006 г., %
Республика Коми	355,3	365,1	394,7	380,8	414,6	484,9	136,5
г. Санкт-Петербург	270,5	335,0	376,1	353,6	370,6	420,6	155,4
Архангельская область	262,8	303,0	290,8	300,7	321,3	361,0	137,4
Мурманская область	294,9	332,6	331,3	290,8	310,8	329,0	111,6
Ленинградская область	243,7	259,9	283,9	291,8	303,9	326,5	134,0
Вологодская область	254,6	281,2	300,4	215,3	235,1	264,2	103,8
Калининградская область	171,0	219,1	240,6	208,6	220,9	243,8	142,6
Новгородская область	175,6	188,3	222,9	211,4	212,5	236,0	134,4
Республика Карелия	194,8	224,8	220,4	187,7	198,0	223,0	114,4
Псковская область	111,7	124,5	132,4	125,6	136,5	152,9	136,8
СЗФО	249,1	288,8	312,4	289,7	307,3	345,3	138,6
РФ	243,9	278,7	298,4	258,7	279,9	316,6	129,8

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

Таблица 2. Собственные доходы консолидированных бюджетов субъектов СЗФО (в расчёте на душу населения)

Регион СЗФО	2006 г.		2008 г.		2010 г.		2012 г.		Изменения, 2012 г. к 2006 г.		
	Тыс. руб.	Доля, %*	Тыс. руб.	Доля, %*	Тыс. руб.	Доля, %*	Тыс. руб.	Доля, %*	Тыс. руб.	Темп роста, %	Доля, п.п.
г. Санкт-Петербург	67,0	87	81,8	88	66,7	85	67,6	82	0,6	100,9	-5,0
Республика Коми	50,0	97	55,0	91	51,2	88	64,5	76	14,5	128,9	-21,0
Мурманская область	46,1	89	55,4	74	58,7	83	57,1	74	11,0	123,8	-15,0
Ленинградская область	31,4	87	40,8	85	40,8	91	45,8	82	14,4	145,9	-5,0
Архангельская область	26,5	77	38,1	72	35,7	71	43,5	71	17,0	164,5	-6,0
Республика Карелия	29,1	80	36,2	70	38,3	78	37,7	63	8,6	129,3	-17,0
Вологодская область	38,1	87	50,3	93	33,6	88	36,6	72	-1,5	96,1	-15,0
Новгородская область	24,0	82	33,1	78	30,7	85	36,0	60	12,0	150,4	-22,0
Калининградская область	28,5	77	34,8	67	32,0	73	35,6	62	7,1	125,0	-15,0
Псковская область	17,7	70	22,0	67	22,4	68	24,9	55	7,2	141,0	-15,0
СЗФО	45,5	86	56,2	83	49,3	83	52,9	76	7,4	116,3	-10,0
<i>РФ</i>	36,9	82	46,1	79	39,4	76	44,9	73	8,0	121,6	-9,0

* Доля собственных доходов в общем объёме доходов субъекта РФ.
 Источник: рассчитано по данным отчётности об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/reports/mb.html>

собственных доходов была нарушена под влиянием кризиса 2008–2009 гг.

Вместе с тем, как выявлено, наиболее динамично развивающаяся территория СЗФО – город Санкт-Петербург за тот же период не нарастил в реальном выражении свои доходные возможности.

Однако в Мурманской области, экономический рост которой составил всего 111%, обеспеченность собственными доходами возросла на 23,8%. Данное несоответствие отчасти объясняется ростом численности населения г. Санкт-Петербурга (109,8% к уровню 2006 года) и сокращением этого показателя в Мурманской области (90,3% к уровню 2006 года).

Но проблема состоит в том, что столица СЗФО за 2006–2012 гг. создала условия для формирования налоговых поступлений, которые в соответствии с существующим законодательством подлежат зачислению в федеральный бюджет (в основном НДС и акцизы). Подобная ситуация отмечается также в Калининградской, Ленинградской, Архангельской областях и Республике

Карелия, налоговые доходы которых, поступившие в федеральный бюджет из объёма собранных на этих территориях, в реальном выражении возросли (табл. 3).

Сокращение доли собственных финансовых возможностей регионов, сочетающееся с проведением политики по централизации доходов бюджетной системы страны на федеральном уровне, сопровождающееся регулярным пересмотром расходных обязательств нижестоящих уровней управления (рост делегированных расходов) [3, 10], привело к тому, что в среднем по стране реальный дефицит после кризиса не опускался ниже 30%. Более того, данный показатель был выше отметки 80% в Архангельской (в 2009 году), Псковской (в 2009, 2011 и 2012 гг.) и Калининградской (в 2009 году) областях. Превышение уровня 15%, уже являющееся свидетельством неустойчивости бюджетных систем [15], в 2012 году зафиксировано в Мурманской, Вологодской, Архангельской, Новгородской, Калининградской, Псковской областях, республиках Коми и Карелия (табл. 4).

Таблица 3. Динамика налогов, сборов и иных обязательных платежей, поступивших в федеральный бюджет из объёма собранных на территории регионов СЗФО (в ценах 2012 года)

Регион СЗФО	2006 г.	2008 г.		2010 г.	2012 г.		Изменения, 2012–2006 гг.		
	Млрд. руб.	Млрд. руб.	Доля, %	Млрд. руб.	Млрд. руб.	Доля, %	Млрд. руб.	Темп роста, %	Доля, п.п
Калининградская область	18,5	26,8	49	22,6	48,5	63	30,0	262,2	19,0
Республика Коми	86,7	90,2	65	76,2	64,9	56	-21,8	74,8	-11,0
Ленинградская область	39,4	42,6	41	36,0	59,2	43	19,8	150,4	-1,0
г. Санкт-Петербург	141,7	131,5	29	111,1	167,0	37	25,3	117,9	1,0
Архангельская область	5,8	2,9	9	2,5	7,5	19	1,7	130,0	0,9
Вологодская область	15,6	29,1	34	24,5	6,7	15	-8,9	42,9	-12,0
Республика Карелия	3,1	3,3	14	2,8	3,3	15	0,2	108,0	0,0
Псковская область	2,4	1,5	11	1,2	1,9	13	-0,5	80,0	-6,0
Мурманская область	13,2	12,3	23	10,4	5,7	13	-7,5	43,1	-15,0
Новгородская область	3,2	5,6	23	4,8	2,8	13	-0,4	86,8	-6,0
СЗФО	329,2	345,9	30	292,1	406,0	39	76,8	123,3	7,0

Источник: рассчитано по данным отчёта о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации № 1-НМ Федеральной налоговой службы России.

Таблица 4. Реальный дефицит консолидированных бюджетов регионов СЗФО (в % к собственным доходам)

Регион СЗФО	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение 2012 г. к 2006 г., п.п.
г. Санкт-Петербург	-0,1	-8,2	-23,8	-31,1	-27,1	-25,0	-14,7	-14,7
Ленинградская область	-10,8	-14,3	-20,8	-27,6	-12,5	-14,9	-14,8	-3,9
Республика Коми	-3,6	-11,7	-15,4	-32,0	-17,5	-22,9	-20,9	-17,3
Мурманская область	-26,9	-23,4	-40,5	-47,0	-19,5	-21,5	-32,1	-5,3
Вологодская область	-16,3	-18,8	-10,3	-67,1	-47,5	-45,2	-32,4	-16,1
Архангельская область	-35,8	-28,5	-56,7	-88,1	-56,5	-64,8	-34,7	1,1
Новгородская область	-31,8	-31,3	-41,5	-57,1	-53,0	-36,7	-46,7	-15,0
Республика Карелия	-39,5	-51,9	-53,8	-72,6	-46,8	-38,5	-47,6	-8,2
Калининградская область	-33,4	86,7	-49,6	-79,9	-56,6	-64,5	-48,8	-15,4
Псковская область	-33,8	-41,4	-52,4	-80,5	-72,3	-82,9	-84,7	-50,9
СЗФО	-10,0	-15,6	-28,4	-43,2	-31,4	-30,7	-24,2	-14,2
<i>РФ</i>	-7,9	-17,5	-27,2	-47,4	-33,3	-31,8	-30,7	-22,8

Источник: рассчитано по данным отчетности об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/reports/mb.html>

Таблица 5. Соотношение темпов роста доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов СЗФО

Регион СЗФО	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Мурманская область	1,03	1,23	0,95	1,11	0,97	0,89
Псковская область	0,95	1,45	0,94	1,01	1,01	0,91
Республика Карелия	0,92	1,50	0,90	1,11	1,01	0,94
Ленинградская область	0,97	1,16	0,92	1,11	1,00	0,97
Республика Коми	0,93	1,11	0,99	1,04	0,96	0,99
Калининградская область	1,00	1,37	1,04	0,87	1,08	0,99
г. Санкт-Петербург	0,92	1,03	1,03	0,99	1,02	1,00
Архангельская область	1,06	1,19	0,96	1,13	0,92	1,01
Новгородская область	1,00	1,25	0,98	0,93	1,16	1,04
Вологодская область	0,98	1,19	0,86	1,01	1,00	1,08

Источник: рассчитано по данным отчетности об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/reports/mb.html>

Помимо того, проблема несбалансированности консолидированных бюджетов не решается в половине регионов СЗФО: темпы роста доходов отстают от темпов роста расходов, то есть происходит принятие расходных обязательств, не обеспеченных соответствующими доходными возможностями. Такая ситуация в 2006–2012 гг. отмечалась в Мурманской, Псковской, Ленинградской, Калининградской областях, республиках Карелия и Коми (табл. 5). Вместе с тем в среднесрочной перспективе ситуация может не только сохраниться, но и усугубиться в связи с

необходимостью исполнения указов Президента РФ от 7 мая 2012 г. [11]. В одной только Вологодской области недостаток средств на их исполнение в 2013–2016 гг. составляет 17,7 млрд. руб. (9,2% собственных доходов) при запланированном ежегодном дефиците в размере 3,9–10,3% налоговых и неналоговых поступлений в консолидированный бюджет региона.

Исполнение бюджетов с дефицитом привело к необходимости покрытия недостающего объема ресурсов за счёт заёмных средств [13]. В итоге весь посткризисный период характеризуется ростом долговой

Таблица 6. Долговая нагрузка регионов СЗФО

Регион СЗФО	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		Изменение, 2012 г. к 2008 г., п.п.
	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	%*	
Вологодская область	1,8	3,7	11,0	37,5	19,0	50,6	26,9	63,9	30,9	70,5	66,8
Калининградская область	7,5	29,5	12,0	52,6	17,9	64,9	21,6	69,7	21,5	63,8	34,2
Республика Карелия	4,1	22,2	7,4	42,1	10,2	44,8	9,7	35,6	12,5	51,9	29,6
Новгородская область	2,8	16,4	4,7	28,2	8,9	49,2	10,0	46,4	11,5	50,9	34,5
Псковская область	0,2	1,7	0,4	3,5	1,8	12,6	5,3	32,8	8,0	48,3	46,7
Архангельская область	5,4	14,7	11,1	35,7	15,6	38,4	20,6	47,2	24,7	46,9	32,2
Мурманская область	0,8	2,4	7,3	21,0	9,6	22,2	6,0	12,6	10,2	22,6	20,2
Республика Коми	3,2	8,0	7,1	19,4	6,8	15,8	9,3	18,4	12,4	21,6	13,6
Ленинградская область	5,8	10,7	6,3	11,5	6,5	10,2	6,6	9,1	8,0	10,0	-0,7
г. Санкт-Петербург	0,3	0,1	1,8	0,7	6,6	2,2	8,5	2,5	21,3	6,4	6,2
СЗФО, млрд. руб.	31,5	5,3	69,2	13,3	102,7	16,6	124,6	17,6	161,0	22,3	17
РФ, млрд. руб.	599,6	11,8	1024,5	23,2	1265,5	24,4	1387,3	22,8	1596,8	24,9	13,1

* Отношение объёма государственного и муниципального долга к собственным доходам консолидированного бюджета субъекта РФ.
Источник: рассчитано по данным Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/>

нагрузки на субъекты СЗФО. В относительном выражении наиболее заметно она увеличилась в г. Санкт-Петербурге (в 62 раза), Псковской (почти в 40 раз), Вологодской (в 17 раз) и Мурманской (в 12 раз) областях. По отношению к собственным доходам консолидированных бюджетов долговая нагрузка превысила 50% в Вологодской, Калининградской, Новгородской областях и Республике Карелия (табл. 6).

Критическим с точки зрения оценки финансовой устойчивости является значение, превышающее 100% и свидетельствующее о неплатёжеспособности территории [16]. Так, по состоянию на октябрь 2013 года государственный долг Вологодской области превысил пороговый уровень. Очевидно, что тенденция роста её долговой нагрузки не будет переломлена ни в 2014, ни в 2015 годах. Однако расходы на обслуживание государственного долга, которые в 2012 году достигли 2% всего

объёма расходов области, вызывают необходимость сокращения финансирования других статей бюджета, в том числе социальной направленности. Это является фактором роста социальной напряженности, а также причиной недостижения целевых параметров и показателей социально-экономического развития территории.

Отмеченные тенденции развития регионов СЗФО позволяют определить, что наиболее слабыми с точки зрения финансовой устойчивости бюджетов являются Вологодская, Мурманская, Псковская области, Республика Карелия. В остальных субъектах округа были также отмечены тенденции ухудшения финансового положения в посткризисный период.

Вместе с тем существенным препятствием для решения данной проблемы является законодательство, которое, регламентируя бюджетный процесс субъектов и муниципальных образований Российской Федерации, ограничивает возможности

Таблица 7. Удельный вес региональных и местных налогов в консолидированных бюджетах регионов СЗФО, %

Регион СЗФО	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение, 2012–2006 гг., п.п.
Вологодская область	7,5	8,6	7,0	16,4	11,8	13,5	18,6	11,1
Ленинградская область	16,8	14,8	14,4	17,1	15,7	16,3	17,3	0,5
Калининградская область	18,8	19,1	19,7	23,9	19,8	16,3	17,1	-1,7
Новгородская область	13,7	13,3	12,5	14,5	15,4	12,2	14,0	0,3
г. Санкт-Петербург	11,9	11,2	10,8	13,4	11,8	10,6	12,6	0,7
Псковская область	13,9	11,2	12,1	13,3	12,1	9,9	11,5	-2,4
Республика Коми	13,5	14,3	14,0	18,2	16,2	11,0	11,2	-2,3
Республика Карелия	16,4	15,3	14,2	19,6	13,8	9,3	10,9	-5,5
Мурманская область	9,8	8,2	9,7	10,8	8,4	7,5	9,1	-0,7
Архангельская область	10,4	7,0	5,1	8,4	6,4	8,9	7,7	-2,7
СЗФО	12,1	11,9	11,5	15,4	13,3	12,0	13,6	1,5
<i>РФ</i>	11,1	10,9	10,8	14,4	13,0	12,3	13,5	2,4

Источник: рассчитано по данным отчетности об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>

региональных органов управления в сфере увеличения финансовых ресурсов подконтрольной им территории.

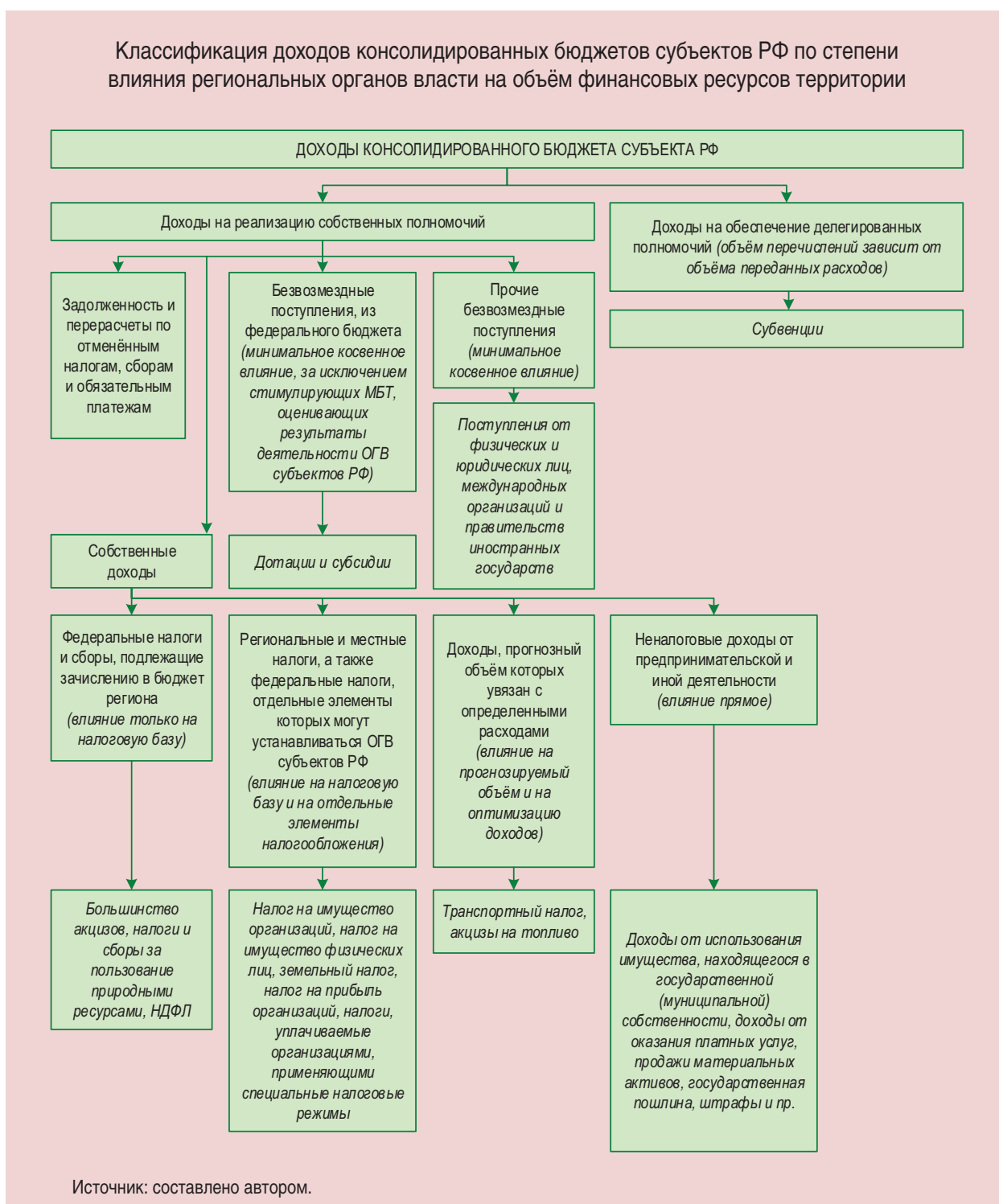
Согласно Бюджетному кодексу РФ, региональные социально-экономические системы могут аккумулировать дополнительный объём денежных средств на финансирование собственных полномочий за счёт варьирования в установленных федеральным центром рамках ставок имущественных налогов регионального (налог на имущество организаций, транспортный налог) и местного (налог на имущество физических лиц, земельный налог) значения, а также за счёт изменения элементов налогообложения специальных налоговых режимов. Однако удельный вес перечисленных налогов в консолидированных бюджетах субъектов СЗФО за 2006–2012 гг. не превышал отметку 19%. При том что доля субфедеральных налогов сократилась в Калининградской, Псковской, Мурманской и Архангельской областях, в республиках Коми и Карелия (табл. 7).

Кроме того, аккумулировать дополнительный объём финансовых ресурсов в территориальных бюджетных системах можно путём увеличения налоговой базы

федеральных налогов (акцизы и НДС от отдельных видов товаров, НДСЛ) и изменения отдельных элементов налогообложения (налог на прибыль). Прямое влияние на увеличение доходной части территориальных бюджетов региональные органы власти имеют и в части повышения эффективности использования государственной и муниципальной собственности.

На объёмы безвозмездных поступлений из федерального бюджета (дотации и субсидии), от физических и юридических лиц, международных организаций и правительств иностранных государств органы государственной власти (ОГВ) регионов могут повлиять лишь косвенно, за исключением межбюджетных трансфертов, оценивающих результаты их деятельности (рисунок).

Вместе с тем опыт построения бюджетного федерализма развитых зарубежных стран, таких как ФРГ и США, свидетельствует о том, что распределение поступлений по основным доходобразующим налогам (общие налоги в Германии составляют 70% налоговых доходов консолидированного бюджета страны, в США – порядка 75%) между всеми

уровнями бюджетной системы является более прогрессивным механизмом, обеспечивающим устойчивость пополнения казны всех уровней власти [6]. Подобный подход характерен и для других федеративных государств, например таких, как

Австралия и Австрия. Распределение налоговых отчислений по всей иерархии бюджетов стимулирует каждый уровень власти создавать условия, обеспечивающие экономический рост за счёт включения дополнительного количества использу-

Таблица 8. Методы повышения уровня финансовой устойчивости территориальных бюджетных систем

Направления	Методы
Повышение эффективности управления доходами субфедеральных бюджетов	Применение сценарного подхода при разработке бюджетов. Оценка выпадающих доходов от предоставления налоговых льгот. Варьирование отдельных элементов налогообложения, приводящих к мобилизации дополнительных доходов. Взыскание налогов с неплательщиков, сокращение и ликвидация задолженности путём её реструктуризации. Мобилизация неналоговых доходов.
Организация среднесрочного и краткосрочного бюджетного планирования	Увеличение горизонтов стратегического планирования. Мониторинг потребности в конкретных видах и объёмах государственных и муниципальных услуг. Внедрение практики среднесрочных контрактов.
Проведение контрциклической финансовой политики	При составлении бюджета исходить из консервативных сценариев развития доходной базы. В случае получения дополнительных доходов использовать их по двум направлениям: а) создание региональных резервных фондов; б) снижение объёма долговой нагрузки.
Оптимизация расходов субфедеральных бюджетов	Организация бюджетного процесса, ориентированного на результат: а) повышение эффективности использования реестра расходных обязательств; б) раздельное планирование действующих и принимаемых обязательств, не носящих «длящийся» характер. Совершенствование системы управления инвестиционными проектами, финансируемыми за счёт бюджетных средств. Повышение адресности мер по социальной поддержке населения. Ужесточение режима экономии бюджетных средств в период ухудшения экономической конъюнктуры.
Управление государственным (муниципальным) долгом	Ежегодный анализ объёма и состава задолженности, влияния на общую платёжеспособность. Оценка долговой ёмкости бюджета. Рефинансирование имеющегося долга с целью оптимизации структуры портфеля заимствований. Обеспечение равномерности выплат по обслуживанию и погашению долга. Реструктуризация просроченной кредиторской задолженности. Предоставление гарантий только при наличии соответствующего обеспечения.
Источник: составлено автором.	

мых факторов производства, в результате чего развивается налоговый потенциал и в распоряжении органов власти появляются дополнительные финансовые ресурсы [14].

Проведённый анализ бюджетного законодательства РФ позволил систематизировать применяемые и активно внедряемые в практику методы, направленные на повышение уровня финансовой устойчивости территориальных бюджетных систем (табл. 8).

В условиях нарастающей глобализации особое внимание следует уделить такому инструменту повышения уровня финансовой устойчивости бюджетов, как использование региональных резервных фондов [8].

По своей сути указанные фонды должны служить инструментом финансово-экономической политики региона, способствовать обеспечению её сбалансированности, сглаживания неблагоприятных колебаний в бюджетных доходах, сохраняя и перераспределяя их по времени, т.е. поддерживать уровень финансовой устойчивости бюджета в приемлемом диапазоне.

Функционирование резервных фондов отдельных административно-территориальных единиц федераций распространено в мировой практике. Наиболее известными и открытыми примерами таких фондов являются Постоянный резервный фонд Аляски (США), Постоянный доверительный фонд полезных ископае-

мых Вайоминга (США), Трастовый фонд наследственных сбережений Альберты (Канада) [8].

Однако до сих пор данный инструмент не используется регионами РФ в полную силу. Причиной этого является недостаточность доходных возможностей по финансированию расходных обязательств, что выражается в дефицитности территориальных бюджетных систем, которая, даже с учётом полученных безвозмездных поступлений из федерального центра, достигала в кризисные и посткризисные годы 23% (в Вологодской области в 2009 году) по отношению к собственным доходам.

Как свидетельствуют данные статистики, в 2012 году резервные фонды были созданы в 56 субъектах Российской Федерации. При этом, в соответствии с Приказом Министерства финансов РФ «О порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами», одним из показателей, характеризующих качество исполнения бюджетов, является «удельный вес резервного фонда субъекта РФ в объёме расходов бюджета субъекта РФ» [10].

Судя по данным анализа, этот показатель ни в одном из субъектов РФ за 2006–2012 гг. не превысил отметку 0,07%.

Более того, в Ленинградской и Мурманской областях произошло уменьшение удельного веса зарезервированных средств в общем объёме бюджетных расходов, что свидетельствует о снижении роли регио-

нальных резервных фондов в обеспечении сбалансированности и устойчивости территориальных бюджетных систем.

Проведенный анализ позволил определить следующие основные пути обеспечения сбалансированности, повышения устойчивости бюджетов и сокращения дифференциации субъектов Российской Федерации по бюджетной обеспеченности:

1) модернизация модели бюджетного федерализма в направлении, обеспечивающем рост собственных доходов региональных бюджетов на основе активизации налоговых и неналоговых источников;

2) укрепление и развитие налогового потенциала, основанного на устойчивом росте созданного в регионе ВРП;

3) повышение эффективности и уровня планирования бюджетных расходов;

4) резервирование «сверхдоходов».

Своевременному принятию мер по управлению устойчивостью субфедеральных бюджетов будет способствовать проведение постоянного мониторинга финансового положения регионов и муниципальных образований.

Обеспечение устойчивой наполняемости централизованных фондов денежных средств позволит в конечном счёте создать условия для решения как текущих, так и долгосрочных задач государства за счёт полного ресурсного обеспечения долгосрочных программ социально-экономического развития территорий.

Литература

1. Бюджетное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 13.06.2013 «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
2. Воробьёва, Н.Н. Правовые проблемы создания и функционирования резервного фонда субъекта Российской Федерации / Н.Н. Воробьёва // Проблемы учёта и финансов. – 2011. – № 1. – С. 77-80.
3. Галухин, А.В. Бюджетная обеспеченность регионов СЗФО [Электронный ресурс] / А.В. Галухин // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 8 (8). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3166>.

4. Давыдова, Л.В. Трансформация бюджетной системы в современных условиях : монография [Текст] / Л.В. Давыдова, Т.Л. Рассолова. – Орел : Изд-во ОРАГС, 2009. – 216 с.
5. Ияшвили, В.Б. О принципах формирования бюджетной политики и бюджетных показателей / В.Б. Ияшвили, М.Е. Чичелев // Сайт контрольно-счётной палаты Москвы. – Режим доступа: http://ksp.dev.armd.ru/common/upload/news/docs/Principles_formation.pdf
6. Казаков, В.В. Зарубежный опыт регионального выравнивания / В.В. Казаков // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 3 (13). – С. 170-176.
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 года № 1662-р. – Режим доступа: <http://strategy2020.ru/>.
8. Кудрин, А. Стабилизационный фонд: зарубежный и российский опыт [Текст] / А. Кудрин // Вопросы экономики. – 2006. – № 2. – С. 28-45.
9. О порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами [Электронный ресурс]: Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 03.12.2012 года № 552 // Справочно-информационная система «КонсультантПлюс».
10. Об основных направлениях бюджетной и налоговой политики Вологодской области на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 23.09.2013 года № 957. – Режим доступа: Справочно-информационная система «КонсультантПлюс».
11. Поварова, А.И. Региональный бюджет 2013–2015: стабильность или выживание? / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 36-55.
12. Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года [Электронный ресурс] : проект Министерства финансов РФ от 22.02.2010 г. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/>
13. Пушкова, Н.Е. К вопросу об управлении государственным долгом региона / Н.Е. Пушкова // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 5 (61). – С. 53-62.
14. Ускова, Т.В. Общественные финансы регионов: приоритеты модернизации / Т.В. Ускова, А.И. Поварова, В.С. Орлова; под рук. к.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 168 с.
15. Шимширт, Н.Д. Анализ теоретических аспектов финансовой устойчивости регионов [Текст] / Н.Д. Шимширт // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 3 (15). – С. 171-178.
16. Шимширт, Н.Д. Повышение финансовой устойчивости бюджетов субъектов Федерации как стратегическая задача повышения эффективности публичных финансов / Н.Д. Шимширт // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 2 (22). – С. 147-158.
17. Яшина, Н.И. Управление расходами бюджетов административно-территориальных образований : монография / Н.И. Яшина, И.А. Гришунина. – Н. Новгород : НГТУ, 2004. – 324 с.
18. Jan Werner. The German Fiscal Federalism: in a State of Flux [Электронный доступ] / Jan Werner. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/wbi/ep/decentralization/ecalib/werner.pdf>

Galukhin A.V.

Sustainability as the basic principle of responsible budgetary policy

Anton Viktorovich Galukhin – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, antongalukhin@yandex.ru)

Abstract. The author touches upon rather critical issues of management of the regional budget system sustainability. The prospect to studying this issue is confirmed at the highest level – by the RF President. The article indicates that the main components of the budgets financial sustainability concept are the following: the territory's self-sufficiency (independence), its solvency, income and expenditure balance.

The swot analysis of the public finances state in the Northwestern Federal District regions has revealed lowering independence of the territories, debt burden deterioration in the post-crisis period and the unsolved problem of income and expenses imbalance. The study shows the territories' capacity constraints to find additional financial resources, although the anti-crisis instruments of the budget process (regional reserve funds) are not used in full measure. The analysis has resulted in the development of directions to stimulate the regional budget system sustainability, such as the modernization model of fiscal federalism, strengthening and development of tax potential, improving the budget expenditures efficiency and encouraging the use of regional reserve funds potential. According to the author, the timeliness of these measures is to be achieved through continuous financial situation monitoring in the RF subjects.

Key words: Public finance, consolidated budget of the region, balance, financial sustainability, directions and methods to enhance the budgets' financial sustainability.

References:

1. Byudzhnetnoe Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu ot 13.06.2013 "O byudzhnetnoi politike v 2014–2016 godakh" [The RF President Budget Address to the Federal Assembly of June 13, 2013 "On Budget Policy in 2014–2016]. Spravochnaya pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus" [Reference-Legal System "Konsultant Plus"].
2. Vorob'eva N.N. Pravovye problemy sozdaniya i funktsionirovaniya rezervnogo fonda sub"ekta Rossiiskoi Federatsii [Legal Issues of Creation and Functioning of the RF Subject Reserve Fund], Problemy ucheta i finansov [Accounting and Finance Issues], 2011, no.1, pp. 77-80.
3. Galukhin A.V. Byudzhnaya obespechennost' regionov SZFO [Fiscal Capacity in the Northwestern Federal District Regions]. Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues], 2013, no.8(8). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3166>.
4. Davydova L.V., Rassolova T.L. Transformatsiya byudzhnetnoi sistemy v sovremennykh usloviyakh: monografiya [The Budgetary System Transformation in Modern Conditions: Monograph]. Orel: Izd-vo ORAGS, 2009, 216 p.
5. Iyashvili V.B., Chichelev M.E. O printsipakh formirovaniya byudzhnetnoi politiki i byudzhetnykh pokazatelei [On Principles of Formation of Budget Policy and Fiscal Indicators]. Sait kontrol'no-schetnoi palaty Moskvy [The Website of the Chamber of Control and Accounts of Moscow]. Available at: http://ksp.dev.armd.ru/common/upload/news/docs/Principles_formation.pdf
6. Kazakov V.V. Zarubezhnyi opyt regional'nogo vyravnivaniya [Foreign Experience of Regional Alignment]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2008, no.3(13), pp. 170-176.
7. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17.11.2008 goda № 1662-r [The Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: the RF Government Decree of November 17, 2008, no.1662-r]. Available at: <http://strategy2020.ru/>.
8. Kudrin A. Stabilizatsionnyi fond: zarubezhnyi i rossiiskii opyt [Stabilization Fund: Foreign and Russian Experience]. Voprosy ekonomiki [Economic Issues], 2006, no.2, pp.28-45.
9. O poryadke osushchestvleniya monitoringa i otsenki kachestva upravleniya regional'nymi finansami: Prikaz Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii ot 03.12.2012 goda № 552 [On the Order of Monitoring and Evaluation of the Regional Finances Management Quality: Order of the RF Ministry of Finance of December 3, 2012, no.552]. Spravochnaya pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus" [Reference-Legal System "Konsultant Plus"].
10. Ob osnovnykh napravleniyakh byudzhnetnoi i nalogovoi politiki Vologodskoi oblasti na 2014 god i planovyi period 2015 i 2016 godov: Postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 23.09.2013 goda № 957 [On the Basic Directions of the Vologda Oblast Budgetary and Tax Policies for 2014 and the Planned Period of 2015–2016: the Vologda Oblast Government Decree of September 23, 2013, no.957]. Spravochnaya pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus" [Reference-Legal System "Konsultant Plus"].
11. Povarova A.I. Regional'nyi byudzhnet 2013–2015: stabil'nost' ili vyzhivanie? [Regional Budget for 2013–2015: Stability or Survival?]. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.1, pp. 36-55.

12. Programma povysheniya effektivnosti upravleniya obshchestvennymi (gosudarstvennymi i munitsipal'nymi) finansami na period do 2018 goda: proekt Ministerstva finansov RF ot 22.02.2010 g. [The Program to Increase the Efficiency of Public (State and Municipal) Finance Management for the Period up to 2018: the Draft of the RF Ministry of Finance of February 22, 2010]. Available at: <http://www.minfin.ru/>
13. Pushkova N.E. K voprosu ob upravlenii gosudarstvennym dolgom regiona [On the Issue of the Region's Public Debt Management]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Development of Territories], 2012, no.5(61), pp. 53-62.
14. Uskova T.V., Povarova A.I., Orlova V.S. Obshchestvennye finansy regionov: priority modernizatsii [Public Finance of the Regions: Modernization Priorities]. Supervised by Ph.D. in Economics T.V. Uskova. Vologda: ISERT RAN, 2010. 168 p.
15. Shimshirt N.D. Analiz teoreticheskikh aspektov finansovoi ustoichivosti regionov [The Theoretical Aspects Analysis of the Regions' Financial Stability]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2011, no.3(15), pp. 171-178.
16. Shimshirt N.D. Povyshenie finansovoi ustoichivosti byudzhetrov sub'ektov Federatsii kak strategicheskaya zadacha povysheniya effektivnosti publicnykh finansov [Improving the Financial Budgets Sustainability of the Federation's Subjects as the Strategic Task to Enhance the Public Finance Efficiency]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2013, no.2(22), pp. 147-158.
17. Yashina N.I., Grishunina I.A. Upravlenie raskhodami byudzhetrov administrativno-territorial'nykh obrazovaniy: monografiya [Management of Expenses of Administrative Units' Budgets: Monograph]. N. Novgorod: NGTU, 2004. 324 p.
18. Jan Werner. The German Fiscal Federalism: in a State of Flux. Available at: <http://www.worldbank.org/wbiep/decentralization/ecalib/werner.pdf>

Оценка развития туристской инфраструктуры региона

**Анна Владимировна
ВЕЛИЧКИНА**

аспирант, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, avelichkina@ya.ru)

Аннотация. Российская Федерация обладает высоким туристским потенциалом, однако по данным Всемирного экономического форума в рейтинге конкурентоспособности сектора путешествий и туризма в 2013 году она занимает лишь 63 место в мире. При этом главным фактором, сдерживающим развитие сферы туризма как в стране, так и в регионах, по-прежнему является неразвитая туристская инфраструктура, низкие темпы развития и совершенствования её основных элементов. В статье раскрыто понятие туристской инфраструктуры региона, определен ее состав, обобщены методические подходы к ее оценке, а также выявлены преимущества и недостатки рассматриваемых методик. Представлена авторская методика оценки развития туристской инфраструктуры региона, получившая апробацию на материалах Северо-Западного федерального округа. По результатам оценки на территории округа зафиксированы регионы со следующими уровнями развития: высоким, выше среднего, средним, ниже среднего. Результаты оценки позволили установить основные проблемы, сдерживающие развитие туристской инфраструктуры регионов, и сформулировать основные направления ее совершенствования. Представлена также матрица перспектив развития туризма в регионах СЗФО, составленная на базе методологии портфельного анализа. Таким образом, важнейшим условием развития туризма должно стать достижение оптимальных уровней инфраструктурной обеспеченности региона; а формирование туристской инфраструктуры должно входить в число приоритетных направлений региональной экономической политики в сфере туризма.

Ключевые слова: региональная туристская инфраструктура, методика, проблемы развития туризма, Северо-Западный федеральный округ.

В настоящее время в региональной экономике большое внимание уделяется вопросам развития туризма, поскольку данная отрасль является одной из высоко-

доходных и динамично развивающихся. Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) занимает выгодное положение в России с точки зрения развития туризма,

что обусловлено уникальным сочетанием природно-климатических условий и присутствием крупнейших объектов культурного наследия [9].

Въездной туристский поток в СЗФО в 2011 г. составил более 11,5 млн. посетителей. При этом лидерами по объему туристского потока на протяжении последних лет являются: Санкт-Петербург, Ленинградская и Вологодская области. На долю данных субъектов приходится около 80% всего въездного потока в СЗФО (по данным за 2011 г.). Остальные регионы существенно уступают регионам-лидерам (рис. 1). Вместе с тем следует отметить тенденцию активного развития туризма в Псковской области и Республике Коми, о чем свидетельствует рост объема их туристских услуг в последние годы (рис. 2).

В рассматриваемый период (с 2007 по 2012 г.) сфера туризма Вологодской области получила значительное развитие: растут доходы от туризма, увеличивается доля этой отрасли в ВРП региона: так, в 2012 году в консолидированный бюджет Во-

логодской области от организаций сферы туризма и сопутствующих отраслей поступило 225,5 млн. рублей (рис. 3). В период с 2007 по 2012 г. доходы от туризма в расчете на душу населения выросли на 80% и составили в 2012 г. 10 811 рублей [4]. Особо следует подчеркнуть роль туризма в экономике региона – доля отрасли в ВРП увеличилась на 1,2 процентных пункта – до 4,2%.

Развитие регионального туризма находится в тесной связи с туристской инфраструктурой, которая либо выступает фактором, сдерживающим развитие отрасли, либо определяет положительную динамику развития туристско-рекреационной сферы. Вместе с тем для большинства регионов СЗФО инфраструктурные проблемы служат основной причиной снижения конкурентных преимуществ территории на рынке туристических услуг.

В этой связи становится актуальным поиск подхода к комплексной оценке туристской инфраструктуры региона и разработке направлений ее развития и совершенствования.

Рисунок 1. Туристский поток в регионах Северо-Западного федерального округа в 2011 г.

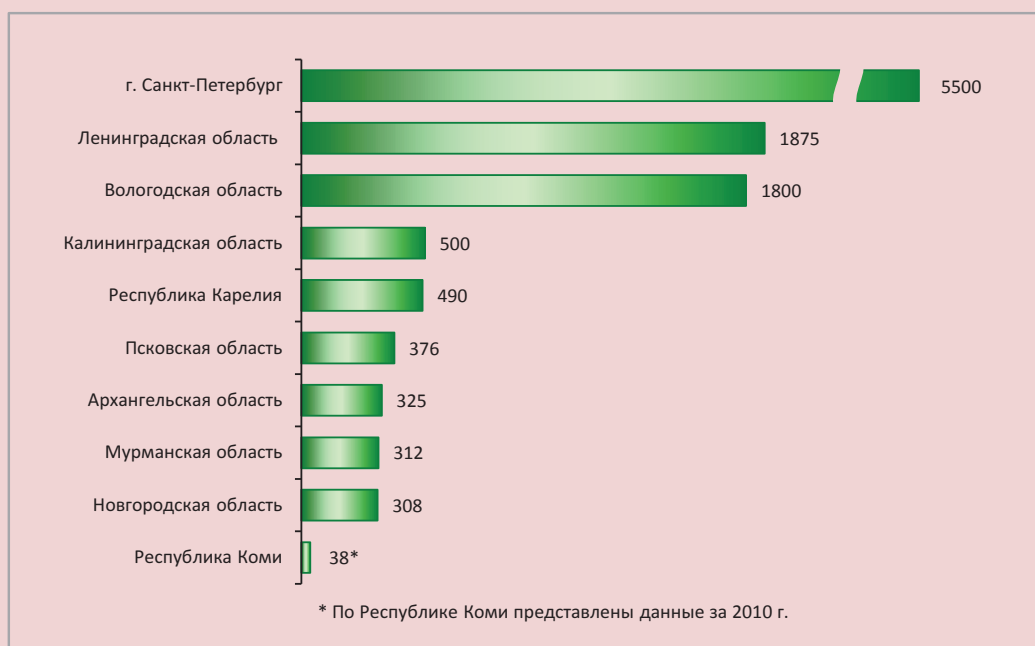

Рисунок 2. Объем туристских услуг населению в 2011 г.

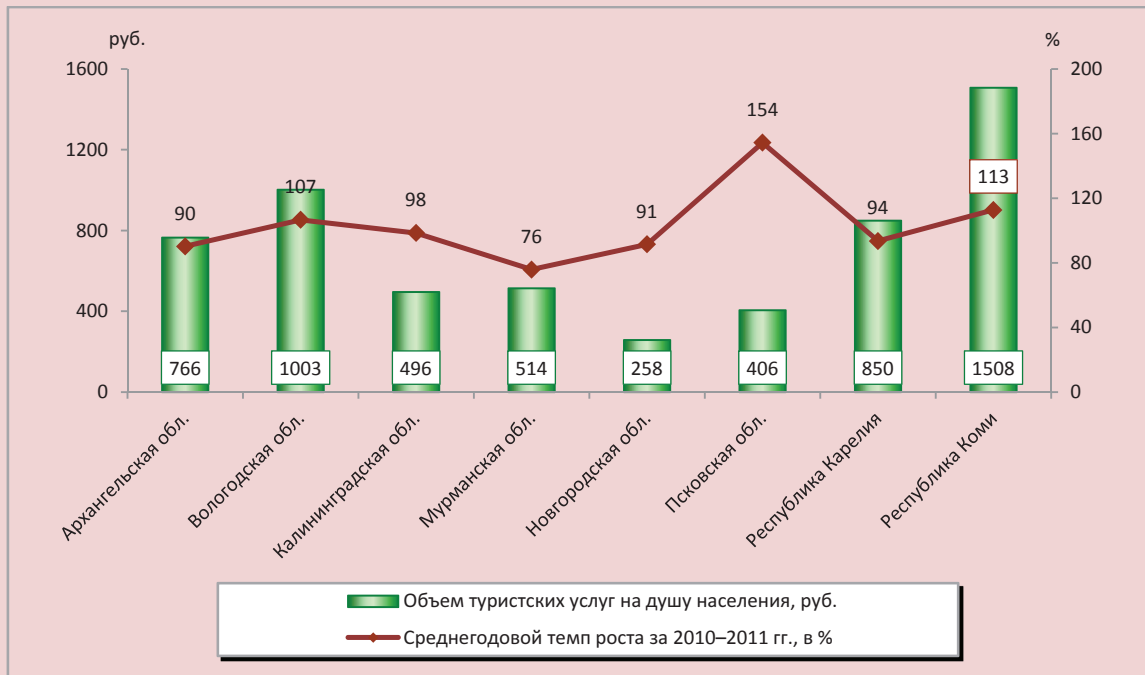
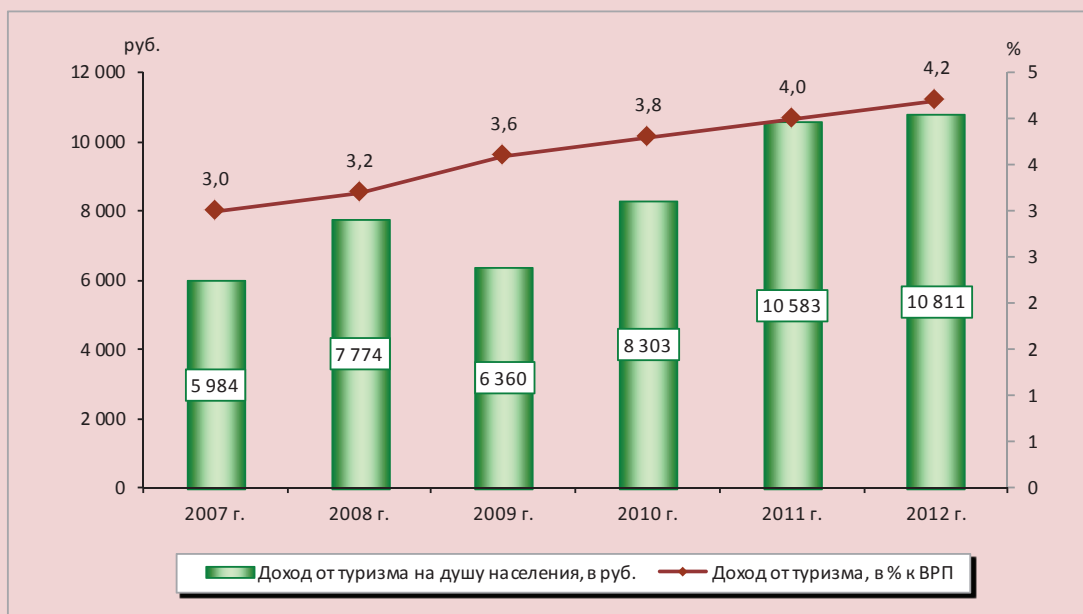

Рисунок 3. Совокупный доход от туризма в Вологодской области в 2007–2012 гг., тыс. чел.

Для более детального изучения региональной туристской инфраструктуры возникает необходимость уточнения ее определения, структуры и выявления основных проблем, сдерживающих ее развитие.

Понятие туристской инфраструктуры не является новым, но следует отметить, что в научной литературе нет единого толкования этого термина. Неоднозначность и размытость содержательного смысла

понятия «инфраструктура туризма» объясняется необоснованностью четких признаков отнесения к ней отдельных видов хозяйственной деятельности, а также неопределенностью круга объектов туристской инфраструктуры.

Следует согласиться с мнением Д.Ф. Васелиха, который под региональной инфраструктурой туризма понимает «совокупность материальных объектов, являющихся носителями различных материальных и нематериальных свойств, которые обеспечивают максимально возможную количественную и качественную реализацию целей туристов при определенных пространственно-временных параметрах (в конкретном месте и в конкретное время)» [3].

Результаты теоретико-методологического анализа позволяют определить состав региональной инфраструктуры туризма: это совокупность предприятий, создающих условия для удовлетворения

потребностей туризма, – производственная инфраструктура, и предприятий, непосредственно удовлетворяющих различные потребности туристов, – инфраструктура сферы услуг (рис. 4). Поэтому комплексная оценка развития туристской инфраструктуры должна базироваться на всестороннем, последовательном анализе входящих в нее элементов [4].

В научной литературе известны авторские методики, применяемые специалистами непосредственно для оценки туристской инфраструктуры (например, методики В.С. Боголюбова, И.Г. Лимониной, О.Б. Евреинова, А.В. Кучумова и др.). Условно эти методики можно разделить на два подхода.

Согласно первому подходу (И.Г. Лимонина, А.В. Кучумов) развитие региональной туристской инфраструктуры оценивается через совокупность ее элементов. Данные методики позволяют выделить наиболее «слабые места» в развитии туристской инфраструктуры в территори-

Рисунок 4. Элементы региональной инфраструктуры туризма

альном разрезе, а также дают возможность провести комплексное экономико-географическое исследование развития туристской инфраструктуры в целом, не снижая значимости отдельных ее элементов. Однако данные методики не лишены ряда недостатков, поскольку не вполне четко определяют значимость системы показателей внутри каждой группы инфраструктурных элементов, позволяющих более полно охарактеризовать фактическое состояние инфраструктуры туризма. В то же время в некоторых из методик отмечается ее неполный компонентный состав.

Представители второго подхода (В.С. Боголюбов, О.Б. Евреинов) оценивают региональную туристскую инфраструктуру посредством анализа ее объектов. Предлагаемая модель весьма полезна как для годового и оперативного планирования на предприятиях инфраструктуры туризма, так и для стратегического бизнес-планирования. Однако недостатками таких методик является то, что действующая система статистических показателей не позволяет апробировать их на региональном уровне.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что наиболее полной и объективной будет та методика оценки туристской инфраструктуры, которая опирается на существующий инструментарий и учитывает показатели официальной статистики. Кроме того, эту методику можно дополнить анализом качественных показателей развития туристской инфраструктуры, полученных с помощью экспертных оценок и на основе результатов опроса, проведенного как среди туристов, так и предприятий туротрасли.

В основе методики лежит определение индекса туристской инфраструктуры региона, количественно характеризующего уровень ее развития и представляющего собой среднее арифметическое индексов

десяти входящих в него блоков показателей (рис. 5). Эти блоки отражают состояние структурных элементов туристской инфраструктуры региона.

Как видно из рисунка 6, на первом этапе расчета индекса туристской инфраструктуры региона различные показатели представляются в виде нормализованных данных при помощи соотнесения фактических значений с наилучшими в выборке. На втором этапе индексы отдельных блоков рассчитываются как среднее арифметическое величин нормализованных показателей. На третьем, заключительном, этапе проводится расчет интегрального индекса туристской инфраструктуры.

Апробация методики на материалах субъектов СЗФО позволила выделить группы территорий по уровню развития в них туристской инфраструктуры (рис. 7).

Границы интервалов групп формировались в зависимости от среднего значения индекса туристской инфраструктуры по СЗФО (табл. 1). Согласно расчетам среднее значение индекса туристской инфраструктуры в 2011 г. составило 488, максимальное – 1000 (см. рис. 7).

Результаты исследования позволили распределить регионы СЗФО по уровню развития в них инфраструктуры туризма в 2011 г. (рис. 8).

Высокий уровень развития инфраструктуры туризма зафиксирован в г. Санкт-Петербурге, занимающем лидирующее положение по большинству составляющих индекса, за исключением объектов экологической очистки и блока безопасности.

В Мурманской области уровень инфраструктурного развития *выше среднего*, что объясняется ростом значений показателей коммунальной инфраструктуры, объектов экологической очистки, информационно-коммуникационной инфраструктуры, предприятий общественного питания, торговли.

Рисунок 5. Схема оценки уровня развития туристской инфраструктуры региона

Рисунок 6. Методический инструментарий расчета индекса туристской инфраструктуры

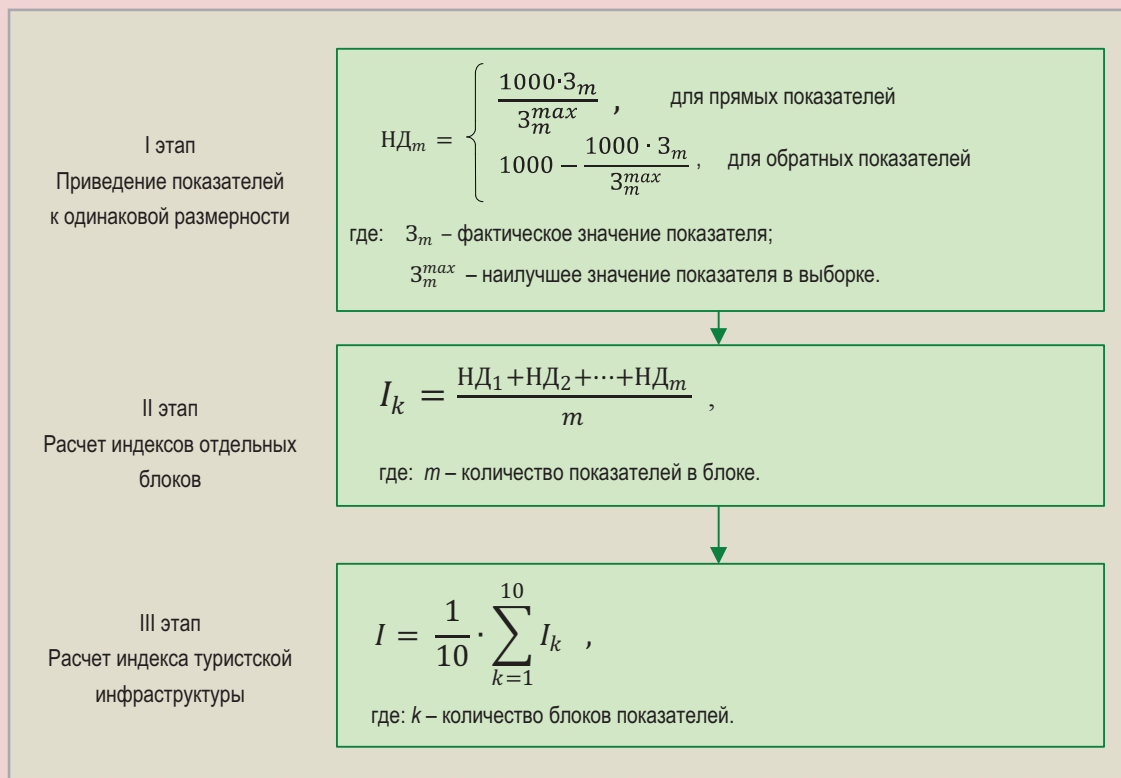

Рисунок 7. Распределения регионов СЗФО по индексу туристской инфраструктуры в 2011 г.

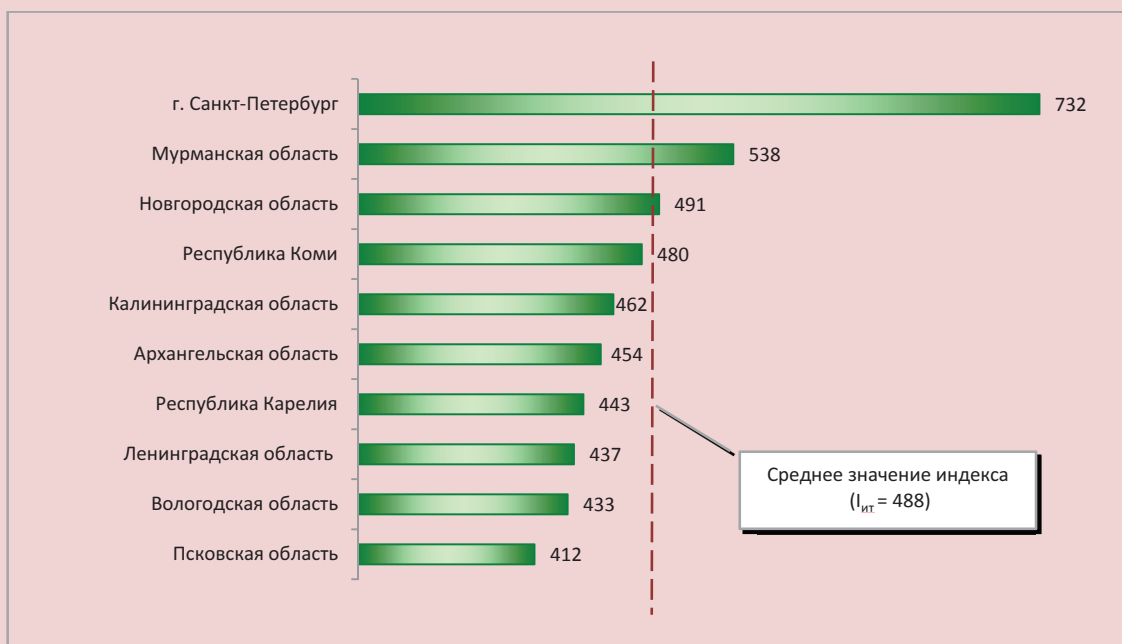

Таблица 1. Интерпретация пороговых значений интегральной оценки уровня развития туристской инфраструктуры

№ группы	Границы интервала		Уровень туристского потенциала
	Нижняя граница	Верхняя граница	
1	$\bar{I} - \frac{I_{max}}{2N} - \frac{4 I_{max}}{N}$	$\bar{I} - \frac{I_{max}}{2N} - \frac{3 I_{max}}{N}$	Очень низкий
2	$\bar{I} - \frac{I_{max}}{2N} - \frac{3 I_{max}}{N}$	$\bar{I} - \frac{I_{max}}{2N} - \frac{2 I_{max}}{N}$	Низкий
3	$\bar{I} - \frac{I_{max}}{2N} - \frac{2 I_{max}}{N}$	$\bar{I} - \frac{I_{max}}{2N}$	Ниже среднего
4	$\bar{I} - \frac{I_{max}}{2N}$	$\bar{I} + \frac{I_{max}}{2N}$	Средний
5	$\bar{I} + \frac{I_{max}}{2N}$	$\bar{I} + \frac{I_{max}}{2N} + \frac{I_{max}}{N}$	Выше среднего
6	$\bar{I} + \frac{I_{max}}{2N} + \frac{I_{max}}{N}$	$\bar{I} + \frac{I_{max}}{2N} + \frac{2 I_{max}}{N}$	Высокий
7	$\bar{I} + \frac{I_{max}}{2N} + \frac{2 I_{max}}{N}$	$\bar{I} + \frac{I_{max}}{2N} + \frac{3 I_{max}}{N}$	Очень высокий

Примечание: I_{max} – максимальное значение индекса туристской инфраструктуры, равное 1000; \bar{I} – среднее значение индекса туристской инфраструктуры; N – число групп по уровню туристской инфраструктуры.

Рисунок 8. Распределение регионов СЗФО по уровню развития туристской инфраструктуры в 2011 г.

Средний уровень развития туристской инфраструктуры выявлен в Новгородской, Калининградской, Архангельской областях, а также в республиках Коми и Карелия. Значение индекса туристской инфраструктуры в этих регионах варьируется от 443 до 491.

Уровень туристской инфраструктуры *ниже среднего* отмечается в Ленинградской, Вологодской и Псковской областях, что обусловлено низкими показателями по многим составляющим индекса.

Актуальным является определение перспектив развития сферы туризма, что возможно осуществить через соотнесение уровней туристско-рекреационной конкурентоспособности и развития туристской инфраструктуры региона. Для этого целесообразно использовать матрицу, построенную на базе методологии портфельного анализа (табл. 2).

Ведущим регионом СЗФО с точки зрения перспектив развития туризма является город Санкт-Петербург, который характеризуется высоким уровнем туристско-рекреационной конкурентоспособности и развития туристской инфраструктуры.

Весьма перспективными можно назвать Мурманскую, Калининградскую, Вологодскую области и Республику Карелия. Реализовать перспективы развития туризма в Мурманской области позволит проведение комплекса мероприятий, направленных на рост ее туристско-рекреационной конкурентоспособности. В Калининградской, Вологодской областях и Республике Карелия, обладающих достаточно высоким среди регионов СЗФО уровнем конкурентоспособности туризма, важно уделить большее внимание совершенствованию туристской инфраструктуры.

Достижение высоких показателей в Ленинградской, Новгородской, Псковской, Архангельской областях и Республике Коми возможно при значительных инвестициях в инфраструктурные проекты и долгосрочном стимулировании повышения туристско-рекреационной конкурентоспособности.

Таким образом, матрица позволяет выявить взаимосвязь между туристской инфраструктурой и развитием туризма, выделить регионы, которым в первую очередь следует обратить внимание на развитие туристской инфраструктуры.

Таблица 2. Матрица перспектив развития сферы туризма регионов СЗФО

		Уровень развития туристской инфраструктуры			
		<i>Высокий</i>	<i>Выше среднего</i>	<i>Средний</i>	<i>Ниже среднего</i>
Уровень туристско-рекреационной конкурентоспособности региона	<i>Высокий</i>	г. Санкт-Петербург	–	–	–
	<i>Выше среднего</i>	–	–	Калининградская область	Вологодская область, Республика Карелия
	<i>Средний</i>	–	–	Новгородская область	Ленинградская область
	<i>Ниже среднего</i>	–	Мурманская область	Архангельская область	–
	<i>Низкий</i>	–	–	Республика Коми	Псковская область

Проблемы, сдерживающие развитие в регионах инфраструктуры туризма, можно классифицировать следующим образом: инфраструктурные проблемы, связанные прежде всего с состоянием материально-технической базы, и административно-правовые проблемы.

К инфраструктурным проблемам следует отнести:

- недостаточное развитие объектов производственной инфраструктуры, в том числе из-за высоких издержек на строительство объектов инженерной инфраструктуры для создаваемых туристско-рекреационных комплексов (сети энерго-снабжения, водоснабжения, транспортной сети, очистных сооружений);

- моральный и физический износ материально-технической базы объектов инфраструктуры сферы услуг;

- старение и износ основных фондов туристской инфраструктуры;

- неравномерность в развитии туристской инфраструктуры районов и крупных городов области;

- недостаточность необходимой сервисной инфраструктуры на рекреационных территориях;

- слабую информационную оснащенность территорий (отсутствие на многих территориях громкоговорящей связи, информационных стендов и указателей, в том числе и на иностранных языках) и др.

Административно-правовые проблемы представлены тремя группами:

- 1) проблемы нормативно-правового обеспечения туристско-рекреационной индустрии (в частности туристской инфраструктуры);

- 2) низкая инвестиционная активность в индустрии, отсутствие эффективных механизмов государственного стимулирования инвестиций в ее развитие;

- 3) недостаток высококвалифицированных профессиональных кадров.

Таким образом, данная классификация проблем, сдерживающих развитие туристской инфраструктуры, позволяет выделить два основных направления комплексного развития и совершенствования туристской инфраструктуры регионов:

- совершенствование материально-технической базы;

- развитие системы административно-правового регулирования.

Решение выявленных проблем в рамках данных направлений позволит совершенствовать туристскую инфраструктуру регионов, успешно развивая региональный туризм. Эти меры будут способствовать увеличению туристского потока в регионы и, как следствие, обеспечат рост поступлений в бюджет, развитие смежных отраслей экономики и повышение занятости населения.

Литература

1. Барабанов, А.С. Оценка конкурентоспособности региона / А.С. Барабанов // Проблемы теории и практики управления. – М., 2011. – № 3. – С.69-81.
2. Боголюбова, С.А. Факторы неэффективного развития региональной инфраструктуры туризма [Электронный ресурс] / С.А. Боголюбова, Д.Ф. Василиха // Современные проблемы науки и образования : электрон. журнал. – Режим доступа : <http://www.science-education.ru/100-4960>.
3. Василиха, Д.Ф. Стратегическое управление развитием региональной инфраструктуры туризма [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Д.Ф. Василиха. – СПб, 2012. – 19 с.
4. Величина, А.В. Проблемы развития туристской инфраструктуры региона (на примере Вологодской области) / А.В. Величина // Проблемы развития территории. – 2013. – № 66. – С. 40-48.
5. Исмаев, Д.К. Организация въездного туризма в РФ [Текст] : учеб. пособие / Д.К. Исмаев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Книгодел, 2009. – 152 с.

6. О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»: Постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 34. – Ст. 4966. – 22 авг.
7. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента дорожного хозяйства и транспорта Вологодской области за 2012 г. // Официальный портал Вологодской области. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/ru/government/executive_power/index.php?id_16=100&from_17=1.
8. Селякова, С.А. Состояние и перспективы развития туристской индустрии в Вологодской области [Текст] / С.А. Селякова, Л.В. Дубиничева, К.В. Марков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 1. – С. 80-88.
9. Стратегия развития туризма в Вологодской области [Текст] / В.А. Ильин, Ю.Н. Плеханов, Т.В. Ускова, С.А. Селякова, Л.В. Дубиничева, К.В. Марков, Е.Н. Богачева. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. – 187 с.
10. Татаркин, А. И. Оценка инвестиционных потребностей социально-экономического развития региона [Текст] / А. И. Татаркин, М. Р. Биматов // Журнал экономической теории. – 2010. – № 2. – С. 29-33.
11. Ускова, Т.В. Социально-экономический ресурс туризма [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Л.В. Дубиничева, В.С. Орлова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 182 с.

Velichkina A.V.

The assessment of the regional tourism infrastructure development

Anna Vladimirovna Velichkina – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, common@vscc.ac.ru)

Abstract. The Russian Federation has a high potential for tourism, but, according to the World Economic Forum, it ranks only 63rd in the world in the rating of travel and tourism sector competitiveness in 2013. The obstacle to tourism development in the country and its regions is still an underdeveloped tourist infrastructure, the slow pace of development and improvement of its basic elements. The article discloses the tourist infrastructure concept in the region, defines its structure, summarizes methodological approaches to its assessment and reveals the advantages and disadvantages of the considered methods. It presents the author's method to estimate the regional tourism infrastructure development that has been approbated by the data of the Northwestern Federal District. The research has resulted in the regions' differentiation by the following development levels: high, above average, average, below average. The evaluation results have helped to indicate the key problems, hindering the regional tourist infrastructure development, and to formulate the basic directions of its improvement. The author presents the matrix of tourism development prospects in the Northwestern Federal District regions, based on the portfolio analysis method. Thus, the most important condition for the tourism development is to achieve optimal levels of infrastructure provision in the region; and the regional economic policy in the sphere of tourism should focus on tourist infrastructure development.

Key words: Regional tourist infrastructure, method, tourism development issues, Northwestern Federal District.

References

1. Barabanov A.S. Otsenka konkurentosposobnosti regiona [Assessment of the Region's Competitiveness]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Issues of Theory and Practice of Management], Moscow, 2011, no.3, pp. 69-81.
2. Bogolyubova S.A., Vasilikha D.F. Faktory neeffektivnogo razvitiya regional'noi infrastruktury turizma [The Factors of Inefficient Development of Regional Tourism Infrastructure]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. Available at: <http://www.science-education.ru/100-4960>.

3. Vasilikha D.F. *Strategicheskoe upravlenie razvitiem regional'noi infrastruktury turizma: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Strategic Management of the Regional Tourist Infrastructure: Ph.D. in Economics Dissertation Abstract]. Saint Petersburg, 2012. 19 p.
4. Velichkina A.V. Problemy razvitiya turistskoi infrastruktury regiona (na primere Vologodskoi oblasti) [Problems of Development of the Region's Tourism Infrastructure (Case Study of the Vologda Oblast)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no.66, pp. 40-48.
5. Ismaev D.K. *Organizatsiya v"ezdnoogo turizma v RF: ucheb. posobie* [Internal Tourism in Russia: Textbook]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Knigodel, 2009. 152 p.
6. O federal'noi tselevoi programme "Razvitie vnutrennego i v"ezdnoogo turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011–2018 gody)": Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 2 avgusta 2011 g. № 644 [On the Federal Target Program "Development of Domestic and Inbound Tourism in the Russian Federation (2011–2018): the RF Government Decree of August 2, 2011, no.644]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2011, no.34, p. 4966.
7. Publichnyi doklad o rezul'tatakh deyatel'nosti Departamenta dorozhnogo khozyaistva i transporta Vologodskoi oblasti za 2012 g. [The 2012 Public Report on the Results of the Road-Building and Transport Department Activity of the Vologda Oblast]. *Ofitsial'nyi portal Vologodskoi oblasti* [Official Website of the Vologda Oblast]. Available at: http://vologda-oblast.ru/ru/government/executive_power/index.php?id_16=100&from_17=1.
8. Selyakova S.A., Dubinicheva L.V., Markov K.V. Sostoyanie i perspektivy razvitiya turistskoi industrii v Vologodskoi oblasti [Status and Prospects of Tourist Industry Development in the Vologda Region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Tendencies and Forecast], 2009, no.1, pp. 80-88.
9. Ilyin V.A., Plekhanov Yu.N., Uskova T.V., Selyakova S.A., Dubinicheva L.V., Markov K.V., Bogacheva E.N. *Strategiya razvitiya turizma v Vologodskoi oblasti* [Strategy of Tourism Development in the Vologda Oblast]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2009. 187 p.
10. Tatarkin A.I., Bimatov M.R. Otsenka investitsionnykh potrebnosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Assessment of Investment Needs for the Regional Socio-Economic Development]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Journal of Economic Theory], 2010, no.2, pp. 29-33.
11. Uskova T.V., Dubinicheva L.V., Orlova V.S. *Sotsial'no-ekonomicheskii resurs turizma: monografiya* [Socio-Economic Resource of Tourism: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 182 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом — на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи — не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) — для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 — 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации — места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4×6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес:** common@vscc.ac.ru.

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« _____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 1940100000

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Пресса России»: подписной индекс **41319**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ											
	АБОНЕМЕНТ на <u>газету</u> журнал										41319	
	(индекс издания)											
	«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»											
	(наименование издания)										Количество комплектов:	
	на 20__ год по месяцам:											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда											
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
(фамилия, инициалы) Тел.												
Доставочная карточка												
ПВ		место литер		на <u>газету</u> журнал		41319						
(индекс издания)												
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»												
(наименование издания)												
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов				
		пере-адресовки		руб.		коп.						
на 20__ год по месяцам:												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
	Г.С. Селякова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 29.04.2014.
Дата выхода в свет 30.04.2014.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,1. Тираж 500 экз. Заказ № 135.
Цена свободная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-49490 от 20 апреля 2012 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес издателя и редакции:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а,
телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02, e-mail: common@vscc.ac.ru